

Поэль Карп

ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ ОТЕЧЕСТВА

Книга 5

ИТОГ

Петербург
2019

Содержание

I

Буковского в президенты	5
К полемике Боннер и Литвинова, 29.08.10	6
Путин и правовое государство, 31.08.	6
Не коррупция, а строй, 13.09	7
Самоуправление метрополии, 16. 09 .	10
Варшавский договор нерушим, 17.09	12
Плоды безотчетности, 27.09	13
Вот и дожали, 28.09	14
Залог современного безвременья, 03.10	15
Кажинный раз, 05.10	17
Единство или выборы, 11.10	18
Черное и белое не называть, 21.10	20
Обновление или осовременивание, 02.11	21
Логика протеста, 02.11	23
Полезно ли беззаконие? 13.11	25
Отчего надежды не сбываются, 22.11	26
Итоги десятилетия, 09.12	28
Преступная вера, 07.12	28
Что потеряла Россия в Чечне, 10.12	30
Без чувства реальности, 13.12	31
Обнажение позиций, 21.12	33
Кто должен сидеть в тюрьме, 28.12	36
Добровольная Россия, 05.01.11	36
Страдание и социальный смысл, 20.01	39
В свете Лимонова, 26.01	42
Террор – это страх, 08.02	46
Увеличить разрыв с Западом, 14.02	49
В отсутствие оппозиции, 26.02	49
Куда ж нам плыть? 15.03	53
Дело куда хуже, 18.03	56
Обвиняемый Горбачев, 02.04	57
Разные люди единого склада, 14.04	59
Ответ большевику, 17.04	62
Иное все же дано, 26.04	65
Дело да суд, 04.05	67
Забытая миром резня, 18.05	71
Недолго музыка играла, 23.05	74
Вопрос есть, 10.06	75
Случай с Любимовым, 02.07	77
Осознать поражение 23.08	78
Выборов нет, но выбор есть 16.09	81

Горе от ума 17.09	84
Кто виноват 19.09	85
Смысл возврата 27.09	86
Изменить нельзя, но выразить чувство можно 18.10	87
Такие разные национализмы 4.11	88
Другая история 20.11	90
Индивидуальные протесты миллионов 1.12	91
Декорация упала 6.12	93
Разлад в тоталитаристах 30.1.12	93
Одинаковое право разных 3.2	96
Камень преткновения 6.2	96
Против всех! 22.2	97
Уважайте чувства неверующих 9.4	99
Сколько народов в нации и в народе наций? 16.4	101
Терпимости нужна взаимность 26.4	102
Не только снизу 8.5	105
Революцию не выбирают 12.6	107
Сила традиции 9.7	108

Статьи этого раздела публиковались на интернет-портале Grani.ru

II

Россия и капитализм	110
Большевизм без конца	115
Россия «Единая» и реальная 5.8.11	121
После визита 3.10.11	124
За чем дело стало? 2.11.11	127
Путин о национальном 24.1.12	131
Почему народ безмолвствует 2.2.12	135
Шедевр избирательной кампании 3.3.12	138
До выплеска стихии	138
Пролить слезу	141
Смысл текста	143
Несвобода – это лишение свободы, 26.5.12	144
Маска сброшена	150
Эхо Москвы	151
Революцию не выбирают, 10.6.12	151
Кодекс веры, 27.6.12	152
Долой самодержавие! Опять и опять! 30.6.12	153
Слева направо, 9.7.12	160
Государство против отечества, 23.7.12	172
Клеветники запрещают клеветать, 3.8.12	181
Похороны светского государства, 20.8.12	183
Где нельзя сбивать кресты? 28.8.12	186
За кого болеете? 1.9.12	186
Вместо пророчеств, 18.9.12	186
Чьи мотивы важнее понять? 29.9.12	201
Строй остается советским, 7.2.13	203
Кто виноват? 6.3.13	215
Парадокс русской революции, 22.3.13	216
Натура и модель. 26.4.13	227

Есть ли выбор? 7.9.13	229
По новой (Империя и национальное государство)24.9 13.	230
Культура времени. 8.12.13	236
Возвращение империи. 31.1.14	243
Почему и зачем? 11.3.14	246
Поступь Советского Союза. 10.4.14	251
Без взаимности. 2.5.14	258
Иллюзии и разум Джорджа Кеннана. 4.6.14	260
Имена и значения. 10.6.14	265
Не Путин единый. 23.7.14	266
Упущенное спасение. 24.9.14	268
Старая ошибка. 2.10.14	274
Возможность выхода. 17.2.15	276
Страна победившего терроризма. 1.3.15	285

III

Незнаменитая война . 7.3.15 FB	286
Новосибирское дело 10.3.15 FB	287
Без существенных перемен 14.3.15 FB	287
Спасение от фальсификаций 23.3.15 FB	288
Хуже не будет (5 марта мы с матерью поссорились) 27.3.15 FB	289
Переворот 3.4.15 FB	290
Путин требует не уравнивать сталинизм и нацизм 18.4.15 FB	290
Два из четырех законов 26.4.15 FB	291
Вечером этого дня 8.5.15 FB	292
Казалось, британские выборы 10.5.15 FB	293
В дни юбилея Бродского 27.5.15 FB	294
Отчего так? 15.7.15	295
Казалось, смешной приговор 12.9.15 FB	301
Миграция в Европу 18.9.15 FB	302
Мы гадали, приведет ли к сделке встреча 6.10.15 FB	303
Путин сказал, что ленинградская улица 25.10.15 FB	303
Путин комментировал Пастернака 25.1.16 FB	304
Международное недоумение 18.4.16	305
Владимир Буковский 22.4.16 FB	307
Выход из Евросоюза 24.6.16 FB	308
М.Б.Ходорковский объявил... 27.8.16 FB	309
Обозреватель ВВС Джонатан Маркус 11.4.2018 FB	310
Лишь несколько тысячелетий назад 14.6.18 FB	311
Смысл пенсионного возраста 8.8.2018 FB	315
Страна и власть 22 сентября 2018. FB	316
Что же это было?	320
Ход времени 2.4.2019	325

I

Буковского в президенты

Судить о шансах Буковского на избрание президентом РФ сложнее, чем кажется. Мало шансов даже на то, что выборы и без Буковского будут свободными, с равным доступом кандидатов на телеэкран. С другой стороны, на этот пост никогда не баллотировались люди, сопоставимые с Сахаровым, прежним Солженицыным, не принимавшим из рук ГБ официальных наград, или Сергеем Ковалевым. Буковский стал бы первым, и нельзя исключать, что избиратели, не ходящие на выборы, - их уже чуть не половина, - тут бы пошли и за него проголосовали. Будь шансы на это столь ничтожны, как уверяют Белковский или Орешкин, господин Чуров не стал бы вопреки Конституции отказывать даже в регистрации, марая этим имидж нашей Родины и суверенной демократии, а демонстрировал бы, что Луговой собрал больше голосов. Но, возможно, дело в другом. Ссылаясь на то, что Буковский не жил последние десять лет в России, господин Чуров забыл, что не жил не потому, что эмигрировал или поехал работать, как нынче многие. Российский гражданин, даже, как Ленин, живя в Цюрихе, вправе претендовать на свободных выборах на руководство страной. Но с Буковским еще ясней: он ведь, вообще, не уезжал, его в 1976 силой вывезли, а что стряслось со страной пятнадцать лет спустя, в 1991, - вопрос другой. Во всяком случае, архивы КГБ, к которым он получил было при Бакатине доступ, вскоре опять закрылись. Кандидатура Буковского как раз и предлагает российскому избирателю подумать, мириться ли с тогда же начатым возрождением в иной форме советского образа жизни, или все-таки добиваться реальных перемен, отвергнутых номенклатурой, удержавшей власть. Буковский тем и знаменит, что, в отличие от Чурова, боролся за перемены и, в частности, за то, чтобы главу государства не назначало Политбюро, а свободно избирали на общенародных выборах. За это его сажали в психушки, за это выбросили из страны. В годы войны, при подсчете стажа военнослужащих, месяц на фронте шел за три месяца обычной службы. Так бы считать борцам за свободу годы в психушках, в лагерях, в изгнании. У Буковского 12 лет тюрем и психушек и уже до 1991 - 15 лет изгнания. Но эти годы считают, как видим, иначе, - их вычитают из жизни в России. Или так вышло оттого, что господин Чуров честней других начальников, твердящих, что Россия стала демократией, как положено члену восьмерки? Буковский для него не герой, а нежелательный элемент, по давнему стишку - хулиган, даром что приравненный к Луису Корвалану, одному из вождей чилийской революции. Боюсь, господин Чуров искренне так думает, а не просто манипулирует выборами. Но искренность полезна, даже если признания не радуют, и выясняется, что российскими выборами руководит стойкий советский начальник, то есть, что страна все та же, другой нет. Только стоит ли тогда ходить на выборы?

К полемике Боннэр и Литвинова

29.08.2010

Выражая разное отношение к постройке исламского центра с мечетью в двух кварталах от разрушенных башен, [Елена Боннэр](#) и [Павел Литвинов](#) одинаково проглядели суть дела, вызывающую спор. Тоталитарные движения XX века именовались где фашистскими, где коммунистическими, где национал-социалистическим. Важны не названия, а претензия подчинить государству и своей партии все в стране и весь мир. 11 сентября Муххамед Атта выразил такую претензию именем ислама, и всплыл исламский фашизм.

Ему отнюдь не симпатизирует большая часть мусульман. Так было везде. Не все русские, латыши или евреи были в России коммунистами, не все итальянцы – фашистами, не все немцы – национал-социалистами. Но в других странах их нередко подозревали в сочувствии агрессивным землякам и единоверцам. Нынче на подозрении мусульмане. Но покамест никто из проектирующих мечеть не замечен в поклонении Муххамеду Атте, а считать всех ее будущих посетителей убийцами оснований тоже нет. Я верю, что инициаторы строительства хотят мира. Но они так агрессивно, так упорно настаивают на строительстве мечети именно в двух кварталах от разрушенных башен, а не в десяти, что их агрессивное миролюбие напоминает советскую борьбу за мир, внушавшую, что «мир раскололся на два лагеря - лагерь мира и демократии и лагерь поджигателей войны».

Люди неповинные в преступлениях своей страны, возможно, даже своих близких, ищут примирения иначе. Их другое поведение побуждает сознавать, что немец и нацист – не синонимы. Уж, казалось бы, вину в Холокосте не отмыть, создать музей недостаточно. Но в Берлине он под землей, а сверху лежат каменные прямоугольники, и вы понимаете, что в центре Берлина - еврейское кладбище, не просто памятник, а напоминание себе о том, что в твоей стране твои сограждане делали.

Право на стройку бесспорно. Но мечеть запечатлеет бестактность и будет отравлять мусульманам отношения с другими, мешать примирению. Не всегда всеми правами стоит пользоваться. Пусть окрестные мусульмане решают, как им быть. Любое решение прояснит, так ли мусульмане воспринимают исламский фашизм, как немцы - немецкий.

Мы тоже не вправе, как велит Литвинов, умыть руки ради так называемой политкорректности. Наш долг - не молчать о бестактности, умножающей рознь.

Путин и правовое государство

31.08.2010

Путин объяснил, что такое правовое государство: «Это соблюдение действующего законодательства». Он уточнил: для проведения собраний, митингов и демонстраций «нужно получить разрешение местных органов власти». Если не получили – «не имеете права!» (то есть такое право дает

не Конституция раз и навсегда, а местная власть всякий раз заново.) «Вышли, не имея права, - получите по башке дубинкой».

Как человек законопослушный, я не хотел бы нарушать законные распоряжения власти. И никто не хочет. Но Конституция России в статье 18 гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». То есть закон говорит прямо противоположное тому, что говорит Путин. По закону человек и гражданин не только не должен испрашивать разрешения пользоваться своими «непосредственно действующими» правами, а напротив, его права и свободы должны определять поведение властей.

Разумеется, когда в одно место сходятся две разномыслящие толпы (особенно если одну власти сами присылают), надлежит не допустить их соприкосновения. В Нью-Йорке полиция разделила сторонников и противников строительства исламского центра, хоть никому, кажется, не дали дубинкой по башке.

Премьер-министр как глава исполнительной власти обязан не только знать статью 18, но и в своем поведении исходить из наличия у граждан прав и свобод. Иначе распоряжения власти заведомо противозаконны.

Законопослушный гражданин послушен именно закону, а власти - лишь в той мере, в какой она соблюдает закон. Нашей власти всегда было трудно это понять - она ожидает выполнения любых своих распоряжений, не только законных. Тем более что гражданам ответить нечем. Им не восстановить ни верхнюю палату, в которую субъекты федерации сами выбирали своих представителей, ни выборы губернаторов, ни четырехлетний президентский срок; им не лишить чекистов возможности предостерегать граждан от неподсудных действий. Единственное право, которым можно попробовать воспользоваться, - это право собираться. За это национальный лидер обещает и впредь бить дубинкой по башке. Если такое у него уже на языке, значит, на уме новый Новочеркасск. Но у нас в городе на Дворцовой площади стреляли еще 9 января 1905 года. Не помогло.

А правовое государство – это законопослушная власть. То есть не самодержцы и не самозванцы.

Не коррупция, а строй

13.09.2010

Едва ли не первым пороком нынешней российской жизни числят коррупцию. Ее клеймят и несистемная оппозиция, и верховоды вертикали, то и дело твердящие, что ведут с ней борьбу, бесплодие которой выглядит их личной коррумпированностью. Коррупция бывает повсюду, но ее содержание не всюду тождественно. Обычно так именуют продажность государственных должностных лиц, позволяющих за соответствующую мзду нарушить закон. Не то что в России такого нет. Бывает нередко. Но по преимуществу коррупция в России – нечто другое.

Это другое завел не Путин, не Сталин, даже не Петр Великий и не Иван Грозный. В средневековой Руси служилым назначенцам порой платили не землей и не деньгами, а правом брать дань с жителей. Дань, именовавшуюся «выход», взимала еще Орда, и назначенцы князей тоже порой звали ее «выход», но чаще «кормление». Слова «коррупция» еще не было, но поборы кормленцев бывали непомерны. Централизация страны обратила частные дани в налог, уже не Орде, а царю, и верные слуги стали кормиться из царских рук. Потом капитализм открыл путь к частному обогащению не поборами, не царскими дарами, не угнетением крепостных, а развитием производства.

Октябрь 1917-го широкошумно восстал против частного обогащения. Его упразднение волонтаристским ленинским марксизмом подпирала искренние порывы чистых душ, пленившихся этой принудительной утопией. Губанов из фильма Райзмана «Коммунист», не щадивший себя для общего блага, еще не знал, что не щадит себя для общего блага не всех земляков, но, как обнаружилось, лишь партийной номенклатуры. Строительство социализма не совмещалось с обогащением крестьян при нэпе, и, совершив великое их ограбление - коллективизацию, коммунистическая партия монопольно завладела государственным имуществом. При политической власти, взятой еще в Октябре, она стала хоть коллективным, но единоличным хозяином государства, как княжеский род на заре российской государственности.

Тысячу лет спустя, в научно-технический век, чтобы из борцов за землю крестьянам и фабрики рабочим выросли знающие свой интерес совокупные номенклатурные владельцы абсолютистского государства, понадобился великий террор. Истребляли не только крестьян, но и простодушных Губановых, и множество тех, чьи мнения не отвечали необходимости удержать власть коммунистов над народом. Коммунисты, владетельная партия со своим передовым отрядом НКВД-КГБ, вела людей к катастрофе - к поражению 1941-1942 годов, которое вряд ли бы пережили без американской помощи. А после победы за сорок лет разорили страну гонкой вооружений.

Тут номенклатуре пришлось повертеться. Она вновь раскололась, но не рискнула стрелять во вчерашних товарищей. ГКЧП и компартия Зюганова отстаивали былую государственную кормушку. А Ельцин с Чубайсом и прочими, помня недавнее разорение хозяйства, старались придать ему больше гибкости и дать номенклатуре больше индивидуальных возможностей. Быть гибкими поручили искусственно созданным «олигархам», сознававшим свою круговую зависимость от власти и послушным. Лишь Ходорковский возомнил себя впрямь капиталистом, за что и платится. А номенклатуре облегчили регламент поведения.

Реформы придали строю, именуемому постсоветским, некоторое отличие от советского. Прежде было запрещено все кроме четко разрешенного сверху. Чиновник тоже функционировал в жестких рамках указаний, вполне бесчеловечных, но не поощрявших инициативное своеволие. А ныне, наряду с «олигархом», и бюрократ обрел известную свободу. Ею он в основном и кормится, конвертируя должность в доход. Перемены 1991 года потому и не стали революцией, что не только не смели прежний правящий класс, как революции свойственно, а еще и улучшили его

положение. Для рядовых граждан оно не стало сильно лучше, но улучшить его стало легче, дав бюрократу резон к благосклонности В Америке взятку дают, чтобы закон обойти, а в России - зачастую чтобы соблюсти. Наш бюрократ следует закону при откате.

Это, конечно, поведение неправоное. Но у нас размыто различие между законом как нормативным актом и правом как нормативной системой отношений граждан друг с другом и с государственными институтами, установленной прежними законами начиная с Конституции. У нас ценят «диктатуру закона», понимая закон как декрет революционной диктатуры, обращенный к бесправным гражданам. А право начинается там, где любой закон заведомо ограничен прежними, которые издающие его неправомерно сами менять, начиная с прав граждан и норм юридического процесса. Декретная «диктатура закона» пренебрегает и тем, и другим. Граждане видят, что с ними обходятся неправильно, но понимают, что противиться себе дороже, и вынуждены уступать неправовым претензиям власти. Ее антиправовая природа ныне наглядней всего в постоянных подменах требования уведомлять требованием регистрировать, то есть практически просить разрешения на уже дозволенное Конституцией и законами.

Уверяют, что Конституция, то есть Основной закон, - это лишь литературный опус, сборник аксиом, уточняемых в частных законах и подзаконных актах, - иначе, дескать, этот основной закон недееспособен. Дают псевдопарламенту перетолковывать аксиомы и закрывают глаза на бездействие Конституционного суда, обязанного их защищать и от парламента, и от президента, и от премьера, и от мента. Особую злобу вызывают «непосредственно действующие», то есть не требующие толкования свободы и права. Для «диктатуры закона» их нет. А Конституция США, давая Конгрессу много прав, не раз указывает, на что у него права нет. Лишь в некоторых поправках оговорено, что «Конгресс имеет право исполнять настоящую статью принятием соответствующего законодательства». По преимуществу Конституция действует там непосредственно, как процессуальный кодекс жизни.

А у нас все еще нет права. Точнее, оно есть на бумаге, но на практике не признается властью, потому и нет реальной общественной жизни. Невозможно заниматься политикой, если предуказано число членов партии, распределение их по субъектам федерации и численность в каждом, если власть ждет не уведомления о создании партии или газеты, а опять же прошения о регистрации, которое может удовлетворить, а может и не удовлетворить. При избытке конституционных свобод наша власть вольна в любой миг пресечь любую.

То же и в быту. Прописку отменили, но ввели регистрацию: в паспорт, как и прежде, ставят штамп - могут поставить, могут не поставить. То же и в любой негосударственной деятельности, даже не политической, включая производство. Уведомить власть об открытии ремонтной мастерской или адвокатской конторы недостаточно. Тоже нужна регистрация. И вершащий ее чиновник может при откате зарегистрировать, а без него не зарегистрировать, помехи сыщутся, и тем чиновники кормятся. Регистрацию затем и заводят, чтобы создать почву коррупционному кормлению. Это не тайна.

При Сталине номенклатуру кормила общегосударственная кормушка. А индивидуально порой сверх прочего выдавали запечатанные конверты с деньгами. Конверты потом вроде отменили, но общий котел уцелел. Теперь приходится больше стараться самим, но и выгод больше. Ныне в стране есть две партии кормления с фракциями «бабла» и «крови» в каждой. Правит партия инициативных номенклатурных кормленцев - единоросы. А оппозицией выступают сторонники былой общеноменклатурной кормушки - коммунисты. Партиям не номенклатурным места в жизни нет: им нужна опора на рядовых граждан, а говорить с ними по телевизору, даже просто собираться, можно лишь с согласия номенклатуры.

Власть внушает, что борется с коррупцией. Но ее гипнозу поддаются лишь Обама, Саркози, Берлускони и другие господа с расчетом на Россию, дальновидным или не слишком. А и они могли бы углядеть бюрократические препоны, возведенные у нас меж законопослушным гражданином и его законными правами, толкающие его кланяться бюрократу и формирующие экономическую, социальную и политическую жизнь в угоду незаконной власти.

За коррупцию Путину и его компании достаётся. Но если даже все о них сказанное правда, они лишь плоть от плоти класса номенклатуры, миллиона подобных, кормящихся от богатств отечества. Культ личности Сталина затвердили не так хвалой при жизни, как свалив на него одного вину в бесчеловечности и лжи социализма, не смея обличить сам порядок, заведенный под знаменем утопии. Ныне крепят культ личности Путина, твердя, что зло в его личной злобе, а Медведев или Матвиенко добрей. А Путин правит в угоду классу, насильно взявшему власть над всей полнотой жизни. Насаждая утопию, номенклатура быстро сознавала реальность и свой начальственный интерес, обозначавшийся и в 1929-м, и в 1937-м, и в 1953-м, и в 1956-м, и при вводе войск в Прагу в 1968-м, и в 1985-м, и в 1991-м, и при вводе войск в Грозный в 1994-м, и в назначении Путина, и в переименовании его Медведевым.

Сила солому ломит, и нелепо сетовать, что битый народ (за битого двух небитых дают) не бунтует, пока нет надежды победить, а отчаяние еще не безысходно. Негоже тут искать любовь к диктатуре. Чтобы ее удержать, репрессировали едва ли не каждого десятого в немалой стране. Такая была любовь.

Унять кормленцев может лишь очередная катастрофа, по природе их власти - неизбежная. Но неизвестно, вызовет ли падение уровня жизни мятежи и пойдет ли эта власть на всамделишные, а не чубайсовские либеральные реформы. А нравочениями коррупцию не одолеть. Чиновники берут потому, что такую им наладили форму кормления. Прежняя, общеноменклатурная кормушка была не нравственней и не дешевле, но ее ловчей утаивали. Дело не за тем, чтобы менять одну на другую, как в 1991-м. Номенклатура, и бывшая, и названная ныне элитой, кормится властью, и доверять ей всю власть нельзя. Но тоталитарный строй не терпит социальных компромиссов. Общественный договор "отдайте свободу, дадим колбасу" не работает: не всем хватает колбасы. И номенклатура чинит насилие, воспетое университетами марксизма-

ленинизма и школами КГБ. А где не бьют дубиной по башке, нет нужды благодарить бюрократа наперед.

Самоуправление метрополии

16.09.2010

Шум вокруг Лужкова неслыханный. Телевидение и массовые издания клеймят его за все смертные грехи, вплоть до уголовных. Но издания помельче и программы поскромней тоже не плошают и публично вопрошают: куда же власти все эти двадцать лет смотрели? Нельзя не согласиться и с теми и с другими, да и с чего Юрию Михайловичу быть стерильней своих начальников и коллег? Так живем. Такая власть.

Нельзя лишь согласиться с тем, что это внутритандемная распря. Нелепо думать, что президент пошел на Лужкова не спросясь. Тем важнее понять, почему его не убрали по-тихому, как прочих местных командиров, а обличают на полную железку. Вот ведь даже Строева убрали без шума, Шаймиева убрали, а люди были не слабей! Правда, те на федеральную власть не посягали. Но и Москва под водительством Юрия Михайловича тоже голосует как надо. В чем же дело?

Конечно, мне, уехавшему в Питер уже после университета, ходившему в Москве и в детский сад, и в школу, Лужков несимпатичен. Пробираясь ныне меж декораций старого Арбата или выходя на Манежную, не говоря о множестве мест, не сразу видных иногородним, я содрогаюсь. Эта чувство во мне даже острее политической неприязни к федеральным начальникам, потому что плоды лужковщины необратимы. Очарование Москвы, пленявшей не парадной красотой, как Питер, а домашним обаянием, добил он. Но травят его не за это.

Его обличители и защитники умалчивают о том, что Москва не просто столица - она метрополия нашей империи, для которой что Самара, что Уфа, что Ханты-Мансийск все едино колонии, а доходы империи, как везде и всюду, плывут не просто в столицу, а именно в метрополию. В Москву, где живет 10% жителей России, идет 75% доходов страны, и Лужков, за двадцать лет правления вросший в город, отчасти тратит их на разные формы улучшения жизни москвичей, далеко обошедших по богатству остальную Россию, и москвичи это ценят. На тот случай, если они поддержат мэра и он упрется, Путин и не спешит открыто подпирать своего президента, не то может выйти неловко.

Прежде Путин ценил поддержку главой метрополии своей власти в империи, потому и закрывал глаза и уши от обвинений против Лужкова. Но видел, что у федеральных властей денег меньше, чем у одной Москвы, и жажда перенаправить потоки у него не прошла. Необычного в этом нет. У нас и при царях официально метрополии не было и вся власть была в одних руках. Но необычно, что отношения метрополии и имперской власти стали предметом политической борьбы. Ведется она, понятно, по-советски, но иначе не умеем, опыта политической жизни нет. И любопытно, как борьба обернется, до чего дойдет.

При всем ее уродстве и отвращении к лидеру метрополии, объективно оборона Лужкова - это публичная борьба за некоторое ограничение

вертикали, за хоть какую-то самостоятельность хоть одного куска империи, хотя бы ее метрополии, за какое-никакое разделение власти. Невозможно сказать, что Лужков сознательно идет к демократии, - он лишь отстаивает свои возможности, как градоначальник. Но если бы метрополия удержала в империи хоть некоторую автономию, объективно это был бы малый, робкий, бессознательный, но все же шаг к демократии.

Не будем обольщаться. Далеко этот шаг не заведет. Объективную тенденцию к демократии не закрепить без субъективных стремлений, мэру не свойственных. Что говорить! Скорее всего Лужкова дождут, да и возраст... Но не упустить смысл этой разборки очень даже стоит.

Варшавский договор нерушим

17.09.2010

Ахмед Закаев арестован в Варшаве по дороге в прокуратуру, куда шел, чтобы разобраться в претензиях, предъявленными ему ее представителями. Славная традиция предпочтения допроса арестанта беседе со свободным человеком и в Польше, как видим, не иссякла. Арестован по требованию Москвы, обвиняющей его во множестве преступлений. Хотя самый авторитетный советчик по чеченским делам, которому, говорят, Москва якобы доверила независимо править Чечней - Рамзан Кадыров - публично заявлял, что никаких преступлений Закаев не совершал и может спокойно ехать на родину. Да и Москва вела переговоры именно с Закаевым. Когда-то генерал Казанцев, недавно - Дукваха Абдурахманов, председатель кадыровского парламента, на совместной пресс-конференции после переговоров (кстати, и о созыве всемирного конгресса чеченцев) четко сказавший, что прибыл в Лондон, конечно, с благословения руководства России.

К руководству России новых претензий, однако, нет. Оно никогда не связывало себя теми или иными своими поступками и заявлениями. Но всегда держалось основных своих принципов в обхождении с союзниками и противниками, с другими государствами и собственными гражданами, и прежде всего требовало безоговорочной капитуляции, давая понять, что несогласных рано или поздно будут, говоря хорошим русским языком, мочить в сортире! Даже напоказ пойдя на попятный в Катынском деле, оно не предъявило полный список ни погубленных, ни конкретно виновных. Президент и правительство России ведут себя откровенно, а если кто их не понимает и живет фантомами, пусть пеняет на себя, а не болтает потом о русском коварстве.

Другое дело президент и правительство Польши. Господин Туск объяснял, что ордер на арест, выдаваемый Интерполом по требованию любого его участника, и в частности России, для Польши, как участника, обязателен. А дальше все будет по закону, как суд решит, рассмотрев российские обвинения.

Видимо, господин Туск запомнил, что Польша состоит в Европейском Союзе, и уже в двух его странах, в Дании и Великобритании, суды отклонили российские требования об экстрадиции, а ничего нового Закаев в России совершить не мог, поскольку там уже не бывал. Мало того, в Британии он официально получил убежище. Выходит, что право убежища

в одной из стран Евросоюза других его членов ни к чему не обязывает. И это после Лиссабона, обратившего Европейский Союз чуть ли не в единое государство!

Премьер Туск и президент Коморовский хотят по-соседски дружить с Россией. Дело хорошее. С Польшей соседствует ныне лишь отрезанная от России Калининградская область, но и мы дружбе с Польшей будем рады, и поляки знают, что Россия – это не только власти. Но дружба не задается там, где друзья неравноправны. Россию никто на колени не ставил, она встала сама, не сумев оттеснить номенклатуру, губившую ее хозяйство, но ее нужда встать с колен понятна, хотя вместо того чтобы встать, она лишь, крепко выражаясь где-нибудь в Мюнхене, грозит другим. Польша долго стояла на коленях перед Россией, сама выпрямилась, и даже в кризис выстояла, но согласившись с тем, что дружить с Россией можно только в прежней позе, она постепенно получит все прежнее. Лиха беда начало.

Парадокс в том, что премьер Туск и президент Коморовский выступают как либералы и демократы, но к тем, кто еще и сегодня в том положении, в котором Польша была вчера, относятся как самодовольные реакционеры. Не ухватили, что это скажется на их внутренней политике. А даже консервативный президент Качинский не забывал, что Польша не одна на свете, что в одиночку не устоять.

Запретить конгресс чеченцев господин Туск, слава богу, еще не рискнул. Но встревожился прибытием их здорового лидера, желающего мира с Россией, лишь бы та отказалась от условий безоговорочной капитуляции, что не только Чечне, но всему Северному Кавказу, уже погруженному российской политикой в военные действия, позволило бы вздохнуть и наладить нормальные отношения с северным соседом. А вдруг Закаев сорвет безоговорочную капитуляцию? Сидел бы лучше в Лондоне. А не то посидит в Варшаве, пока идет конгресс. Авось России на сей раз его еще не выдадут.

Но уже происшедшее - не частное происшествие. Польша Комаровского и Туска признала, что демократия ей нужна лишь для себя, а спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Она капитулирует на особых условиях, то есть отступает от тех, кто тоже хочет независимости и демократии, надеясь зато сохранить их для себя и сама решать свои внутренние дела. Так сказать, финляндизируется. Уверяет, что так приближается к Евросоюзу, а на деле возрождает Варшавский договор.

Плоды безотчетности

27.09.2010

Шум вокруг учебника Вдовина и Барсенкова обнажил схожее состояние псевдопатриотических и псевдолиберальных российских умов, их общее презрение к объективности при верности моральным устоям, даром что противоположным. Эка невидаль - очередная тоталитарная пропаганда, помесь советизма с нацизмом. Да таких книг, не говоря о листовках, в свободной России ходят десятки. Уже всерьез поговаривают, что на очередных выборах, если они будут свободными, неотвратимо победят нацисты. Это, по-моему, перехлест, но характерный для атмосферы. А тут пеняют профессорам за нелюбовь к евреям. Помилуй бог, любовь

безотчетна, никто не обязан любить евреев, равно как чеченцев, грузин или русских. Обществу бы углядеть перерастание отсутствия любви в реальные гонения, от ограничений при приеме в вузы и на работу до депортаций и массовых убийств, нынче не так евреев, как чеченцев и грузин. Но и евреев касающихся.

Конечно, в Уголовном кодексе есть еще и статья о клевете, которой у Вдовина с Барсенковым полно. Но эта статья не защищает ни народы, ни научные теории, ни религии, хорошо если отдельных людей. Единомышленники профессоров, к примеру, утверждают, что евреи распяли Христа. Объяснить, что этого не только не было, но и быть не могло, способен не только патриарх, но и простой священник, читавший Писание и знающий, что Христос сам из евреев, и явился евреям, и немалая их часть его признала, и все апостолы были евреями. Но Христа не признало иудейское священство. Однако, даже осуждая его позицию, отвратившую от признания Христа другую часть евреев, честный христианин знает, что распять его иудейская община никак не могла - не было у евреев такой казни, это римская казнь, сколько бы Понтий Пилат ни умывал руки. И объясняли сотни раз, а клевета воскресает и возносится. Указывать на такое, как и на профессорское вранье, конечно, полезно. Но смешно выставлять государственную охрану истине.

Государство не является неременным носителем истины. Если что в полемике и любопытно, то не пропагандистские банальности национал-социалистической и коммунистической выпечки, а именно позиция нашего государства. Она видна уже по поддержке, оказываемой профессорам г-ном Карповым, деканом истфака МГУ, то есть государственным служащим. И в появлении на книге рекомендательного грифа, согласно которому это полезный учебник, а не просто проявление свободы слова, на которую и у коммунистов, и у национал-социалистов, конечно, тоже есть право, покуда они не призывают к насильственным действиям.

Этот декан и этот гриф имеют место по воле важных лиц в Министерстве образования. А важные лица выносят важные решения, лишь если министр Фурсенко не видит в них ничего дурного. А г-н Фурсенко остается министром лишь потому, что его позиция не волнует главу правительства, а позиция главы правительства не вызывает сомнений у президента. В этом и состоит вертикаль власти. Если даже Медведев и Путин не одобряют Вдовина и Барсенкова, то все же, выходит, терпимы к их прокоммунистическим и пронацистским идеям и не видят беды во внушении их студентам государственных учебных заведений. Это и беспокоит. И беспокойство не заглушить призывами посадить в кутузку Вдовина с Барсенковым, словно от них все зло. А разрастается угрожающее идейное течение, оказывающее влияние на власть. Без всяких свободных выборов.

Не так важно, распространяют эти взгляды в виде книг, подписанных авторами, или анонимно в Интернете и даже самиздате. Ничего удивительного, что они проросли в обществе, двадцать лет после формального отречения от коммунизма уклоняющемся от публичного выяснения, что он на деле собой представлял, в чем совпадал с другими видами тоталитаризма, чем от них отличался и почему обрел в России власть. Авось дойдет и до выяснения этого. Но уже сегодня важно видеть

позицию власти. Красноречивое молчание ее прояснило. Но псевдолибералы и псевдопатриоты это обходят. А если думать не только о вечности, но о насущном дне, это главное!

Вот и дожали!

28.09.2010

Лужков уже не московский мэр. Его жена, его энергия, его варварство, его успехи, его преступления, его достоинства и его самодурство ушли в круг иных интриг и сплетен, без президентов и премьеров. Его уход не забудется, пока будет жив интерес к нынешней эпохе – от 19 августа 1991-го до того неведомого дня, когда, как нынче Лужков, из текущих интриг и сплетен выпадут продолжатели российского президента, залезшего на танк. Не на броневик - не равняем. Но тогда тоже началась эпоха, теперь новый ее этап.

Сперва казалось, что и кроме слов что-то будет. Затягивали пояса, чувство, что нас одурачили, росло, но надежды брали верх. В октябре 1993-го открылось, что президент РСФСР, справедливо требуя переизбрать Верховный Совет, сам переизбираться не хочет. Настала ясность. Еще до Чечни. Кроме личных радостей – чтения книг или поездки за рубеж – остались выборы местного начальства на месте и шанс выбрать людей, хоть отчасти имеющих в виду избирателей.

Путин такие выборы пресек. Но самостоятельные люди оставались. И вот им настал черед. Лужкову - последним. Как-никак столица. Но с чего он так?

Почему Сталин убил Троцкого, Зиновьева, Бухарина и прочих вождей, после XX съезда объясняли. Борьба за власть. Но при чем тут Киров, как инициатор культа Сталина на XVII съезде и Кагановича обошедший? Или Постышев, тоже певший гимны? Они ведь были потолковей и почестней их сменивших. Сталин это видел - и видел, что они всецело ему преданы. Не по глупости убил. Но самостоятельные были люди. Он отличал их от холуев, от Калининых и Кагановичей.

Грозный - тоже за самостоятельность - убивал удельных князей и бояр. Во Франции и в Англии короли устраняли аристократов. Не всегда, правда, выходило. Именно бароны образовали в Англии парламент, куда вошли представители рыцарей, горожан и свободных крестьян. Аристократия - ограничитель абсолютизма. Она же помешала Людовику XVI, провести экономическую реформу, способную смягчить Французскую революцию, а короля уберечь от казни.

Лужков на графа Монфора, создавшего в XIII веке парламент, не тянет. Реальные его заслуги не перекрывают худого. И повадки не аристократические. Но они и во Франции в средние века были не те, что в XVIII веке. Пушкин давно сказал: "Мне жаль, что нет князей Пожарских, что о других пропал и слух". При всей несравнимости их отсутствие схоже.

На всю страну опять остался один самостоятельный человек, принявший решение и просидевший процедуру за кулисами. Зачем непопулярный в столице шаг брать на себя? И за самостоятельность никого не убил, еще нет нужды. Но убрал Шаймиева, Строева, Федорова, Росселя, Рахимова.

Лужков - последний. То есть абсолютизм вошел в полную силу. Точнее, у нас уже не авторитаризм, а тоталитаризм. Пока без открытых убийств.

Залог современного безвременья

03.10.2010

Михаил Угаров **отверг** вмешательство посторонних структур в вопросы искусства и культуры: «Общество должно резко пресечь эти административные радения, сказав организаторам – знайте свое место!» Вписать бы этот возглас в Уголовный кодекс и карать нарушителей, пусть не лишением свободы, но отстраняя от государственных должностей, причастных к художественной сфере. Искусству это необходимо. Но, к сожалению, недостаточно.

Угаров говорит, что «главная задача современной культуры – это работа... с сегодняшним миром». Но нет у искусства других задач, кроме как разбираться с нынешним миром. Искусство, если это искусство, не бывает не современным. Случались гении, выходявшие за грань своих дней – Софокл, или Тициан, или Лев Толстой. Но и они жили своим сегодняшним днем, пусть взвешивая его на весах вечности, и не бывает иначе, быть не может. Особенно на театре, где, хоть ставь старинную пьесу, хоть действуй старыми режиссерскими ходами, актеры все равно нынешние, и время в них нынешнее и никакое другое. Оно и выплескивается, как выплеснулась перед войной в ролях Остужева - Отелло и Уриэль Акоста (мне посчастливилось видеть) - не Венеция Возрождения и не Голландия барокко, а текущая советская действительность.

Актер Остужев жил советской жизнью. Не плакатной, а реальной. То, что он в этом бытии ощущал, едва ли обсуждая в быту, он воплощал не натуральными картинками, не аллюзиями, не символами, но отпуская себя на сцене, и мы видели трагедии инородца Отелло и инакомыслящего Уриэля, в обиходе невидимые. На это нужен, конечно, талант. То есть чуткость к миру, в котором живешь, заполняющая тебя содержанием, независимо от пьесы и постановки, и чувство формы, в которой это содержание проступает на сцене.

Современная жизнь не хочет содержания не только в искусстве. Свершилась всеобщая десемантизация, утрачен интерес к содержанию и смыслу происходящего, зато растет к интригам, пакостям и выгодам. А чем люди живы - не говорят или не знают. Разговор об этом сочтен пустым. То же и с формой. Все ей дозволено. Пока не кажется, что там содержание. Тогда чиновник сетует на форму и ее запрещает, не узнав, что говорит актер или автор. Подчас ничего, но чиновник боится незнакомой формы.

Конечно, «классика не решает проблем сегодняшнего человека». Коллега Михаила Угарова Константин Треплев уже сказал: «Нужны новые формы», и придумывал их, но не вышло, девушка ушла, и собственная жизнь стала ненужной. Между тем создатель Треплева, Чехов, новые формы создал, может быть, потому, что их сделало современными его содержание. А общество канонизировало гениальные «Три сестры» и «Вишневый сад» как психологические драмы, хотя у автора это комедии. Но так их не ставят, чтобы не нарушить канон. Верно, ни Чехов, ни Толстой текущей

литературы не заменят, но их пример говорит, что искусство бывает современным, лишь будучи подлинным. Только тогда.

Спорят, какая балерина стала на пальцы первой. Многие танцевали «на высоких полупальцах», и кто заострил прием, упущено. Считают, что Мария Тальони, танцевавшая так в отцовском балете «Сильфида», начавшем балетный романтизм. Пальцевую технику, не натуралистическую и не традиционную, ввела в искусство содержательность романтизма. В «Спящей красавице» Петипа на пальцах танцуют не только nereиды, грезящиеся принцу, но и уже в первом акте принцесса Аврора, выступающая как романтическое существо среди земного мира. Двадцатый век часто иначе пользовался этой техникой, но в «Сильфиде», в «Жизели» и в «Лебедином» благодаря ей жив романтизм.

Угаров призывает: «оставьте историю покойникам». Иисус из Назарета, к которому эта мысль восходит, сказал точнее: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов». История – не мертвец, она – живой процесс, к счастью, еще длящийся, но непонятный, если не видеть, откуда концы, чего мы знать не хотим. Угаров не заметил, что не он один отдает историю покойникам, но с не меньшим пылом начальство, чье право вмешиваться в искусство он отвергает. Оно прячет архивы, замалчивает пережитое миллионами, а если что признает, то лишь под давлением и сквозь зубы. Неужто Угарову это по душе?

Надо жить сегодняшним днем. Пока живы, он наш. Но непогребенные мертвецы то и дело воскресают. Иисус прав, пусть мертвые хоронят мертвецов. Но как с воскресающими? Искусство, не желающее их знать, скудеет. Сказано: «Там все в крови, здесь крови нет». Когда содержание не подсказало форму, Костя Треплев ее придумал. Но невмешательство начальства его не спасло.

Угаров прав, указав начальству место. Но мало снять запрет, чтобы современное искусство пришло - как танец на пальцах.

Кажинный раз

05.10.2010

Не счесть, сколько раз обрывались переговоры о мирном сосуществовании арабов и евреев в Палестине. Еще при английском, еще даже при турецком правлении. После решения ООН 1947 года о разделе Палестины на еврейское и арабское государства на смену переговорам пришел призыв «Сбросим евреев в море!». Многолетний руководитель палестинских арабов Ясир Арафат в 1988 году согласился на существование отдельного арабского государства и к 1993 году, уже после распада СССР, установил отношения с Израилем. На заселенных арабами территориях, оккупированных Израилем в ходе сопротивления попыткам сбросить его в море, устроили арабскую автономию. Но так и не создали двух независимых государств.

Евреи строили на оккупированной территории поселения, а арабы выдвигали условием соглашения и даже самих переговоров приостановку их строительства и ликвидацию. Наряду с возвращением на территорию Израиля всех арабов, ушедших оттуда по призыву арабских стран в 1948

году, с родившимися тем временем детьми, внуками и правнуками, ликвидация поселений была и остается неременным условием арабской стороны. Ариэль Шарон пошел ему навстречу и, выводя из сектора Газы израильские войска, силой удалил и поселения. Власть в секторе перешла к движению ХАМАС, которое не признает права Израиля на существование и добивается, чтобы вся Палестина была арабской.

После более чем шестидесятилетнего противостояния позиции сторон не слишком изменились. Не только те, кто все еще отрицает право Израиля на жизнь, но и как бы его признающие требуют удаления евреев с территорий, которые войдут в арабское государство. Оно должно быть "юденфрай", как говорили немецкие национал-социалисты, - чистым от евреев. Понятно, что расизм находит поддержку у крайне левых в Европе. Но, к сожалению, в перевернутом виде схожая позиция находит поддержку и среди правых в Израиле, где уже говорят, что он должен быть исключительно еврейским государством. Завести два национальных заповедника, при том, что на это Америка не жалеет сил, видимо, можно. Но думать, что это послужит примирению, могут разве что Обама и Клинтон.

На земле, где евреи и арабы жили много веков, нынче нет иного пути к миру кроме создания двух государств. Одного еврейского, другого арабского. Граница между ними, разумеется, должна установиться с учетом пожеланий жителей. Возможны обмены территориями между Израилем и нынешней автономией. Но это не единственное достойное внимания соображение. Только если в еврейском государстве будут жить и равноправные с большинством жителей арабы, как оно и было покамест, а в арабском – равноправные с большинством евреи, что кажется сегодня невероятным, на деле начнется движение к взаимопониманию и миру. При переговорах нелепо исходить из того, что лишний дом в поселении закрепляет землю за Израилем. Фактические действия решают дело лишь там, где переговоры показные.

Ариэль Шарон, к сожалению, упустил важную возможность. Выводя войска из сектора Газы, ему не надо было силой уводить желавших остаться на свой страх и риск и поддерживать мирные отношения с мирными арабскими соседями. Кстати, и повседневная жизнь соседей стала бы лучше. И, возможно, верх там взял бы не ХАМАС. Опыт не произведен. А сразу стало бы видно, кто хочет мира, а кто нет.

Единство или выборы

11.10.2010

Первое слово отечественной политики – единство. Президент утверждает, что парламент для России губителен. Премьер возглавляет «Единую Россию». Председатель Думы считает, что она не место для дискуссий, надо держаться единого мнения. Это он не по глупости: там, где главное – быть всем заодно, за всех решит начальник. Всеобщее единство оправдывает власти предержавшие и выдает империю за национальное государство. Оно, дескать, у нас такое большое просто потому, что великое. Спорить с Медведевым, Путиным, Грызловым нет смысла, да они и сами ни с кем не спорят, а вещают. На дискуссии о формализме

Шкловский сказал Троцкому: "Конечно, вы нас победите. Мы лишь горстка литераторов, а за вами армия и флот". Троцкий, хоть интересовался литературой, был тогда наркомвоенмор. Уже имелась ЧК, а ныне есть ФСБ. К властям вопросов нет.

Но единства хотят и противники режима - и поносящие его в целом, и критикующие конкретно, и просто презирающие: то строят единую оппозицию, то клянут раскольника Явлинского, не слившегося в экстазе с Гайдаром и Чубайсом. Между тем в политике главное не единство, а представительство.

Россия даже после распада СССР самая пестрая страна на свете. В иных населения больше, но оно однороднее. У нас на половине территории очень по-разному живут очень разные нерусские народы. Да и русские, составляющие более восьмидесяти процентов населения, совсем не однородный народ. Но и у русских нет в России отдельного от остальных голоса, и совсем не слышны голоса различных слоев русского народа. И русские, и нерусские, опутаны жестким жгутом единства, единовластия. Путин называет роспуск СССР глобальной катастрофой, но не признается, что это катастрофа единовластия. Того самого, которое под новой вывеской продолжается в России.

Нам регулярно внушают, что выборы не имеют смысла, потому что избранный чиновник не лучше назначенного и сменить его не легче. Может, и так. Но в ходе свободных и честных выборов (а нечестны и несвободны они там, где существует единовластие) по крайней мере проясняется, чего люди хотят, обнажаются их склонности, и избранный чиновник вынужден эти склонности учитывать, а назначенный и глядеть на людей не обязан. Лужков – грубый градоначальник, но не раз избирался, вот кое-что и учитывал, хоть недостаточно, а Медведев – сама любезность, но он назначен и не видит избирателей.

Мало кто задумывается о том, почему после Горбачева, после обнадеживавшего поворота в августе 1991 года, Россия вернулась к единовластию. Справедливо винят нефтяной подскок. Но возврат начался еще штурмом Грозного в конце 1994-го, а оформился президентскими выборами 1996-го. Победу Ельцина тогда обеспечили политические технологии. И главным было систематическое внушение, будто эти выборы решают, быть России опять коммунистической с победой Зюганова или свободной под водительством Ельцина. А у Зюганова, как подтвердили выборы, шансов на победу не было, и во втором туре он набрал лишь сорок с небольшим процентов.

На деле те выборы решали, будет ли править страной выходец из верхушки КПСС, как Ельцин или Зюганов, или человек со стороны. Самыми популярными кандидатами из таких оказались генерал Лебедь и экономист Явлинский, реформатор, думавший, в отличие от Чубайса, о социальных гарантиях. Ельцин, еще до выборов потерявший популярность, если бы его кампания проходила нормально, победить бы не мог. Многие голоса, отданные ему, ушли бы к Лебедю или Явлинскому, и кто-то из них вышел бы во второй тур против Зюганова. А тому во втором туре было не победить: против коммунистического реванша было явно больше 50%. Свой ресурс Зюганов выбрал. Больше 40% ему было не

набрать. Но власть оставили Ельцину, а в его победе, как в куколке бабочка, был Путин, хоть еще не Владимир Владимирович.

Оппозиционные сторонники единства ныне хотят обновить его персонального носителя и продлить режим, чуть его подкрасив. В качестве единого кандидата от оппозиции, «русского Гавела», предлагают Жореса Алферова или Виктора Геращенко, которые на эту роль не годятся. Алферов, при всех своих научных заслугах, баллотировался в Думу по коммунистическому списку. Геращенко – незаурядный финансист, но в противостоянии тоталитаризму тоже себя не проявил. А Гавел известен противостоянием даже больше, чем пьесами. Русским Гавелом можно назвать Владимира Буковского или Сергея Ковалева, но их не поминуют, демонстрируя тем самым, что на месте Гавела хотят видеть людей, совсем на Гавела не похожих.

А на роковое «что же делать?» способна ответить лишь вся страна, говорящая по-своему из каждого угла. Не дрессированный хор, а - в традициях русского хорового пения – многоголосие, где различимы разные ищущие гармонии звуки.

Черное и белое не называть

21.10.2010

Кругом ищут экстремизм. Уже винят в нем «Новую газету», выступившую против русских шовинистов из «Русского образа», открытым текстом ратующих за бесправие нерусских. Нечасто экстремизм в нашей печати показывают столь наглядно. А в экстремизме винят газету, его запечатлевшую. Дескать, дает трибуну врагу. Советская власть тоже учила, что кругом враги, и негодовала, когда случайно проступали реальные лица. Не то что симпатичные, но побуждавшие задумываться о том, откуда у нас берутся враги.

Не верится, что государственная служба Роскомнадзор и поддержавший ее суд наивны и не понимают, что разоблачить – это и значит показать в натуральном виде. Государственная служба выгораживает не одних русских шовинистов. «Википедии» пеняют на то, что, что в статье о Муссолини цитируются его тексты и обозначаются свойства итальянского фашизма. С экстремизмом ведут борьбу, но так, чтобы людям не углядеть, что он за зверь такой.

Не то страшно, что «Новую газету» закроют. Авось не закроют. Очень уж громкий вышел бы скандал, да и без Политковской и Щекочихина газета уже не та. Да и обвинение в экстремизме темное, слово какое-то нерусское. То ли дело было «враг народа». Но страшно, что ни «Новой», ни другим не дают показать, что нынче за экстремизм. Кто у нас экстремист, власть хочет решать сама.

В обычном словоупотреблении «экстремист» – это человек крайностей, в политике – сторонник самых радикальных взглядов и действий. Историю России поворачивали экстремисты разных толков: Андрей Желябов и Владимир Ульянов, Иван Грозный и Петр Великий, тут Чернышевский, там Победоносцев. Петр прорубил окно, угадал нужное направление, и страна

по нему пошла, да только, как сказал поэт, «в рабском виде». И еще не утихли споры о том, на пользу ли был петровский экстремизм.

Экстремизм и при лучших намерениях плодит зло. Его крайняя форма, терроризм - и государственный, и массовый, и индивидуальный, - всегда зло. Но террор не одолеть террором. Стражи нашей безопасности в "Норд-Осте" травили террористов газом, потравив заодно москвичей, но это не уберегло от взрывов в метро. Во всем мире, в том числе и в России, есть проблемы, у которых нет ни военного решения, ни террористического. Идеологу Суркову не определить, на чем стоит нынче власть. Тех, кто с ним заодно, он определяет лишь как «наших». Роскомнадзор тоже прячет лица террористов и негодует, что «Новая» пытается их различить. А другого способа преодолеть экстремизм нет.

Экстремизм – это уродливая и часто пагубная попытка выбраться из запущенных проблем, не решенных, пока они были просты, но еще не безнадежных. Русский шовинизм вырос как помесь беспросветного страдания бесправных и имперского человеконенавистничества. Лишая озабоченных судьбой своего народа русских (точно так же, как лишают чеченцев) открытой общественной дискуссии, их оставляют с преступными абсурдными идеями. При Суркове, как при Сулове, общественные проблемы вне обсуждения. Власть знает что делать. Ее самоуверенность и есть почва для экстремизма. А Маркс говорил: «Мысли господствующего класса – это господствующие мысли». Путин не убивал Станислава Маркелова и светлую мысль о пользе битья по головам высказал лишь после убийства. Но в интервью с товарищем обвиняемого в убийстве «Новая» показала, что у многих русских националистов накопилось в головах. Вот ей и дали по рукам, чтобы ненароком мы не заглянули в корень.

Обновление или осовременивание

02.11.2010

И у самого лучшего переводчика смысл оригинала порой меняется, плывет. Ведь в языках не схожи не только морфологии да синтаксисы, но и значения конкретных слов, имеющих к тому же разные коннотации. Modern на русский переводят и как «современный», и как «новый», а вместо modernisation пишут «модернизация», то есть, не переводят. Понимать ли это слово как «осовременивание» (что по-русски означает прилаживание к новому), или как-то еще, - сразу не поймешь. А точнее бы перевести - «обновление», создание нового. Реформы Петра, внешне приблизившие страну к Европе, но не менявшие общественный порядок, модернизацией не называли, хоть после них Россия сто лет вооружалась и одевалась, как Европа. Шила «панталоны, фрак, жилет, хоть этих слов по-русски нет». И жила без слова «модернизация».

Ныне оно торчит везде, а зачем не объясняют, и не выясняют, в чем модернизация состоит. Медведев внятно выразил волю к технической модернизации и отверг политическую. Он затеял Сколково по петровской модели и хочет оборудовать наши демидовские заводы новейшей техникой. Ныне оно торчит везде, а зачем не объясняют, и не выясняют, в чем модернизация состоит. Медведев внятно выразил волю к технической

модернизации и отверг политическую. Он затеял Сколково по петровской модели и хочет оборудовать наши демидовские заводы новейшей техникой. Осовременивание вдогонку ведется по-разному. Тайны атомной бомбы добыла разведка. Иностранцев кличут в Сколково открыто. Говорят, для модернизации России.

А те, кого мы догоняем, заняты самобытным обновлением. Технику считают современной, когда вводят в обиход. Идет конкуренция, чья новинка дешевле и надежней. Обгоняют друг друга, чтобы раньше сделать то, чего у других нет. И этот дорогой метод модернизации успешней нашего отбора из уже готовенького. Первооткрыватель получает преимущество. Модернизация это и есть первооткрывание. В Америке и Европе это не общая задача, а поток ответов на спрос производства - чтобы получить больше прибыли, больше заработать, улучшить жизнь, а не только укрепить оборону.

Ради этого там и стараются повышать производительность труда, умножая технику. Там такой процесс органичен, а у нас модернизацию навязывают сверху. Мы считаем себя зато впереди в понимании бесприбыльных сфер - духовности, искусства, сущности жизни. Говорим, что погоня за прибылью там упразднила даже мораль, и верим, что насилие нашего начальства ее повысило. А великий немецкий социолог Макс Вебер показал, что, как правило, капитализм держится на очень строгой морали. Мы привыкли – не обманешь, не продашь. А там - раз обманул, и продажа падает. Общество-то открытое, знают, кто обманул. Феодалный строй красивей буржуазного. Рыцари, Дамы. Благородство. Крестьяне, любят природу. Словом, лад! А преимущество капитализма - эффект, то есть, как раз модернизация, органичная, а не заемная.

Это преимущество давно узрел другой великий немецкий социолог Карл Маркс, тогда же придумавший, что внутри капитализма зреет коммунизм и вылупляется на вершине развития. Оно, правда, пошло не совсем по Марксу, иные свойства капитализма было тогда не угледеть. Но России помешало не это, у нас коммунизм стали строить, не ожидая развития. Ленин предпочел сперва взять власть, а потом наверстывать упущенное, догонять, - и с 1917 года догоняли. Ельцин от Маркса и Ленина отрекся, Но отделить хозяйство от государства не рискнул, и приходится дальше догонять.

Но модернизация капитализма – плод ухода от феодализма, плод политических перемен. Компьютеры, хоть родись их творцы при феодализме, не вошли бы тогда в каждый дом, не остановили бы буржуазные революции. Радио, изобретенное Поповым в полуфеодалной России, в практику вошло на Западе. При Петре соперники ушли еще не так далеко, Но уже при Ленине и Сталине, ожесточивших полуфеодалный порядок продрозверсткой, коллективизацией и колхозным крепостным правом, за догоняющее осовременивание стране пришлось платить слишком дорого - вот она и распалась. А Медведеву иначе тоже не расплатиться.

Перенимая технику, Советский Союз, конечно, добился многого. Но главная ленинская идея – власть важнее развития, привела не только к упразднению гражданской и политической жизни. Она сказала на всей духовной сфере, искусстве и науке. Веруя в свою утопию, Маркс надеялся,

что каждый, в ком сидит Рафаэль, сможет свободно развиваться. И каждый, в ком сидит Галилей, тоже. Однако, при «реальном социализме», тем и другим полагалось развиваться под приглядом партии. Не все науки упразднили, но завели «шарашки», где ученые-арестанты работали под присмотром. Впрочем, и допущенные к секретным проектам вне зоны были подконтрольны, только что с комфортом и добротной едой. А ныне ладят добровольную шарашку, не помяная тюремные, а ссылаясь на Кремниевую долину, словно не тамошние университеты ее вскормили – от Беркли до Массачусетского технологического. Вот и нам бы крепить университеты, да и уже в Дубне мы строили «долину». А все тянет на целину.

Советский Союз оплачивал достижения дорого, рабским трудом заключенных и полуголодным - вольных, и щедрыми запасами природы, но не на доходами ценностной экономики и не более производительным трудом, поскольку большинство орудий труда мы перенимали у тех, кого догоняли. Советскому режиму модернизация не органична, ее ведут по приказу, у производителей нет стимула, поскольку нет конкуренции. Президент сулит дать Сколково особый правовой порядок. Значит, понимает, что российский неправовой режим губит модернизацию на корню. Почему тогда не распространить правовой порядок на всю Россию? Почему его давать лишь выгородке, а страну все держать в изнурительной гонке?

Обновление для России залог жизни. Но военного уже мало. А всеобщее президентской шарашке не наладить. В нем должна возникнуть общая нужда. И надо не так перенимать чужое, как создавать условия, если не поощряющие, то хоть не пресекающие людские инициативы. До Ломоносова от избирательного осовременивания и при большой цене польза была. Но после Менделеева, когда наука XX века преобразила производство, заемные удачи не спасают. Советские достижения были хрупкими оттого, что Ленин, Сталин и Брежнев хотели обогнать Америку по методу Петра, так победившего Карла XII. А обстоятельства с тех пор переменились. Но это не осознано, не понят глубоко реакционный характер всей деятельности коммунистов-большевиков, из советских лет не извлечен опыт, нет и мысли о том, во что новая погоня встанет отечеству и куда занесет.

Чубайс все учит, что не политика важна, а экономика, она, дескать преуспеет, и политика на нее обопрется. Но петровское развитие экономики, отягощая крепостное право, тормозило у нас капитализм, охвативший тогда Европу. А Александр II отменил крепостное право, и пошло развитие капитализма, отмеченное и Лениным и Струве. У России нет иной надежды, кроме подлинной смены общественного строя. Это трудно понять, когда твердят лишь о былом величии страны и ее бесспорных успехах в математике, физике и других полезных военному делу науках. Но в «проклятые девяностые» разруха не с неба упала, а настала расплата за ленинско-сталинские и хрущевско-брежневские растраты - к развалу девяностых страна неуклонно шла семьдесят лет. И умер не только СССР, но, что еще хуже, большинство мужчин в России не доживает до пенсионного возраста. А уцелевший правящий класс строит Сколково и гонит зайца дальше.

Логика протеста

02.11.2010

Незаконная власть, фальсифицирующая не просто выборы, но весь избирательный процесс, не может не пресекать самовольные скопления людей, даже невинно-экологические, не то что социальные. Пока речь о небольших группах, дубина по головам действует. Политическую точность расчета Лимонова на 31 число власть недооценила. Возможно, потому, что полагалась на небеспричинное отторжение автора либеральными кругами.

Алексеева, вместе с другими правозащитниками, переступила эту политическую глупость и долго поддерживала Лимонова, внятно объясняя, что свобода собраний нужна не ему одному и помогает выяснять отношения. Одно дело – общая цель, другое – протест. Для общей цели объединяются с единомышленниками. Для мирного протеста – со всеми недовольными действиями власти, число и взгляды которых неведомы. А силовые протесты, революции, тем и опасны, что в них вырываются непредвосхитимые стихии, потому и преступна власть, своей безответственностью и безучастием их провоцирующая.

Распространяясь, протест умножался. Число приходивших 31-го на Триумфальную росло, а с ним число избитых и задержанных, и премьер-министру пришлось лично подчеркнуть правомерность битья по головам. Рос и отклик, и власть решила выпутываться из новой славы. Но наша власть привыкла думать, что всегда права – и расстреливая, и реабилитируя. Так она себя повела и на Триумфальной. Согласилась, наконец, разрешить митинг, но не более чем на восемьсот участников. Лимонов потребовал большего, но Алексеева, встретясь с самим Сурковым, согласилась.

И вот у гостиницы "Пекин" она провела дозволенный митинг. Лимонов, проклявший ее, как мог, участвовать отказался, а на другой стороне площади набралось множество его сторонников, и ОМОН втискивал их в зону дозволенного митинга, множа число его участников, в целом дошедшее на площади до двух тысяч. И этот абсурд очертил политическое сознание Алексеевой, Лимонова, Суркова и прочих лидеров.

Не в том ошибка Алексеевой, что она встретилась с Сурковым и другими. Коль скоро они разрешали митинг, почему не обсудить с ними встречные просьбы – скажем, если придут не две, а двадцать тысяч, не перекрывать движение по Тверской, а спускаться по Садово-Кудринской. Но она приняла их прямое антиконституционное требование – ограничить число участников. А могла сказать: В Конституции про число не сказано, да и как отсчитать восемьсот, и что делать с остальными? Сколько придет, столько и будет.

Не в том ошибка Лимонова, что, браня Алексееву, он плохо выбирал слова. Брань на врату не виснет. Плохо, что он не оценил ситуацию политически и на дозволенном митинге, где присутствовало больше восьмисот, не показал на этом примере абсурд антиконституционной позиции власти и нелепость согласия с ней. А опыт советских времен говорит, что каждый отвоеванный у монопольной идеологии клочок

годится, чтобы способствовать прояснению умов. Но, видимо, у Лимонова тоже были свои соображения.

Власти радуются «расколу в нигилистах», но и они не выиграли. Битья вроде почти не было, арестантов поменьше. Но омоновцы не вдруг стали всех пришедших загонять в зону дозволенного митинга, превышая разрешенный лимит. Даже Лимонова туда загоняли. Значит, начальство, давшее такой приказ, наперед понимало, что собрание к восьми сотням не сведется, а избивать избыток себе дороже. Зачем же ввели лимитирующую цифру, оформленную с Алексеевой, если понимали, что придется силой затаскивать сторонников Лимонова на митинг, который, не будь этой цифры, и без стараний ОМОНа был бы общим? И даже митингуя порознь, в итоге собравшиеся все равно соединились.

Дело, видимо, в том, что властям опять виртуальное важнее реального. Советская власть тоже не слишком ловко тасовала постулаты идеологии в поисках комбинаций, суливших спасение от бравшего за горло кризиса. При исчерпывающей информации о реальности Политбюро ЦК КПСС просто не знало, как с этим быть, что и вынудило к перестройке. Нечто подобное, как показала 31 октября Триумфальная площадь, происходит сегодня. Возможно, снова нас ждут большие виртуальные события, и важно не упустить за ними реальность. А в Питере 31 октября били и хватали, как обычно.

Полезно ли беззаконие?

13.11.2010

На фоне усиливающейся борьбы за конституционную свободу собраний усиливается и борьба против конституционных ограничений свободы слова, за право говорить что хочешь не только на кухне, но и публично. Ратуют за полную свободу публичного говорения, ужатую тем, что по Конституции «не допускаются пропаганда и агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Есть там и другие ограничения. Борцы против любых ограничений атакуют не так прямо Конституцию, как Уголовный кодекс и другие законы, восходящие к ней, поскольку, опираясь на них, можно при желании чуть ли не всякое слово обернуть против говорящего.

Борцы за свободу беспокоятся не зря. Они справедливо хотят исключить возможность применения законодательства о борьбе с экстремизмом для борьбы с политической оппозицией, а также приравнивания критики представителей власти к экстремистской деятельности. Они зорко углядели такую возможность в практике правоприменения и требуют пересмотреть законы. Но при всем несовершенстве российских законов и самой Конституции корень зла не в них, и, атакуя их, борцы за полную свободу, видимо, не замечают, что сами умножают и оправдывают зло, хоть и с другого бока.

Между тем не только действие, но и слово бывает преступлением. Это, например, призыв убивать иноверцев или инакомыслящих, а также клевета, оговор. Такие преступления караются не только в России, но и в

Европе и Америке, разницу между которыми в этом отношении не стоит преувеличивать. Прямые аналоги Первой поправки к Конституции США есть во всех европейских странах, а в США она отнюдь не исключает наказание за «словесные» преступления, хотя правовые подходы к проблеме бывают разные.

Владимир Волохонский, и не он один, [сетует](#), что такое законодательство, да еще при недостаточно конкретных рамках, в руках прогнившей государственной машины становится угрожающим, Это верно. Но он странным образом упускает из виду, что в руках этой машины угрожающим является всякое законодательство, поскольку всякое может быть извращено, но отсутствие законодательства не улучшает положение, а лишь лишает пострадавших возможности указывать на нарушение закона. Проблема не столько в законах как таковых, сколько в практике их применения - в отсутствии независимого суда и в экстремистском характере государства, особенно исполнительной власти. Экстремистская власть, сколь бы громогласно она ни вещала, что борется с экстремизмом, никакой такой борьбы не ведет и даже своим примером поощряет экстремизм. Одни экстремисты вытесняют других, одни террористы убивают других. Сам факт наличия в стране внутренних войск, не говоря об использовании внутри страны регулярной армии, то есть солдат, идущих по призыву защищать отечество, против их же сограждан, наглядно демонстрирует экстремистскую и террористическую природу нашей власти. Признанные ею в законах ограничения того и другого по крайней мере позволяют видеть, что на деле она сама свои законы нарушает.

А г-н Волохонский, призывая отказаться от законов, защищающих граждан от экстремизма (конечно, по преимуществу лишь морально), утешает тем, что «у общества есть газеты, митинги, организации и движения». И саркастически добавляет: «На самый крайний случай полного паралича и отсутствия у государства легитимности есть еще линчевание». Знает ли он, что дееспособные оппозиционные газеты и организации либо прикрыты, либо придавлены, а суд Линча уже вошел в практику работы с журналистами? Прежде чем менять законы, надо изменить правоприменение. Древние не зря говорили: «Плохой закон, но закон». А где суда нет, где власть у экстремистов и террористов, там и самый лучший закон не поможет. Но еще меньше поможет открытое беззаконие.

Отчего надежды не сбываются

22.11.2010

Упразднение в России общественной жизни идет при полном равнодушии американских и европейских правителей, дорожащих русским газом и доставкой грузов в Афганистан куда больше, чем общественными ценностями, о которых они неустанно говорят. На этом фоне требование сенатора Кардина запретить въезд в США и арестовать счета лиц, причастных к гибели в тюрьме Сергея Магнитского, юриста работавшей в России зарубежной фирмы, ободряет. И самый обаятельный из «молодых реформаторов» ельцинской поры, Борис Немцов, увидел в этом путь к налаживанию в России демократии. Он предложил Конгрессу Соединенных Штатов принять закон «О поддержке демократии в России».

Чтобы не просто давали индивидуальные и групповые ответы, а ввели упреждающий общегосударственный акт. Немцов хочет, чтобы Америка «наказывала наших негодяев, а нашу страну не трогала». Но нашу страну она и не трогает. Это мы ведем неустанную антиамериканскую пропаганду. А Обама в ответ лишь потворствует нашим властям.

Но главное, чем странен призыв Немцова, это надежда, что из-за рубежа можно освободить Россию от дурного порядка и установить здоровый. А как верно пели, никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой. Вот только в гимне коммунистов не договорено, почему плоды побед, добытых собственной рукой, достаются не тем, чьи руки их добыли. Отсутствие демократии и означает, что страной правят не всенародно избираемые и сменяемые лица, а захватчики, которых Немцов именует нелицеприятно. Но за таких всюду в мире расплачивается народ. Немецкий народ ни разу на честных выборах не отдал Гитлеру абсолютное большинство голосов - лишь относительное. Но платить за преступления гитлеровцев пришлось всем немцам. Не отвечай страна за негодяев, не пришлось бы бомбить заводы на Рейне и стрелять по Берлину. Но, увы, если страна неспособна сама наказать своих негодяев, ей приходится за них отвечать. Нам тоже пришлось и приходится.

Они потому и негодяи, что подставляют свою страну. Не обязательно под бомбы - под разные удары. У дурной власти продленное последствие, нефтедоллары могут его отсрочить, но не отменить. Чтобы контролировать нашу власть, США пришлось бы оккупировать страну, как западную Германию в ходе войны. Но и США этого не хотят, и не только я, а, конечно, и Немцов, и все мы, российские граждане, иностранной оккупации не хотим, даже краткой и плодотворной. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!

Что толку персонально ругать правителей? Зло не в их личных качествах. Просто наша система правления держится на, так сказать, негодях по должности, по непомерному кругу индивидуальной и закрытой власти, по вертикальному характеру и абсурдной централизации этой власти. Негодяем по должности можно назначить прекрасного человека. Но если он не сбежит, не покончит с собой, то сделается негодяем. Америка от этого его не убережет.

Демократии в России препятствует постоянная готовность к параду во главе с единым национальным лидером. Но и у нас демократия возможна, если отступит вертикаль власти, своей абсолютностью удерживающая тоталитаризм. Демократия вырастает из самоуправления регионов, отделения хозяйства от государства и реальной конкуренции производителей. Общими в стране должны быть законы, судопроизводство, финансовая система, оборона и внешняя политика. Все остальное поле самодеятельности граждан, невозможной без демократии. А нужда испрашивать разрешение на самодеятельность - это для Америки дикость, и пока мы живем с этой дикостью, никакие американцы не помогут нам преобразить строй. И не примут закона о поддержке демократии в России.

Сенатор Кардин вступился за Магнитского не ради демократии в России, а ради Америки. Он понял, что Клинтон, Буш и Обама, то и дело по разным соображениям примиряясь с нашими незаконными шагами, помогали

России снова стать угрозой всему свету, какой был Советский Союз. На примере дела Магнитского он раскусил главную ложь российской пропаганды, неустанно твердящей, что идеологической и политической пропасти между Россией и свободным миром больше нет. Он смекнул, что коммунизм и марксистско-ленинское учение были оберткой всевластного государства с вертикальным тоталитарным порядком, а нынче обертка другая. Но сенатор Кардин не рвется менять ни наши порядки, ни наши обертки. От своих американских властей он требует одного - чтобы в отношениях с нами они не мирились с нашими нарушениями общепринятых норм и взятых нами на себя обязательств. Не более того. Но если бы президент США внял этому доброму совету, изменилось бы положение и в России. Без особого немецкого закона.

10 лет. Итоги

09.12.2010

1) Назовите 5 ключевых слов/выражений последнего десятилетия.

Мочить в сортире. Диктатура закона. Вертикаль власти. Тандем. Дубиной по башке.

2) Как бы вы назвали книгу (фильм) о прошедшем десятилетии?

«Возвращение на круги своя».

3) Кого можно считать героями и антигероями десятилетия?

Герои – Ахмед Закаев, Руслан Аушев, Александр Литвиненко, Анна Политковская, Наталья Эстемирова.

Антигерои – Анатолий Чубайс, Владимир Квачков, Анюта Кущенко (Чэпмен), Андрей Луговой, Никита Михалков и многие другие.

4) Какие события в жизни страны за эти 10 лет были самыми важными лично для вас?

Для меня лично самым важным было то, что в 2001 удалось опубликовать свою книгу "Отечественный опыт", последний абзац которой гласит: «Путину кажется, что государство своим администрированием способно эффективно направлять экономические и социальные процессы. Он прямо говорит: "Мы должны руководствоваться принципом: "Государства там и столько, сколько необходимо, свободы там и столько, сколько нужно". Но само государство и он сам претендуют решать, "сколько необходимо" и "сколько нужно", утверждая свою абсолютную власть над гражданами. Уже это возвращает нас к сталинским порядкам, словно мы не знаем, к чему они привели. Но если тяжелый опыт своевременно не додуман, приходится его повторять".

Преступная вера

07.12.2010

Если Вера Кичанова права - а в этом она права - и «тот, кто затыкает рот оппоненту, никогда не сможет убедить других в своей правоте», -- естественно предположить, что призывающий убивать тоже убедит не

всех. Но чтобы множить убийства, этого и не нужно, достаточно убедить немногих, некоторых. Президент России начал с того, что звал «мочить в сортире» пойманных террористов, хотя пойманных надлежит предавать суду и судить по закону, уже тогда не допуская смертной казни. Президент призвал убивать подозреваемых. Вера Кичанова считает подобный призыв допустимым.

Бог весть, читали Владимир Путин и Вера Кичанова одни и те же листовки или каждый своим умом дошел до того, что подстрекатель не преступник. Трудно даже утверждать, что Вера Кичанова сознательно защищает лично Владимира Владимировича, а не общие принципы такой политики. Но она рвет с логикой, объявив, что, осуждая подстрекателей, «государство снимает часть ответственности с того, кто непосредственно пошел убивать». И даже, оказывается, оно не признает за преступником - а таким она считает лишь того, кто пошел убивать, - права выбора и свободы воли.

Это прямая неправда. Бывают коллективные преступления, Конечно, весомая часть вины лежит на прямом убийце, у которого всегда есть выбор - служить палачом в ГеСтаПо или КГБ или нет. Так же, как всегда был выбор – вступать ли в гитлерюгенд или комсомол, в нацистскую или коммунистическую партию. Уклонение влекло за собой тяжкие последствия но не все жители Германии и СССР были палачами или членами соответствующих организаций. Лишь в некоторые из них в отдельные периоды шло большинство.

Откуда же эта вера, что нет ничего худого в призывах убивать – убивать гомосексуалистов, наркоманов, членов национал-социалистических и коммунистических партий, олигархов, кулаков, либералов, чеченцев, русских, евреев, арабов, немцев, американцев? Да все оттуда же – от вседозволенности, от безответственности. Люди могут иметь самые разные мнения, о которых можно спорить, можно их не слушать, «выключать», но запрещать неверные мнения абсурдно – тут Вера Кичанова, конечно, права. Но правотой в этом она вуалирует переход мнения в призыв к действиям, а это совсем другое дело. Мы видели, как «идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами», как ими овладевают телевидение, радио и потоки лжи, именуемой «Правда». Идеи нельзя запретить, поскольку неизвестно, чем они обернутся. Часто спорят, верно ли они истолкованы практиками. Но когда мнения и идеи перерастают в прямое «мочить в сортире», этот призыв убивать преступен. Не по предположению, что он может вырасти из тех или иных идей, а когда он уже вырос, произнесен, а часто и осуществлен.

Конечно, там, где правит автор такой формулы, напрасно ждать ответственности за призывы к убийствам. Конечно, нашему суду не различить, где мнение и идея, а где призыв. Не все люди понимают, что антисемиту или русофобу можно не подать руку, но они неподсудны, а плоды лозунга «Убивайте евреев!» или «Убивайте русских!» на убийцу-практика, принявшего его на веру, целиком не свалить.

Конечно, 282-я статья носит слишком общий характер, чтобы исключить злоупотребление ею, и она плохо служит наказанию пропаганды убийств и насилия по социальным, расовым, национальным и религиозным мотивам. Но Вера Кичанова идет дальше. Она отвергает даже конституционное осуждение проповеди ненависти - чисто символическое, поскольку оно

нигде не перерастает в квалификацию конкретных призывов к убийствам и насилию на этой почве как преступных. Даже символическое осуждение таких призывов ей не по вкусу. Невозможно предположить у взрослого человека наивность, позволяющую верить, что свобода таких призывов никак не скажется на нашей жизни.

Прямое выступление против Конституции выставляет Веру Кичанову в свете радикальной оппозиционности. На деле никто с такой прямоотой - не считая, понятно, самого Путина - еще не выразил сокровенные идеалы нынешней российской власти.

Что потеряла Россия в Чечне?

10.12.2010

К годовщине указа президента России от 11.12.1994

Понятно, потеряла Россия своих солдат. И еще ухудшила этим демографию - у погибших молодыми детей не будет. Но наша власть своих не жалеет. Такая у нас государственная мудрость. Ельцин и Путин ею не пренебрегли. Пренебрегли они будущим России. А думали, что ратуют за целостность страны, которую не мыслили без чеченцев, живых или мертвых. Россия не была для них государством русского народа, как Франция – государство французского, а Германия – немецкого, среди которых там на равных правах живет немало выходцев из иных народов, но нет огромных массивов, издавна и поныне заселенных иными народами.

Россия была для них, как сказано в Конституции, государством многонационального народа, соединенного общей судьбой. Понимать, что это значит, стало особенно трудно после того, как Советский Союз, тоже населенный многонациональным советским народом, тоже соединенным мистической судьбой, распался как карточный домик и народы союзных республик стали спасать свои национальные государства. В иных тоже остались массивы, заселенные, как говорится, нетитульными народами, и это тоже порой ведет к кровопролитию. Но Россия упрямее всех держится за унаследованное от СССР представление о народах, состоящих из наций, первых и последних.

Чеченцы воспротивились - их ведь было не меньше, чем, скажем, мирно обособившихся эстонцев. Но Ельцин не общероссийскую проблему стал решать, а железом и кровью удерживал мятежную Чечню, как внутреннюю землю. Как премьер еще при Ельцине, а потом как президент, то же самое делал Путин, который и через шестнадцать лет после начала войны ее фактически продолжает. А схожее положение, хоть и не в столь резких покамест формах, охватывает и другие республики Северного Кавказа, и не только Кавказа. Не воюя с внешним врагом, Российское государство военной силой удерживает покоренные некогда территории, и нужда их защищать от их населения куда реальней внешней опасности, которой еще, слава богу, нет. Китай не созрел, а Иран отрезан тюркским пространством. Может ли страна нормально жить и развиваться, пребывая в состоянии затяжной войны сама с собой?

А чеченское восстание сулило спасение от такой войны. Его подняли люди, прожившие жизнь на службе советской стране, а значит и России,

близкие ей по своим представлениям. Конечно, генерал Дудаев и полковник Масхадов хотели видеть Чечню независимой, но не враждебной, а дружественной, даже союзной России и, чтобы завоевать эту дружбу, а по ее примеру и дружбу других, готовых при случае взорваться республик, России достаточно было не считать их больше своим инвентарем, а отнести к Чечне с уважением. Россия отлично умеет ладить с посторонними, пока ей напоминают, что необходимо соблюдать договоренности, что компромисс – это взаимные, а не односторонние уступки. Вот и от чеченцев не капитуляции надо было добиваться, а договариваться с ними, что было возможно. Генерал Лебедь это показал.

Тут и России открывалась возможность стать национальным демократическим - не в сурковском смысле - государством. Но сперва Ельцин, а потом Путин этой возможностью пренебрегли и ее потеряли. Русофобия, отвечающая на русификаторство, чинившееся советским режимом в автономных республиках еще беспощадней, чем в союзных, обрела неопровержимый довод. Всем видно, что новой России, как и прежней, еще с Ивана Грозного, покорение других народов дороже благоденствия своего. Чтобы это оспорить, в стране должны смениться власть и строй. Если Россия при этом распадется, убийства на Северном Кавказе и взрывы в московском метро будут задним числом осознаны как плоды ельцинского и путинского понимания патриотизма. Стоит это осознать, не дожидаясь катастрофы. Ведь и дальше придется жить рядом.

Без чувства реальности

13.12.2010

Веру Кичанову оскорбило сравнение с Путиным. Она **пишет**: «В отличие от Путина, у меня нет репрессивного аппарата, и... никто после моих слов не получит карт-бланш на насилие». Если бы убивали лишь имеющие «карт-бланш», мне пришлось бы просить прощения. Но среди убийц они в меньшинстве. Тех, кого Кичанова вдохновит на убийство, ей не сделать депутатами Государственной думы и даже не спасти от наказания. Но вдохновитель убийства - его соучастник, от этого не отмыться. Меж Кичановой и Путиным разница есть, она еще не премьер и президентом не была. Но есть сходство в плохом ощущении реальности и недостатке ответственности за непоправимый ущерб, который оба легко причинят другим.

С Путина спросу нет, работа в КГБ «освобождает от химеры, именуемой совестью», ее, эту "химеру", не вернуть. Откуда это у Кичановой, не знаю. Она вторит идеалам либертарианства, близкого анархизму. Против наказания убийц она прямо не протестует. Но это, как и выдача карт-бланша, вне ее раздумий, поскольку репрессивного аппарата у нее покамест нет! А подстрекателей защищает. Если по-вашему они неправы, переубедите! А покуда пусть говорят! Если, наслушавшись, кто убьет, не дожидаясь, пока вы переубедите, сам виноват. И вы виноваты, что не смогли переубедить. А подстрекатель лишь выразил свое мнение. Навязывая утопические нормы реальному обществу, так отстаивают свободу убивать.

Путин своих деяний не стесняется. Но Кичанова изображает невинность. Она твердит, что запрещать призывы к насилию – это тоже насилие, а

либертарианство против насилия, значит, право призывать к насилию нерушимо. Такая логика. По ней она и меня в числе других выставляет противником свободы мнений и учит, что «право граждан высказывать свое мнение не должно зависеть от страхов и предпочтений тех, кто в данный момент оказался наверху». Но ведь именно право свободно высказывать мнения и идеи, не исключая никаких, я противопоставил кичановскому праву призывать к убийствам. Я подчеркнул, что беда 282-й статьи в расплывчатости и надо ее сосредоточить на защите от убийств, насилия и призывов к ним. Но Кичанова так не хочет. Мы спорим не о том, «кому говорить, а кому молчать», как переворачивает Кичанова. Право говорить должно быть у всех. Но если вы зовете «Давайте убивать!», не уклоняйтесь от ответственности за прямые последствия своих речей. Разница меж радикальным мнением и призывом к насилию для Кичановой «исключительно семантическая», а филология, говорит она, наука неточная, судебные эксперты плохо ее знают, и неизбежны злоупотребления. Но убивают не филологически, а практически. Лексика проста, присяжные, не только филологи, ее знают, и чтобы видеть, есть ли там призыв к насилию, не так уж нужны эксперты.

Мы живем в государстве, вечно злоупотреблявшем властью, Чем меньше вверено государству, тем легче людям. От него надо отделять церковь, науку, искусство. И хозяйство. Суд должен быть его отдельной и независимой частью. Но из того, что наше государство само преступает законы, не следует, что можно вовсе без государства совладать с текущим ходом жизни. Оттого нам и важен характер нашего государства, его законность, разделение властей, гражданские права, представительство социальных слоев, то есть демократия. А призыв к насилию, государственный он или частный, лишь рядится свободой. Он и прокладывает дорогу тоталитаризму.

Кичанова уверяет, что свободное общество, за которое борются либертарианцы, лучше нынешнего. Это выяснится, когда они его где-нибудь устроят. Она пишет: «Я лично ненавижу фашизм и фашистов». Возможно, она ненавидит и национал-социализм, и коммунизм, и другие тоталитарные режимы. Но, требуя ограничить противодействие призывам к насилию мудрыми либертарианскими соображениями о его нежелательности, в то время как призывам следуют и убийства множатся, она работает на тех, кого, по ее словам, ненавидит.

Не поздно ли, однако, все это писать и предостерегать от насилия, уже выплеснувшегося на центральную московскую площадь? В уголовном смысле у Веры Кичановой тут полное алиби. Но бесчинствующая толпа и ее вдохновители, подобно ей, не различают свои мнения и призывы, а то и позы, к действиям, к насилию, к убийствам. Корень происшедшего в стертости и сознательном стирании границ меж тем и другим.

Еще будут уточнять события, назначать зачинщиков. Винят «кавказцев», русских националистов, «левых», «правых», но этими определениями крутят как хотят: «правыми» у нас зовут и крайних шовинистов, и Явлинского, «левыми» - партию, создавшую ГУЛАГ и переселявшую народы, но одновременно - обличителей нынешней власти, душащей свободу. Кто такие русские националисты, сразу и не понять. У одних прозаик Проханов, не любящий русских без империи, У других поэт

Исаковский, напечатанный при Сталине: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

Русский национализм не с неба упал и не от злодеев идет, хоть они его и подхватывают, за него прячутся, на него опираются. Но родили его реальные ужасы русской жизни, которых власть не хочет помнить. Из преступлений Сталина самым большим была все же расправа с русским крестьянством, доселе кровоточащая. Но его звание "мужикоборец" вспоминают редко. Да и объяснить миллионам людей, лично ничего худого не делавшим, что их ненавидят за дела советской, да уже и российской, власти, не дозволено. Перенос преступлений начальства на народ несправедлив и обиден, но и пострадавших надо понять. У Манежа кричали «Кавказ - не Россия, Россия - не Кавказ». Но не вывели из этого, что, значит, надо развестись: хотят по-прежнему владеть Кавказом, но не испытывать неудобств.

Русский национализм опасен не лозунгами, не мнениями, даже неверными, но подлежащими обсуждению, а бросками в слепую алогичность призывов к насилию. Этим опасна и упорствующая в своем праве на них Вера Кичанова. Не льщусь, что на нее воздействуют доводы или примеры, подобные Манежной. Если не схватилась за голову, а продолжала думать то, что писала в своем ответе, висевшем и 11 и 12 декабря на сайте «Граней», надеяться не на что. Но русский народ из манежного тупика выйти способен. Только пусть Эрнст, Добродеев и Кулистиков не мешают свободно говорить о прошлом и настоящем. Сумел ведь немецкий народ преодолеть обиды, а в преступлениях гитлеризма тоже не все немцы были виноваты. Правда, там это было лишь 12 лет, а у нас – 74, да еще 19 тянут.

Обнажение позиций

21.12.2010

Новое время вышло из средневековья под знаменем свободы - религиозной, экономической, политической, национальной. Уже Нидерландская революция создала такой букет. В XIX веке символом единства и свободы национального государства был борец за освобождение Италии от австрийского гнета Джузеппе Гарибальди. Он сочувствовал и венгерскому национальному движению в той же Австрии, и польскому - в России, и славянскому - в Турции. А в XX веке в Италии возник фашизм, выступавший тоже под национальными лозунгами, и Муссолини даже ссылаясь на Гарибальди, замалчивая свое коренное отличие от него. Между тем национализм демократа Гарибальди был защитным, а национализм фашиста Муссолини - агрессивным. Эти противоположные тенденции всюду различимы и сегодня, и нелепо, выступая против фашизма, этой социальной чумы XX века, отнюдь не везде обнажавшей свою шовинистическую природу сразу, объявлять всякий национализм чем-то вроде педофилии и клеймить его без раздумья. Не так все просто и с русским национализмом.

Освободившееся от монгольской власти Русское национальное государство оформилось еще при Иване III, объединившем почти все русские земли. Его сын Василий объединение завершил. Но уже сын и

наследник Василия, Иван Грозный, переломил национальную жизнь. После покорения Казани и Астрахани и присоединения Сибири большая часть Русского государства оказалась населенной нерусскими. А чтобы покорить и удержать эти колонии, русских крестьян закрепощали. Колонии Русского государства, в отличие от английского или французского, не были отделены от центра морями, Россия не стала метрополией, и в едином, вроде как своем, государстве русские люди остались крепостными, чего в других империях не было.

Крепостное право на русском народе сказалось, быть может, больше всего тем, что после Ивана Грозного народ под имперской властью раздваивался не только, как учили в советской школе, на крепостных и крепостников. Шло размежевание на почти разные народы, с разным образом жизни, утварью и одеждой, а в начале XIX века даже разными языками - дворяне говорили по-французски. И с разным самосознанием! Не потому не любили патриарха Никона, что он мордвин, а за имперский характер его церковной реформы. А Петра и вовсе считали подмененным царем. Но в советской школе учили, что старообрядцы и недруги Петра тормозили развитие. Так учили, считая, что развитие движет указка имперской власти, на деле его укорачивающая в страхе перед свободной переимчивостью, обычной еще в Киевской Руси.

До отмены крепостного права сопротивление империи носило открыто национальный характер лишь у колониальных народов. Русский народ на эту тему безмолвствовал, хоть и цари по преимуществу были немцы, и господа смотрелись как иноземцы. Пушкинская строка "Смирись, Кавказ: идет Ермолов!" поясняет отношения не между русскими и нерусскими, а между империей и колонией. Об отношениях русских и нерусских думал Толстой в «Кавказском пленнике» и «Хаджи-Мурате».

Освободив крепостных и этим порвав с феодальной реакцией, все еще феодальная империя перестраивала свое хозяйство, в полной мере входя наконец в новое время и надеясь в нем уцелеть. Чтобы удержать свою главную опору, русский народ, уже, однако, не крепостной, при Александре III активно поощряли имперский русский национализм, жестче ограничивая и преследуя инородцев. А искусство множило вариации на русские темы – от вдохновенных до безвкусных. Но положение русского народа оставалось тяжким - ни земли, ни гражданских прав у него по-прежнему не было.

Надежды связывали со сменой строя. Жила иллюзия грядущего равноправия народов в общей стране. Но реальность разрушила национальные и социальные иллюзии. Империя, в другом наряде возникшая в 1917 году, показала, что ни либерализм, ни демократия, с нею несовместимы. Несбыточность пролетарского интернационализма еще до войны толкала Сталина к все более откровенному русскому шовинизму. Лишь после его смерти вышел на поверхность совсем иной, защитный русский национализм, порожденный грузом, взваленным, как при Иване Грозном, на русский народ ради удержания имперской власти.

В 1991 году империю урезали и опять обновили. Но множеству русских не кажется нормальным, что усмиренная Чечня на свою нищую жизнь сама зарабатывает меньше одной десятой того, что тратит, а девять десятых ей шлют за счет русских областей, не говоря о расходах на содержание там

армии и органов безопасности. Русский народ тяготится этим грузом, наложенным на него правящим классом. И один из самых заметных певцов имперского национализма Александр Проханов уже открыто клеймит тех русских, кто готов отступить от Чечни и от многих других инородческих регионов. Но большинство наших граждан, при самых разных взглядах, до Манежной не очень сознавало сложность и значимость русского вопроса в России. Ее называют многонациональной страной, а это последняя европейская империя, не отпускающая колонии, но велящая считать их ее частями, единой с ней страной. То-то жителей этих земель и учат зря не соваться в Москву, а знать свое место.

В 1917 году ключом пролетарской революции парадоксально был аграрный вопрос. Национальный считали вторым. Но аграрный в 1929-м году упразднили силой. А перебить и выслать половину населения даже большевики и сам Сталин не смогли, и национальный вопрос развалил СССР. А ныне, хоть тоже казалось, что главное для страны - перестройка и модернизация хозяйства, экономика с нерешенным национальным вопросом не движется дальше Суркова и Сколкова. Реальностью стало наличие двух русских национализмов, имперского и защитного, и оздоровление экономики застревает на том, что у русских, самого большого народа страны, нет возможности открыто разобраться, в какой России они хотят жить: в имперской, то и дело грозящей миру и губящей ради этого своих людей, или в национальной, где можно не только выкрикивать «Россия для русских!», но и распознать смысл этого лозунга.

Велит ли он думающим о России в ее нынешних границах признать, что «Чечня для русских!», «Татарстан для русских!», да и вообще весь мир для русских? Или, может быть, он означает, что и русскому народу нужно свое национальное государство, Россия без колоний, а отношения с теми, кто хочет их поддерживать, могут стать договорными? У толпы, стоящей у Манежа под общим лозунгом, нет общего ответа. В ней немало русских фашистов, если использовать это итальянское слово, как использовали его в СССР, обозначая им немецких национал-социалистов, так себя не называвших. Но в этой толпе есть и националисты, защищающие народ, сознающие, что таджики заполняют стройки прежде всего потому, что готовы работать за гроши, на которые в еще более нищем Таджикистане прокормить семью можно, а в России нельзя, и надо менять характер хозяйства, менять чубайсовский псевдокапитализм на неподдельный. Тогда приезжие не займут мест, где хватает местных. А бить таджика за корыстолюбие нашего начальства бесперспективно.

Почему же в одной толпе стоят столь разные души? Да потому, конечно, что туда был свободен проход, не били дубинами по головам, как бьют почитателей тридцать первых чисел. Одни говорят, толпу собрали, чтобы заглушить приговор Ходорковскому и Лебеву, другие - чтобы досрочно ушел в отставку декоративный президент и наново выбрать Путина, третьи - чтобы оправдать более жесткий укорот 31 декабря и вообще припугнуть. Возможны варианты, но есть коренная причина. Реальный русский национализм ширится, а он, в отличие от фашизма, начальству опасен, и оно это сознает. Вот и спешит его связать фашистской поступью, прослоить своими отрядами, «нашими» и прочими. Пока националисты в одном строю с фашистами, начальству не страшно.

На фоне откровенных фашистов оно надеется выглядеть просвещенно-консервативным. Но манифест Михалкова стал посмешищем не потому, что, отличный актер, он в режиссуре уже слаб, а как политик убог. Смеясь над манифестом, смеются над внушенной Лениным волюнтаристской верой, что, имея власть, можно наладить какой хочешь общественный строй, хоть ленинские миражи не сбылись, при всей жестокости его и сталинской власти. А просвещенный консерватизм даже у Екатерины II возникал после топорного, как попытка хоть отчасти учесть объективную реальность. Но нет у нынешней власти намерения ее учесть. Она полна своей веры, узнаваемой по потворству фашистским сборищам на Селигере или на Манежной, по культуре Путина, и по тому, что одновременно требуют от американского Сената ратифицировать уступки Обамы и повышают в три раза российские расходы на вооружение. Для иллюзий места нет.

Но хоть русский народ хулят все кому не лень, он не сказал последнего слова - а ведь тоже имеет право на самоопределение. Ельцин пресек переход от коммунофашизма к демократии еще до того, как передал власть главе ФСБ. Бог знает, хватит ли сил у русского демократического национализма совладать с русским фашизмом и поощряющей его властью. Сможет ли он скинуть с русского народа груз не только Афганистана, но и Чечни, и Грузии, и еще бог весть чего - и обратить лицо к России с заботами ее жителей? Для этого мало сообразить, как быть с чеченцами и всем Кавказом, - надо понять как русским быть самим с собой. Но обнажение позиций этому на пользу.

Кто должен сидеть в тюрьме?

28.12.2010

Сперва естественно было допустить, что Ходорковский совершил какие-то правонарушения. Но Путин, спасибо ему, прояснил, что явных беззаконий там нет. Он сказал: «Вор должен сидеть в тюрьме». А вся Россия знает, что это любимый Жеглов, подложив подозреваемому в карман чужой кошелек, говорил: «Вор должен сидеть в тюрьме. И людей не беспокоит, каким способом я его туда упрячу». Объяснял, что в интересах дела подделка не грех. Не может быть, чтобы, цитируя эти слова, профессиональный юрист Путин, ученик Собчака, не помнил контекста, не понимал, что признается, что, подобно Жеглову, тоже фальсифицировал процесс.

Остается лишь ответить на вопрос Льва Толстого «За что?». Видимо, все же за то, что в отличие от Абрамовича, Потанина, Дерипаски, Прохорова и прочих товарищей, тоже пошедших к Ельцину в государственные капиталисты, Ходорковский пытался перейти с этой службы во всамделишные капиталисты, что подрывало вывозной чубайсовский спектакль. Путин эту подрывную деятельность, сознательная она или бессознательная, дозволить не мог и простить не может. Ведь главное, чем он берет Запад, - заверениями, что в России теперь другой, не советский общественный строй. А Ходорковский хотел, чтобы и в самом деле было так. Потому и посадил, и будет держать.

Добровольная Россия

05.01.2011

Советского строя нет, а фашизм актуален, но поныне уверяют, что советский строй победил фашистский. И судят о фашизме по-советски - дескать, «террористическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных кругов империалистической буржуазии». Сводят его к шовинизму, затеняя суть. Она, конечно, и шовинизмом красна, но не прежде всего. В Италии, на родине фашизма, приему в партию, созданную редактором социалистической газеты Муссолини, этническая принадлежность не мешала - сперва принимали даже евреев.

Фашизм - социальная зараза. Буржуазия к нему тянулась не всюду и не вся, а враждовавшая под феодальным грузом и с властью, и с рабочими разом. Фашизм соблазнял там, где наверху упущенное. Он дитя отставания. В развитой стране он привлекал Генри Форда, но широкой опоры не имел. А в отставших к нему влекла мечта навести порядок - абсолютистский порядок, рухнувший или несостоявшийся.

В рабочее движение, там тоже росшее, внедряли коммунизм, по природе ему чуждый. Марксистская утопия хотела сделать как лучше. Ленин обратил ее в руководство к действию. Надежду Маркса, что к коммунизму подведет капитализм, достигший высшего уровня, сменила надежда Ленина, что это сделает власть, наводящая порядок. В октябре он взял власть, в январе разогнал «Учредилку», хотевшую его ограничить. Тут человечеству и засияла заря принудительного рая.

А ее разжигали и другие радикальные социализмы, росшие из других теорий и даже религий. В стратегии они совпадали с Лениным, но изъяснялись прямой. Уже для Ленина главным было единство. Муссолини обратил его в название партии. Слово «фашизм» (от *fascio* – пучок, связка) в буквальном переводе значит «единизм». В фашистской партии все как один, заодно. Как большевики. Но единизм не просто создает такую партию, он навязывает ее нормы беспартийным и государству. «Все в государстве, ничего вне государства», - говорил Муссолини. У нас так стало после ликвидации НЭПа. Для единистов, знающих, «как правильно», государство - машина подавления всех противящихся единообразию в социальной, национальной, религиозной и других сферах. А вовсе не орган демократического социального компромисса, избавляющий от гражданских войн меж классами и нациями.

Вертикальная власть единизма простирается и на все хозяйство страны, если не в качестве собственника, как в СССР, то на других началах, и не дает ему воли. Аналогично регулируют культуру, науку, искусство, религию, информацию и национальные проблемы. Немецкие национал-социалисты сразу были шовинистами - сказало поражение в войне, ронявшее национальную честь, а сверх того они отвергали - почти как наши единисты «проклятые девяностые» - Веймарскую республику, заведшую западную демократию как чуждое веяние. А в России сперва даже Сталин на словах осудил великодержавный шовинизм и местный национализм. Однако «местный» истреблял, а великодержавный поощрял.

Ныне ищут корни шовинизма и заодно фашизма в самом по себе национализме. Но национализм по меньшей мере пятьсот лет выражает

самосознание наций как общностей, объединенных хозяйством и культурой и лишь в ничтожной мере - родством, плохо прослеживаемым на протяжении как-то известных пяти тысяч исторических лет человечества и неразличимым в двух миллионах доисторических.

Но стройся даже нации на родстве, им враждовать необязательно. Из того, что мои жена и дети мне ближе и дороже других людей, не следует, что других я ненавижу и желаю им зла. Пока разнообразие и разномыслие легальны - а уже с XVI века к этому привыкали, - ненависть ужимается. Даже в религиях, считающих себя единственно верными (Христос сказал: «Кто не со мной, тот против меня»), возникают постулаты терпимости к иноверцам.

У наций бывает нужда в самообороне, в отделении, но жажда поработить и тем паче уничтожить других растет не из национальной природы, а из имперских претензий. Единизм такие претензии умножает и абсолютизирует, ему невыносима чужая свобода, и так же, как в рабочее движение, он внедряется и в национальные, отбивая своим запахом национальный дух. Не надо путать причины и следствия. Единизм уродует национальные движения, отвращая от них (иных умников даже наперед), но не они рождают единизм, нацистский или другой.

Советский единизм, еще до того как стал открыто разжигать национальную рознь, фиксируя этническую принадлежность в паспортной и анкетной системах, регулировал положение наций. Регулировка и помешала хозяйственной и культурной жизни, сблизившей людей разных наций, сплотить их в единый советский народ, провозглашавшийся наверху. Нужно потерять либо память, либо совесть, чтобы выставлять советские годы положительным примером национальных отношений. Словно не было ни выселений, ни дискриминаций, ни привилегий, ни ответной русофобии, перекладывавшей на всех русских, «первых среди равных», ответственность за преступления советской власти. Об этом переговаривались шпшпотом, страна была терроризирована. А ныне внушают, что ничего такого не было. Но и признать, что было, понять, что из нынешнего - оттуда, недостаточно.

Недостаточно клеймить шовинизм, хоть это дело благое. Окажись я в то воскресенье в Москве, конечно, пошел бы [на Пушкинскую](#). Но клеймить шовинизм, умалчивая о его единистских корнях, значит украшать политическую витрину. Кличу «Россия для русских» противопоставили клич «Россия для всех». Но что означает «для всех»? Открыть, что ли, государственную границу? Или «Россия для всех ее граждан»? Но это говорят и Конституция, и Уголовный кодекс, да попусту. Витрину и в советские годы оформляли прилично, а равноправия не было.

Убийца должен быть наказан. Но обществу важно сознавать, что в бытовой драке дагестанец мог убить русского просто как соперника и не глядя, что он русский. Это не оправдывает убийство, но должно бы удержать от избиения к нему непричастных. Но глава партии «Единая Россия», премьер и национальный лидер, обращаясь к друзьям убитого, сказал: «Вы должны воспринимать это действие как направленное против вас всех». А даже если этот дагестанец шовинист и русофоб, и убил Егора Свиридова именно как русского, что усугубляет вину, прежде чем обсуждать изменение правил прописки, пусть бы хоть доказали, что

убивать русских хотят многие дагестанцы, живущие в Дагестане или в Москве.

Между тем не только фашиствующие молодчики вместо доказательств избивают неповинных, а премьер-министр России вопреки Конституции обещает не пускать в столицу России некоторые категории граждан. И опять задумаешься, где корни русского фашизма, если премьер распространяет вину преступника на всех лиц той же нации? Его подход многие уже усвоили и даже в ответ сочли, что и все русские разделяют ответственность за бесчинства фашистских молодчиков у Манежа. А даже не все вышедшие на Манежную – фашисты. Присутствие других могли оплатить. Третьи сбиты с толку официальной пропагандой, им не понять, отчего жизнь миллионов русских, как и людей других наций, мучительна и беспросветна. А причина тому – господствующая, застряв в умах, идеология – единизм, зовут его еще ленинизмом или нет.

Его последствия не пересилит ни лозунг «Россия для всех!», ни призыв «Давайте жить дружно!». Реальность велит помнить, что не все, кого ныне зовут жить дружно, вошли в состав России по доброй воле. Иные, пережив немыслимые страдания, устали в ней пребывать, не верят, что она станет «для всех», – это ведь им всегда и обещали. Украинцы не отрицают, что русские тоже знали голодомор, не легче украинского. Они лишь хотят, чтобы впредь, проводить у них голодомор или нет, решали не в Москве, которой они не верят. Вот и хотят независимости. А Москва, вместо того чтобы искать доверие погранных ею народов, перебила пятую часть чеченцев и готова закрыть уцелевшим въезд в столицу. И пока оно так, лозунг «Россия для всех!», когда она не для всех, – не лучше откровенного «Россия для русских!».

Благими призывами на митингах не заслонить мнимость федерации, у субъектов которой нет прав на самоуправление, и не прикрыть то, что лишь 15 процентов этих субъектов могут жить на заработки, а не на подачи патерналистского государства.

Только горизонтальное самоопределение спасает от вертикального единизма. Одинаково нелепы расчеты растворить автономии в губерниях вертикальной России, или держать по-нынешнему, или вытолкнуть силой. Русь покорила разные народы, и ей их не заглотать, да еще при нынешней демографии. Нужен неторопливый, но неуклонный процесс самоопределения всех, включая русских, уточняющий отношения – административная или договорная автономия, а там, где центральная власть насадила непримиримость, – отделение. Наперед неизвестно, как где пойдет. Мордовская республика не обязательно будет определяться раньше русских Дона и Кубани. Но чем лучше власть расслышит волю граждан, тем крепче будет Россия, не только Московия, ее обирающая.

Империй вроде нашей уже нет. А демократиям нет нужды держать свои части силой, большинство жителей каждой хочет жить в общей стране. Вот там и нет страха перед распадом, гложущего наше начальство. Современная цивилизация стоит на добровольности. Она погибает, если забывает, что себя исчерпали и подневольный труд, и покорение народов, и закрепощение ради этого титульного народа империи. Нас спасет лишь призыв «Да здравствует добровольная Россия!». В нынешнем году – сто

пятьдесят лет официальной отмене крепостного права. Пора ей стать, наконец, реальной.

Страдание и социальный смысл

20.01.2011

Нынешние дискуссии уходят от сути поднятых участниками проблем. Елена Санникова справедливо призывает сострадать политзаключенным. Но в своем благородном пафосе она осуждает журналиста, который «вместо того, чтобы сказать доброе слово получившему большой срок... хладнокровно пишет... МБХ стал вечным узником». А «вечный узник» - метафора, обозначающая, что власть, пока держится, хочет держать МБХ в заключении. Абаринов справедливо отверг выпад, но тоже не без обобщения: «Некоторые ветераны диссидентства воспринимают окружающий мир исключительно в черно-белой гамме. Особенно... в истории с шашлычной вывеской. Логика защитника вывески простая: кто не антисоветчик, тот вертухай». Но примечателен не так взгляд защитника вывески, как позыв власти убрать вывеску из страха, что слово «антисоветский» прозвучит положительно.

Дело Ходорковского-Лебедева восьмой год тянется у всех на глазах, но его социальный смысл в тени. Его вопиющее беззаконие не так уж будоражит. Эка в отечестве невидаль - беззаконие! Да у нас Данилкиных сотни, если не тысячи. А дело, о котором речь, уникально.

Едва ли не единственный, кто сказал, что природа этой уникальности не выявлена, что «тема не раскрыта», - Ирина Павлова. Иные ее суждения ждут уточнений - но это, возможно, по той причине, что повернуть общество к пониманию социального смысла происходящего она могла лишь резкими и порой слишком простыми словами.

Упрекать Ходорковского и его адвокатов в том, что они сами не раскрыли эту «тему», а лишь выявляли ложь обвинения, едва ли правильно. И тем менее оправдано сравнение с Верой Засулич. Не только потому, что ее судили присяжные, а не Данилкин, а председательствовал в суде опять же не Данилкин, а Анатолий Федорович Кони, виднейший российский юрист, много сделавший для осуществления судебной реформы Александра II и еще в своей студенческой работе писавший: «Власть не может требовать уважения к закону, когда сама его не уважает». Эту мысль он и продемонстрировал на процессе.

Засулич, в отличие от Ходорковского или Лебедева, совершила явно противозаконный акт – стреляла в петербургского градоначальника Федора Трепова, приказавшего высечь розгами политического заключенного, чего закон не позволял, то есть противозаконно ответила на противозаконный акт. Но действия градоначальника, в отличие от действий Засулич, не были его личным поступком. Он порол именем государства вопреки законам государства. И Кони, хотя и царь, и министр юстиции хотели, чтобы Засулич была наказана, способствовал ее оправданию не просто по личной доброте, а как истинный либерал, показав, что власть, доверяя выступать от имени государства человеку, не соблюдающему его законы, теряет возможность наказывать частных лиц,

нарушающих их в ответ. Показав это делом, Кони остался на своей должности, а Трепов ушел в отставку.

В деле Ходорковского все наоборот: вопреки государственным законам суд поддерживает чиновников, преследующих частных лиц, от имени государства. Не могли Ходорковский, Лебедев и их адвокаты при Данилкине вместо Кони выйти за рамки самозащиты. Цитируя Ходорковского, Павлова пишет, что Кремль дал подсудимым «публичную трибуну для защиты». Но если в приговоре показания свидетелей Христенко и Грефа, видных лиц государства, истолкованы в прямом противоречии с тем, что они показали в открытых заседаниях, это значит, что публичностью Кремль не обеспокоен. И никакой публичной свободы для контрнаступления он подсудимым и адвокатам не дал. Павлова преувеличивает отличия дела Ходорковского от сталинских открытых процессов. Те были поставлены даже артистичнее, но хоть Вышинский поярче нынешних прокуроров, и у него были сбои в допросах Бухарина и Крестинского. В уходе от сути можно упрекнуть лишь средства массовой информации.

Павлова, как человек социально мыслящий, желает, чтобы суд над Ходорковским и Лебедевым «перерос в процесс над общей практикой мафиозной власти в стране» и стал «поворотным событием в истории российского общественного сознания». Но чтобы этого добиться, надо вскрыть механизм этой власти. А он укутан плотно. Павлова делает попытку его обнажить. Однако трудно согласиться с ее утверждением, что Ходорковский до ареста был высокопоставленным членом правящей мафии. Не стоит доверяться кличке «олигархи», исходно внушавшей, что к власти в стране вместо Политбюро ЦК КПСС пришла кучка новых богачей. На деле власть в России взял президент со своей свитой. «Олигархи» - и Ходорковский, и прочие - хоть и были созданы руководящей мафией, не стали ее членами. Даже Потанин и Абрамович, бывшие один вице-премьером, а другой губернатором, ими не стали. Разве что Березовский, сам себя усердно рекламирующий как члена правящей клики, вплоть до заявлений, что он-то и породил Путина.

Не «олигархи» распоряжались имуществом, оказавшимся в их ведении. Схвати они его помимо мафии, обвинения в прямом воровстве у государства звучали бы на суде. А не звучали они потому, что Ходорковский и другие получили «свое» именно из рук правящей мафии и обнажение этого могло повернуть процесс к разоблачению мафии. На деле они лишь высокопоставленные служащие, поодиночке вошедшие с мафией в соглашение. Они взяли на себя роли независимых капиталистов, обязавшись на деле выполнять указания. Я тоже, конечно, огрубляю действительную картину, но суть такова.

Это стало возможно потому, что мафией оказалась власть РСФСР. По существу после разгона Учредительного собрания большевистская мафия правила всей советской страной. А Ельцин, впервые выиграв президентские выборы в честном состязании, стал первым законным правителем РСФСР. Однако раздача имущества, числившегося - хоть по преимуществу противоправно - государственным, законной не была. В РСФСР таких законов попросту не было, как не было и новой конституции.

Отколовшись в миг кризиса от остальных республик, российская номенклатура, продолжая во главе с законным президентом возглавлять страну, искала способ повысить эффективность хозяйствования. Она не хотела перейти к буржуазному порядку, разрешив частно-хозяйственную деятельность и наладив судопроизводство: понимала, что в конкурентном обществе элитарную позицию ей не удержать. Вот и наладили чубайсовщину, феодальный капитализм: могучие фирмы в руках доверенных лиц стали действовать в отечестве и за рубежом, но сообразно указаниям власти и с обязательствами перед нею сверх налоговых.

Ходорковский был одним из таких доверенных лиц. И суд над ним показал, что служащий мафии - а ее служащими так или иначе являются ныне все граждане кроме лиц свободных профессий, пенсионеров и детей - никаких гарантий безопасности не имеет и тоже может быть ограблен и растоптан по знаку с надлежащего уровня вертикали.

Можно спросить: неужто Михаил Борисович наперед этого не знал, не понимал, что коммунистические бонзы только так себя и могут вести и ни единому их слову верить нельзя, как они ни переоденутся? Но то-то и оно, что он, как и десятки миллионов граждан, был искренним советским человеком и легко принимал порученную роль, считая всякое указание начальства законным. Будучи комсомольским работником, он особо привык к такой методе. К ней привыкло большинство советских людей, которых поэтому и нельзя бранить за то, что они не восстают против новой тоталитарной власти. Страна жила с таким сознанием три четверти века, а за последние двадцать было слишком мало сделано, чтобы возродить элементарные понятия. Смешно считать, насколько популярны партии и персоны, когда телевидение в руках правящей мафии. Индивидуального опыта недостаточно, чтобы в одиночку решить, что делать стране.

Индивидуальный опыт комсомольца Ходорковского не побудил его уклониться от служения мафии. Но индивидуальный опыт олигарха Ходорковского подвиг его задуматься о своем положении наемного капиталиста. В отличие от Абрамовича, Потанина, Дерипаски, Прохорова и других он уже этими крамольными мыслями нарушил сговор, чего мафия - а не один только Путин по своей садистской мстительности - допустить не может. В том и состоит вина Ходорковского и Лебедева, что они пытались быть реальными капиталистами в тоталитарной системе, допускающей лишь феодальных капиталистов-вассалов.

Важно понимать, что, сострадая вместе с Еленой Санниковой несчастным узникам, мы не можем этим ограничиться. И хотя Ходорковскому и Лебедеву мысли Ирины Павловой, возможно, уже не помогут, те, кто пойдет за ней в собственных размышлениях, лучше поймут, что с нами проделывают и что нас ждет.

В свете Лимонова

26.01.2011

Лимонов – самая небанальная фигура нынешней России. Заявлений вроде "не сяду с ним на одном поле" с лихвой. Мало кто из диссидентов, уехав на Запад, там выступал против местных порядков в защиту коммунизма, а он выступал. В 1976 году московская «Неделя»

перепечатала опубликованную им в Америке статью «Разочарование». Он сотрудничал с Социалистической рабочей партией США, а с 1980 - с Коммунистической партией Франции. Вернувшись, защищал в 1993 году Белый дом вместе с Руцким и Макашовым. Надеялся возглавить госбезопасность в правительстве Жириновского. Поддерживал войны с Чечней и Грузией. Воевал за Великую Сербию Милошевича с хорватами и боснийцами. И вот парадокс - ныне Эдуард Лимонов смело ведет борьбу за право собраний, гарантированное 31-й статьей Конституции РФ и отнятое властью, позволяющей собираться лишь с ее разрешения.

Объяснение парадоксу можно, конечно, искать в его натуре, в талантливой прозе и актерском даре, можно указать на его авантюрную жилку. Но создатель Национал-большевистской партии понятен лишь в контексте реальности. Реальности не политической (политики у нас нет - сдохла на вертеле вертикали власти), а повседневной.

После выхода из оцепенения феодальной реакции в 1861 году в России, по слову гения, «все переворотилось и только еще укладывается». И доселе не уложится. Мнимая приватизация советского хозяйства, сохранив его государственно-феодальную структуру, многое отдала в номинальную собственность и управление доверенным лицам, прозванным «олигархами». Чубайсизация вопреки историческому опыту установила «капитализм» не снизу, а свыше - он не из мелких хозяйств дорос до концернов, а наоборот, государство раздавало концерны. Но переходя от барщинного (сталинского) нефеодализма к оброчному (чубайсовскому), Ельцин отрекся от марксистско-ленинской идеологии, и было объявлено, что перешли к капитализму. Открытость денежных отношений тоже внушила веру, что Россия стала буржуазной.

На деле-то не стала, но засуетились партии обновления, предтечи «Единой России» и «Правого дела». Подлинно-буржуазной экономики с социальными гарантиями добивалось лишь социал-либеральное «Яблоко». Консервативные противники реформ остались в КПРФ. Но всплыла и третья антиельцинская, ставшая потом антипутинской, тенденция: обличать нынешний порядок в дореволюционных традициях - как буржуазный, хоть и до революции строй еще не стал буржуазным. Новая тенденция ведет к отдельному от КПРФ большевизму как воплощению антибуржуазности. Лимонов хоть и не сразу, но стал лицом такого нового большевизма.

С 1991 Россия ждала установления порядка. Порядок, введенный Петром (и наново Лениным), строили на мудрости власти, вере и дисциплине. Под ним Россия жила сперва с царями, потом с генеральными секретарями. Накатывали все большие беды, но при внеэкономическом порядке от них спасались лишь заемными способами, в чем не сознавались, хотя удержали власть лишь благодаря нэпу. При последнем кризисе на допуск независимых частных инициатив не пошли, СССР распался, и большинству его граждан жить стало еще тяжелей. А за порядок платили человеческими жизнями - и в ГУЛАГе, и в войнах вплоть до афганской и чеченской. Но он не мог утолить нужду в широком техническом развитии и уповал на заемное, на вечное Сколково, обрекающее на отсталость.

А буржуазный порядок - это обмен ценностями, к которым относят не только дары природы, нефть и газ, но плоды ума и рук людей, их труда, не

только физического. Его измеряют не затратами времени, а спросом на плоды. Добытое не тонет во властных глотках внеэкономических сил, и участники труда эквивалентно обмениваются друг с другом. Идеализировать этот порядок не стоит, труд и спрос не всегда сходятся, но нет более эффективного и легче корректируемого. При нем ввели социальные гарантии. Они возникли в классовой борьбе, плодотворной, пока ведущие ее противоположности связаны единством производства. Когда же вольных наемных рабочих заменяют узники ГУЛАГа, а капиталиста – государственный чиновник, то есть при социализме вопреки надеждам Ленина падает производительность труда и его оплата. А классовая борьба рабочих с государством-работодателем там даже уголовно наказуема. Зато правящей номенклатуре, «элите», при социализме устраивают лучшую жизнь, чем она заработала. Ленин, введший «партмаксимум», возможно, так не хотел, но при внеэкономическом строе - социализме, коммунизме и любом «единизме» любых большевиков - несправедливость неотвратима.

Советские люди насытились этой несправедливостью и в начале девяностых надеялись на буржуазный строй, подобный европейскому. Но чубайсизация создала строй псевдобуржуазный, и неприятие Ельцина и Путина породило у новых поколений интерес к большевизму. Былые надежды рухнули, воплощавшее европеизм «Яблоко» потеряло популярность.

Так вышло потому, что для рядовых людей выбор был умозрительным. Никто уже не знал, что такое независимое хозяйство. При советской власти они исчезли к 1930 году, а при постсоветской практически не возникли. А до 1917-го перед глазами было множество независимых мужицких хозяйств, и к адекватному им буржуазному строю вела не только Партия народной свободы (кадеты), но фактически и народные-социалисты (энесы), и даже социалисты-революционеры (эсеры), составлявшие большинство Учредительного собрания и после ухода левых к большевикам.

А советский опыт остался неосознанным. Не осознано как, атакуя буржуазность, ленинский волюнтаризм сталинскими руками погубил крестьянство и замордовал все другие социальные потенциалы саморазвития. И Путина, ученика Ленина и Сталина, хоть не произносящего их имен, винят в буржуазности и кичатся своей антибуржуазностью. А она в личном обиходе обаятельна как свобода от расчетливости: бескорыстие симпатично. Но общество, не умеющее считать, обречено.

Лимонов атакует путинскую псевдобуржуазность, внушая ненависть к реальной буржуазности. Гайдар и Чубайс, Ельцин и Путин для него изменники большевизму. Он по сути вернулся на ленинские позиции. Но его большевистская партия отличается от ленинской тем, что ее название «национал-большевистская» - аналог гитлеровской «национал-социалистической». Ленин не предвидел, что в одной, отдельно взятой стране, какой, обманув его надежды на мировую революцию, стала советская, социализм будет национал-социализмом. А новые большевики Лимонова рады поучиться не только у Ленина. Но Ленин обрек свой строй на тождественность гитлеровскому бессознательно, не думая о том, куда

волютаризм заведет. А Лимонову и его товарищам опыт Ленина известен, и не предвидеть последствий они не могут.

Ситуация нова и тем, что после революции большевики боролись между собой не так на съездах партии, как за кулисами власти. Сегодня борьба между большевиками разных толков - путинцами, зюгановцами, лимоновцами - вышла на улицу. С Путиным национал-большевик Лимонов спорит активней коммунистического бюрократа Зюганова, тоскливо ждущего провала товарищей из КГБ, оттеснивших официальную компартию. А за вычетом большевиков да прямолинейных националистов публичные движения нынче не сильны. И один Лимонов дерзнул на открытую борьбу за свободу собраний.

Конечно, и Ленин требовал свобод, пока не взял власть. Но Лимонов-то требует их не у царя, а у таких же большевиков, хоть и спрятавших партбилеты. Их бесит, что он, враг буржуазности и, значит, политической конкурентности, по 31-м числам выступает как не силовой, а политический соперник большевиков из спецслужб, замаскировавшихся под буржуазность.

В азарте удачной игры Лимонов преступил пределы большевизма. Выводя безоружных людей на столичную площадь, он не только проявляет мужество, но отстаивает необходимое не одной своей секте, а всей России. Тут и спрашивают: «А не провокатор ли он?» Конечно, провокатор! Но не в том смысле, в каком это слово обычно в ходу. Он, как Ленин, не агент немецкого Генштаба или охраны, а политический провокатор, ведущий не к тому, что пишет на знамени. Ленин, возможно, этого о себе не знал, Лимонов знает. Но это дело идущих за ним молодых людей, которые, захвати они власть, тоже будут расстреливать друг друга за измены лимонизму.

Так или иначе, дерзкий шаг Лимонова изменил положение. Вынудил Путина признать, что ему нечем ответить политически, лишь дубиной по головам. Гадающие, с кем можно на одном поле, забыли, что у демократии общее поле для всех, парламент как место для дискуссий, где не только свои ребята. Власть боится, чтобы люди разных взглядов публично спорили, ей удобней, чтобы они убивали или хоть избивали друг друга, тогда она наводит порядок. Говорят, уже и на Манежной собираться нельзя. А на самом деле нельзя - в любом месте - звать к убийствам и бить инородцев. Собираться можно.

Общество изменяют не благие порывы, а устранение невыносимого. Долой крепостное право, долой самодержавие, долой власть партийных комитетов - вот лозунги революции. А указуя каждому, революция сама строит ГУЛАГ. Над Россией висит полицейский клич «Больше трех не собираться». И за право мирно собираться не грех встать рядом с кем угодно.

Нас предостерегают, с кем рядом можно, а с кем нельзя противостоять власти, называют предосудительных соседей и велют учитывать законы, даром что антиконституционные. А совпадение потребности в общепринятых свободах никак не говорит о совпадении в политических и других действиях. Сплошь и рядом хотят свободы ради противоположных целей. Откуда идет вера, что если власть падет от параллельного натиска

нацистов и либералов, то новой властью станут нацисты? Не от страха ли, что нынешняя власть, обнажая свои предпочтения, поможет им вооруженной силой?

Из того, что честные выборы могут привести в парламент нацистов, не следует, что демократы и либералы, чтобы их остановить, сами должны стать вроде нацистов. Ни в России, ни в Германии, тоталитарные партии не имели абсолютного большинства, и против народа, демократов и либералов применяли силу. Арест Немцова показал, что ее применению уже нет границ и у нас. Это главная опасность в России, и подавление свободы собраний ее наращивает.

Борьбу за нее срывают и друзья самого Лимонова, еще не взяв власть, пугающие, что если мумию Ленина вынесут из мавзолея, они не встанут рядом с мемориальцами даже почтить память Маркелова и Бабуровой. Новые большевики оживились со всех сторон. Но в России немало людей, способных в мирном собрании показать пагубность нацизма, большевизма и ленинизма не нюхавшим их в натуре.

А войди в обычай мирные собрания рядовых людей, глядишь, дошло бы и до Учредительного, которое наконец сделало бы страну свободной. Если бы опять не разогнали.

Террор - это страх

08.02.2011

Слово «террор» в переводе с латыни означает «страх», «ужас». Производное от него «терроризм» надо бы понимать как средство наводить страх. Массовое убийство не всегда наводит страх на всех. Ни ликвидация шести миллионов евреев, ни депортация сотен тысяч кавказцев, ни уничтожение двух миллионов африканцев в Дарфуре ни у кого кроме обреченных страха не вызывали. Царило равнодушие. А терроризм страшит всех, и, безусловно осуждая всякий терроризм, пора выяснить, зачем сеют страх, кто это делает. Терроризм - только средство, всегда преступное, никогда не имеющее оправдания, но только средство. Нет такого политического движения – «терроризм».

После Домодедова разъясняют, что это война, иные даже выговаривают: гражданская война. Но на войне, тем более гражданской, не вызывают сыщиков, чтобы установили, с кем война идет. Террорист сам-то прячется или сам погибает, но в любом случае дает знать, от чьего лица убивает, чтобы знали, кто не пощадит. Но в Домодедове, как и в домах Москвы и Волгодонска, было иначе: террористы промолчали, внушая безымянный страх перед любой тенью. А гражданские войны откровенны: это белые, это красные.

Гражданскую войну 1918-1920 забыли, а нынешний терроризм оттуда. Говорят, войну против свершивших мирную революцию большевиков затеяли тогдашние Абрамовичи да Березовские. А тогда их не было, не давал царь Абрамовичу и Березовскому концерны в управление, а Рябушинские да Путиловы сами сколотили богатства. Но в Гражданской войне виноваты не они. Конечно, большевики, почти мирно взяв власть в Петрограде, дали дивные обещания, каких от царей было не дождаться: Декрет о земле и Декларацию прав народов России. И, главное, провели

выборы в Учредительное собрание, которые Временное правительство затянуло. Но за них проголосовала лишь четверть избирателей, и они разогнали собрание. После революции законная власть так в России и не возникла. Потому и началась Гражданская война.

Ее несчастье в том, что депутаты собрания, в основном люди штатские, воевать с вооруженными большевиками не могли. Сопrotивление оказали Денинин, Юденич, Колчак, тоже не считавшиеся с Учредительным собранием. Гражданская война шла между диктатурой с демократическим знаменем и царским порядком. Большевики и царистское охвостье съели русскую демократию сообща.

Но наряду с войной начался террор. В Ленина и других стреляли не царские офицеры, а эсеры, люди из крестьянской партии, применявшей террор еще против царской власти. За них голосовало большинство. Большевики, уже введшие в деревне продразверстку, объявили их террор белым и начали красный террор. Но обманувшие надежды большевики побоялись, что крестьяне повернут против них, и пошли на компромисс - новую экономическую политику, и террор стих.

А к 1929 году, когда от нэпа отказались (Ленин еще в 1922-м говорил: «Мы год отступали. Достаточно»), уже сложился карательный аппарат, готовый преобразить крестьянство в класс сельскохозяйственных рабочих. Советское государство, уже с 1927 года практикуя массовые репрессии на хлебозаготовках, стало террористическим. Высылка миллионов не сдававшихся крестьян запугала десятки миллионов оставленных работать. Взаимность террора прошла. Террор стал односторонним.

Но террористическое государство, устрашавшее весь мир и постоянными репрессиями державшее в страхе свое население, стреножило насилем и себя, запуталось и в 1991 году распалось. Обособившись, Россия могла стать иной. Однако ее хозяева, вышедшие из коммунистического аппарата, хоть и обновили детали былого порядка, тоже вынуждали всех жить так, как хотели они, не давая людям решать самим.

Сопrotивление принуждению начиналось под знаменем национальной самостоятельности. Чечне отказали в реальной автономии, и на самопровозглашенную республику, армии не имевшую, обрушились войска мощной военной державы. Чтобы устрашить чеченцев, бомбили Грозный. Наша армия стала террористической. Чеченцы тоже отвечали террором. Басаев и Буданов снова сделали террор взаимным.

Принуждение росло и за пределами Чечни и Кавказа в целом. С переходом к назначению губернаторов возглавляемые ими области, края и автономии фактически перестали быть субъектами федерации и Россию, как прежде СССР, на деле снова сделали унитарным государством, воюющим против своего населения. Но террористическая машина уже не рискует, да еще и не в силах, как советская, разом давить всех, и ей дают сдачи. Ответы на репрессии считаются терроризмом. А сами репрессии – нет. И борьба с терроризмом сводится к стремлению пресечь ответы, снова сделать терроризм односторонне государственным.

Наша власть верит, что с инициативным терроризмом можно совладать, не думая о политике, лишь совершенствуя организацию работы силовых органов да технику. Они нашли в США и Израиле положительные примеры

борьбы с терроризмом. Но у них и у нас террор совсем разный. У них внешние войны, в которых их противник применяет террор. Чтобы воевать против США, другого средства нынче и нет. А семь арабских стран, напавшие на новорожденный Израиль, обычным путем с ним не совладали, и начался террор. США и Израиль ведут войны, где террор применяют против них, а у нас гражданская война, в которой террор ведут обе стороны.

Не будем здесь выяснять, могут ли прийти к миру со своими противниками Израиль и США, и входить в неоднозначные проблемы, Домодедова не касающиеся. Но нам покончить с гражданской войной легче, чем им с войнами внешними, поскольку наш правящий класс сам попирает народы своей страны. Никаких причин кроме его желания держать население покорным абсолютизму центральной власти у нашей гражданской войны нет. Это доказал еще переход к нэпу в 1921 году, разом изменивший состояние страны. Противоречие диктатуры, отрицавшей частную собственность, и частного производства крестьян не ушло, но обрело мирную экономическую форму, и это оттянуло расправу с крестьянством.

Нынешние противоречия не сводятся к национальным конфликтам. Об этом напомнили партизаны Приморья. Да и рост русского национализма, как демократического толка, так и фашистского, при всем различии их идеалов, тоже выдает неудовлетворенность принудительной и скудной жизнью, нехваткой свободы, действительно способной быть лучше несвободы.

Объективные противоречия развития, терзавшие Россию на выходе из феодализма, не оригинальны, их приходилось разрешать и другим западным странам, но у нас их разрешение, надеясь на внеэкономические методы, тормозили цари и большевики. Чтобы мирно решить накопившиеся за столетие проблемы, недостаточно честно провести выборы органов власти всех уровней. Надо открыть простор мирной эволюции, обеспечить свободу деятельного самовыражения каждого и свободу негосударственных организаций, чтобы даже и честно избранные не выходили за пределы, в которых государство правомочно действовать, и не пренебрегали безопасностью граждан.

Советское самодержавие, развивая традиции царского, таких пределов знать не желало, и пуще глаза берегло безопасность особого советского строя и его властителей. А на граждан силовые органы давили, не только не обеспечивая им безопасность, но представляя для них опасность. После 1991 года начальство уже не объявляет наш общественный строй особым, но силовые органы, как прежде, подавляют население, не то якобы развалится страна. Что говорить, открытый показ народам СССР, что у себя дома они не первые, принес плоды: Союз, не будучи союзом, не выжил. Но автономии и исторические русские регионы поныне страдают от пренебрежения ко всему, что не Москва.

Власть хочет пресечь ответный терроризм, удержав нахватанное, и внушает, что России не устоять иначе как на штыках. Такая, дескать, национальная особенность. Твердят, что без государственного террора не выжить и плох лишь частный, отдельный, групповой, местный. А это нашей власти не усидеть иначе как на штыках. Российское содружество крепче, чем кажется Путину, и отпади принуждение к сожительству, будь

субъекты федерации или конфедерации полноправны, отношения были бы не хуже, чем в Британском содружестве. Мало кто ушел бы совсем.

Главный лозунг оппозиция «Россия без Путина!» А какая разница – Путин, Непутин, как их там звать? Школа КГБ в избытке дает умельцев тащить и не пущать. Смена смене всегда готова. А оппозиция все о личности, а не о порядке, который с Ивана Грозного не меняется. Так и бьют дубиной по головам.

Смысл нужных стране перемен лучше выразят лозунги «Россия без страха!», «Россия без государственного терроризма!». Когда появится законная власть, знающая, что страна не ее собственность и вообще не только для нее, когда компромиссы станут считать не поражением, а победой и признают победой договор Лебедева с Масхадовым, который Ельцин растоптал, оставив войне тянуться уже второе десятилетие, когда у русских и нерусских появится возможность показать себя делом, а не убийствами и самоубийствами, гражданская война кончится и террор прекратится. Но не раньше.

Если, опять же, не станем жить совсем по-сталински, со всеми последствиями для всех.

Увеличить разрыв с Западом

14.02.2011

Не без дальнего умысла уравнивал президент лето и зиму. Не просто чтобы не томить коров опозданиями доярок - и о людях тоже позаботился. Ведь общение с Европой при современных-то средствах очень уж нынче тесное - а влияния оттуда у нас не в чести. Но не запрещать же общение с иностранцами. Тут лучше без шума. Кабы, пока у нас день, на гнилом Западе шла ночь, контакты бы и ужались. Но так выходит лишь с Америкой. А по закону природы, то бишь астрономическому времени, когда в Москве восемь часов вечера, в Париже – семь, в Лондоне – шесть. Разрыв невелик.

Советская власть его увеличила, введя декретное время. Тогда говорили не «модернизация», а «индустриализация», был лозунг «Время, вперед!» - и перевели вперед стрелки. Ныне, вопреки природе, в Москве восемь часов, в Париже шесть, в Лондоне пять. Этой весной летнее время нам еще введут - и таким оно останется, зимнего уже не будет. А в Англии с проклятым Березовским, да и во Франции, на указ нашего президента не оглянутся. Осенью они отведут часы назад, а мы - нет, и разрыв на зиму с Лондоном будет в четыре часа вместо двух природных. А с Парижем три вместо одного.

Хотите позвонить знакомому в Лондон? До работы трудно: в Питере восемь, а там будет еще четыре утра, разбудите. А после работы, чтобы и он домой уже пришел, надо звонить в полночь - тогда там восемь. Значит, самому не спать. Опять же и конторам, нашим и тамошним, между собой сговариваться будет трудней. По-природному было бы два часа разницы, не беда, а по-президентски будет четыре. Часто звонить не станешь. Личные контакты ослабеют. Чего, видимо, и хотят.

В отсутствие оппозиции

26.02.2011

В приговоре Ходорковскому и Лебедеву сказано: сделка, в результате которой продавцом получена миллиардная прибыль, является «безвозмездным изъятием» – хищением. А в 34-й статье Конституции говорится: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». В СССР прибыль извлекали из теневой экономики. Новая 34-я статья дала право получать ее легально, и этим - на бумаге и экране монитора - изменила общественный строй. А приговор проговорился: «обозначено в меню, а в натуре нету!» - не воображайте, что ленинское «Грабь награбленное!» ушло из обихода, что власть, если захочет, не отнимет у вас прибыль и все, что есть. Словом, не вздумайте, что строй изменился по существу.

Прежде проводили выборы из одного, представительные институты театрализовали, дискриминацию звали равенством. Но хозяйство вели откровенней. Социализм был вертикальной общегосударственной сверхмонополией, правившей всем хозяйством и жизнью каждого. После 1917 года ее насаждали как небывалую. Но скоро стали являться похожие, хоть с иными идеологиями и формами. До договора Германии и СССР о дружбе равнять противоположно ряженные режимы считали даже кощунством. Возникшие после Второй мировой тоже завели своеобразные идеологии и формы, окрашенные то религиозно, то национально, то социально. Тоталитарные государства придавили людей. В обществах, не имевших опоры для аналогичного передовой Европе развития, эти режимы любой ценой сбивали воедино волевой порыв «догнать и перегнать». Тоталитарный единизм не зря начался в России, Италии, Германии, исторически принадлежавших к Европе, но замешкавшихся в социальном развитии.

Наша система пренебрегла стоимостными критериями, они в ней сказывались лишь в конечном счете, а богатство страны позволяло оттягивать расплату. Власть не раз начинала по новой, обесценивая деньги, скопленные людьми. Но абсурд волюнтаристского хозяйства (не только гонки вооружений) вылез в конце семидесятых. В Питере нам в восьмидесятые уже выдавали удостоверения на право покупать еду. Боялись, что скупят приезжие, хоть еще не было гастарбайтеров.

Бесплодное хозяйство толкало думать о буржуазном порядке, не возобладавшем в России до 1917. Известны его пороки, отчасти преодоленные на Западе в классовой борьбе, сделавшей буржуазное общество более справедливым. Но порочность социалистического порядка непреодолима. Его спасали лишь отступления к частичной буржуазности, вроде перехода к НЭПу или реформ Дэна в Китае. Как ни печально, иного устройства, позволяющего сколько-нибудь реально поддерживать баланс хозяйства, кроме рыночно-конкурентной системы ценностных отношений, покамест не изобрели. Ельцин, Гайдар, Чубайс это вроде признали и даже слывут отцами капитализма в России, Путин как будто тоже не возражал. Но приговор, объявивший хищением прибыль как таковую, если ее получают Ходорковский и Лебедев, но не спохватившийся, что ее получают также Дерипаска или Усманов, выболтал, что теперь у нас и хозяйство обманное, а руководит им по-

прежнему государству, и перешли мы не к капитализму, а лишь к иной форме тоталитарного режима, не сразу создающего Колыму и Треблинку. Фашизм, ставший у нас бранным словом, в Италии, где возник, был мягче нашего коммунизма и немецкого нацизма, но героя фильма Феллини «Амаркорд» не утешало, что в СССР или Германии страшней.

Этот обновленный тоталитарный порядок, тоже мешающий развитию страны, возник у нас при Ельцине и Путине. Но неверно искать тому причину в личностях, к тому же очень разных. А Путина винят в этом лично и при жизни, как полвека назад Сталина после смерти. Но пора признать, что РКП(б), еще до возвышения Сталина согласившаяся, чтобы центральный аппарат ставил секретарей местных организаций, перестала быть партией, не говоря о том, что в правящую партию шли не такие люди, как некогда в нелегальную. Сталин создал партийный аппарат не против воли других вождей и стал генеральным секретарем не без соизволения Ленина. Вожди боялись, что партийные массы, дай им волю, отвергнут насилие над крестьянством. Вот партии и понадобился во главе палач, и она удачно нашла Сталина. Применение партией насилия против большинства народа неизбежно привело к насилию внутри самой партии.

Путин тоже не сам полез в президенты. Те, кто ныне его бранят, подпирали Ельцина, вносившего Путина на руках, из страха, что иначе придется реально проводить реформы, рушащие тоталитарный строй, и паразитарной «элите» (номенклатуре) уже не устоять. Вот Ельцин и ориентировался на КГБ, а Путин, при поддержке элиты, повторил сталинский номер - упразднил выборы губернаторов и начал назначать. И опять не стало России, не слышно ее многогласия, ни русского народа, ни других. Все опять заодно и едины. И правит тоталитарный единизм в виде тандема. А жизнь и кусок хлеба опять дарит национальный лидер Путин, как некогда Сталин. Большинству себя не прокормить - страна живет сырьевыми ресурсами да продукцией старых военных производств.

Недовольных куда больше, чем выходит на Триумфальную, Дворцовую, Пушкинскую, к Гостиному и в другие места. Но реальной оппозиции в России сегодня нет, ни системной, ни внесистемной. Недовольны чуть не все, бранят власть, клеймят ее убожество, но альтернативной позиции, без которой оппозиция несерьезна, не видать. Без публичных взаимодействий с массами людей ей не сложиться. Говорят: на свободных выборах пройдут нацисты. Это не исключено, пока, заткнув несогласным рты, государство пропагандирует тоталитаризм. Но впустите на полгода гласность и свободу слова, откройте телевидение, и нацизм станет маргинальным.

Власть нынче более терпима к отличным от нее видам тоталитаризма, чем к либеральности. Занятно, что к новому совку зовет не так Зюганов, именуемый оппозицией, как новые «движения», стриженные под старых большевиков. А претендующие слыть либералами знают одно: власть подтасовывает выборы и ворует, а мы - честные. Но будь даже так, при нынешнем порядке честности недостаточно. Честные и при советской власти были, и хотели как лучше, а известно, что вышло. Наша власть не одной бесчестностью худа. Но в массовом сознании зловещее нутро общего тормоза и душителя залито нефтью.

Многие новые большевики, подобно нашей власти, видят в государстве лишь силу. Они зовут сокрушить злую силу революционно. Зовут в будущее без капитализма. Но забыли, почему столь же благие намеренья, искренние в 1917 у многих большевиков, лишь вымостили дорогу в советский ад. Эти новые уверяют, что не хотят ГУЛАГа, словно дело лишь в желаниях да аморальности Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича. Они крепят свою решимость ссылками на ленинское противопоставление двух культур, прогрессивной и реакционной, в каждой культуре, словно общество состоит лишь из угнетателей и угнетенных, как в Кратком курсе. А известно, что «история – не тротуар Невского проспекта».

Буржуазные рыночно-конкурентные отношения органично, по доброй воле участников, возникали еще при феодализме. А при капитализме социализм навязывали рабочему движению его пророки. Ленин знал, что рабочих волнуют права и гарантии, а не социализм, но «привносил» его в движение. А сооруженное коммунистами социалистическое государство - говорили, что пролетарское, а на деле номенклатурное - пришло в куда более резкие противоречия с трудящимися, особенно по поводу условий труда и его оплаты, как правило, худших, чем у капиталистов. Коммунисты, строя новый феодальный абсолютизм, применяли силу смелей феодалов и принуждали к социализму большинство населения. Конечно, никакому государству нельзя слишком доверять, но стоит различать буржуазное государство, способное на компромисс, и тоталитарное, советское или нынешнее, тяготящееся даже частными отступлениями от диктата и насилия.

Наш социализм обернулся новым закрепощением крестьян и бесправием и бедностью рабочих не просто от ошибок и личных пороков вождей. Его ужасающая реальность – оттого, что номенклатура, возлюбившая социализм как земной рай для себя, разошлась с крестьянами, с рабочими, с работниками умственного труда, хотевшими равных с другими участниками производства прав и пропорциональной оплаты, которых так и не получили. [Возмущение](#) молодого человека речами Новодворской против защиты трудящимися своих интересов справедливо. Но сам он забыл, что их защита допущена в свободном мире, а в социалистическом наказуема, даже, как в Новочеркасске, без суда.

Понятия «левые» и «правые» возникли после буржуазной революции и выражали различие не просто ментальностей, но социальных позиций. А упразднив буржуазию, новое общество сделали единым, всем надлежало следовать указаниям политбюро единственной партии, а теперь национального лидера, заинтересованных не так в развитии общества, как в удержании власти. В этом обществе нет левых, то есть обновителей, лишь правые, то есть охранители. Охраняя свою власть, коммунисты уничтожили свободы и права, завели КГБ. Нынешние власти на словах от коммунизма отказались, но живы оголтелые правые хватки коммунистов - и рты затыкают, и бьют дубинами по головам.

Критики власти, выступающие за общество без капитализма, не только готовят новый ГУЛАГ, но, как их предшественники, при своих добрых чувствах, могут сами стать его узниками. У всякой экономики есть неотъемлемые черты: социализм не может без ГУЛАГа, как капитализм без денег.

А России нужно то, что не сделали в девяностые, - допустить всамделишный капитализм - не просто рынок, а конкурентное хозяйство, поднимающее производство. Развивая технику с конца XVIII века, оно и улучшило жизнь европейских стран, среди которых могла быть и Россия. Для этого нужна не столетняя эволюция под надзором КГБ, а либеральная политика в экономике и в решении национальных проблем.

Пора признать, что после провала КПСС в 1991 году к власти ни на мгновение не пришли либералы. Нелепо звать либералом Гайдара и тем более Чубайса, проповедника либеральной империи, когда империя – сама по себе антипод либерализма. Суть либерализма - отделение хозяйства, как церкви, от государства. А наша приватизация лишь укрепила приводные ремни государства. Для их разрыва, для разделения властей, для свободы слова надо прежде всего сменить вертикальность власти на горизонтальность, вернуть самоуправление всем поселениям, областям и республикам. И нерушимость 34-й и другим правовым статьям. Надо предать суду судью Данилкина, если антиконституционный запрет на прибыль он списал с ленинского «Грабь награбленное» самостоятельно, а не получил приговор готовым.

Сотня зависимых олигархов – не капитализм. Он там, где сотни тысяч частных производств, начиная с крестьянских (фермерских). Лишь экономическая свобода миллионов может унять самоуправство властей. За нее и должна бороться оппозиция.

Упершись, власть, конечно, способна довести до революции. Но революция, как в феврале 1917 – стихия. Никто не знает ее часа. Ленин в январе 1917 отвел ее будущим поколениям, а девять месяцев спустя восстал на почве нереализованного февраля. Но к встрече со стихией надо готовиться, понять, чего мы хотим, и, пока от нас что-то зависит, не смиряться со старыми нравами под новыми флагами, как в девяностые с их несостоявшейся революцией, уже кажущейся перформансом.

Куда ж нам плыть?

15.03.2011

Пожалуй, самое приметное в минувшем двадцатилетии - уход от разговоров по существу. Отреклись от идеологии, отошли от социализма, распустили СССР, а чего вдруг - молчат. Не признают, что всплыло. Чем подвела идеология. Где оплошал социализм. Отчего высказывали из Союза не диссиденты, а компартии республик. История ничему не учит. Сталин ее перевирал, а нынче знать не хотят. Живут в синхронном срезе.

Горбачев сулил ввести Россию в европейский дом. А она в европейском доме родилась, ее бы туда не вводить, а туда отпустить. Помня, как оттуда увели. 250 лет монгольское иго. Потом еще 250 лет крепостное право. Потом почти 75 лет большевики. Но Россия была в те поры Европой, родила Рублева, Мусоргского, Мандельштама. Одних замазали, других съела жизнь, третьих убили. Но русское искусство и литература стали всемирными. А так дело дрянь.

Страна вся в катастрофах. Надеются на революции, свыше или реальные. Не оглядываются на исторические процессы. Огрызаются: «Об Иосифе

Сталине и Иване Грозном, господа-товарищи, можно будет доспорить как-нибудь потом...» Или: «Сегодняшнее паскудство и выявление его глубинных корней, сегодняшние деяния вполне конкретных и нагло действующих персонажей вновь и вновь подменяют говорильней про виновный ленинизм, Сталина, ГУЛАГ, КГБ и тоталитаризм». Из состава глубинных корней перечисленное исключили.

Зато внушают: «Ясно, что в основе сегодняшнего воровства и коррупции лежат возникшие в России капиталистические отношения». В этом не сомневаются. Хоть капиталистами дирижирует власть, а перечасие ей за решеткой или за границей, паскудство «путинизма» видят в капитализме! И обобщают: «Эта неотложная экзистенциальная проблема может быть решена только совместными согласованными действиями всей ответственной оппозиции». Надо, дескать, коммунистам и либералам сплотиться против этого ужасного Путина. А такие исторические опыты уже бывали.

Умри Ленин под новый 1918 год - он уцелел бы в народной памяти либералом, давшим Декретом - землю, Декларацией - права и свободы народам России и единственными за всю нашу историю честными выборами возможность народу выразить свою волю. Но, сделав в первые дни и месяцы после Октября решительные шаги к свободе, Ленин и его партия обернулись к ней спиной и стали строить марксистскую утопию, не внемля ни воле населения, ни даже самому Марксу. За Декретом о земле пришла крепостническая коллективизация. За Декларацией прав народов России – геноцид одних народов и унижение других. За свободными выборами в Учредительное собрание – выборы из одного в советы.

В книге «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин в 1916 году показал, как сверхмонополия губит плюрализм капитализма и с ним свободу. А в 1917-м в книге «Государство и революция» изложил план устройства советского государства в виде сверхмонополии. Стоит прочесть и сравнить. Но ныне обличители капитализма читают Ленина очень выборочно. Маяковский сперва ликовал: «Клячу истории загоним! Левой! Левой! Левой!» Верил, что воля большевиков ускоряет ход истории. Но, ликвидируя провозглашенные было ими свободы, они вернули феодальное правление и самовластие, и стали по сути крайне правой партией. А Маяковский застрелился.

Строители сверхмонополии заставили страну быть единой, держаться единого мнения, ориентироваться на одну партию, а саму партию - пуще глаза беречь единство. Ленин провел на X съезде особую резолюцию о единстве партии. В Италии возникла фашистская партия (партия единения). В Германии единства требовала Национал-социалистическая рабочая партия. У нас ее тоже звали фашистской. Точней бы звать это разноименное движение в отстававших странах "единизмом". Перевод итальянского «фашизм» прояснит смысл.

Советский строй был не в ладах с хозяйством и проводил экономические реформы. Лишь Горбачев признал: хозяйству нужны реформы политические. Он ввел гласность и выборы не из одного - это были шаги к либерализму. Но затем Ельцин провел либерализацию цен Гайдара и приватизацию Чубайса. Оба они из ленинградско-московского кружка, обсуждавшего, как хозяйствовать при социализме. Отсюда и не

сдвинулись, либералами, как их звали, не стали. Но «строили капитализм», назначая капиталистов и объявляя их «олигархами», хоть те не имели власти, а служили Ельцину, а потом Путину.

А «приватизация для всех» стала фарсом раздачи ваучеров. Независимые суды не возникли. Чиновники, кормящиеся взятками, тормозят инициативы. Но цены на нефть и газ росли, живые деньги помогли возродить советские нормы, подчинить телевидение, зажать свободную прессу и свободные выборы. Ленинизм умер, но его практика цела. Советский единизм воскрес. Но с некоторым отличием.

Не умаляя ни преступности, ни лицемерия советской власти, вспомним, что, сталкиваясь с конкретными людьми, она выступала открыто. Сотрудники НКВД-КГБ входили к вам с открытыми лицами. А при Ельцине явились и ныне множатся стражи власти в масках. Маска их избавляет от «химеры, именуемой совестью». Маска и на идеологии. Прежняя носила полумаску, называя себя «советская власть», а страну «Советский Союз». А советы лишь исполняли волю партийных комитетов, на деле то была «комитетская власть», а страна была «Комитетским Союзом», союзом комитетов, а не народов, отчего так легко и распалась. Но и открытость была - хотя бы в Шестой статье Конституции, сказавшей, что партия - руководящая сила, как царь от бога, то есть независимо от выборов. Это нелепость, но так было. А ныне под маской капитализма государственное рейдерство съело нерушимость частной собственности, без которой не бывает капитализма. Собственника определяет власть. Кто послушен, как Дерипаска, тот собственник, а неслухи сами виноваты.

И страна говорит на языке власти. Перед выборами 1996 года граждан делили на «патриотов» и «демократов», отождествив Ельцина с демократией, и он шутил: «Интеллигенты за меня проголосуют, никуда не денутся!» И «демократы» Ельцина вместе с «патриотами» зажали реальную демократическую оппозицию. Отвергающие отечественный опыт нынекак бы против власти, но обличают надетую ею маску - Путина как сторонника капитализма, - надеясь на коммунистический реванш. Маска прячет родство коммунистов и путинцев. Но их ссоры - семейные. А глубинную оппозицию смяли - ее нет в Думе, ее не видать на телевидении, у нее нет массовых газет.

А чтобы граждане страны своим участием, равно как неучастием, изменили ее судьбу, нужна гласность. Нужно знание и понимание происходящего. Пренебрежение причинно-следственными связями, уход от дискуссий и анализа обрекает людей на веру, что распад СССР, нищета России, пламя Кавказа и прочее - плоды козней. А на президентских выборах 1996 года публичность еще дышала. Третье и четвертое места заняли все же Лебедь и Явлинский, говорившие о насущных проблемах страны.

Лебедь не принимал парадоксального положения русских, составлявших в СССР 50%, а в России более 80% населения. В советское время шла жесткая русификация, в союзные республики внедряли русских вторых секретарей ЦК, в автономиях с первого класса детей учили на русском, а не на родном языке. Но русские области держали разобщенно, не завели даже показную русскую республику. А с крестьянством не считались, решив, как Ельцин: «Никуда не денутся!» Цари тоже не знали меры в

национальной гордыне, но половину русских людей держали в крепостном состоянии. Лебедь обозначил русский вопрос как важнейший для демократов России, отвергающих национал-социализм, вскормленный под крылом коммунистов. Он понимал, что благополучие русских зависит от прав и условий жизни других народов, которых иначе не удержать от враждебности, и в Чечне добился мира, сорванного потом Ельциным.

Явлинский противостоял псевдолибералам, уверявшим: «Рынок все расставит по местам». Но конкурентному рынку, хоть не без кризисов, это удастся там, где его участники, неравные по положению и возможностям, имеют равные права. В России многим, не только власти, кажется, что 90% людей нужна не экономическая свобода, а пайка. Гарантированную пайку в их подсознании дают нефть и газ. Но чтобы ее дало производство, ему, а с ним и всему обществу, нужна свобода. А свобода не 10%, а всех граждан опирается на социальные гарантии трудящимся в экономике буржуазного общества. Но они пустеют при социализме, где производство и «защита» социальных прав в одном партийно-государственном кулаке. Против такого единства и встала социал-либеральная партия Явлинского.

Откажись Ельцин, уже тогда банкрот, от выборов и победы во втором туре Лебедь или Явлинский, мы вышли бы из тупика к актуальным проблемам, загнанным социализмом в подсознание, а победа Ельцина привела к кризису 1998 года и к Путину.

Лебедь погиб, Явлинского от политической практики отсекали. Но проблемы, ими обозначенные, да и другие, живы. А ни сильной партии русских демократов, ни сильной социал-либеральной партии на сцене нет. Конечно, в этом виноват Путин, но не он один, а вся традиция единизма, лидер которого сегодня он. Ведь и другой мало что изменит. Менять надо не лидера, а традицию. Смешны слухи о новой оттепели. Путину предпочтительней не быть президентом. Если опять он пойдет на галеры, это будет лишь знак его слабости, того, что его команды не работают, если не давить лично.

То-то и оно, что России надо сменить не шило на мыло, не Путина на Медведева или Сечина, а единизм на либерализм. Певцы единизма (нацисты, коммунисты, большевики разных толков, фашисты, путинцы), понимая, что от перемен не уйти, хотят удержаться в рамках единизма. И благодарны Гайдару с Чубайсом, обратившим слова «либерализм» и «демократия» в бранные. Чтобы вернуть им подлинный смысл, важны исторические ориентиры. А кроме продолжения либерализма, смытого в январе 1918 года, надежды выжить у России нет.

Дело куда хуже

18.03.2011

Известные и даже знаменитые сограждане [призвали](#) признать Ходорковского и Лебедева узниками совести. Они говорят: «Человек, осужденный исключительно за высказывание своих убеждений, является узником совести». Видимо, надеются, этим помочь освобождению. Дай-то бог! Но будет досадно, если движимый лучшими побуждениями призыв отвлечет от сути дела и угрозы, которую приговор несет России.

Термин «узник совести» вошел у нас в обиход, когда, сняв Хрущева, реальный социализм упорядочил жесткие нормы и запреты, сделав жизнь еще более невыносимой. А тех, кто открыто выражал убеждения, осуждающие режим, жестоко карал. И Буковский, и Ковалев, и Марченко были узниками совести.

Теперь нормы иные, многие запреты отпали, говорят, что в России уже не социализм, а капитализм, и можно быть капиталистом. Ходорковский и Лебедев не только против этого не возражали и враждебных режиму убеждений не выражали, но, напротив, поверили и стали капиталистами. Да не учли негласную оговорку – на каждый шаг спрашиваться у власти, и вели самостоятельный бизнес. Но негласное у нас важнее написанного даже в Конституции. Вот их и преследуют за то, что приняли объявленные перемены за чистую монету, не захотели быть декорацией. А власти надобна она. И они – не узники совести, а узники беззакония и бессовестной власти.

Различие в том, что расправы с впрямь выступавшими против власти, как Марченко, Буковский или Ковалев, при всей их беззаконности, не давали повода не выступавшим бояться за себя. А дело Ходорковского и Лебедева дает. Они были лояльны власти, и хоть давали деньги оппозиции, но легальной, сидевшей в Думе. Дозволенную оппозицию еще не уравнивали с запретным диссидентством. И, в отличие от диссидентов, знавших на что идут, они не ждали, что угодят в застенки, если не поспеют за любым внезапным, не оформленным как закон, почином власти. Значит, такое ныне грозит каждому в России, не говоря о зарубежных инвесторах. Став лучше в одном, положение в другом стало сильно хуже.

От этого не стоит отвлекаться. Даже чтобы провозгласить Ходорковского единственно достойным кандидатом в президенты и погадать, даст ли он согласие. Сперва бы усвоить, что приговор ему и Лебедеву висит в России над любым что-то делающим без прямых указаний властной вертикали. Впрочем, и от них она при нужде легко отречется.

Обвиняемый Горбачев

02.04.2011

Напрасно госпожа Калужская [беспокоится](#). Никакие комья грязи за подачу в суд на Горбачева во Владимира Буковского не полетят. К Горбачеву с благодарностью и уважением в России относятся немногие и, по преимуществу, не имеющие трибуны, даже интернетной.

Грязь могла бы лететь в Буковского скорей за поддержку блестящей идеи Лимонова: регулярно проводить практическое испытание Конституции. 31-я статья для этого удобнее всех: она говорит о праве на собрания, вот и собираемся публично семь раз в году. И все видят, что пользоваться правом на собрания не дают. Буковский, насколько известно, отнюдь не став национал-большевиком, поддержал этот конкретный шаг, вызвав недовольство не только власти, но и коллег-правозащитников. Но тут он прав кругом, и грязь не страшна.

Невозможно отрицать и правоту его конкретных обвинений Горбачева. Даже если тот не давал распоряжений бить саперными лопатками в Тбилиси или стрелять в Баку (где войска отвечали на силовые действия) и

в Вильнюсе, даже если он узнал про такие распоряжения с опозданием, как президент, верховный главнокомандующий и генсек ЦК КПСС, он несет ответственность за них и за их последствия, за гибель десятков людей. Это неоспоримо, и, значит, можно обращаться в суд.

Буковский подал в британский, самый на свете правосознательный. Суд жалобу не принял. Видимо, не счел себе подсудными преступления, совершенные на территории бывшего СССР. Но, думается, британский судья сознавал и то, что преступления, ему инкриминируемые, Горбачев совершал не как преступник-одиночка. Они, наряду с другими подобными, совершались организованной преступной группировкой, включавшей обвиняемого, – можно звать ее кремлевской, можно - всесоюзной, можно – коммунистической. Буковский, сколько известно, при подаче, к сожалению, это не оговорил, подал на одного Горбачева, а выделять его дело для отдельного рассмотрения оснований нет.

Госпожа Калужская нашла их в необходимости решить нравственную проблему: «может ли лидер государства покушаться на жизнь и свободу граждан во имя... великих целей». Она согласна, что ни в коем случае. Но при этом странным образом отвлекается от меры полновластия лидера. Николай II лично отвечает за расстрел 9 января 1905 года как неограниченный самодержец, хоть приказа сам не давал. Но его дядя Владимир дал дозволение стрелять, угадывая царскую волю. Иначе был бы наказан. Сталин после коллективизации, видимо, обладал сопоставимой властью, уже Брежнев - меньшей, а Горбачев – еще меньшей, он не был единоличным правителем и уже поэтому не вполне иллюстрирует справедливый тезис Калужской. Странно и уподоблять его ответственность за десятки жизней в Тбилиси, Баку и Вильнюсе давней вине Сталина в убийстве нескольких миллионов сограждан или тысяч польских военнопленных - и при этом умалчивать о гибели двухсот пятидесяти тысяч чеченцев, не говоря о других, погубленных Ельциным и Путиным. Зачем заслонять исторической памятью ее нынешнее продолжение? А госпожа Калужская крови Горбачева вроде не жаждет. Но первым смягчающим для него обстоятельством почему-то числит «нашу общую ментальность двадцатилетней давности». Сама она готова удовлетвориться «официальной юридической оценкой этих событий и его роли в них».

А мне жаль, что британский суд, отказывая Буковскому, не предложил ему прибавить к представленным данным по Горбачеву и другие, по действиям всей преступной коммунистической группировки. И состоялось бы, наконец, серьезное юридическое рассмотрение ее дела, которое по понятным причинам было сорвано известным судом над КПСС под председательством Зорькина, сведенным к запрету коммунистам создавать ячейки на предприятиях, но только при домоуправлениях, так и не соблюдаемому.

Даже рассматривая дела группировки лишь с момента, когда М.С. Горбачев стал генсеком, справедливый суд не мог бы не установить, что, столкнувшись с жестоким кризисом своей хозяйственной политики, группировка в поисках выхода явно разделилась на тех, кто надеялся, ожесточив насилие и закрытость общества, сохранить командное положение, и тех, кто надеялся на сокращение насилия, на гласность, на

большую открытость и заинтересованность граждан в результатах своего труда. Их лидером и был Горбачев, первой части группировки ненавистный. Конечно, он остался коммунистом, хотел спасти существовавший строй и СССР, что было в прежнем виде уже невозможно, да и в ином, без мощного притока нефтедолларов, сомнительно, а при Горбачеве нефть стоила 10 долларов за баррель.

Разумеется, у Буковского и многих других, включая меня, желание продлить бесчеловечный в самой основе строй не вызывало симпатии. Но старание, даже в своих целях, его хоть немного очеловечить, расширило возможность сопротивляться этому строю, да и просто дышать. И никак не разделяя политические цели Горбачева, так им и не достигнутые, нельзя не признать, что объективно он более любого другого сделал для освобождения СССР от губительного пресса партии, которую сам возглавлял.

Многим коммунистам это не нравилось, они и при Горбачеве - не хуже, чем до него Сталин, а после него Путин - сознавали, что насильственную власть над огромной страной можно удержать, лишь каждодневно практикуя насилие. Но справедливый суд, при всех частных констатациях нарушения Горбачевым законов, в России вообще сомнительных, не сможет не признать, что он – первый, кто при коммунизме не наращивал насилие, а сводил его к минимуму. Понятно, когда речь идет о гражданах, не прибегающих в своем протесте к насилию, и минимум насилия со стороны власти недопустим. Горбачев не вмиг обратился из Савла в Павла. То был долгий и сложный процесс, нет нужды приписывать ему девическую чистоту, но то, что он сделал для России, не перечеркнуть. И вряд ли это стал бы пересматривать справедливый британский суд.

За государем императором Александром Николаевичем тоже обоснованно числят ряд преступлений, для самодержца всея Руси обыденных, а для демократического общества неприемлемых. Иные даже со сладострастием изыскивают преступления царя, а у него тоже полно и промахов, и упущений. Но они не в силах заслонить освобождение крестьян, при советской власти вновь закрепощенных, и создание суда, при советской власти уничтоженного.

То же и с Горбачевым. Это он дал возможность разговаривать на людях, выбирать не из одного, знать не только хорошие новости, читать что хочешь, видеть, как живут другие, и много чего еще. От нас его место в истории уже не зависит.

Разные люди единого склада

14.04.2011

Смысл советской жизни - классовая борьба. Чем она успешней, тем беспощадней. Большевики – люди особого склада. Не могут поступиться принципами. Суть большевизма – бескомпромиссность. Кто не с нами, тот против нас. Кто против нас, тех ликвидируем. Чтобы никаких помещиков и капиталистов! И кулаков тоже. Их ликвидировали как класс. Терпеть недобитых интеллигентов заставляла нужда, но вольничать им не давали. И звали не классом, а прослойкой. Между тем, пока ликвидировали старые классы, сложился новый - номенклатура. Советские люди его опознали

еще до Джиласа и Восленского. Пропаганда стала твердить: «Народ и партия едины».

19 августа 1991 года единство треснуло. Новый класс ввел в Москву танки, но против них вышли толпы. А «за» - за броню танков - никто. Классовую идеологию отвергли, и партию «Единая Россия» ладили потом без нее. Потом она оформилась как правящая, и ныне гражданское сопротивление, говорят, возможно тоже лишь как единое, при «минимально организованной гражданской оппозиции, хотя бы в форме коалиции национальных лидеров». Большевицкое сознание бранит «стихийность» и ставит на организованность.

Похоже, кругом одни большевики. Разные и враждующие. Многие из власти. Из былой с Зюгановым. Из недавней с Чубайсом. Из нынешней с Путиным. Но есть и еще оппозиционные, вплоть до национал-большевиков. А за ними и Квачков, и Демушкин, и прочие, тоже большевики. Все с монопольной истиной. У всех разной, но бескомпромиссной.

Еще в 1848 году "Манифест коммунистической партии" вбросил идею «перманентной революции», преобразованную потом Лениным в принцип гегемонии пролетариата в буржуазной революции, позволяющий после общей победы сразу уничтожить буржуазию и перейти к социализму. Делали как лучше, не спрашивая людей, как лучше им. Мало кто читает нынче "Манифест" и помнит перманентную революцию, но вера в то, что за нас мыслит руководство, вбита крепко. Недолгий компромисс с большинством населения, тогда крестьянским, власть растоптала коллективизацией. А общественную жизнь подменила расправой с оппозицией внутри номенклатуры.

Ныне за общественную жизнь тоже выдают споры «элиты», ищущей, как удержаться. Говорят, материалы элитных дискуссий, если захочешь, легко сыскать и прочесть. Возможно. Но сама нужда искать - знак того, что люди из общественной жизни выбиты. Да и как иначе, если на телевидении иным мнениям кроме руководящих места нет, а для создания оппозиционной партии нужно согласие власти. Отсюда и тяга к революции, не увядшая от ужасов, ею принесенных. Отсюда и боязнь революции без понимания того, что и кто к ней ведет.

А революция – это катастрофа. Вина самодержавия в катастрофе 1917 года очевидна, его свержение отрадно. При всем ее ужасе, катастрофа часто сносит препоны ходу вещей. Революция тоже. Но потом нужно мирно распутывать узлы. Революция – это крушение, а не созидание, и насилие – повивальная бабка, акушерка, а не кормилица, не нянька, не воспитательница. Когда же, не насытившись устранением препон, революция мешает жизни сложиться и насильно насаждает «правильный» порядок, она становится контрреволюцией, как Октябрьская в январе 1918-го.

Природа – социальная тоже – немилосердна. Большевики претендуют на то, чтобы переделать природу. Но социальные сдвиги, в отличие от землетрясений, на бога не свалить. Компьютеру не упредить кризисы политики и хозяйства. Ему не стать настоящим писателем, художником, композитором не от недостатка умений – в них он человека, если не

превзошел, наверняка превзойдет, - а от недостатка личного начала, от того, что он не живая тварь, участвующая в жизни. Компьютер способен создать самое совершенное и разнообразное искусство, однако бессодержательное.

Небывалость нашей эпохи не так в изобретении компьютера, как в том, что он сочтен образцом человека и уже искусство, создаваемое людьми, теряет содержательность. Идет общий процесс десемантизации, мешающий понять и экономические, и социальные отношения. Сталин, при всей своей личной примитивности, был, если угодно, велик ясным сознанием, что навязать нежеланный порядок он может лишь убивая людей пачками, никакой моралью не стесняясь. Губя так или эдак миллионы, он не только изуродовал российскую демографию, но и сократил жизненно необходимое до возможности выжить, свел смысл жизни к тому, что ты жив. Альтернативой был бы порядок, дающий людям быть людьми. Но и новый - не дал.

Новые лидеры – от Хрущева до Ельцина - были против сталинских злоупотреблений, но не против порядка, которому сами верно служили. Миллионы людей верят, что зло в том, что кругом воруют, и если изобличить воров наверху, все образуется. Мысль, что при нынешнем порядке воровство неизбежно в силу порочности порядка, не всплывает. Люди верят, что в руках советского государства собственность была народной, хотя ее все в больших долях у народа отбирали и распоряжался ею правящий класс. Это не резон отдать ее Потанину и Абрамовичу. Но владение этой колоссальной собственностью - правят ли ею оброчные и подконтрольные власти Потанины и Абрамовичи, или номенклатура во главе с ЦК КПСС и лично... - как раз и позволяет государству делать черт знает что. Это сознание живет и после Сталина.

Дело не столько за честными выборами и контролем над воровством, сколько за свободой и открытостью общества, - не вообще, а каждой его части, и каждого отдельного человека, - за самоопределением и самоуправлением, понятно, не лишаящими того же других. В средневековье жили «по воле лорда и обычаю манора». А уничтожив самостоятельность крестьянина и вообще отдельного человека («Единица – ноль!"), в XXI веке полагаются лишь на лорда. Но бывает общее, объединяющее отдельное, а бывает и ликвидирующее отдельное, как у нас. А люди и людские сообщества, ликвидируемые, закрепощенные, лишены возможности на равных видеть и слышать разных кандидатов на выборах, к которым и не всех допускают, уже не отвечают за уголовщину общих правителей. Страшна не так личная злоба правителя, как возможность править не стесняясь временем, пространством, и слоистой структурой общества. Имена и звания персон меняются, а самодержавие остается, вот поныне и выходит, «как всегда».

Конституция дала президенту безразмерные права. Преемник отменил и выборы губернаторов и президентов автономий. То-то автономия с назначенным начальником! Страной правят случайные люди, залезшие наверх. А власти надо расти снизу, из горизонтальных пластов, где любое селение, самоуправляющееся и бюджетно самостоятельное, отдает лишь долю своих полномочий вышестоящей районной власти, а та лишь долю - республикам и областям, границы которых сообразны традициям и

возможности каждой жить своим трудом. Они тоже должны отдать вышестоящей, центральной власти лишь долю своей. У нашей власти сверх меры задач, непосильных самому эффективному менеджеру. Уже это велит отделить хозяйство от власти. Ее дело - надзор за финансами и правом, да оборона и внешние отношения.

Но преобразование государственной власти из унитарной, держащей Россию в кулаке, в отвечающую воле граждан, - лишь половина дела. Другая в том, чтобы внять не одной «элите», но всем классам общества, понять, что их классовая борьба - часть их сотрудничества. Буржуа и пролетарии - противоположности, но еще Гегель объяснил про единство и борьбу противоположностей. Попытка изъять одно от другого у нас привела лишь к смене прежних на новые, более наглядные: к противостоянию КГБ и отправляемых в ГУЛАГ.

Демократия - не упразднение объективно неизбежных социальных явлений, она лишь придает борьбе внутри них, не только классовой, формы, страхующие от выплескивания развития вместе с препонами ему. Из власти государства - увы, неизбежного - демократия изымает вседозволенность, разделяя ее ради этого на законодательную, исполнительную и судебную. Власть должна служить не победе одних граждан над другими, а поддержке социальных компромиссов при насущных преобразованиях. Для этого и добровольная внесударственная деятельность, и независимость общественных организаций. Для этого и свобода слова, СМИ и собраний при запрете лишь пропаганды убийств и другого насилия. И частное предпринимательство, дозволенное всем, без испрашивания особых разрешений, - тоже взаимовыгодное взаимодействие людей. Лишь свободные практические состязания и дискуссии на их почве выявят интересы разных социальных слоев и разных народов, которых гнет нашей империи еще не довел до непреклонного желания отделиться. Тогда очертятся реальные нужды России и прорежется подходящий ей строй, возможно, разный в разных ее частях. Но все еще, подобно нынешней бескомпромиссной власти, каждый кричит свое, никто не ищет подлинного компромисса - не одностороннего, в традициях КГБ, а взаимности уступок.

В 1956 году венгерский большевик Янош Кадар, поставленный Москвой, подавившей революцию, править Венгрией, а до того посидевший и в нацистской, и в коммунистической тюрьме, вдруг сказал: «Я не знаю ничего глупее лозунга «кто не с нами, тот против нас». Я предлагаю лозунг «кто не против нас, тот с нами». Он искал компромисса и со своим народом, и с Москвой, после вторжения в Чехословакию уже менее гибкой. Его лозунг - первый шаг к не догматизированному порядку, в котором люди сами решают, за что они и против чего. Кадара не нужно идеализировать. Но при нем в Венгрии жили свободней, чем в любом другом месте под большевиками.

А [Сергей Аксенов](#) уже возгласил: «Кто не с нами, тот против нас». Хоть недосказал о том, кого ликвидирует как класс и когда приведет к единству. Молодым часто кажется, что история начинается с них. А Россия немолода и такое уже проходила.

Ответ большевику

17.04.2011

Господин Полторацкий **обращается к оппоненту**: «Будьте честны!» Нет чтобы сказать «Вы ошибаетесь!» и привести доводы. Людям свойственно ошибаться, я не исключение, могли поспорить. Но обращение к оппоненту как к мошеннику, знающему, но извращающему правду, выдает советский стиль, стиль иррациональной веры, требующей, чтобы все ее разделяли. Неверующих учат уважать чувства верующих. Это правильно, хоть не всегда, к сожалению, соблюдается. Но большевистская вера не учит уважать чувства неверующих.

Господин Полторацкий верует в социализм и, возможно, в коммунизм. Вера как вера. Хоть и обходя почти столетний опыт нашего отечества в ее кровавом насаждении, Полторацкий, в отличие от других нынешних большевиков, трактует свою веру гуманно. Он хочет «ослабления государства, развития коммун и самоуправления, создания предприятий, которые будут находиться в коллективной собственности работников, децентрализации власти, высоких социальных гарантий – бесплатного образования, медицины, жилья и так далее». Признаться, мои пожелания к обществу почти во всем совпадают с перечисленными. Не пойму только, с чего Полторацкий взял, что это социализм.

Смущает меня не то, что многое осуществлено при капитализме, вполне сообразующемся с кооперацией, с коллективной собственностью работников, с децентрализацией и местным самоуправлением, с ограничением власти государства, наперед, к тому же, там разделенной на законодательную, исполнительную и судебную, и с социальными гарантиями, пособиями по безработице, пенсиями, бесплатной государственной медициной, оплатой жилья неимущим, и частью бесплатным, частью кредитуемым образованием. Не всюду эти наши с Полторацким добрые пожелания сбываются в одинаковой мере, но тамошнее общество тратит на них больше, чем наше, не только сегодня, но и в социалистические годы.

Но вера Полторацкого в социализм не убедительней веры в царствие небесное прежде всего потому, что чисто теоретическая и, хоть ее разделяли достойные люди – от Томаса Мора до Карла Маркса и особенно после него, - доказательств, что социализм возможен не только в виде ГУЛАГа, но и отвечающий нашему с Полторацким вкусу, нет. Я знал стариков, в юности столь же дерзко, как Полторацкий, суливших России и трудящимся всего мира всяческое добро. Сам Ленин сказал: «Когда будет социализм, не будет государства». После Октября отменяли плату за жилье и за проезд в трамвае. Но это быстро переменялось. Зато вырос ГУЛАГ. Брежнев назвал наш строй «реальный социализм», и за словом социализм другой реальности в России впрямь нет.

Но Полторацкий гнет свое. Он требует, чтобы из того, что в обществе идет классовая борьба, я вывел, что «борьба противоположностей всегда заканчивается поражением одной из сторон». Но это не по Гегелю, а по Сталину, в Кратком курсе противопоставившему борющиеся пары: рабов и рабовладельцев, крестьян и феодалов, пролетариев и буржуев. А общество состоит не из двух борющихся классов, оно сложнее, и все его классы противостоят друг другу и ведут борьбу. Она не прекратится. Ее

формы потому и не канонизированы, что являются все новые классы. За полтора столетия с лишним лет общество далеко ушло от схемы Маркса. Но, так или иначе, общественные отношения не сводятся к борьбе, и у разных классов есть и некое общее дело, общее производство, в ходе которого они и преследуют свои интересы. Единство не идиллия, оно пронизано борьбой, но и борьба не отменяет производительное единство.

Полторацкий надеется снять внутреннюю противоречивость и вместе с ней классовую борьбу, убрав капиталистов, без которых, ему кажется, рабочие обойдутся. Он хочет начать с Прохорова, по-моему, не так капиталиста, как отраслевого министра, участника власти. Но Путиловых, Рябушинских, Мамонтовых и других на деле выгоняли и убивали. И без них обошлись - Кировский (Путиловский) завод и московские заводы Рябушинского не пропали. Да только управляли ими не рабочие, а новый правящий класс, номенклатура. Старую противоположность сменила новая. Если Полторацкому она милей, так и надо говорить. Да неловко - слышал, небось, что Путилов платил рабочим больше, чем советская власть.

Полторацкий планирует новую антибуржуазную революцию. Он находит, что «мир устал от капитализма». Но в России капитализм жил лишь полвека с небольшим и власть в стране не взял. Капитализмом рядят нынешний порядок, но так его не назовешь. Не от капитализма, а от самодержавия, царского, советского и, так сказать, постсоветского, устала Россия. Но и капитализм идеализировать нет нужды. Он тоже отстывает от демократии, если верх берут монополии, что, кстати, до революции заметил Ленин, учредивший после революции нашу государственно-хозяйственную монополию. А в большинстве буржуазных стран ввели антимонопольные законы. При капитализме тоже надо держать ухо востро, права тоже надо отстаивать. Разница лишь в том, что там это обыденность, а у нас – подвиг. Капитализм - это жесткий порядок. Самый плохой, если не считать остальных. И демократия – плохой строй, если не считать остальных.

Приходится, однако, считаться с тем, что, как ни крути, капитализм – единственный экономический строй, живущий ценностными отношениями, требующий сводить концы с концами, почему и продуктивен. Не зря у него в трудные часы учились строители социализма – и Ленин с Троцким, вводя НЭП, и Дэн, выводя Китай из нищеты. Все другие порядки, включая социализм, - внеэкономические, там заводят рабов, вводят крепостное право, заставляют арестантов работать, грабят население, дают особые блага правящему слою. Жить внеэкономически – значит встать над объективным ходом вещей. Чтобы так удержаться - хочешь не хочешь - нужен авторитарный или тоталитарный режим. А возникни иной экономический строй и будь он лучше, может, и у нас проступит. Но покамест иных ценностных порядков не видеть.

Полторацкому досадно, что единственная альтернатива капитализму - ГУЛАГ. Он читал Оруэлла и признает, что угроза, им показанная, реальна, но, как большевик, не может удержаться, чтобы не оплевать гения. «1984» – для него «панический крик социалиста, вызванный деяниями убийц, пришедшими под его же знаменами». Что же, знамена должны были заслонить писателю убийц? Или стоит все-таки оглянуться и задуматься,

откуда они? И прежде всего - углядеть, что другие общественные порядки не специально строились, а складывались в недрах прежних, вытесняя их, где мирно, где революционно. Сперва новые отношения возникали, потом распространялись, подчас и навязывались, но не волей одного человека или партии, а волями множеств людей, которым они подходили для жизни. В 1917-18 году все было наоборот. Свершился акт волюнтаризма. Россия была беременна революцией, но как раз буржуазной. Большевики ее изнасиловали, а революцию окрестили социалистической. Вот у дитяти и не те черты, которые милы Полторацкому.

Не ему одному хочется попробовать заново. Предпосылок к тому, что выйдет иначе, чем у Ленина, Сталина, Брежнева, нет. Но он готов навязать России свой порядок. Или мало ее насиловали? Старые большевики, в большинстве погибшие, возможно, не ведали, что творили. Теперь, хоть и не весь, опыт семидесяти четырех, да в придачу еще двадцати лет все же доступен взору. Но новые большевики не хотят его видеть, считают честным его не знать и просто начать сначала, не предчувствуя своей вины. Верующим не идет на ум, что готовность погибнуть самим не оправдывает гибель погубленных.

Иное все же дано

26.04.2011

В конце лета будет двадцать лет попытке осадить перестройку советского режима, в конце года - двадцать лет роспуска СССР, сведения его к одной Российской федеративной республике, уже не именуемой социалистической. У нас, мол, теперь капитализм, рынок и демократия. Не та экономика, что была, не та политика. Но и двадцать лет спустя – это вранье. Объявили одни перемены, а произошли совсем другие.

Объясняют это тем, что капитализм и либерализм чужды России по природе. Потому и западные порядки ей навязать не удалось. Дескать, Россия – это вам не Запад. Звавшие себя либералами пошумели, но большей частью пошли прямо во власть, а частично с ней сотрудничают, изображая оппозицию. Россия, мол, живет по особой Русской Системе, где что-то значит только власть как таковая.

На деле еще Киевская Русь отличалась от западноевропейских княжеств немногим больше, чем они друг от друга. Хоть она и возникла поздней государства франков, но поддерживала отношения с Восточной Римской империей – Византией - и тоже переняла там христианство и многое другое. Повлияло на русскую жизнь и монгольское иго, длившееся четверть тысячелетия, но арабы еще дольше владели Испанией, европеизм и капитализм которой никто не отрицает.

Да и западные буржуазные революции и тамошние либеральные общества - не явления природы. Жестоких самодуров на тронах и там было хоть отбавляй. Против них там боролись, но и у нас тоже. Просто на Западе феодальная реакция в борьбе отступила, а у нас взяла верх.

Но прояснить, почему так случилось, мешает гордыня. Проще рассуждать

об особой Русской Системе, чем объяснить успех феодальной реакции. Вера в то, что власть всемогуща и, если беспощадна, пересилит законы природы и общества, у нас господствует. Ленин, враг царизма, не видел лучшего способа пресечь его зло, чем взять еще больше власти. Его манил не социальный компромисс, как в XIII веке графа де Монфора, создателя английского парламента, и не массовое сопротивление, как в XX веке Ганди в никак не западной Индии.

Но миф о всеилии власти, и малой долей которой ни с кем не следует делиться, создал не Рюрик и не Ярослав Мудрый. Он возник с обращением русского национального государства в империю, строившуюся иначе, чем западные. При Иване III с 1480 года Москва уже не зависела от монголов, а при его сыне Василии объединила все русские земли. Русь Ивана III тоже не очень отличалась от Запада, где не все государства еще были национальными. Колумб отплыл в Индию и открыл Америку через десять с лишним лет после стояния на Угре.

Но внук Ивана III, Иван Грозный, первым принявший царский титул, взял в 1552 году Казань, в 1556-м Астрахань, а в начале 1580-х Ермак покорил Сибирь. Через сто лет после обретения независимости русское национальное государство неслыханно выросло, и тут стали складываться особенности, ощутимо его потом изменившие. Вводились заповедные лета, в которые даже в Юрьев день запрещали крестьянский переход от одного барина к другому. А потом и этот день отменили, и феодальная зависимость, слабеющая в Европе, обратилась у нас в крепостное право.

И колониальные захваты, с конца XV века тоже проводившиеся не одной Россией, у нас понимались не как распространение своей власти на чужие земли, а как их включение в состав своей, отчего национальное государство становилось все менее национальным, не столько следуя своей природе, сколько ей перечая.

Не то чтобы испанцы или англичане не создавали империй или были милосердней - отличие России в том, что в ее империи не было метрополии. А ее колонии не считались колониями. Всю империю целиком выдавали за национальное русское государство. А в нем была закреплена половина титульного народа, что и создало впрямь особую ситуацию, поныне любезную власти. Любезную тем, что она расколола русский народ.

Меньшинство, хоть не такое малое, имело от империи личные выгоды. Но закрепощенному (а в советские годы – лишенному паспортов) большинству было не лучше, чем покоренным, да оно еще должно было первым за эту империю умирать. Русская империя обратила в рабов русский народ. В Европе так не было. Вот и спутались у нас понятия.

После августа 1991-го и роспуска СССР нашу ужавшуюся империю опять выдают за национальное государство. Уже хотят уничтожить этнические автономии. Но без тоталитаризма тут не обойтись - не только потому, что восстанут «иногородцы», но и потому, что уйдет обоснование неравноправия меж русскими, уже нередко размышляющими, кто их

покорил. До 1917-го кажется, что помещики, говорившие по-французски, а ныне — москвичи и питерцы.

Александр II, освободив крестьян и создав отличную судебную систему, дал возможность развития, но не уберег страну от революций и крушения. Увы, и при нем монархия не стала конституционной, не возникли представительные органы, пусть сперва неравноправные, но позволяющие публично и мирно разрешать нараставшие противоречия, не вынуждая людей идти с иконами к царю на Дворцовую. Империя неспособна предложить ненасильственные методы разрешения социальных противоречий. Вот многим и кажется, что Россия обречена. А обречена империя. Если русское национальное государство из нее выйдет, оно спасется.

Это спасение не просто в свободных выборах. Им нынче мешают не одни «подсчеты». Власть над информацией не дает различить тех, кого стоит выбирать. А выбирать могут только свободные выбирать. В империи это невозможно. Наивны мечты уговорами осадить царскую волю. Псевдолиберал Чубайс сулит «либеральную империю» - но это оксюморон, сочетание несочетаемого, миф, не более достоверный, чем коммунизм. А настоящему либералу близок антиимперский демократический национализм покоренных народов, но ему близок и антиимперский национализм титульных крепостных, которых империя гонит покорять другие народы. То есть русский демократический антиимперский национализм.

У нас нет свободных дискуссий, и слова теряют свои значения. Понятия «левый» и «правый» в ходу с точностью до наоборот, поперек их историческому смыслу. Имперскую претензию править другими у нас считают национализмом. Извращено и понятие «либерализм». А смысл его не в том, чтобы уберечь тоталитарную власть от разлада со здравым смыслом, чего, возможно, хотел, служа Путину премьером, Касьянов, а в том, чтобы служить не царю, а отечеству.

Первое дело российского либерализма - избавить русских от обязанности силой держать покоренные народы. Проблема даже не столько в том, что это 20% населения, сколько в том, что большая их часть живет в областях векового расселения и вертикаль на них там давит, а они вправе сами решать, как им жить. Неплохо бы, если в союзе с Россией, но с правом выйти, если мы его нарушим. Увы, наша имперская власть не может свои обязательства не нарушать.

В национальном русском государстве отпадет нужда в обильном применении силы, не будет оправдания несметным внутренним войскам и гигантским силовым органам. Там русская власть не сможет быть независимой от русских и бездумно убивать. А империи без силовиков не выжить. Оттого освободиться от нее России еще важнее, чем Чечне. Ведь в условиях свободы она выиграет быстрее. Как выиграла Германия без гитлеровских завоеваний.

Дело да суд

04.05.2011

Вердикт присяжных, признавших Тихонова и Хасис виновными в убийстве Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, спущен, как занавес трагедии. Олег Орлов, председатель Совета правозащитного центра «Мемориал», **подчеркнул**: «Наш многолетний опыт позволяет отличить заказное, сфабрикованное спецслужбами, силовыми структурами дело от дела, которое те же самые службы и структуры со всеми их "родимыми пятнами" расследуют добросовестно». Допущение, что службы, органы, прокуроры и суды, привычные заказывать и фабриковать дела, якобы в состоянии расследовать другие дела добросовестно, как раз и толкнуло новую Россию сбросить старые КГБ и МВД, лишь сменив там начальство да убрав одиозные фигуры. Результатом этого допущения стало нынешнее состояние страны. Едва ли с заявлением Орлова согласен весь «Мемориал». И занавес надо бы поднять.

Обвиненных задержали через девять месяцев после убийства. Уже предъявление их суду с мешками на головах настораживало. Но Тихонов признался в убийстве еще до того, как установили соответствие конфискованного у него при аресте браунинга пуле, обнаруженной в теле Маркелова. А его больше года продержали в заключении, не назначая суда.

Никита Тихонов – лицо не безвестное. Вместе с главным свидетелем обвинения Ильей Горячевым они в 2003 году создали в самиздате, а в 2004-м официально зарегистрировали журнал «Русский образ». Программу не прятали. Она, к примеру, разрешая нерусским жить по своим обычаям на компактно заселенной ими территории, запрещает давать им равные права на остальной. Уже не читая прочего, - а любопытного там много, - видишь, что программа и журнал работы русских нацистов. Понятно, авторов подобных текстов не примешь за хороших людей. Однако дело правосудия не наказывать дурных людей - это забота посмертная, - а наказывать за дурные поступки, в том числе самый дурной - убийство.

В программе Тихонова и Горячева, как и у других нацистских групп, внятно выражены их идеи и стимул к ним. Все они ратуют за спасение России. Можно официально возразить: Россию нет нужды спасать, дела ее превосходны, люди благоденствуют. Но выговорить такое не повернется язык. Стоит вспомнить, что и Маркелов вел свою героическую работу ради спасения России, и Бабурова пошла в «Новую газету», а не в газету «Завтра», чтобы внести в это спасение вклад. То есть нужду спасать наше отечество ощущают люди противоположные, но при всех различиях сознающие, что в нынешнем виде оно обречено, что старые лозунги «Народ и партия едины» и «Путин – наш рулевой» мертвы. И беда не только в пропасти меж властью и народом. Мало сменить Путина на Медведева или даже на Касьянова, чтобы все встало на свои места. Пропасть разделяет людей.

Это прежде всего социальная пропасть. В советские годы не только гоняли все народы в единый советский, но числили этот народ неделимым на классы и социальные группы, никому не давая выразить свои особенные заботы помимо всеобщих. Массовое сознание деформировалось не просто пропагандой, но и тем, что она барабанила

при зажиме и пресечении всякой общественной жизни. А эта деформация вела к большинству нынешних бед и к удержанию власти номенклатурой. Но национальное сознание, как более наглядное, вышло вперед. Коммунистическая империя осела, и дали себя знать национальные интересы. Перед роспуском СССР Ельцину пришлось сказать автономиям: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите», - хоть, чтобы на деле такого не допустить, он спал потом в Чечню танки и самолеты.

Нациста Тихонова у нас именуют националистом, уверяя, что это одно и то же. Что ж, работу по спасению людей своего народа не обязательно звать национализмом, тем паче что спасаешь не только по этническим данным, но нацизму, то есть подавлению и уничтожению других народов, спасение своего явно противостоит. В том и пропасть меж людьми вроде Маркелова и людьми вроде Тихонова, что то, что для одних спасение своего народа, для других его гибель. Сверх того, Маркелов, обнаружив причастность Тихонова к убийству антифашиста Рюхина, требовал привлечь его к ответственности перед обществом, тогда как Тихонов и его единомышленники, согласно своим программам, готовы действовать против инакомыслящего Маркелова помимо общества. Вопрос лишь в том, как было дело в данном случае. Тихонов стрелял или кто-то другой?

Достоверных доказательств нет. Есть лишь косвенные предположения, что такое не исключено. Но, чтобы счесть приговор справедливым, мало мнения присяжных, нужны доказательства. А в них слишком много странностей. Странно уже то, что следственные органы с их «родимыми пятнами», задержав Тихонова и получив, пусть даже под пыткой, его полное признание, больше года не спешили передать дело в суд. А что удерживало, объяснить тоже не спешат.

Несостоятельно и главное вещественное доказательство – браунинг 1910 года. Можно бы не верить Тихонову, что Горячев передал ему браунинг незадолго до ареста. Но невозможно верить, что Тихонов, убив из этого браунинга двух человек, не понимал, что это смертельная улика, и не выбросил бы его в реку или куда угодно, при том что сам скрывался. Браунинг, из которого убили Маркелова, все же скорей оказался у Тихонова уже перед арестом. Но тогда естественен вопрос, кто выпустил из него смертельные пули в Маркелова и Бабурову? Связного ответа нет.

Темны и отношения суда с присяжными, наличие в коллегии бывших работников правоохранительных органов и уходы присяжных из коллегии. А если бы хоть последняя из ушедших голосовала против виновности Тихонова, признанной без нее семью голосами против пяти, счет оказался бы шесть против шести и Тихонова бы оправдали. А Хасис, осужденная восемью голосами против четырех, так бы и осталась осужденной, хоть и на взгляд суда стреляла все же не она. Сколь объективна такая коллегия присяжных?

Нестыковок слишком много. А трудно допустить, что по крайней мере с 2004 «Русский образ» и все с ним связанное находились вне поле зрения органов безопасности. Кто бы его ни курировал, отношение к журналу и организации могло быть разное. При царе полковник Зубатов создавал подставные подпольные организации. В СССР положение и роль органов безопасности были еще сложнее. Вопреки рассказам, что при Сталине органы вознеслись над партией, они были подконтрольны генсеку,

выполняя его волю. При Путине власть над страной почти полностью взяли выходцы из органов, а показательной свободой больше, чем несвободой, и происходит много странного. Не только суд, но и легкость признания Тихонова, и показания Горячева, и то, что его бегство за рубеж не помешало продемонстрировать его показания в суде, входят в число таких странностей.

Не будем гадать, что толкнуло следствие после затяжки все же выйти на суд. Близость времени начала суда с убийством Егора Свиридова и событиями на Манежной, возможно, случайна. Но не случаен совет премьер-министра друзьям Свиридова принимать нападения как «направленные против вас всех». Владимир Владимирович, как профессионал своего дела, понимал, что тут нужна оговорка «независимо от национальной принадлежности», и легко ее произнес. Но Свиридов болел за «Спартак», другие болеют за другие команды, и драки (не только за такси) меж болельщиками не редкость. Они враждебны друг другу и не образуют никакого «вы все». В искусной фразе премьера видна солидарность с теми, кто искал ее на Манежной. Возможно, осуждение двух нацистов призвано смягчить это впечатление.

Верховному суду, подтвердив осуждение за незаконное хранение и продажу оружия, надо бы снять обвинение в убийстве. Это не оправдывает взгляды Тихонова и Хасис, способные привести к убийству, но признает, что в данном конкретном случае убийцы еще не изобличены. А суд, в котором адвокат свободно возрождает клеветническую байку, будто погубленная полковником Будановым Эльза Кунгаева, интересы семьи которой защищал Маркелов, была снайпером, стрелявшим в усмирителей Чечни (байку, уже рассмотренную в процессе над Будановым и отвергнутую судом), должен бы побудить общество больше обеспокоиться тем, что суд, как в советские времена, опять обратился в карательный орган.

Обществу не только в рамках уголовной практики нужно разбираться в своих принципах, преодолеть веру, что все дозволено, - хоть не всем, но все же некоторым. Ход полемики о принципах и их приложениях более всего и создает имидж общества и страны. При советской власти идейная борьба была борьбой с идеями, разоблачением возможных врагов. При Ельцине идеи стали одинаково дозволены, но знания о них, их истории, их приложениях, не хватало. Обличение советской тоталитарной власти было неглубоким, не вскрыло ее природу. И от неудовлетворенности своей жизнью иные читали «Мою борьбу» Гитлера, интересуясь, как оно было у врага, даром что поверженного. Уже советская пропаганда многое переняла у врага по формуле «Побежденные диктуют победителям свои законы». А мы твердим, что нацизм у нас невозможен потому, что мы его победили, хоть победили мы не нацистскую идеологию, а лишь нацистскую Германию.

Остановить русский нацизм под силу лишь русскому антиимперскому национализму, возвращающему права, отнятые у большинства русских коллективизацией и тоталитарным строем. А осуждение двух нацистов за недоказанное убийство на фоне безразличия государства к грозным социальным и национальным противоречиям поведет скорее к обратным

результатам и нацизм не ослабит. Впрочем, возможно, кто-то и хочет, чтобы он не слабел.

Забытая миром резня

18.05.2011

"Зазеркалье: андижанская резня". Так называется документальный фильм Моники Уитлок, бывшей в 2005 году корреспондентом Би-Би-Си в Узбекистане. Он знакомит с фактами почти так же бесхитростно, как себя ведут в кадре жители Андижана. Но при этом картина проясняет политические проблемы постсоветского пространства, в том числе и России. Всплывает то, что у нас часто является предметом недомолвок и кривотолков. События проясняются тем, что извлечены на поверхность, натурально показаны.

В начале 2005 года в Андижане затеяли процесс над двадцатью тремя бизнесменами, начавшими свои дела после роспуска СССР и узаконения частного предпринимательства. Власть, хоть и не сразу, решила извлекать из чужой частной деятельности пользу для себя, а не только налоги для государства. Наткнувшись на отказы, она и затеяла процесс, а поскольку эти маленькие Ходорковские никаких преступлений тоже не совершили, их объявили запрещенной исламской сектой и судили в качестве таковой.

На Западе к тому времени ислам уже не жаловали, и разбираться, где потакают исламским фашистам, а где нарушают права честных людей, исповедующих ислам, европейским и американским властям не казалось важным. Но жители Андижана поняли, что от судьбы подсудимых зависит их собственная. И тысячи вышли на безмолвную демонстрацию, которая продолжалась больше трех месяцев. В фильме показано как эти тысячи стоят на улицах города, не занимая проезжую часть. Просто стоят.

С чего узбеки поверили, что они обрели право на свое хозяйство, и почему такое множество людей решилось протестовать, когда над этим правом надругались? У нас-то протесты не обретали подобного масштаба. А потому, что роспуск СССР отозвался в тамошних умах прямей, чем в России. Наше имперское сознание при нас, тем паче что отделились лишь "союзные" республики, а "автономные" - иные побольше "союзных" - никуда не делись. А узбеки сочли себя независимыми от Москвы, от русских. Оттого и осмелели. Уже не боялись, что выйдет как перед распадом СССР в Казахстане, Литве или Грузии. Не допускали, что независимая узбекская власть станет стрелять в узбеков. А она стала. Шесть лет назад в мае месяце кто-то напал на тюрьму и освободил арестантов. Неясно, кто это сделал. Но спецчасти обрушили огонь на мирную многодневную демонстрацию и убили несколько сот человек. И всплыла здравая мысль, что зло не в русских, не в "русскости", а в том, как устроено общество, и плохи не русские сами по себе, а

имперские порядки, навязанные Узбекистану Москвой, но уцелевшие и вне империи, без русских.

Некоторые из спасшихся от резни попали на Запад. Один из героев фильма в конце говорит: "Я надеюсь вернуться в Узбекистан и рассказать, как здесь устроено общество". Хочется пожелать ему успеха. Но в России-то это знание есть, однако оно не находит применения и даже отвергается, причем не одной властью, а и немалой частью граждан. То ли знания мало, то ли его недостаточно соотносят с нашими реалиями.

Узбекистан так же освободился от колониальной власти, как многие другие страны Азии и Африки. В тех странах тоже власть часто доставалась авторитарным правителям и положение людей не только не улучшалось, но и становилось хуже, чем в колониальное время. И все-таки ситуация в Узбекистане изменилась. Она стала внутренним делом, решаемым лишь в противостоянии с авторитарным президентом Каримовым, попирающим права узбеков. Зло уже не в "русскости" и не в "имперскости". Это сугубо социальное противостояние - на Москву не свалишь, русофобией не смягчишь. Андижан это прояснил, и хоть Каримов держится, у него нет гарантий от судьбы Мубарака.

Россия, слава богу, уже более полутысячелетия как ничья не колония. Почти три века назад она даже формально провозгласила себя империей, а на деле ею стала еще более чем веком раньше. Даже была второй державой мира. Почему же при этом русские жили и живут несопоставимо хуже титульных народов других бывших империй - и Британской и Французской? Покуда ответ на этот элементарный вопрос замалчивается, из положения нет выхода. Империя после 1991 года сильно уменьшилась, но ситуация не сильно изменилась.

А ответ вполне ясен. Как бы далеко ни простирали свою власть англичане или французы, сколько бы ни перебиралось их в поисках лучшей жизни на новые места, дома, в Англии и во Франции, люди не мирились с произволом, бунтовали и добивались улучшения общественных порядков и своей жизни. Там отвергали феодальную зависимость, доросшую у нас до крепостного права, создавали (в Англии еще в XIII веке) представительную систему, у нас введенную лишь в XX веке, да и то бесправную, не спорящую с монархом, как в Англии, а лишь подающую царю советы, а ныне - чисто показную. Положение английских рабочих в XVIII - начале XIX веков было ужасающим, но они, как свободные люди, действительно боролись за свои права, а у нас великий модернизатор Петр строил крепостные заводы, фактически оставшиеся такими и при советской власти. Борьбы за права русских как основного народа метрополии, да и самой этой метрополии не было.

Русские - и при Ломоносове, и еще при Некрасове - сами были в русской империи колониальным народом. Поэтому их положение оказалось не только хуже, чем у англичан и французов, но и не дало им той перспективы, которую дает колониальным народам освобождение: Узбекистан совершил в Андижане еще только первую попытку, а Эстония или Польша довольно быстро добились некоторых результатов.

Русским, которых слали на смерть в Афганистане и Чечне и угнетали не меньше других, внушали, что они заведомые интернационалисты, а жители колоний заведомые сепаратисты. Русских по-прежнему ценят главным образом как опору империи, не вникая, какова их жизнь и почему средняя продолжительность жизни мужчин немногим больше пенсионного возраста. Власть пугает злыми чеченами и взрывами неизвестно где и когда. Мы, мол, тут русские, а они против всех нас. "Имперскость", прежде "социалистическая", все больше держится за "русскость", как опору и оправдание. Империалисты выдают себя за русских националистов, хотя на деле они обыкновенные нацисты.

В 1917 году обещали равноправие в "едином человечьем общежитье" "без России, без Латвий". А на деле в Латвии латыши должны были знать русский язык, а русским в Латвии знать латышский было необязательно. Такое "равноправие" сеяло русофобию и не давало решать сообща даже общие проблемы. Не все понимали, что отказ тогда латышам, а ныне чеченцам и другим в праве жить так, как они хотят, - это отказ и русским.

Понемногу это сознается, и "русскость" тоже тянется к отказу от "имперскости", - эта тяга и противостоит русскому нацизму как всамделишный русский национализм. Ему нужно национальное русское государство, строящее добрые отношения и с Чечней, и с Татарстаном, и с другими. Не сея иллюзий, будто отношения с колониями бывают равноправны.

Нацисты любой ценой хотят удержать завоеванные царями земли. Но русское национальное государство будет успешным, лишь противопостав имперскому нацизму, как современная Германия противопоставила нацистской Третьей империи. Конечно, национальное государство не сводится к землям, на каких оно возникло тысячу или пятьсот лет назад. Петербург, построенный на завоеванной финской земле в XVIII веке, бесспорно русский город, и отрывать его от России нелепо - не стоит равняться на то, что немцев выселили из Кенигсберга, построенного в XIII веке. Но многие народы поныне живут на землях исторического заселения, и абсурдно называть их стремление сохранить самостоятельность сепаратизмом. Ни Северный Кавказ, ни многие земли Поволжья, ни Бурятия Петербургами не стали. А упреки в сепаратизме бросают даже татарам, второму по численности народу страны.

У нас к тому же путают положение отдельных представителей нетитульных наций и участь этих наций в целом. Это вещи связанные, но не идентичные. Чтобы люди были равноправны независимо от этнической принадлежности, достаточно соблюдать закон. Но народы заведомо не равны в возможности действовать самостоятельно, и преимущества имперской силы практически ущемляют огромные множества людей, а столичных удачников выдают за свидетельства широты и терпимости. Крупнейшая фигура русской православной церкви, ее главный реформатор патриарх Никон был мордвин. Но мордовская автономия, как и все другие, все еще в полной зависимости от Москвы. И практическое неравноправие сказывается на сознании и титульного народа империи, и

колониальных

народов.

Андижан показал, что сама по себе независимость еще не гарантия демократии, что национальная власть бывает врагом собственного народа. Но он же показал, что независимость - обязательное условие демократии, которой Узбекистану надо будет добиваться новыми демонстрациями, или реформами, или революциями. А это стало там реально лишь после 1991 года.

У нас это еще невозможно. Не осознано, что независимость и самостоятельность, нужные для демократии колониальным народам, нужны и титульным. Подпирая империю, русские отказываются от шанса на демократию. Выходивший уже при Сталине из моды Энгельс именно о России сказал: "Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы". Ситуация изменится, если другим дадут самостоятельно решать свои проблемы. Тогда и Россия решит свои, и русским тоже будет прок от роспуска СССР.

Недолго музыка играла

23.05.2011

Почти два года назад Лимонов призвал недовольных не распыляться, а сосредоточиться на борьбе за наглядную свободу, зорко выбрав свободу собраний, необходимую и большевикам-ленинцам, и национал-большевикам, и псевдолибералам, и поклонникам русской империи, и сторонникам русского национального государства, и сепаратистам, и либералам, и демократам. Удачная идея не потерялась. В борьбе за свободу собраний можно быть заодно, решительно расходясь в характере, целях и содержании самих своих собраний. Хоть и не сразу, Лимонова поддержала Алексеева.

Но правозащитники все же больше святые, чем политики, и когда власть усекла опасность и предложила договариваться о месте и порядке митингов по 31-м числам, Алексеева и ее друзья не разобрались, что с властью обговаривать можно и даже полезно (к примеру, как сделать, чтобы собрание и уличное движение не слишком мешали друг другу), а что ни в коем случае нельзя, поскольку это значило бы признать претензии нынешней власти на фактический пересмотр Конституцию.

Это сперва расколело Триумфальную, а 31 марта увело шедших за Алексеевой на Пушкинскую. Но Лимонов в тот день держался молодцом. Опять пошел на Триумфальную, сознавая, что опять арестуют. Еще раз подтвердилось, что кроме как дубиной по головам, кроме грубой силы, и, понятно, нефтегазовых денег, для обмена мнениями у Путина ничего нет.

И вдруг оказалось, что, открыто ратуя за свободу собраний, Лимонов огорчен тем, что информация о жестком запрете на них выходит за государственные границы. Пока мир созерцал в новостях известиях лишь отдельные кадры милицейских бесчинств, он, может быть, и печалился, да публично не сетовал. Но стоило Каспарову показать в Америке прямую трансляцию из Питера, как Лимонов объявил, что это «расчетливая

промышленная эксплуатация... героизма нацболов у Гостинки... в личных политических целях».

Он предостерег Каспарова и других: «Мы значительная политическая сила, с нами ссориться не надо». Указал, что, выступая вместе, надо и в остальном быть заодно. Логика известная, ленинская. Так требовали послушания от левых эсеров, пошедших с большевиками в 1917-м. Так ладили тоталитарное единство - не по одному пункту, а по всем.

Сперва, проспавшись, Лимонов спохватился. А может, кто объяснил, какое он оставил впечатление. И дважды в выступлениях на «Эхе Москвы» он заверял, что тут всего лишь внутренние разногласия с Каспаровым и Немцовым: он просто не хочет, чтобы его с ними путали, хоть такое и не грозит. И напирал на то, что он человек не прозападный, что он русский политик. Выходило, что Каспаров и Немцов не русские политики. Но русские не обязаны быть единомышленниками. И Стратегия-31 сперва на это не претендовала. Только советская пропаганда выдавала Победоносцева, Столыпина, Милюкова и Керенского за чуть ли не членов одной партии.

Лимонов мыслит по той же методе и объясняет, что солидарность по одному пункту при своевольничании по другим не вызывает уважения. Сергей Аксенов с присущим ему прямодушием приветствует приход любых правозащитников и журналистов, но без вождей. То есть без собственных политических идей! Такое же решение приняла и межрегиональная встреча Стратегии-31.

Вопрос есть

10.06.2011

Евгению Ихлову **смешны** Грызлов с Зюгановым, затевающие в Думе слушания по «русскому вопросу». И впрямь они смешны. Да и что может быть хорошего из Думы? Колонка Ихлова дышит этим верным чувством. Но русский вопрос она не отменит.

Можно ли на деле преобразить Российскую Федерацию, остающуюся империей, хоть и меньшей, чем СССР, в русское национальное государство, за которое она себя выдает? История примеров не знает. Империи либо стоят на своем и растут, либо распадаются - кроме нашей все распались. Но власти РФ хотят удержать империю - в Чечне Ельцин показал это открыто - и по-прежнему взваливают эту задачу на русский народ. Ее выполнение им важнее, чем его благоденствие и свобода. Положение русских в «своей» империи иное, чем у титульных народов в других империях, - тут и встает «русский вопрос». Национальный. Но национальный вопрос - всегда социальный, и русский вопрос особенно.

Положение русских в Российской и советской империях было национальной трагедией. Ихлов видит и алкогольную деградацию, и атомизацию семьи, и социально-экономическую разруху крестьянской Руси и прочее, но когда он предлагает, чтобы для спасения русских от всего этого парламентские партии России обратились к народу с призывом отвергнуть путинизм, он шутит слишком горько. Видимо, решил, что никого

спасти уже нельзя. Оно верно, если сводить дело к Путину, большой вклад которого в народное бедствие бесспорен. Но не с Путина оно началось, и даже не с Ельцина, поставившего Путина. И счесть даже в шутку спасением замену Путина Зюгановым, Чубайсом или Лимоновым означает закрыть глаза на русский вопрос. А за ним не только прячется империя - он выдает и реальную трагедию народа.

Есть разница между порабощением жителей завоеванных земель страной, жители которой свободны, и страной, жители которой сами порабощены. Сколь ни различно было отношение англичан к их бывшей империи, они не удивились, что их не любят ни в Индии, ни в Африке, а большинство русских поныне недоумевает, откуда взялась русофобия, ставшая, кстати, не последней среди причин развала СССР. Разве русские в массе не были неправы, разве они жили лучше других народов СССР? Конечно, не лучше, часто и хуже, но, как сказал мне однажды советский офицер-"афганец": «Мы подневольные колонизаторы». В том и трагедия русского народа, что, закрепостив, его вынудили подпирать империю и при сменах ее царей и генсеков оставляли неправым, неспособным помешать власти ввергнуть страну в очередную катастрофу, наплыв которой мы ощутили в последние годы Брежнева, а от нее все, что потом, вплоть до Путина. Он не с неба упал, не сам захватил власть. Он «сын своего класса», номенклатуры. Если что, его заменят, оставив все как есть.

Беда не в том, что власть не запрещает, как советует Ихлов, иронически обнажая ее позицию, передавать по федеральным каналам абсурдные утверждения, будто «русский народ может быть лишь имперским», а без империи «особого смысла в его существовании уже как бы и нет», и не пресекает заодно передачи о конце света. Беда в том, что на этот вздор нет возможности отвечать, напоминать о реальности и публично обсуждать, как русскому народу жить, не будучи имперским. Ведь для этого надо изменить устройство страны, в которой лишь воображение тандема способно провидеть модернизацию техническую без социальной и политической. А время Петра Великого прошло. Потому и настало время русского национального государства, всамделишного, а не показного, прикрывающего империю.

Стимул к нему - не стимулы других народов, помянутые Ихловым: независимость, единство, самобытность и права. Нам отказывают в правах не колонизаторы, а своя, и при Николае, и при Сталине, и при Путине, независимая, единая, самобытная вертикальная власть. Стимул к русскому национальному государству - необходимость сбросить бремя служения опорой империи, отвергнуть приказную ненависть - то к Венгрии, то к Чехии, то к Афганистану, то к Чечне, то к Молдове, то к Грузии и всегда к Америке. В свободе думать о том, чтобы русских не убивали, чтобы они учились и женились, чтобы втрое росли расходы на родильные дома и школы, а не на оружие - благодаря Сахарову, Королеву и другим наша страна на немалый еще срок неуязвима.

Национальное государство не собирает всех составляющих один народ. Священной империи германской нации наследуют и Германия и Австрия -

два национальных государства, да и в Швейцарии немцы живут. В Европе множество иностранцев, имеющих равные права. Проблемы в странах, желавших быть мультикультурными, не так от вражды к приезжим, как от того, что иные, хоть вовсе не все, приезжие не приемлют норм страны, куда перебрались, и порой не ограничиваются соблюдением своих бытовых обычаев, а доходят до отказа соблюдать законы принявшей их страны, что и ведет к конфликтам. Но это разрешимо и без всеобщей этнической однородности.

Нет смысла бранить Путина, если молчать о коренной причине его неудачи в налаживании российского хозяйства, да еще при исключительно благоприятном для нас подскоке цен на газ и нефть. А причина эта – империя, имперский порядок с имперским мышлением. Оттого и перевернуты понятия. Коррупция у нас не взяточничество, как всюду в мире, а государственная система кормления чиновников, потому и взятополучатель неуязвим. Чтобы с ним совладать, государству надо самому судить себя, - а где такой суд? «Олигархи» у нас не просто крупные дельцы, как всюду в мире, но доверенные лица государства, ими руководящего. И во всем так: ценностные отношения подменены административными, имперскими. А известно, к чему это ведет. Брежнев и Сталин оружие делали, а страну разоряли. Грызлову с Зюгановым «русский вопрос» дорог как прикрытие и манок империи, а за нее держатся не они одни. Имперский хор разнообразен. В нем и «староимперец», бывший «соловей генштаба» Проханов, и многоголосые русские нацисты, и тоже многоголосые новые большевики, и Чубайс, проповедующий либеральную империю, и сам Ихлов с умозрительными доводами, будто русского национального государства вообще не может быть.

А «младонационалисты», как кличет их Ихлов, не на виду, им нет регулярного места в средствах информации, с ними не ведут равноправных дискуссий. Но они-то ищут порядка не имперского, хотят, чтобы власть была не вертикалью, а скорее пирамидой с широким горизонтальным самоуправлением и чем выше, тем меньше принимала конкретных роковых решений, зато блюла законы и право. Чтобы образ жизни не навязывали сверху, а определяли сами люди внизу. В этом состоит главный для всей России русский вопрос: выходить русским из империи или дальше тащить ее на плечах? Речь не о восстановлении княжества Ивана III, а об избавлении Руси от изнуряющей ее борьбы против жителей колонизированных земель, стремящихся к самостоятельности, победить в которой нет средств кроме геноцида.

Альтернатива русскому национальному государству – иронизируя и веселясь, ждать неизбежной и кровавой гибели империи.

Случай с Любимовым

02.07.2011

Страшно читать отчеты о происшедшем в Театре на Таганке и отклики на происшедшее. Страшно не за Юрия Петровича. Ему не привыкать. Страшен образ мыслей Сталина-Жданова-Суслова в головах у современных молодых людей. В шестидесятые возникло художественное

явление – театр Любимова. Одни считают, что выдающееся, другие думают иначе. Можно спорить. Но одно бесспорно – театр Любимова невозможен без Юрия Петровича Любимова. Губенко это уже продемонстрировал.

Административно отделяя достоинства театра Любимова от возможных ошибок Юрия Петровича, опять хотят ограничить его влияние на труппу. Между тем режиссерский театр предполагает полноту влияния того, кем этот театр живет.

Дарование, талант, гений не совершенствуется в смиренной рубашке. Нам объявляли уже, чья музыка бренчит и ничего не выражает, и выпускали постановления ЦК, надеясь, что Дмитрий Шостакович будет писать как Иван Дзержинский. Неужто и это возвращается?

А это пагубно не только при идеологических, но при любых претензиях к таланту, за вычетом разве уголовного кодекса. Баланчин платил танцовщикам несопоставимо меньше, чем они получали бы в других театрах. Но замечательные таланты стремились хоть год, хоть два побыть у него. Актеры, шедшие к Любимову, видимо, хотели того же, но соблюдать его условия не хотят, жалуются в профсоюз. В другом деле оно бы и правильно. Но люди в профсоюзах, как и в ЦК, не личным художественным талантом сильны, там другим заняты. А искусство, пусть не столь практически полезное, как профсоюзная работа, требует человека целиком. Если к этому не готов, не стоит браться. Тут важнее, чем даже быть кругом правым, - искусство рождается и от заблуждений, - не быть расчетливым.

Сталин закрыл театр Мейерхольда и убил его самого - понимал, что порознь они абсурдны. Это было, конечно, злодейство, но недоумения оно не вызывало. А Золотухин и его коллеги вызывают. В отличие от Сталина, они ценят свой театр как художественное сокровище, но, подобно ему, верят, что незаменимых нет. Трудно признавать, что Рафаэль сидит не в каждом. Большевизм не признает этого в принципе.

Осознать поражение

23.08.2011

Ирина Павлова [утверждает](#), что оппозиционная либеральная общественность в тупике. Утверждение неоспоримое. Странно лишь датировать его нынешним днем. Тех, кого Павлова в эту общественность включила, трудно было счесть противниками режима и до кризисных тупиков. Они лишь номинальное продолжение либеральной общественности, потерпевшей крах в 1993-м. Тогда, после боев с Верховным Советом, Ельцин, провел выборы первого парламента новой России, но не пожелал избирать ее первого президента. И до 1996-го пребывал в этой должности как бывший президент РСФСР.

Тем и кончились надежды преобразить страну. Началась Чечня. Либеральная общественность не стала демократической оппозицией Ельцину. Многие ушли из политики и печати. Вперед вышли новые фигуры, как бы тоже либеральные. Они-то, что Павлова зорко заметила, и называют ныне власть Путина слабой. А Медведева - либералом, внушая, что есть выбор меж членами тандема, словно выбрать можем мы, а не они

без нас. И вспоминают славные ельцинские денечки, когда номенклатура обустроивалась в декорациях, прошедших евроремонт.

Конечно, Павлова права, досадуя, что настоящей оппозиции, независимой от власти, в России нет: не было до революции и в советское время, нет и сейчас. А прежде не было лишь легальной оппозиции, признанной властью. Но ее и не могло быть - ведь по крайней мере с XVIII века, в России не было и нет законной власти. Правят узурпаторы. Последний законный русский император Иван VI Антонович, правнук старшего царя Ивана V, в 1741 году был свергнут и заперт в тайную тюрьму незаконной дочерью младшего царя Петра Елизаветой, а в 1764-м убит при совсем уже незаконной царице Екатерине II.

Что взять с царей? А коммунисты незаконно правили нами 74 года. Они, правда, провели единственные в российской истории свободные выборы в Учредительное собрание, но, не получив там большинства, его разогнали и до Горбачева даже относительно свободных выборов не проводили. Узурпатором стал в 1993-м и Ельцин, в 1991-м триумфально избранный президентом РСФСР. Смешно говорить об избрании Путина, - он наперед получил этот пост и сам провел выборы. А потом поставил за себя Медведева. Никто из них, конечно, не мог допустить легальную оппозицию, которая первым бы делом указала на незаконность их власти.

Но Герцен, еще при Николае I открывший в Лондоне Вольную русскую типографию, издания которой с трудом, но порой доходили до России, был все же оппозицией. Прокламации, за недоказанное в суде сочинение которых посадили Чернышевского, распространяла оппозиция. То, что даже при Александре Николаевиче власть не признала законность оппозиции, характеризует власть, но не опровергает наличие оппозиции, которое отвергает Павлова.

Еще более странно говорить об отсутствии фактической оппозиции в Гражданскую войну или при Сталине. Сталин не безумец, он вполне сознавал, что делает. Он видел, что большинство населения, особенно крестьянство, против него. А боролся он не просто за власть, а за власть, утверждавшую ленинский большевизм в отдельно взятой стране, и большевистское мировоззрение разрешало ему убивать несогласных миллионами.

А по Павловой беда в том, что «интеллигенция в 1930-е годы закрыла глаза на трагедию деревни в период коллективизации, а затем на массовую «зачистку» простых людей по так называемым лимитам на репрессии», что «ее внимание было приковано к показательным процессам над бывшими партийными руководителями – Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым». Но поэт тогда сказал:

Наши речи за десять шагов не слышны,
Только слышно кремлевского горца,
Душегубца и мужикоборца.

Не «закрыв глаза», а навеки определил главное в Сталине - «мужикоборец» - и дал нам знать, что речи за десять шагов не слышны. А Павлова из того, что не слышны, вывела, что их и не было. И погиб не один Мандельштам, но чуть не треть тогдашних писателей, не подсчитывая прочей интеллигенции.

Даже Зиновьев и Каменев, когда Сталин вещал от имени партии, отвечали: «Партия не опрошена». Стоит признать, что Россия была тогда не опрошена, как не опрошена и теперь. Малые опросы при наличии соображений, искажающих ответ, не репрезентативны - показательны только сами открытые и демократические процессы, которых у нас не было и нет.

Удивительнее всего, что у Павловой и слово «диссидент» стало оскорблением: «так и останутся диссидентами» («страшно далекими от народа»). Между тем диссиденты, от Сахарова и Солженицына до уже в перестройку погибшего в застенке Анатолия Марченко, были нелегальной оппозицией послесталинской советской власти. Можно говорить, что они идеалисты, что дали осознавшей катастрофу части правящего класса оттеснить себя от хода событий, а строй, хоть после 1985-го и 1991-го и ощутимо трансформировался, все-таки не сменился. Однако, их мужество возрождало в массовом сознании возможность несогласия с властью, хотя бы в одиночку, а нужда в нем – Павлова это признает – не исчерпана.

В правящем классе шли свои распри: ГКЧП надеялся силой удержать прежний режим (КПРФ еще хочет вернуться к нему). Реформаторы во главе с Горбачевым надеялись уступками, не портящими идеологическое обличье, режим укрепить. А средняя номенклатура, чтившая Ельцина, рада была с ходу избавиться от идеологии, несообразной с практикой и пусть лишь формально, но стеснявшей обогащение среднего начальства. Не все вчерашние герои-диссиденты устояли в оппозиции к укреплявшей свои позиции номенклатуре, старой и новой. Сахаров, как показало его предсмертное выступление, устоял, Солженицын нашел с Путиным общий язык. Но это не повод перечеркнуть диссидентство.

Павлова пишет: «Первый и обязательный шаг на пути превращения оппозиционной общественности в оппозицию – это согласованный трезвый интеллектуальный анализ действий власти. Я утверждаю, что такого анализа до сих пор не существует». Неужто свойства советской власти, да и уже двадцатилетней нынешней, еще не изучены? Можно, конечно, уточнять детали различий НЭПа и военного коммунизма или сталинского режима с кодифицированной идеологией и ельцинско-путинского, отвергнувшего идеологию, точнее, ее жесткую кодификацию. Но Збигнев Бжезинский в ходе анализа различил сходство лидеров нынешнего российского порядка и довоенного итальянского. Отбросив марксистскую утопию, из которой рождался советский режим, нынешний режим остался без внешних отличий от других тоталитарных.

В наших СМИ при всей бдительности контроля тоже проскакивали аналитические статьи, возможно, не попавшиеся Павловой на глаза. Это не страшно. Страшит ее надежда на не просто серьезный, а «согласованный» анализ. А именно готовность оппозиции девяностых согласовывать взгляды с фрондировавшей частью правящего класса, желавшей удобных ей перемен, отдала руководство переменами правящему классу. Но согласование противостоящих власти осмыслено лишь тогда, когда выясняется, какие тенденции люди поддерживают. Если Сахаров выражал Горбачеву условную поддержку, требуя реформ, то после него, после 1993-го и 1996-го, диссиденты и либералы оказывали Ельцину безусловную поддержку: они сдались номенклатуре, не получив

массового и гласного контроля над ее действиями, и «согласование» лишь закрепляло капитуляцию.

Павлова назвала свою статью «Как стать оппозицией», но у нас нельзя стать законной оппозицией без согласия незаконной власти. Об оппозиции вспоминают перед выборами и лишь напоказ. Ничего другого незаконная власть не терпит, и пока она сидит, надежды на легальную оппозицию беспредметны. А «незаконная», если бьют по головам, - удел немногих, хоть это не единственная причина слабости нынешней оппозиции.

Оппозиционная общественность, не только либеральная, проглядела победу номенклатуры. Проглядела от веры, что правящий класс хоть поневоле отстаивает интересы страны, а он занят собственными. Положение в России плохое, уровень жизни и производительность труда низки, но правящий класс в порядке, государство номенклатуры опекает и новую, олигархическую, и старую, бюрократическую. Победившему правящему классу ничто не грозит. Угрозы извне, отвечавшие на разжигание мировой революции и наши захваты окрестных земель, на обозримое будущее отпали. Нет на свете страны, готовой атаковать Россию, хоть правящий класс нас этим пугает.

Внутренних угроз он тоже не боится. Народному возмущению не свалить тоталитарную силовую вертикаль. При всех недочетах нашей армии, победа над собственным населением ей обеспечена тем, что главнокомандующему хватает решимости расправляться с безоружными. Всерьез правящему классу грозят лишь, как в начале восьмидесятых, последствия его хозяйствования, если нет компенсаторных источников. Будь при Горбачеве баррель нефти 120 долларов, не бывать бы перестройке. А был он 10. Да и падение этих цен в первую голову сказывается не на «элите».

Ирина Павлова лучше многих сознает безжалостность власти к стране. Вот и досадно, что и она сеет иллюзию, будто эту власть нетрудно свалить. А первая битва за свободу России проиграна. «Мягкий» тоталитаризм стабилизировался. Он не будет вечен, даже ожесточаясь. Но рухнет не оттого, что его согласованно проанализируют, а потому, что люди уткнутся в тупик, как в СССР, получая удостоверения с фотографией на покупку продуктов. И кто-то это скажет. Те самые диссиденты, которых Павлова напрасно бранит. Они-то и начнут новую битву. Лишь бы не дали себя опять облапошить.

Выборов нет, но выбор есть

16.09.2011

Назначили день выборов. Воссоздали в виде отечественного фронта блок коммунистов и беспартийных и вступают в него коллективно. Прохоров три месяца вел переустройство «Правого дела» - и на первом же съезде был оттуда исключен. Музыка играет. Штандарт скачет. Лимонов каждому велит исключать себя из списка избирателей. (То же велит Новодворская.) Подрабинек зовет не ходить на выборы. Навальный – голосовать за любую партию кроме «Единой России», Чирикова – за ту, что по душе, Немцов – против всех. Такой графы нет, но можно испортить бюллетень. Все они, как, впрочем, и власть, обращаются к народу в целом, не уточняя

чьи интересы отстаивают, каких классов и социальных слоев. И надо определяться каждому самостоятельно.

По Шехтману демонстративная революция «отважных, решительных и боевых» (даром что их немного) важнее и выше массовых тайных протестов законопослушных избирателей. Аргументы у него эмоциональные. Оппозицию он делит на либеральную и радикальную, зовя либеральную буржуазной, а радикальную – антибуржуазной. Видимо, считал, что все ненавидят буржуев и конкретизировать, что принесет их ликвидация, нет нужды. Не любопытствует, почему антибуржуазные режимы вводят буржуазные передышки вроде нэпа или, как китайцы, буржуазные методы хозяйствования.

Положительную программу своих противников, либералов, Шехтман оглашает. А программу радикалов, к которым принадлежит, утаивает. Чего, однако, он хочет? Ну, ликвидируем буржуазию как класс. Это мы проходили. А дальше? Руководить сельским хозяйством, с которым крестьянство, стремящееся к его продуктивности, прежде управлялось само, большевики поручали секретарям райкомов, интересовавшимся другим, и добились, что Россия, прежде торговавшая хлебом, закупала его в США и Канаде. Планов новых радикалов он не огласил. Посулы коммунистов оказались блефом, и новые радикалы осторожничают.

Шехтман, правда, вспомнил, что есть и националистическая оппозиция, но, сочтя, что «националисты стоят особняком», вынес их «за скобки». А заглянув за скобки, видишь, что националистическая оппозиция делится, во-первых, на автономистскую и русскую, а русская, в свою очередь, на имперскую и национальную. Не говоря о внутренней сложности всех трех течений, странно от них отвлекаться, обсуждая переход к буржуазному развитию, обычно совершавшийся под национальными знаменами.

Конечно, либерализм и радикализм – разные методы социальной борьбы, но они зависят от смыслов социальных движений. Общей оппозиционной программы в России нет не от несговорчивости лидеров, а оттого, что оппозиция режиму, при всей ее скудости, социально разнородна, как социально разнородно население страны. Либерализм живет свободой и в этом смысле, да и исторически, впрямь связан с буржуазным развитием. А радикализм движим высокими идеями, знанием «как лучше», и у него на уме самые разные общественные устройства. Имперский русский национализм радикален, антиимперский бывает и радикален, и либерален. Одни автономисты мечтают о радикальном разрыве с Россией, другие – лишь о конфедеративных отношениях.

Большевики были самой радикальной антибуржуазной партией. Но не постбуржуазной! Они отвергли капитализм не на высшем витке, как сулил Маркс, а до его победы в России, вот и возродили, не реставрируя самодержавие официально, и крепостное право, и прочую царистскую практику, даже ужесточив ее. А оппозиционный царю капитализм к 1917 году ее уже разьедал. Крестьянство, составлявшее большинство населения, и после Октября ежеминутно рождало из себя капитализм. Но большевики навязали стране иной строй. Едва ли не крупнейший из пришедших в советскую эпоху поэтов четко выразил суть большевизма:

Значит,	можно	гнуть.	Они		согнутся.
Значит,	можно	гнать.	Они	-	уйдут.

Как от гнуса можно отмахнуться,
 зная, что по шее не дадут.
 Значит, если взяться так, как следует,
 вот что неминуемо последует:
 можно всех их одолеть и сдюжить,
 если только силы поднатужить,
 можно всех в бараний рог скрутить,
 только бы с пути не своротить.

Вот судьбы людей и зависят от того, будет власть их и дальше скручивать в бараний рог или они честными выборами могут влиять на пути своей жизни, не отдавая их на откуп властям и партиям, а своими голосами подпирая наиболее приемлемые программы. Поперек гнущей власти шли не только выборы в Учредительное собрание, но и выборы в независимой России, которой правят радикальные, то есть, по теории Шехтмана, антибуржуазные силы. Хотелось бы узнать, чем эта антибуржуазная власть не устраивает Лимонова, поддержавшего ГКЧП, или Удальцова (кроме, понятно, того, что не они ее возглавляют). Если же Шехтман числит власть Путина буржуазной, стоило объяснить, чем он негоден либералам. Ни то, ни другое, не выговорено и повисает в воздухе, а власть сама и хочет все это затуманить, свести предвыборную кампанию, по природе призванную прояснить социальные отношения, к спорам о том, как обойтись с избирательным бюллетенем.

Можно согласиться с Подрабинеком, говорящим чистую правду, и на выборы просто не пойти. Он только упустил из виду, что этим мы, недовольные, вместе с довольными оставим власти делать что она хочет, даже не выказав своего отношения. Если, конечно, по призыву Лимонова и Новодворской не заявим избиркому, что в пародии на выборы участвовать не желаем. А как поступать с нашими бюллетенями и в этих случаях, и если мы свои бюллетени унесем, решат без нас. Дополнительные бюллетени подкинуть несложно.

Можно согласиться с Навальным и голосовать за любую партию кроме «Единой России». Допустим, за КПРФ. Если она соберет большинство, сформирует правительство и восстановит советский строй, Навальный, возможно, обрадуется. Но едва ли обрадуются помнящие советскую жизнь и понимающие, что задачи, роковые для СССР в начале восьмидесятых, не станут легче, если Россия тридцать лет спустя вернется на прежний путь, да еще сократившись по территории и населению. Впрочем, правящие чекисты вряд ли мирно уступят власть даже ближайшим своим единомышленникам - коммунистам.

Если вместе с Чириковой голосовать за партию «Яблоко», надежды на мирный уход Путина тоже нет. Конечно, в России нет другой партии, на деле не причастной к махинациям после 1991 года. Немцов, одновременно с Чубайсом бывший первым вице-премьером, злостно бранит Явлинского, власти не имевшего. Но слабость оппозиционера несопоставима с виной стоявших у власти. Надеюсь я, что выборы будут честными, - из наличных партий голосовал бы за «Яблоко», как и раньше, пока надеялся, что поддержка избирателями его позиций вынудит власть как-то считаться с людьми. Но этого-то власть и не хочет. Оттого и независимо складывающихся новых партий не признает. Их в стране лишь две: три

четверти века правившие коммунисты и противостоявшее им при их крушении социал-либеральное «Яблоко» с идеями не только иной экономики, но и реальных социальных гарантий. Не зря вернувшегося в политику Явлинского опять атакуют и радикалы, и так называемые «правые», вуалирующие власть государства над хозяйством. А власть полагается на прямые нарушения избирательного процесса и фальсификации. И голоса «Яблока» честно не сосчитает. Остается протестовать.

Немцов, еще недавно вместе с путинским премьером Касьяновым надеявшийся на выборный успех, когда его партию запретили, поддержал протестное голосование. Произвол властей, перекрывающий дорогу тебе лично, даже политиков просвещает. Это хорошо. Протест пропагандируют лозунгом «нах-нах», разумея популярный адрес. Но это стеб, да и не смешной. К тому же и не до смеха. А если матерщина, густая во властных кабинетах, выйдя на простор печатного слова, кого-то шокирует, можно не перечеркивать бюллетень волнующей буквой, а голосовать за всех кандидатов сразу - это тоже его портит. А мы только и можем, что сказать власти, как она надоела. Тайно это скажут не две тысячи, а миллионы. Это возродит еще в совке вызревшее отношение к власти произвола. Не все тогда вели на кухнях антисоветские разговоры - кто из страха, кто от безнадёги, - но почти все звали власть «они». «Они» устояли и зовут себя «элитой».

Испортив бюллетень, не надо ждать, что это скажется на итогах. Бюллетень изымут и заменят, будь таких даже большинство. Но по начальству доложат. Это последняя возможность мирного протеста. В старом анекдоте невеста в брачном объявлении пишет, что ждет юного, белокурого, высокого жениха и евреев просит не обращаться. Приходит старый лысый еврей и говорит, что по объявлению. Она возмущена - ведь предупредила! А он отвечает, что так и понял: «Я зашел лишь сказать, чтобы вы на меня не рассчитывали». Всем нам вместе и по отдельности стоит сказать захватившим власть, чтобы на нас не рассчитывали. Тем более что при тайном голосовании риска нет. Что бы ни ответили, ясности прибавится.

Горе от ума

17.09.2011

Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Вот я и держу господина Шехтмана за умного, даром что мне он [шлет дураков](#). Брань на восток не виснет, но ее обилие при полемике как раз и показывает, что аргументов нет. Такой умный человек, как господин Шехтман, их не находит либо от плохого знания предмета, либо от буйности темперамента. То и другое, впрочем, часто совпадает. Чего стоит хотя бы утверждение: «Брежнев, покойник, рассчитывал на вашу безоговорочную поддержку и всемерное одобрение». То ли не жил Шехтман при Брежневе и его предшественниках, то ли забыл или не слышал, что картина безоговорочной поддержки создавалась упорным трудом чекистов и целой системой карательных мер, увенчавшейся ГУЛАГОМ и расстрелами.

На что рассчитывает Путин, ему тоже, видимо, не вполне ясно. До меня, причисленного Шехтманом к быдлу, Путину, возможно, впрямь нет дела,

хоть я условий Шехтмана не соблюдаю - высовываюсь. Недостаточно высовываюсь, не слишком заметен. Но если бы Шехтман помнил других, высовывавшихся больше и лучше меня, и отнюдь не на площадях, а в печати и в сети, и помнил их печальную участь, видимо, все же не стал бы обобщать, что Путину до таких нет дела, и удовольствовался бы выпадами в мой личный адрес.

Где уж при такой горячности задуматься: а не на меня ли, Павла Шехтмана, рассчитывает Путин? Конечно, умный Шехтман против Путина. Знакомства со словарем Брокгауза и Эфрона, хоть не все нынешние детали там вперед прояснены, хватает для осознания пагубности усилий сочетать вертикальную власть с современным развитием. Но беда не так в нежелании Шехтмана, покуда правит Путин, знать «хороши или плохи Ленин, большевики и Советская власть», а в его нежелании знать, как нынче видят вещи люди России.

Не то что большинство обожает Путина. Даже официально признают, что таких уже поменьше. Но революции не вспыхивают по призыву смельчаков, каким выступает Шехтман. Вот Лимонов пытается народным напором пробить насущное требование – свободу собраний, но в десятиmillionной Москве больше тысячи с небольшим человек не собирает. А ведь это легальное, конституционное требование, и противозаконно по 31-м числам себя ведет не Лимонов, а власть. Откуда Шехтман взял, что его призыв к мятежу, к прямому нарушению числящегося легальным порядка соберет сегодня больше людей? Он не может не знать, что внезапные массовые выступления против власти удаются в обстоятельствах, подобных 19 августа 1991, когда в Москве, забитой войсками, на улицу сами, без особых призывов, вышли сотни тысяч, и даже у нас в Питере, где войск не было, десятки тысяч людей, или когда в Киеве при грубой подтасовке результата выборов заполнился майдан. Хорошо бы, если бы и нынче так вышло, да шансов на это покамест не видать. А нельзя не понять, что мятежные действия горстки людей для власти, беспощадной к мирным выступлениям, станут желанным поводом к более широкому применению силы. Одно дело - жертвы массового народного выступления, совсем другое - жертвы не мирной демонстрации, а псевдореволюционной провокации. Итогом ее подавления будет лишь чувство бессилия и отчаянья, да обличение собственного народа за неготовность массами идти под пули, в котором уже преуспевают Новодворская.

Между тем люди России, отнюдь не готовые к вооруженному восстанию, все больше клонятся к мирному давлению на власть, и наши выборы, не давая сменить власть, еще - пока они опять не из одного - дают возможность массового протеста против существующего порядка. Сколько бы Шехтман ни оговаривался, он жаждет заменить такой протест революционными призывами, хоть сознает, что соберет не больше Лимонова. Горький по схожему поводу сказал: «Безумству храбрых поем мы песню». Увы, песню безумству я не пою, виноват. В общественных делах я держусь старого завета: «Что не согласно с разумом, то безобразно». Особенно когда к несогласию с разумом зовут неглупые люди, способные понимать, что они делают и кому - видимо, ненамеренно - подыгрывают.

Кто виноват?

19.09.2011

Хоть свободы слова у нас нет, личная полемика, становясь публичной, все же проясняет общественные позиции, в ней сталкивающиеся. Их различия не умаляются, если даже у слов есть другие смыслы и мой оппонент хотел сказать не то, что сказалось. Павел Шехтман и в [первом тексте](#) внятен, а в последнем прямо [выговорил](#), что в тоталитарном режиме виновны не столько чекисты, сколько дрессированное большинство «тех, кто сделал себе из «фиги в кармане» знамя и идеологию, восхищаясь собственным умом, практичностью, знанием жизни и умением жить», в которое он и меня включил. Оставляю личную злобу на совести Шехтмана. Пересказывать ему биографии моего деда, отца и собственную, выяснять, схожи ли они с биографиями его родителей, которых он в свои доводы втащил, нет охоты.

Не спеша выяснять, «хороши или плохи Ленин, большевизм и Советская власть», Шехтман все же пришел к тому, что не так, в конце концов, и плохи - после Сталина ни тебе расстрелов, ни «черных воронок», да и ГУЛАГ уже, дескать, не классический. Словно у массовых казней нет умиряющего последствия, тем паче что и текущая работа не затихла, и фальшивые процессы шли, и произвольные расстрелы были, и в лагерях погибали, и на улицах избивали подчас до смерти. Подумав, что неизвестно, как бы он вел себя тогда сам, и не коря родителей, Шехтман оплевал все их поколение разом.

А оно между тем не было единообразным. Правила спускали, но люди исполняли их по-разному: были отличники, были двоечники. И соответственно их продвигали по службе, давали жилье, делали выездными и невыездными. И все эти и другие условия благополучия давались в прямой зависимости от соблюдения правил. Целым категориям лиц еще занижали очки. Тем не менее, одни голосовали за что прикажут, другие не голосовали, одни вступали в партию, другие не вступали, одни вступали в комсомол, другие и в комсомол не вступали. Но по Шехтману все они одним миром мазаны. Вот он и не видит путей к освобождению, кроме прямой борьбы с властью, вполне готовой, между тем, вернуться и к брежневским приемам, и к добрежневским, и даже к совсем откровенным, как в атаках на Грозный.

Не знаю, чего добивается Шехтман, обеляя чекистов и чохом осуждая людей, многообразная деятельность которых была тогда неоднозначна. Не все были полезными идиотами, а многие способствовали просвещению и прояснению жизни, которая шла. Но его усердие совпадает с желанием нынешней власти, и ельцинской, и путинской, переступить прошлое, не выяснять, что с нашей страной было, как и почему она в такое угодила и как из него вылезать.

Прошло двадцать лет, и выросло поколение, той жизни не знающее. Справедливо осуждая нынешний порядок, происхождение которого не обсуждается, они учат, что достаточно выйти на площадь, там разберемся. А им, не желающим знать, что было до них, не с чем туда выйти, кроме такого же тоталитарного порядка, лишь с другими флагами и портретами. Вот люди за ними и не идут.

Смысл возврата

27.09.2011

С твердящими, что возврат Путина на роль президента – плохая новость, нельзя согласиться уже потому, что хоть нет в этом ничего хорошего, нет и новости. Он и в последние три с половиной года был главой государства, а корону не носил, чтобы господин Юргенс и другие могли нас утешать иллюзиями о переменах к лучшему, хоть Медведев ничего не улучшил.

Единственное, что ныне ново, – заблаговременность провозглашения третьего срока. Я писал на "Гранях", что Путин потянет, чтобы точнее взвесить, есть ли нужда опять самому надевать вериги или можно и дальше кататься на "Ладе-Калине" и нырять за амфорами. Дело, видать, прояснилось, если решил. Видать, решил, что иначе не только нам - что ему, вдохновителю Беслана и Дубровки, до нас? - но и ему, и Медведеву, и другим товарищам будет плохо. Ощущение правильное.

Вопрос лишь в том, какие он предпримет действия. А что серьезные, сомнений быть не может. Иначе оставил бы Медведева. С ним-то удобней. А что предан без лести, мы могли опять убедиться.

Изменить нельзя, но выразить отношение можно

18.10.2011

В толковой [статье](#) Сергея Давидиса меня удивило его удивление ожесточенностью споров между сторонниками разного поведения на выборах. Он разъясняет, что людям, стремящимся к единой цели, не стоит обвинять друг друга во всех смертных грехах, а себя объявлять носителями истины в последней инстанции. Вроде правильно и тактически умно. Но цель ведь не в том, чтобы просто свалить Путина, - не менее важно, кто сядет на его трон и уцелеет ли таковой. Из-за этого и спорят до ожесточения.

На встрече с Алексеем Навальным я его спросил: если по вашему призыву голосовать за любую партию кроме ЕдРа, то по логике надо голосовать за коммунистов, у которых шансов собрать большинство больше. Ну, допустим, они его соберут. Как вы думаете, как поступит власть, признает она их победу? А Навальный мне ответил: но ведь коммунисты уже совсем другие, и вообще жалко, что в 1996-м выборы были фальсифицированы и они не вернулись к власти, как было в Польше и других странах.

Должно быть, увидев мое поскучневшее лицо, Навальный спросил: вас не устраивает мой ответ? И пришлось сказать: конечно, не устраивает, вы мне про коммунистов, а я при них прожил жизнь и их знаю. А я спросил про власть.

Навальный про власть так и не ответил, а я исхожу из того, что она и коммунистам, прихода которых я, в отличие от Навального, никак не хочу, трон не отдаст. Никакого практического значения эти выборы иметь не могут, как бы мы ни проголосовали. Хочется, чтобы количество голосов на чем-то сказалось. А оно ни на чем не скажется.

Но есть хотя бы возможность высказать свое отношение. Не любящие эту власть и ее спектакли могут посидеть дома с теми, кто никуда не пойдет потому, что возражений против власти не имеет. А могут испортить бюллетень. Марина Салье сочла нужным заметить, что испорченные бюллетени распределяются пропорционально заполненным, то есть влияния на результат не оказывают. Это верно, но важно лишь тем, кто ждет результата. А он от нас не зависит нисколько. Но выразить отвращение мы можем. Стоит ради этого дойти до избирательного участка.

Такие разные национализмы

04.11.2011

В России стали бранить не только «местных» националистов-русофобов, но и русских националистов. Боятся, что они сметут Путина, которого наперед равняют с Ганди. Другие боятся, что новоизбранный Путин возглавит националистов и наведет порядок. И кого только не кличут националистами - и озабоченных тяжкой судьбой русского народа, и уязвленных оскудением Русской империи, и создателей русского нацизма. Обсуждают «умеренный» национализм - терпеть его или пресечь, пока не ошалел. Коммунисты предлагают вписывать в паспорт «национальность», чтобы сразу видеть, кто русский. Для других русские - государствообразующий народ, уже не просто первый среди равных. Третьи хотят обратить Россию в плавильный котел и переплавить жителей - не иммигрантов, а живущих в местах, завоеванных Россией, - в русских.

Общего в этой пестроте лишь вера, что национальный вопрос решат сила и размер. Три чеченских лидера перечили - всех убили из-за угла, четвертый послушен - золотом обсыпают, не жадные. Но усвоить, что национальный вопрос - вопрос социальный, не хотят. Он стоит отдельно, хоть знают, что биологические различия рас ничтожны, да и различия культурных традиций - не преграда добрым отношениям, если одни не ущемляют других. А иначе главные проблемы - у нас это нужда преодолеть советский государственный строй - национальная рознь вымывает из повестки дня.

России необходимо самостоятельное всестороннее и эффективное развитие, невозможное без свободы. В 1917 году в борьбе за нее страна пришла к катастрофе и стала еще менее свободной, чем была. У советского правительства были иные задачи. А в августе 1991-го дух свободы воскрес.

Но, как после 1917-го, когда страна по ленинскому замыслу стала единым производственным комбинатом, Россия и после 1991-го висит на вертикали государственной власти и свободы не знает. Увеличение частной свободы, доступ к книгам и чужим странам, дарованный Горбачевым, - лишь первый шаг к экономической свободе, к возможности, по Конституции, производить и продавать что угодно, кроме наркотиков, не спросив ни у местных, ни у московских начальников. Этот шаг к свободе не совершился. Номенклатурный капитализм, как и административный социализм, все еще зависим от спроса на нефть и газ, и на автомат Калашникова, за который еще не всегда платят. А главное, зависим от

государства. По Медведеву, свобода лучше несвободы, но жить можно и при несвободе. А в XXI веке нельзя. Одностороннего развития мало. Нацелив водородные бомбы на весь мир, своих детей не прокормишь. России при несвободе не выжить. Не надо себя обманывать. Советский Союз потому и погорел, что не было свободы.

Дефекты техники, произведенной несвободными, не опасаящимися конкурентов предприятиями могут сказаться не сразу. Но отношения людей не скрыть. Отсутствие свободы преобразило большевиков, в 1917-м певших «Интернационал», в шовинистов, перешедших на гимн Михалкова, поныне сохраняющийся. А добавочная трагедия русских в том, что Россия после Василия III, объединившего все русские земли, стала уже не национальным государством, а империей. И чтобы держать эту русскую империю, цари закрепили русский народ, а потом советские вожди, следуя традиции, закрепили его опять, на другой лад. Шовинизм, к которому они пришли, национальный по форме, по содержанию был имперским, и образцы этого шовинизма видны в изобилии. Он рядится национализмом, а на деле оказывается нацизмом, и его отношение к русскому народу, который империя посылает давить и душить покоренные ею прежде и новые народы, заметно по тому, как русский народ в массе своей живет.

Но нужно быть слепым или не знать свою страну, чтобы не видеть, что параллельно нацистскому складывается совсем другой, не агрессивный, а защитный, противостоящий империи русский национализм, стремящийся не усмирять чеченцев, а спасти русских, приносимых в жертву усмирению, и тратить силы не на то, чтобы внушать страх другим, а на благоденствие своего народа. Он не так хорошо слышен, поскольку пресекается, тогда как имперский поощряется.

Первое, что необходимо для выхода русских из положения, в котором империя, носящая их имя, для них же и тюрьма, это - русское национальное демократическое государство. Яшин и другие [возражают](#): «Зачем создавать у большинства комплекс меньшинства?» Во-первых, затем, чтобы удержать его от комплекса большинства, то есть от великодержавного шовинизма. Но еще и от комплекса верности империи, от ощущения ее своей, поскольку принадлежит своему барину. Понятно, от Василия III прошло почти пять веков, русские расселились по многим краям, где раньше и не бывали, и государство, объединяющее нынешние русские края и области, будет во много раз больше, чем тогда, но не станет силой удерживать земли, где живут другие, и насильно их переплавлять - только если кто сам захочет.

Без свободного и открытого обсуждения национальных проблем людям не разобраться, к чему на деле ведут те или иные призывы. В чем смысл слов «Хватит кормить Кавказ!»? В том, что хозяйство там разрушено, заядлые перебиты и, если не кормить, остальные передохнут и Кавказ заселят русские? Или, напротив, в том, что для России это непосильный груз и лучше дать им независимость, пусть кормятся сами? Скажите!

Это вовсе не означает непременно всеобщий разрыв, лишь независимость, возможную в конфедерации и других реально равноправных союзах, а не плакаты «Союз» и «Дружба» на тюрьме народов, где сидят не одни выселенные чеченцы, но и множество русских.

Не русофобия, которую Москва плодит отказами терпеть самостоятельность автономий в любой малости, вплоть до анекдотического запрета перевести татарскую письменность на латиницу, но и не нацистский призыв «Россия для русских!» позволят мирно выйти из тупика подспудно выросших советских национальных проблем, чтобы, где самостоятельно, а где и вместе, но на равных, возродить и подхватить инерцию развития, которая рождалась в начале XX века в народах России. Век был трагичен, успехи в культуре и науке начальной поры, а иногда и советских времен, горько смотрятся на фоне загубленного за этот век. Но надо одолевать беду, а не самодовольно упиваться бесплодной военной мощью.

Пора различать очевидное: Гарибальди, человек левых взглядов, - националист, а редактор левой газеты «Аванти» Муссолини - фашист, консерватор Бисмарк - националист, а мракобес Гитлер – нацист. А у нас либо и национализм, и нацизм одобряют, либо и тот, и другой бранят. Но кого ни сочтут сделавшим больше для безопасности отечества, Сахарова или Варенникова, все же один выступал против посылки русских на смерть в Афганистан, а другой вводил туда войска, а в ночь на 19 августа 1991 – вводил их и в Москву.

России страшен не уход Чечни или чей-то еще, а отсутствие импульса развития. Она жаждет погубить тех, у кого переймет машины. К чему такие грезы ведут, показали восьмидесятые и девяностые, только этим и страшные, а едва ли в следующий раз оно не встанет дороже и не вызовет большей крови. Так или иначе, русский нацизм, и нынешний, и еще коммунистический, - опора влезших на имперскую вертикаль. А русский самозащитный национализм - призыв опомниться.

Другая история

20.11.2011

Не берусь судить, кто хуже, Березовский или Абрамович, и кто у кого дубинку украл. Ни тому ни другому не помогут [ссылки на Англию XV века](#), почти целиком прошедшего в войнах, - сперва Столетней, а потом Алой и Белой розы. Феодальная собственность в корне отличается от буржуазной частной, спор о которой идет в лондонском суде. Феодальная не была полной. Даже с крестьянским хозяйством лорд не мог делать что вздумал - жили по воле лорда, но и по обычаю манора. Феодальная собственность и есть вертикаль, она ступенчатая, вышестоявшие жали на нижестоявших. Особенно король жаждал неограниченно распоряжаться подданными, но тогда сопротивлялись. Уже в XIII веке сопротивление породило парламент, где заседали не одни бароны, но и представители рыцарей, и городов. Народ в средневековой Англии имел значение.

Российская приватизация - другая история. В Советском Союзе, кроме государственной (природа которой – особый сюжет), никакую собственность не признавали. По Конституции 1993 года частная собственность охраняется законом, но еще нет слова «неприкосновенна». Ельцин раздавал советскую собственность, делая вид, что обращает ее в частную буржуазную, что строит капитализм. На деле он отдавал ее олигархам не вполне, а сохраняя право им указывать. Право распоряжаться полученным имуществом олигархи получали условно, еще

не боясь, что отнимут, но чуть такое замаячило - многие объявили, что готовы все отдать. Графа Монфора, отца парламента, меж них не было.

У Ходорковского условную собственность уже отобрали, что, конечно, акт произвола, тем более что его сперва посадили. Что стряслось с условной собственностью Березовского, выяснит британский суд. Но о беззаконии и произволе в этих случаях можно говорить лишь потому, что за Абрамовичем и другими условная собственность сохраняется. Путин оберегает беззаконие для своей компании, а закон поворачивает против неугодных. Взыщи он имущество со всех олигархов разом, лондонский суд едва ли примет их коллективное обращение. А буде примет, боюсь, решение выйдет в пользу Путина, который легко докажет, что Ельцин с Чубайсом законодательно не оформили раздачу надлежащим образом, - значит, можно розданное взыскать. Зря брали имущество на сомнительных началах.

Не стоит жалеть, что Березовскому не достался "Газпром", скорее жаль, что ему, Абрамовичу, Потанину, Прохорову, Ходорковскому и многим другим одаренным людям не случилось стать предпринимателями за свой счет. Да и обратная конфискация имущества, начатая с Ходорковского, - сверх прочего, еще и глупость, плодящая недоверие к России, и так изрядное.

Интерес к процессу невелик, примечательно лишь, что внутрироссийскую имущественную тяжбу разбирает британский суд. А все ведь оттого, что наша власть не хочет принять закон о частной собственности, который отличал бы собственность, созданную усердием самого предпринимателя, от имущества, данного ему государством в пользование, - не хочет назвать вещи их именами. Власть сотворила себе сотню миллиардеров на побегушках, но не сделала ничего, чтобы создать условия для появления сотен тысяч, если не миллиона, деловых людей, не столь богатых, не растленных государством, и своей предприимчивостью способных поднять Россию, а не только крепить в ней власть, в чем велики заслуги обоих тяжущихся.

Индивидуальные протесты миллионов

01.12.2011

4 декабря граждане России могут получить на избирательных участках бюллетени для голосования. Но сознающие, что голосование и число голосов, поданных за того или иного кандидата, не влияют на состав Государственной думы и ее деятельность, неустанно обсуждают, как себя вести.

Проще всего сидеть дома, примкнув к равнодушным, доверившим власти делать что хочет. Себе в оправдание примкнувшие говорят, что явка легализует голосование: явился - значит, веришь, что это выборы. Но избирательным комиссиям повесить явку не сложнее, чем число сторонников ЕдРа. Абсурдно искать легализацию беззакония в рутинных процедурах. Тогда уж сочтем легализацией режима обладание паспортом и пропиской. Это ведь противоправные установления. Но всеобщее преобразование в бомжей - не лучший вид протеста. Лимонов, и Новодворская, велят не дома сидеть, а объяснить на избирательном

участке свое отношении к власти и потребовать своего исключения из списка имеющих право голосовать. Донос примут, однако справедливо возразят, что не имеют права лишить права: не хотите – не голосуйте. То же самое и выйдет.

Крепость нашего режима еще больше, чем профессией Путина, predetermined тем, что необъятные президентские полномочия он получил еще до хотя бы чисто формального избрания. Бюллетенями для голосования такое не одолеть, да еще по третьему разу. Владимир Буковский подчеркивает, что никакой способ поведения «не даст практического эффекта. Процедура "выборов" целиком сфальсифицирована, их результаты заранее запрограммированы властью". Он прав и тогда, когда называет лучшей формой протеста массовый выход в день голосования на улицы. Вышли бы сотни тысяч, как в августе 1991 года, - пришлось бы власти проявить себя ясней. Бог знает, стрелять бы стала или на попятный временно пошла, но положение изменилось бы. Да никуда не уйти от того, что больше полутора тысяч в многомиллионной Москве с протестами не выходит.

Можно объяснять это по-разному. Новодворская уверяет, что российский народ - быдло. Но двадцать лет назад Москву заполнил этот самый народ. Люди тогда поверили в гласность, поверили, что жизнь оживет и станет легче. Легче она тогда не стала, но ожила, и когда появились танки, чтобы заткнуть рты, многие не усидели дома. Двадцать лет спустя жизнь в чем-то даже стала легче - нефть, которой Россия полна, вздорожала. Но гласность пропала, а если нечего терять, то, чтобы выйти против танков или дубин, должно произойти что-то чрезвычайное. А ныне голосование проводят, напротив, чтобы по возможности оставить все как есть.

Массовый протест, увы, не выплескивается. Но это не резон отказаться от протеста индивидуального. Строка ПРОТИВ ВСЕХ потому из бюллетеня и изъята, что позволяла массам людей этот протест выразить поодиночке. Но можно и самому вычеркнуть всех. Труд невелик. Писать на бюллетене трехбуквенное слово нет нужды. Конечно, практического результата не будет, посчитают так, как захотят, но мы не будем ни безмолвствовать, ни кричать Григорию Отрепьеву: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!»

Есть люди, которым кажется, что если много голосов отдадут не главной партии, с этим посчитаются. А пора признать, что власть, держащая внутренние войска против своего народа, может долго с ним не считаться, не то - лгала бы ловчей, и Путин бы даже уступал дорогу каретам скорой помощи. На сей раз, учитывая не лучшее экономическое положение, власть, возможно, даст больше мест показным оппозиционерам – коммунистам, жириновцам - и даже одно-два единственной меж изначально допущенными к выборам всамделишной, хоть и робкой оппозиции – «Яблоку». Но это определяют не голоса, а властные соображения.

Недрузи протестной явки винят и «Яблоку» в легализации незаконных выборов своим участием. Но «Яблоку», всегда противостоявшему Ельцину, и Путину, негоже пренебречь возможностью (даваемой лишь участием в выборах) изложить альтернативную позицию. Ему только стоит сознавать, что большего не добьются, и смелей выговаривать главное. К примеру, объяснить, что там, где власть всемогуща и шагу не дает

ступить, за каждый шаг приходится платить, а платят не одни жулики и воры, которых требуют сажать. Коррупция - от всевластия, от того, что живем с разрешения власти, а жить надо по законам, исключаящим нужду откупаться. Достаточно извещать власть, а не просить позволения на всякий шаг. Тогда эти выборы хоть просвещению послужат. А практически любопытно лишь то, усилит ли прибавка коммунистам мест в Думе ориентацию на советские образцы - как выразился наш объявленный либералом президент Медведев, «пользование советскими моделями», сочтенное им вовсе не зазорным.

Декорация упала

06.12.2011

На выборах в Думу правящая партия собрала 49,5% голосов, то есть большинства не получила. Но она получит 238 мест, 52,3%, больше половины мест в Думе, то есть одержит победу. С чего такая математика? Господин Чуров объясняет, что делит места меж прошедшими в Думу партиями, а бюллетени, отданные не взявшим барьера в 7% ("Яблоку", "Патриотам России" и "Правому делу") и испорченные в знак протеста, то есть в общей сложности около 8% голосов самых резких протестантов, не учитывает. Но все отсекаемые – это как раз противники правящей партии, и выходит, что число их представителей в Думе заведомо сокращают.

Можно еще терпеть, когда голоса пропадают ради местного представительства, при избрании депутатов от данного округа или выборщиков от штатов, как в Америке. Место от нашей деревни достанется представителю большинства ее жителей, а голоса меньшинства пропадут. Но у нас-то всю Россию держат за одну деревню, твердя о пропорциональном представительстве. А хоть большинство голосует против правящей партии, большинство мест в Думе все равно у нее. Это уже не представительная система. Здесь наша имитационная демократия рвется. Декорация падает, как в Большом театре при открытии.

Разлад в тоталитаристах

30.01.2012

Путин пеняет оппозиции на отсутствие единой платформы. А общая неприязнь к текущей власти идет от ее одинаковой глухоты к интересам разных групп и слоев народа. Борясь каждый за свое, они ощутили, что «национальный лидер» - лишь общий укротитель. А как жить в одной стране разным людям, решать надо выборам, выявляющим вес каждого слоя и формирующим власть по их представительству. Британских королей уже в XIII веке выучили слышать парламент, где сидели не одни бароны, но и посланцы рыцарей и горожан.

Самодержавная власть Российской империи не слушала ни крепостных, ни князей, ни Пугачева, ни Голицына. Красное самодержавие, сменившее царское, тоже слышало только себя. Влача страну к намеченной цели, оно сперва искренне мнило, что знает всю истину. Но отдача такой страны, как Россия, - многоклассовой, многонациональной, многокультурной - одной

цели, одной воле, одному человеку по мере развития техники и хозяйства, нуждающихся в конкуренции, обернула ее борьбу за величие самоуничтожением.

Путин волнует мера единства оппозиции, потому что он видит в ней другую хунту, грозящую кооперативу «Озеро», как Сталин Троцкому или Ельцин Горбачеву. Ему чужд представительный порядок как способ жизни общества. От выпускника школы КГБ трудно требовать иного. Тем более когда кругом врут, что представительная система, парламент, учредительное собрание не нужны и большинству страны. Но в народе пропала лишь вера в их способность защититься от разгона, когда «караул устал». У нас чтут в государстве силу, по отношению к себе внешнюю. Священную, менеджерально важную, идейную, какую угодно, но не выборами создаваемую.

«Носителем суверенитета и единственным источником власти» Конституция РФ называет многонациональный народ, который «осуществляет свою власть **непосредственно**, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Но в России **непосредственные**, хотя бы и дозволенные Конституцией, действия невозможны. На Триумфальной и в других местах свободой собраний по 31-й статье Конституции, можно пользоваться, лишь добыв конкретное разрешение соответствующих органов на данный случай. Народу дозволено действовать лишь через государственные органы, с их согласия. И новые партии у нас возникают лишь с разрешения правящей. А в любой стране Европы народ вершит разные непосредственные действия, лишь извещая о них власть и не боясь наказаний, когда не нарушает Конституцию. У нас, к сожалению, не так. Но почему власть государства безмерна, Конституция не объясняет.

Оставив церемонию выборов единственным публичным политическим актом, Путин разозлен тем, что фальсификации были замечены и, не принеся его партии большинства голосов, показали публике, что государство держит власть по-советски, вопреки как бы демократической Конституции. Иные даже сочли, что утрата «Единой Россией» большинства создала революционную ситуацию и дала дорогу демократии.

Но нет сомнений в официальном сообщении, что голоса в основном ушли не к противникам режима, а к подпирательной его «системной оппозиции». Маскарадный противник - «Правое дело» - не собрал почти ничего. Реальный - «Яблоко», - видимо, все же больше официальных трех процентов и, не будь над ним устроена особая вивисекция, имел бы в Думе горстку депутатов. Но и «Яблоко» скорее всего не набрало четверти голосов, не говоря о большинстве. И не стоит из-за позорных фальсификаций себя уверять, что на деле 4 декабря народ выразил волю сменить режим, унять бесцеремонное государство, ввести его в конституционные рамки. Он лишь отверг хамство и цинизм текущей власти.

Многие шли на Болотную и проспект Сахарова, надеясь, что массовые протесты вынудят власть уступить демократии. Но власть идет лишь на маневренные уступки, догадываясь, что протестуют те, чьи голоса она и фальсифицировала на выборах. А большинство граждан страны

голосовало, либо следуя коммунистической демагогии, либо, хоть и меньшим числом, поддержав власть. На этой волне всплывают разнообразные новые большевики, зовущие к революции, хотя отсутствие революционной ситуации видно уже по тому, что на свои революционные митинги даже ярко-театральный Лимонов собирает меньше полутора тысяч. И более прямой Удальцов поддерживает кандидатуру Зюганова в президенты. Другие прислушиваются к речам Ксении Собчак о том, что Путин не в пример лучше Зюганова. Выбор оставлен лишь меж этими позициями.

Ожидающие демократических перемен, видимо, забыли, что Ельцин, вручивший страну Путину, обрел власть, выступая за отказ от советского строя, а потом сам удерживал большевистское всевластие государства, хоть и в более гибких формах и с дозволением отдельных личных свобод. Путин тоже старался. Ни реальных прав, ни социальных свобод, ни прежде всего экономической свободы в стране нет. Вместо миллионов предпринимателей насадили сотни управляемых Дерипасок и Прохоровых и упразднили судопроизводство, которое нам бы позволяло защищать свои права, а иностранным инвесторам вкладывать в Россию деньги. И упразднили не по глупости, а понимая, что свободная экономика несовместима с по-большевистски всевластным государством. Потому же за двадцать лет ничего не сделали, чтобы прояснить, почему успехи СССР для него раз за разом оборачивались губительно и в 1991 году его сгубили. Иначе умы преодолели бы большевистское наследие, а так миллионы ждут по-советски хорошего руководителя и клеймят плохих, не задумываясь о социальных порядках и отношениях.

Интрига свелась к тому, устоит ли Путин в роли лидера антиамериканской гонки вооружений. Эта роль больше подходит Зюганову, даром что за двадцать лет расклад сил в мире поменялся. Или успехи реванша уже позволяют Зюганову занять место Зюганова? Эта неясность и ввергла власть в кризис, не всеми замеченный. Отказ Путина от игры в Лжедмитрия пикантен тем, что даже Медведев, увольняя Кудрина за попытку помешать новой гонке вооружений, показал, что сам не хуже Путина и Зюганова. Выборы в Думу говорят о том, что шансы Зюганова и советских порядков выросли. И уста Собчак зовут на помощь либералов и демократов, опасаящихся потерять при коммунистах личные свободы, словно победивший Путин, если понадобится, их не урежет.

Но лишь Явлинский, хорошо или худо, на деле отстаивает демократический социально-либеральный строй и одинаково тверд по отношению и к знакомому Путину, и к любому исполнителю роли Зюганова. Тем активней действуют против него. Не потому, что он бы победил (при наших СМИ донести свои взгляды до людей у него шансов нет) или его наблюдатели надежней. Но потому, что его призыв к смене строя, а не персон страшней всего. Вторившие неправдам Ельцина, Гайдара и Путина тем ведь и подорвали к себе доверие, что не смели судить о социальном порядке. Почему народ жил так, как жил? Чем на деле была советская власть? Почему русскую деревню погубили и не возрождают? Почему народы, состоявшие в СССР, убивал не один Сталин, но и Ельцин с Путиным? Почему, решась на переход к капитализму, актуальный для России еще в 1861 году, выходцы из КПСС отвлеклись от социальных гарантий, неперемных ныне при капитализме?

Говорят, нужны переговоры с властью. Но тайные дискуссии народа с властью через посредников - абсурд. Их надо вести открыто - лучше в парламенте, но можно где угодно. Это и будет политическая жизнь, которой нет, пока государство от народа не зависит, а народ от государства кругом. Путин учит: «Россия - открытая страна с рыночной экономикой, в которой уже никогда не будет никакой диктатуры». Переговоры покажут всем, что Россия ныне полуоткрытая страна с полурыночной экономикой и диктатура успешно устраняет оппонентов, оставляя нам лишь следовать призывам либо Удальцова, либо Собчак. А смысла нет ни в том, ни в другом.

Одинаковое право разных

03.02.2012

Олег Орлов и Дмитрий Рогозин, люди, казалось бы, разных воззрений, дружно, хоть и, конечно, независимо выступили против участия либералов и националистов (не все они нацисты) в едином шествии «За честные выборы». Орлов звал либералов отстраниться, а Рогозин отговаривал националистов присоединяться.

Бог его знает, добьются ли либералы и националисты честных выборов, но тогда и те и другие будут в Думе. И, при коренных различиях в другом, не исключено, что их голосами в Думе пройдет, скажем, закон о предоставлении независимости Чечне, чтобы не проливать там больше русскую кровь. Националисты пожалеют русскую, а либералы, возможно, и чеченскую, но война окончится. Конечно, Рогозину не понравится такое общее голосование. Ему о русской кровушке слаще поговорить, чем ее поберечь. Но будет ли Орлов и тут с ним заодно?

Выборы, на которых разные избиратели выбирают разных депутатов в общий парламент, и демонстрации, на которых люди разных взглядов выходят с общим требованием к власти, необходимы не для налаживания всеобщей дружбы и единства народа. Нас 74 года учили, что есть единый советский народ, а все остальные – отдельные отщепенцы, ненавидеть которых наш долг. А за минувшее двадцатилетие все же подтвердилось, что люди в России разные и не всё хотят видеть одинаковым. Можно и дальше ненавидеть отщепенцев, каждому своих. Но можно и впустить этих разных отщепенцев в единую Думу и выяснить, есть ли точки соприкосновения, и тогда начнется демократия. Или впрямь все заодно, и тогда страна станет нацистской, или опять коммунистической, но уже не по воле человека с ружьем, а по своей собственной. В этом смысл борьбы за честные выборы.

Целоваться и обниматься людям разных взглядов не нужно. Не слишком другим доверять - с нашим опытом естественно. Но нет другого способа выйти из тупика, в который страну завели. Иначе – так и жить с бесчестными декоративными выборами. Тогда и шествия ни к чему.

Камень преткновения

06.02.2012

Илья Мильштейн **дивится** тому, что публикацию признания Джонатана Пауэлла в существовании шпионского камня Буковский назвал безответственной. А Буковский **возмущен** тем, что признания отставного чиновника бывшего правительства поданы как официальные признания нынешнего: «Лондон признал!». Ведь это помогает путинской пропаганде утверждать, а за ней обывателю верить: "Ага, значит ФСБ была права, камень-таки был! И раз ФСБ права в этом, то, вероятно, она права и в остальном».

Сам же Мильштейн удивлен не этим, а тем, что Пауэллу это сходит с рук, и даже пишет: «Если бы условный отставной Волошин пожелал раскрыть... даже не Би-Би-Си, а родному Первому каналу какую-нибудь вчерашнюю шпионскую нашу тайну, то о его судьбе невозможно было бы думать без содрогания». Ему странно, что «Джонатан Пауэлл никаких кар не страшится, хотя гостайна - она и в Африке гостайна, и в Англии, без поправки на демократию».

Но, как ни парадоксально, именно то, что Пауэлл признал существование шпионского камня безнаказанно, опровергло российскую версию. Дозволь власть одному так «выболтать» реальную, известную по службе гостайну - глядишь, и другие чиновники захотят гостайны приватизировать и продавать на свободном рынке. И если Пауэллу ничего за это не было, значит, и гостайны не было, и камень заложила не британская разведка. Пауэлл ее оклеветал, но, хоть британские законы о клевете суровы, за клевету на разведку вроде не привлекают.

Как было дело, остается лишь гадать. То ли вся история – ложь, понадобившаяся для расправы с правозащитниками, и камня с электроникой вообще не было. А его существование Пауэлл мог признать просто потому, что «финляндцы миллион дали». То ли товарищи из ФСБ создали камень, чтобы опозорить британское посольство контактами с наивными российскими протестантами, ожидающими, что «заграница нам поможет». А посольство камень засекло, и, опасаясь обвинений, само пыталось его убрать, что запечатлелось на камере и позволило Мамонтову все трактовать как хочет. То ли две разведки, сотрудничавшие до убийства Литвиненко, замыслили общий проект, а потом одна другую обманула. Поди теперь выясни, что там семь лет назад было.

А почему за полтора месяца до нынешних споров Пауэлл вдруг публично «признал», что камень существовал, почему это сразу не стало сенсацией, почему такое же «признание», за год, оказывается, втайне заготовленное, вошло как сенсация в британский фильм о России и Мамонтов срочно сладил новый фильм - уже другая тема. Не о разведке.

Против всех!

22.02.2012

Не может быть сомнений, что после 4 марта Путина объявят новоизбранным президентом. Разве что он смекнет, что выгодней победить во втором туре Зюганова, уверив этим Россию и мир, что хоть райкомы и парткомы не воскреснут. Тогда объявят двумя неделями

позднее. Но шансов на это мало. Если и смекнет, то слишком нервничает, чтобы решиться. В России второй тур могут счесть слабостью. А власть в руках считают главной силой.

Но то, что результат предрешен и слова «наберет», «победит» и подобные лишены смысла, отнюдь еще не проясняет, что делать имеющим право участвовать в процедуре, но не возможность своими голосами на нее влиять. Это и надо продемонстрировать - как бы выйти на Болотную в самом процессе выборов!

Зовут к бойкоту. Звучит красиво. Но одни сидят дома, бойкотируя так бесчестные выборы, а другие – довольные результатом, который предрешен. Тех и других не различить, все бойкотирующие выглядят довольными. И это еще не всё. Если Путина искренне поддерживает четверть избирателей, то при явке в 50%, да сверх того свой голос ему отдаст Чуров, он честно победит, что власти, конечно, приятней. А если явка будет 80%, не говоря о ста, Чурову придется поработать. Путину выгодна низкая явка. Явлинского потому и не допустили, что намеревавшиеся голосовать за него теперь на выборы скорей всего не пойдут.

А надо идти. Говорят, мы этим легализуем власть, но это демагогия. Мы ведь ее не легализуем тем, что получаем документы, которые она выдает, регистрируемся по месту жительства и выполняем другие процедуры, строго говоря, незаконные, поскольку власть незаконна. Что бы там ни было, стоит сказать свое слово. Тем более анонимно.

Говорят, голосуйте за любого, только не за Путина. Таким призывом Навальный в ходе думских выборов блестяще показал, что у «Единой России» нет большинства. Но он открыто говорит, что с Зюгановым у него нет разногласий, что возвращение власти коммунистам пошло бы на пользу России еще в 1996 году. Соответственно, видимо, и голосовал. Но не все находят у Зюганова, у Жириновского, у Миронова, у Прохорова реальные преимущества перед Путиным. Они того же поля ягоды. За Путина голосовать невозможно, но чтобы голосовать за другого, надо видеть в нем хоть какие-то не предвыборные преимущества. Вот и приходится голосовать «против всех».

Умный Путин эту возможность из бюллетеня изъял. Придется каждую фамилию вычеркивать отдельно. Но труд невелик. Пугают, что голоса «против всех», именуемые «испорченными», поделят между всеми. Так велит наш противоправный избирательный порядок. Но заведомому триумфатору начислят лишь часть протестных голосов, а голоса бойкотирующих, сокращая явку, служат ему целиком.

Объявляли, что на думских выборах против всех голосовало чуть больше двух процентов. Если теперь будет хотя бы двадцать процентов, ситуация изменится. Чтобы их придавить, надобен новый Сталин. Да и он за такое заплатил допуском гитлеровцев до Волги и Кавказа и блокадой Ленинграда. Нынче такое и без войны убьет Россию, да и не знаю,

решится ли Путин всерьез. Но жизнь изменится, лишь если миллионы покажут, чего они не хотят.

Уважайте чувства неверующих

09.04.2012

Верой в обиходе зовут веру в бога, людей делят на верующих и неверующих. А вера в бога – частный случай, одна из вер. Не зная, как оно на деле и что к чему, люди верят – и богам, и наукам, и политикам, и слухам. Вера восполняет недостачу знаний. Поэтому все люди верующие.
Но не всему.

Считается, что советская власть верующих преследовала, а неверующим мирволила. А она была не так проста. Верить не только в бога, но и в Би-Би-Си не полагалось, надо было верить, что товарищ Сталин – величайший гений всех времен и народов. Верующих в бога преследовали, особенно сурово – священников. Но неверующих в советскую власть – еще суровей. За неверие пострадало больше людей, чем за веру.

Хоть церкви (мечети, дацаны, синагоги) в большинстве были разорены, обращены где в конюшни, где в склады, а где даже в концертные залы, а чувства верующих оскорбляло уже само официальное мнение, что бога нет, верить не запретили, службы дозволяли, применяли даже формулу «уважайте чувства верующих». Она поясняла, что ругаться над ними можно лишь до известного предела и не всякому частному лицу, а только соответствующим органам, имеющим установку. А неверию в советскую благодать снисхождения не было.

Был порядок. За правду выдавали несусветное вранье, но при этом подчеркивали, что правда – высшая ценность. Главная газета, только и делавшая, что лгавшая, называлась «Правда». В искусстве социалистического реализма, изображающем должное как впрямь существующее, расцвел режиссерский талант Сталина, обошедшего Станиславского, изображавшего все как есть. Попирая социальные ценности и мораль, Сталин и его ученики велели их чтить символически.

Но пришла новая пора. Верят в бога женщины из Pussy Riot или нет, неизвестно; возможно, верят, но вели они себя в храме несообразно с принятыми правилами, и церковь негодует. Их поведение, однако, кощунственно лишь для забывших, что при всей своей строгости православная церковь издавна допускала юродство как протест, выражаемый нелепым поведением аж до хождения нагишом, порой причисляя юродивых к святым. Храм Покрова на Красной площади зовут именем юродивого Василия Блаженного, у его стен погребенного. Терпимость и даже уважение к юродству часто как раз и продлевали жизнь религии, не во всем отождествлявшей себя со светской властью. А нетерпимые светские идеологии казни протестующих оправдывали запросто.

Едва ли русский человек, москвич, да еще православный священник, да еще и патриарх, не знает про Василия Блаженного и других юродивых, бывших на Руси. Знает, конечно, но не хочет, чтобы другие знали. Как не хотели, чтобы показывали выставку Самодурова и Ерофеева, даже устроенную так, что навязать знакомство с картинами было невозможно - человек сам решал, глядеть ли в щелочку. А светский суд по просьбе церкви глядеть запретил. Точно так же не хочет церковь сегодня вспоминать традиции юродства и религиозного протеста, а требует арестовать и надолго посадить. Видимо, православная вера, став постсоветской идеологией, ушла от религии. Едва ли товарищи Чаплин и Гундяев гневались бы так, не задень современные юродивые светскую власть, а попроси мать божью продлить правление Путина на двенадцать лет. Этого женщины не сделали, и церковь, демонстрируя преданность власти, просит быть с ними построже. Тут и выясняется, что такое вера в нынешнем православии при нынешней власти.

А слова «Иисус Назорейский, царь Иудейский» - насмешку над тем, кто не был царем, но спасал от царства, от великой державы, губившей покоренных, - не смыли. Он учил, что хоть времена отчаянные и спасенья в земной жизни нет, но душу спасти можно. Мысль верная, даже если не верить в житие за гробом. Но патриарх Гундяев не видит, что нарушительницы обряда, понимая, что им это не сойдет, его нарушили, чтобы спасти свои души, и этим ближе к Христу, чем он и другие служители церкви, услужавшей державе и при Грозном, и при Тишайшем, и при Сталине, и ныне. Предписаниями насчет того, как надо молиться, церковь подменила мысли о том, можно ли молиться за царя Ирода, и все содержание веры Иисуса.

Но христианство - религию, а не церковь - потому и ценят и совсем не христиане, и вовсе неверующие, что секулярный мир многое из него перенял и развил в светских формах. Христианство сделало всеобщим само представление о вере, о ее взаимодействии со знанием, о логике не всеведущей мысли и понимании целостности мира, отчасти заданные уже иудаизмом, внутри которого оно родилось. В христианстве Иисуса вера не залог послушания, как говорят у нас ныне, а дорога к личному осознанию ведомого и неведомого. Не все в учении Иисуса живо по сей день, но ход его мысли об индивидуальном спасении каждого не пропал и, пока есть люди, бессмертен.

Православие и другие религии были в СССР гонимы. Это к ним влекло. В православие на исходе советской власти обратилось не меньше людей, чем в протестантское христианство, именуемое в России «сектантством». Но не тайна, что официальное православие служило советскому государству. А ныне открыто выступает как государственная вера, оттого гонимые уже чаще верят другим. Церковь не забыла, как в 1918 году сбивали кресты, но не помнит о связях многих епископов и священников с КГБ. В своей гордыне она ни в чем не кается и выдает себя за безгрешную жертву. А на иноверцев и неверующих глядит так же, как наша светская власть на оппозицию.

Прежде люди верили в бога и в лозунги, когда ощущали в них правду, полоску света. Ныне эпоха десемантизации - содержание не ценят и все меньше сознают. Служат не верой и правдой, но лишь верой, а чаще ни той, ни другой. Вера занимает пустующее место знания, а правда и есть знание, часто невыгодное власти. Тем и бесит неверующий, что не верит лжи. И ему случается ошибиться, но стоит уважать его чувства, чтобы не остаться обманутыми. Вера, не внемля другим, становится слепой.

Христианство и тут пример: веря в бессмертие души и жизнь вечную, оно чтит Писание, говорящее: «Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?», а то: «Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния». Более несовместимые с учением Иисуса, чем тексты Нади Толокно и других, эти оставлены в сознании верующих, чтобы оно было свободным, и во Христе спасались не принудительно, а свободно. От Гундяева и Чаплина понимания, почему Священное писание внутренне противоречиво, не дожидаться. Да и читали ли они его? Если бы читали, не просили бы семь лет заключения за инакомыслие.

Сколько народов в нации и в народе наций?

16.04.2012

Поневоле задумаешься: а не прав ли отчасти был ушедший Грызлов, утверждая, что Дума не место для дискуссий? Не то что она не должна им быть, но не в состоянии. И в новоизбранной Думе разногласия до корня не доходят. А без этого какая дискуссия? Но заполнившие Думу товарищи по системе опасаются, выясняя корни, их подорвать.

Зюганов предложил сменить первую строку Конституции: "Мы, многонациональный народ Российской Федерации..." на "Мы, русский народ и присоединившиеся к нему..." Путин возразил, что негоже делить народы на первый, второй и третий сорта. В СССР роль русского народа подчеркивали неофициально. Конституции молчали, но пропаганда внушала, что русский народ – первый среди равных.

Путин следует традиции. Зюганов от нее отступил. Прежде коммунисты хоть усердствовали в русификации, но анонимно, их выдавало потворство русскому великодержавному шовинизму. А Зюганов себя выдал. Или коммунисты стали откровенней?

Но полемики не вышло. Оба выражали общие соображения, минуя неувязку текста с этими соображениями. Формулой "многонациональный народ" в единственном числе замазано, что в России живут разные народы, да и лексически она нелепа. По-русски слово "народ" многозначно. Чаще всего оно обозначает "простой народ", противостоящие правящему слою массы рабочих и крестьян. Но обозначает оно и все население страны, всех ее граждан. Есть у него и третье значение - исторически сложившаяся общность, с единым языком, культурой, экономикой, общей территорией и нередко общим происхождением. Толковые словари обычно указывают, что в этом значении слово "народ" - синоним слова "нация". Но и слово "нация", как и

слово "народ" имеет другое значение - страна и все ее жители.

Говорить "многонациональный народ" - все равно что говорить "многонародный народ" или "многонациональная нация". Народ (нация) в одном смысле состоит из разных народов (наций) в другом смысле. Что в России живут разные народы, лучше говорить прямо. Но тогда придется сказать, в каких отношениях меж собой разные народы вошли в одно государство. И советская власть это не любила вспоминать, и Конституция обошла, и Путин имеет причины в это не вдаваться.

Не хочет вдаваться и Зюганов - отсюда и "присоединившиеся". А разве Ермак Тимофеевич не покорял Сибирь, разве Ермолов не завоевывал Кавказ? А тогда, какие же присоединившиеся? Не присоединившиеся, а присоединенные! Что тут таить? Хорошо бы написать "Мы, добровольно объединившиеся народы России, русские, татары, чуваша, чеченцы, мордва..." и так далее. Но чтобы не лгать, надо подтвердить добровольность входа свободой добровольного выхода.

После распада СССР Ленина поносили за то, что настаивал на праве выхода для союзных республик. А Ленин ждал, что мировая революция включит в СССР новые республики. И понимал, что Германская и Французская вступят, только имея право выйти из такого союза, если их дела станут без них решать в Москве. А у нас до сих пор все не признают, что распад Советского Союза был не геополитической катастрофой, а катастрофа политики КПСС.

Неправда, что без московской узды Россию развалит. Это узда ведет к развалу. Избавившись от нужды всегда опасаться "центра", народы различат свои интересы, увидят, что равноправный союз с Россией им выгоден. Они и сегодня признают, что русофобия идет от неравноправия. От него страдает и русский народ, с которым центральная власть не рискует иметь дело в целом, лишь с отдельными краями.

Равенство прав и единообразия закона слишком у нас зыбки. На то и завели Конституции личного гаранта, чтобы вертел ее куда хочет. Отвечая коммунисту Бортко на предложение изъять из статьи об ограничении пребывания на президентском посту двумя сроками слово "подряд", Путин заметил, что его это не коснется, поскольку закон обратной силы не имеет. Если даже такой закон примут, его конечно, мало, чтобы лишить Путина поста на текущий срок. Но когда дойдет до следующего, придется вспомнить про его президентства 2000–2004 и 2004–2008 годов. Тем паче что законность третьего срока (2012–2018) не бесспорна. А он и четвертый срок оговаривает, на случай «если захочется». Какие уж тут Конституция, законность и права! Власть ими не связана, и, хоть стимулы к выходу на улицы миллионов, а не двух сотен тысяч еще только проклевываются, власть своим упрямством внушает, что кроме революции нет надежды изменить жизнь.

Терпимости нужна взаимность

26.04.2012

Александр Володарский **уверен**, что прошлого нет, ему не чудится, будто мертвый хватает живого. Он пишет: «Мультикультурализма не существует, под этим словом прячется желание загнать чужаков в гетто, если не географическое, то культурное и информационное». Известно, однако, что желание было как раз обратное: хотели чтобы люди, перебравшиеся в Европу, стали европейцами, не отрекшись от отеческой культуры. Это не получилось, но надо понимать почему - почему в Осло объявился Брейвик, а в Москве двадцатилетний Денис Кузнецов с бандой сверстников убивал иностранцев.

По Володарскому зло оттого, что Европа всех ограбила. Не может он, отменив прошлое, признать, что она живет лучше других потому, что создала паровую машину, двигатель внутреннего сгорания и много чего еще, что и подняло уровень жизни. Но может считать, что перенос Европой производства, к примеру, в Китай, где оно дешевле, тоже грабеж, даром что Китай, наращивая это производство, стал уже второй промышленной державой мира.

Известное дело - зло в рыночной экономике, в капитализме. Между тем завоз в Европу рабочей силы, не имевшей работы дома и готовой получать за труд много меньше британских, французских, немецких рабочих, был как раз антикапиталистическим, антирыночным актом, как в прошлом завоз в Америку рабов из Африки. Он был направлен против своих рабочих, которым не хотели платить больше. Этой мелочи, Володарский, представляющийся левым, не заметил. Как не заметил и Брейвик. Но с открытого фашиста спроса нет. А Володарский не в курсе, что в прошлом левых беспокоило положение рабочих. Теперь левые другие.

Массовый завоз дешевой рабочей силы, к сожалению, не был осознан как внеэкономический шаг, подрывающий рыночную экономику. Ощущение этого вылилось лишь в форме противостояния культур и религий, христианства и ислама. И мультикультурализм казался способом сгладить, а вовсе не обострить неизбежный конфликт. Но культурная проповедь, даже самая благородная, не решает социальные конфликты. А они-то и изменили отношение к эмиграции, достаточно мирно шедшей с незапамятных времен, когда эмигрировали не так ради заработка, как чтобы изменить свою жизнь, стать британцами, французами, немцами.

А теперь приезжие, ощущая, что нарушили сложившиеся отношения и вызвали у местных неприязнь, тем сильнее держатся за свои законы и женщин не выпускают а улицу без чадры. А муллу, призывающего противостоять местным порядкам, выслать из Лондона в родную ему Иорданию мешает европейский гуманизм, - там ведь суды и полиция пожестче британских. Еще обидят. Все это вместе плодит в Европе беспокойство и недовольство - и является Брейвик.

К счастью, Европа хранит разум. Бесчеловечность Брейвика твердо осуждают. Это осуждение на время даже приглушило недовольство общей ситуацией. Но оно проступает в 18% голосов, отданных французами дочери Ле Пена, а до того в возникновении Британской национальной

партии, собравшей на выборах в парламент чуть не миллион голосов. Это не от пропаганды. Вопреки Володарскому, крайне правым в Европе, а в Германии особенно, гнуть свое трудней, чем крайне левым. Партию "Левые", правившую в ГДР, хоть и под другим именем, в бундестаг пускают, а национал-социалистами там не пахнет.

Социально-экономическая проблема, как водится, стала политической. Брейвик в ней – это самое простое. Надеюсь, его признают вменяемым и дадут полную меру наказания, предусмотренную законом. Проблема в том, чтобы не было второго, третьего, сотен. А для этого надо видеть, что есть, и помнить, что было. К примеру, что все отношения предполагают взаимность. При китайских стенах никто не посягает на чужое своеобразие. Но стены падают, на европейской улице мимо женщин в мусульманской парандже проходят спокойно, а на мусульманской женщину с открытым по-европейски лицом оскорбляют. И двойная система ценностей, терпимость к нарушению общепринятых в Европе светских норм, обручившись с политкорректностью к чужой религиозной нетерпимости, порождает Брейвиков.

Страны, которыми владела Европа, уже более полувека свободны. Алжирец может сам решать, жить ему в Алжире или во Франции. А за чеченца решают другие - то всех выселили, то вернули выживших, то бомбили. Алжир не французский, а Чечня русская. Но даже при этом чеченец не может сам решать, жить ему в Чечне под Кадыровым или в более все же мирных частях России. Вне Чечни он для России нежелателен. Тут и призадумайся, что такое национализм, а что империализм. А не только в России о Чечне, но и во Франции об Алжире спорили, отпускать или не отпускать, и решающее слово, чтобы отпустить, сказал де Голль, явный французский националист. Потому и отпустил, что дорожил Францией, не хотел ей груза, выгодного немногим.

Володарский пренебрежителен по отношению не только к русским, но к самому наличию национального, даже в родной ему Украине. Публицист или политик, произносящий «национальный» или просто «русский», ему все равно что Брейвик. Но помянутый им в одном ряду с Дугиным и Крыловым Навальный все же возражает считающим, что «идея национального возрождения русских абсолютно равноценна идее национального превосходства русских над остальными».

А вглядываясь, кто эти идеи не различает, замечаешь людей в остальном кричаще разных. Для одних социалистический ГУЛАГ - потомок русской империи, для других – плод Просвещения и рабочего движения. Ни те ни другие не рассматривают русский народ в тех же категориях, что другие народы, не признают, что судьбы у всех разные, но права равные. В этом заодно с Дугиным и более осторожным Крыловым оказался и сам Володарский, и многие другие, тоже вроде левые и либералы. Словно не знают, что националист де Голль Алжир отпустил, а немецкий нацист лез в Россию, а русский держит Чечню и часть Грузии. А ведь двадцатый век, хоть и большой кровью, отличие национализма от нацизма все же показал.

У нас больше спорят о вкусах, чем о социальных ситуациях и их истоках.

Таланты и достоинства одинаково вероятны в людях разного происхождения, но в прошлом, которого нет, они подолгу жили отдельно, по-разному, и сложились разные народы и разные веры. И хоть значимость каждого человека по отдельности растет, еще невозможно отвлечься от того, что отдельные люди не во всем вполне отдельные. Но когда в одну камеру сажают людей, совершающих разные обряды, они - поняв, что иначе смерть, смекают, что даже терпимости, не то что любви, нужна взаимность.

Но Володарский - радикал, гневающийся, что собственность еще имеет в мире несметное число частных владельцев, хотя распоряжаться ею надлежит чему-то вроде Политбюро. Он даже догадался, что социал-демократы суть не более чем консерваторы. И готов возродить установки, проистекающие из этих открытий. А Брейвик принял ужасающую установку, сознавая, что придется, чтобы следовать ей, преодолеть себя. Но последовал. И утратил облик человеческий.

Не только снизу

08.05.2012

Я, признаться, поклонник [Ирины Павловой](#). И, не утаю, поклонник [Лилии Шевцовой](#). Обоих с удовольствием читаю, радуюсь совпадению их верных оценок, огорчаюсь совпадению упущений. О медведевщине обе независимо написали одно и то же, и ничего тут не прибавишь, только повторишь. Но тональность разная. У Павловой – плохо и будет хуже, минор. У Шевцовой – не то что мажор, но надежда, поскольку ей кажется, что агония началась.

Павлова утверждает: «Мы имеем дело не с агонизирующим, а со вполне молодым режимом, которому только предстоит пройти до конца цикл своего авторитарного развития». Дальше справедливо сказано о нынешней диктатуре и ее нераскаянных повадках «расширения границ, развития военной промышленности, дальнейшего закрепощения народа и воспитания его в духе служения власти». Золотые слова! Хоть названы черты не молодости, а советского порядка. И все же, оказывается: «Самой главной проблемой современной России остается неспособность прогрессивной общественности действовать независимо от верховной власти». Потому, что «либеральной общественности не хватает трезвого взгляда на окружающую действительность».

Шевцова тоже бранит либерально настроенные слои за веру в медведевскую модернизационную мантру. И выявляет практический смысл этой веры. Показывает, что ее ресурсы ограничены, что власть их почти исчерпала и «будет вынуждена прибегать к более жестким мерам выживания». Отлично сказано! Но и у Шевцовой «остается один способ добиться перемен – через давление снизу».

Но к давлению снизу дело не сводится. Пусть большевик Лимонов объясняет, что надо бы в декабре не на Болотную идти, а на площадь Революции, а оттуда, понятно, на Кремль - и жили бы нынче в другой стране. Лимонов – артист, художественная натура, воображение богатое,

отчего же не вообразить, что двести тысяч дружно пойдут на штурм. Нечего ему слушать наши глупости, что из двухсот пошло бы хорошо если тысяч пять, а скорее полторы, привычные Триумфальной. В том и сила большевиков, что они на реальность не озираются, а свое воображение считают реальностью. Нет таких крепостей, которые они не могли бы взять. Жить с этой мыслью весело, пока крепости не сдадут. Но серьезным аналитикам, знающим, что у власти есть «более жесткие меры выживания», не стоит полагаться на одно лишь давление снизу.

Что толку обличать либеральную общественность, да еще не объяснив, кого имеют в виду? Это словосочетание у нас как «троцкизм» в тридцатые. В верхах партии троцкистов было немного, сам Троцкий был там чужаком, но тысячи видных партийцев погибли с ярлыком троцкиста. Так и нынче Касьянов, путинский премьер, - либерал, и вернейший Кудрин тоже либерал, и нет таким числа. Павлова верно говорит, что общественная деятельность должна быть независима от верховной власти. Не ошибается, говоря, что у нас диктатура. Но возможна ли при диктатуре независимость от верховной власти? Вот и нет у нас либеральной общественности, лишь одинокие либералы, если пишущие, то не имеющие издателей, и как мы только что видели, им, начиная с робкого Явлинского, нет хода даже на порог. Зато есть либерал-демократическая партия.

У нас либерализм стал синонимом терпимости, а он залог свободы. У терпимости и свободы разные действующие лица. Терпимости мы ждем от властей, от соседей, хотим, чтобы за анекдоты не расстреливали. А свобода – наше дело, наше право на то, что считаем нужным. Понятно, ни та ни другая не безграничны - мы не свободны ходить в Эрмитаж или в церковь нагишом, а терпимость проявят тем, что за хождение накажут не слишком строго. Всякий желающий ощущать себя на гражданке свободней, чем там, где действует устав, – уже либерал.

Либерализм начинается тем, что, не спросившись у власти, создаешь партию или открываешь ремонтную мастерскую. О том и другом власть надо известить, но не более. А наша вертикаль сочла, что ничего без разрешения нельзя, вот и не допускает либерализма.

6 мая представления власти о взаимоотношениях с народом стали еще наглядней. Демонстрантов ловили у не оговоренной Манежной, хотя, с детства зная все проулки и проходные дворы к северу от площади (а к югу от нее Кремлевская стена), мне трудно понять, как люди к ней приблизились сквозь оцепление. Но, так или иначе, власть не допустила недозволенного. Но зачем она превратила веселую демонстрацию по Якиманке в побоище на Болотной? Зачем усложняла проход? И не старалась подчеркнуть, что дозволенное возможно, а негодовала, что пришло около ста тысяч - не двести тысяч, как в прошлый раз, но и не пять, как она предполагала. А вроде ей-то и надо, чтобы беспорядков не было, чтобы с ней договаривались, радуясь немногому. 6 мая показало, что вовсе она не этого хочет, а чтобы подчинялись и все тут.

Шевцова это, в другой связи, сказала наперед: «Конкуренция и

верховенство закона – это подрыв властной монополии». Оттого и нет у нас ни конкуренции, ни верховенства закона.

Горбачев, придя к власти, понял, что советская система уже почти съела страну и этой системе ради своего спасения надо потесниться. Для коммуниста понять это – подвиг. Другое дело, почему он не смог систему спасти и что за строй установили Ельцин с Путиным. Ко всему этому страну привел глубокий кризис советского хозяйства с конца семидесятых, совладать с которым советскими методами уже не могли. Выбор у Горбачева, да и всего Политбюро, был один: гражданская война или «перестройка». С тех пор коренные проблемы не разрешились - значит, тот же выбор и перед Путиным. Но ему уже поздно сулить «правильную» советскую власть, а демократии он не хочет. Потому 6 мая на Болотной, сочтя давящих снизу слабыми, стали давить сверху.

Шевцова и Павлова тоже находят давление снизу слабым. И правильно. Сила давления снизу зависит не от артистизма типа лимоновского, но от обстоятельств, собирающих на площадь, как 19 августа 1991-го. Пока низы слабы - в Москве и сто тысяч немного, - их давят. Это и есть «более жесткие меры выживания». Могут и еще пожестче. Но поспешность жестокости выдала, что обстоятельства не в пользу Путина.

Вещи идут своим ходом, тем самым, который вынудил сменить Брежнева и Андропова на Горбачева. Россия и при них была богата людьми, способными работать, и многим другим. Но внеэкономическая система несовместима с современным развитием, и мы не справлялись с ролью второй державы мира, она требует больших расходов. Ельцин, распустив СССР, избавился от нужды помогать республикам. А Путину еще пофартило с нефтью. Но вещи продолжают свой ход, а правящий слой, наполовину еще советский, с ним не сообразуется, надеется на божью нефтепомощь. И выдает государственное хозяйство за рыночное. Стать таким ему не дают, надеясь оттянуть кризис, который усилит давление снизу.

Павлова права, нынче дело плохо. Двадцать пять лет упущены. Но это не значит, что пропали и будущие двадцать пять, и все последующие. Еще не агония, но кризис не прошел, а углубляется. Иначе власть не демонстрировала бы открытое насилие над гражданами на площадях столицы.

Революцию не выбирают

12.06.2012

Станислав Дмитриевский превосходно [показал](#) Чулпан Хаматовой, что она предпочла. Надеюсь, в глубине души она признает, что с выбором поторопилась. Но меня, признаться, больше ее выбора огорчило само предположение, что между Северной Кореей и революцией есть выбор, что она и любой из нас может выбрать или не выбрать революцию. Конечно, в 1991 году Чулпан было 16 лет, она училась в нормальной советской школе, и ей, как некогда мне, который на полвека ее старше, в

школе объясняли, что Ленин и партия большевиков решили устроить революцию, и устроили.

А это неправда: революцию нельзя устроить, революция – это стихия, как наводнение или землетрясение, это катастрофа общественного строя. История революций, не только кровавых и жестоких, французской или русской, но и более компромиссных, нидерландской или английской, ужасна, не счесть погубленных жизней и разбитых семей. А можно было революции избежать. У французского короля Людовика XVI голова, которую ему потом отрубили, очень неплохо соображала, и, чуя, к чему идет, за пятнадцать лет до революции он назначил генеральным контролером финансов экономиста Тюрго, из просветителей, и тот начал реформы, но правящий слой встал на дыбы, и пришлось королю через два года Тюрго уволить, а реформы отменить. Тут и разразилась стихия, и казнили потом не только короля с семейством, всему правящему слою досталось. Пока на площади полторы тысячи, дубинки совладают, даже и сто тысяч - еще не революция. Но когда жить становится совсем невозможно - встают сотни тысяч и миллионы, и ничего не попишешь.

Про Ленина нам неправильно говорили - он не устроил революцию. Он, как гениальный политтехнолог, покруче Глеба Павловского или Владислава Суркова, ощутил в воздухе революцию, рожденную медлительностью Временного правительства, за восемь месяцев после Февральской не дошедшего до главного, не проведшего выборы, не поделившего землю, не освободившего колонии. И он возглавил новую, назревшую революцию. Ощутил, как стихия поднимается, говорил: «Сегодня рано, послезавтра поздно». К тому, что Ленин делал потом, можно относиться по-разному. Я не его поклонник, совсем даже напротив. Но он ощущал, что революция росла независимо от него, и сумел ее возглавить.

А росла она от того, что терпение людей иссякало. Терпение бывает полезно. Но все хорошо в меру. Сталин благодарил русский народ за терпение, за то, что терпел его тиранство, стерпел коллективизацию. А если бы ее не стерпел, может, и войны бы не было, и Гитлер бы по соседству не явился, а если бы и явился, до Волги бы не дошел. Мы терпим, но ругать народ за это нельзя, потому как народ видал и худшее, чем сегодня, потому что битый, и только первое непоротое, небитое поколение поднимается, которое может и не стерпеть, когда станет неспособно. А при равнении на Северную Корею к тому идет быстрее, и все может случиться. Даже в Северной Корее, тем более у нас, если Чулпан поверят, что там лучше.

А когда революция совершится, когда ее ужасы обрушатся на нас и наших близких, иные спросят, а зачем равнялись на Северную Корею, уж лучше бы на Польшу, а еще бы лучше на Германию или Англию. И вспомнят замечательную актрису, которая присоветовала, и агитировала выбирать такого президента, который как раз на Корею и равняется. Потому Чулпан и надо знать, что предпочесть Северную Корею - это и означает в результате предпочесть революцию.

Сила традиции

09.07.2012

Получающих из-за границы средства для некоммерческой деятельности отныне будут по закону считать иностранными агентами. Коммерческой деятельности этот позорный в России ярлык не препятствует. Содействие ей выгодно начальству и остается желанным. А к некоммерческой, деятельности относят благотворительную, научную, художественную, религиозную, просветительную и политическую. Принятие такого закона не могло не вызвать протеста в России, история которой была бы иной без заимствования ценностей - от христианства, возникшего в Палестине два тысячелетия назад, до марксизма, зародившегося в Европе во второй половине позапрошлого века. Видимо, для депутатов нашей Думы и князь Владимир Святой, и Георгий Валентинович Плеханов - иностранные агенты. Но их не вспомнили. Дело давнее.

Есть, однако, и более свежие примеры. В «лихие девяностые», когда заботами власти наука и просвещение нищенствовали, американский банкир Джордж Сорос спасал русскую науку. Он выдавал ученым, аспирантам, студентам, школьным учителям скромное вспомоществование, которое позволило им выжить, не покинуть Россию и продолжать работать. Но власть была недовольна тем, что он решал, кому именно помогать, не по ее указке, а по принятой на Западе при выдаче грантов системе экспертных оценок. Благотворительную деятельность обложили налогами, чтобы сдержать Сороса и других филантропов. В конце концов в 2002 году его выжили. Тут подоспел взлет цен на нефть - и обошлись. Но, хоть банкира травили, а русская печать клеймила иностранное влияние, законов, пресекавших иностранную помощь российским неправительственным организациям, все же не ввели. И вот вводят.

Возмущение думским мракобесием справедливо и понятно. Но новый закон не выглядит чрезвычайным происшествием, нарушением нормы. О каком нарушении речь, когда эта власть уже не один месяц продержала в тюрьме трех молодых женщин, моливших богородицу не так, как велит церковь, и не о том, что желательно церковному начальству. Но тюрьма принадлежит все же не церкви, довольной, что они сидят, а светскому по Конституции государству. Виновато оно. Пора признать, что такое у нас государство.

Давно пора понять его природу и тем, кто из-за рубежа помогает русской науке, культуре и тяжело живущим у нас людям. Да и природу российской церкви пора понять тем, кто сочувствует религиозным организациям, чтящим Христа иначе, нежели православная церковь, согласившаяся называться Русской православной, национал-христианской, хотя Христос, для которого не было ни эллина, ни иудея, сильно бы подивился, что люди в него верующие считают нужным указать, что вера у них русская.

Пора понять природу происходящего в России и тем, кто вкладывает деньги в коммерческую деятельность. Конечно, список Магнитского и ограничения за рубежом для чиновников, совершивших преступления, остающиеся у нас в силу природы нашего государства, безнаказанными, - дело полезное. Но вошедшие в список Магнитского - лишь конкретные исполнители преступления, которое поручило им государство. Это оно объявляет некоммерческие организации иностранными агентами, это оно

держит в тюрьме женщин, молящихся несообразно с канонами, это оно убило Магнитского. И оно за все это должно как-то отвечать.

На Западе охотно говорят: «Россия не Советский Союз». Да, многое изменилось. Кое-что к лучшему. Страны Варшавского пакта и союзные республики СССР обрели независимость. И внутри России кое-что изменилось к лучшему. Благодаря интернету еще не совсем уничтожена гласность, возникшая все же в СССР в годы его агонии. Нет железного занавеса. Конечно, в СССР и убийство Магнитского, и арест Pussy riot, были бы заурядным делом, а некоммерческие организации, неугодные власти, тогда преследовались и без контактов с иностранцами.

Но было известно и признано всеми кроме советских СМИ, что это имеет место, и это характеризовало страну. Однако это и в нынешней России имеет место и даже опять стало правилом, а говорят об этом как о недоразумении, о промахе полицейских. А надежды двадцатилетней давности обмануты. Пора признать реальность. Признать, что Россия – это Советский Союз и что она при всех частных изменениях удержала суть былого порядка. Нелепо делать вид, что сходства не видишь.

Говорят, Россия перестала быть сверхдержавой. После войны она на это претендовала, захватила не одну страну и энергично вооружалась, побудив и США вооружаться и даже в чем-то нас обогнать. Но жизнь вышла за пределы взаимного страха. Для отношений с другими странами внутренняя жизнь своей важнее военных приготовлений. А Россия для себя принимает совсем иные законы, чем у тех, с кем хочет сотрудничать на равных. Закон, предохраняющий некоммерческие организации от получения иностранной помощи, фактически восстанавливает железный занавес - еще не для всей страны, но для неугодных власти по отдельности.

При новом старом президенте уже не просто хватают демонстрантов за нарушение противоречащих Конституции полицейских установок, а целую категорию сограждан, еще ничего не совершивших, включают в число заведомых иностранных агентов, то есть ставят вне закона. И уже не просто разворачивают антизападную пропаганду, но в форме закона объявляют иностранные государства, граждане которых помогают нашим гражданам в их законной деятельности, заведомыми врагами нашей страны. А собственные организации, легально действующие в других странах, врагами этих стран не признают. То есть открыто берут себе особые права, что и есть первая претензия сверхдержавы. Могут ли после этого Россия и Запад жить дальше, словно ничего не случилось?

II

Россия и капитализм

Известный кинорежиссер Сокуров сказал корреспонденту ВВС: «Опыт социализма нам понятен, понятно, какие там были пороки, и какую административно-бюрократическую систему он создал. Но опыт капитализма, в том виде, в каком он сложился в России, ни обществу, ни народу не показан. И идти по этому пути ни в коем случае нельзя, это очевидно». Немалая часть населения России рассуждает именно так.

Можно возразить. Можно показать, что нынче в России не капитализм. Или вспомнить НЭП, когда не взлет мировых цен на сырье, а допущенный капитализм принес благосостояние, быть может, высшее в истории страны. Или вспомнить подъем российского хозяйства в конце XIX – начале XX века, когда, после отмены крепостного права, в России действительно устанавливался капитализм. Или вспомнить, что капитализм – это единственный экономический общественный порядок. Азиатский способ производства, рабовладение, феодализм и реальный социализм – порядки внеэкономические, отчего при них развитие не столь значительно, как при капитализме.

Но суждение Сокурова и миллионов российских граждан, не общественная позиция, а вера. Люди верят, что в России капитализм, и вере доказательства не нужны. К тому же, порой и на Западе хотят сменить капитализм на внеэкономический строй, тот или иной. У нас эта вера растет оттого, что, отбросив советский социализм, ельцинская Россия его не осмыслила, не осознала откуда его пороки. Многие люди, тогда уже взрослые, говорят, что о чекистах, расстрелах, раскулачивании, Гулаге, выселениях народов и прочем, ничего не знали. Чего же ждать от бывших тогда детьми и родившихся позднее? Вот и забыто, откуда что взялось. А это плоды борьбы против капитализма.

Отношение к нему раскололо европейский дом, общий и при Ярославе Мудром, и в пору сотрудничества Новгорода с Любеком. Но уже феодализм развивался не идентично: в Англии «по воле лорда и обычаю манора», а в России после Ивана Грозного торжествовала феодальная реакция. Потом, под натиском новых сословий, феодализм в Европе слабел, утверждались буржуазные отношения, после Нидерландской, Английской, Французской революций взявшие верх. А в России после Грозного, с введением крепостного права, феодальная реакция ожесточалась, хоть после Петра страна и перенимала на Западе знания и умения, технические и интеллектуальные. Но и вынужденная отменить с 1861 года крепостное право, Россия чуралась капитализма. Его развитие не казалось неизбежным ни правящим кругам, ни возмущенному несправедливостью реформ народническому движению.

Новых отношений хотели либералы, но их было немного. Есть ирония в том, что признать неминуемость капитализма в России помогло распространение марксизма. Петр Струве, соавтор программы социал-демократов к их первому съезду, создавал потом вместе с либералами конституционно-демократическую (кадетскую), крупнейшую, буржуазную партию, поскольку до коммунизма, к которому по Марксу вело развитие капитализма, России было еще далеко. Однако, признавая это, Георгий Плеханов, создатель группы «Освобождение труда», считал все же нужным изначально отстаивать интересы рабочего класса. А Ленин, автор книги «Развитие капитализма в России», не раз напоминая, что свободное крестьянство «ежедневно и ежечасно рождает из себя капитализм», шел еще дальше и жаждал побыстрее пресечь развитие капитализма и переходить к коммунизму.

Маркс, сойдя с небес философии, ждал, что от пороков, когда капитализм исчерпает свою прогрессивность, от своих пороков он избавится ликвидировав капиталистов, «дурную» сторону борьбы противоположностей капитализма, единство, и восторжествует «хорошая» его сторона, рабочие, борющиеся за самостоятельность. Но в Советском

Союзе под портретами Маркса противоречивость отношений рабочих с владельцем производства, уже не капиталистом, а советским государством, стала еще наглядней. Надежда, что, взятие власти и отмена частной собственности сильней объективных противоречий производства, и повела в ад тоталитаризма.

Для Ленина коммунизм – не плод капитализма, как для Плеханова и Маркса, а его замена. Прогрессивное развитие он надеялся восполнить, не входя в социальные результаты. Он ревизовал теорию Маркса в самой ее основе. Тот провидел коммунизм на гребне развития капитализма, и возражал народникам, искавшим коммунизму фундамент в крестьянской общине. Ленин в общину тоже не верил, но считал, подобно народникам, что без капитализма можно, вообще, обойтись. Оттого на колониальные, зависимые, отставшие в развитии страны, он повлиял сильней Маркса. Там как раз и строят социализм по Ленину, сколь бы слабым ни было развитие капитализма, даже если его не было вовсе.

Маркс изучал пути саморазвития экономики капитализма, хоть многое упустил. При нем еще не бросались в глаза масштабная роль умственного труда в производстве или ограниченность сырья. Из-за этих и других упущений теория Маркса оказалась утопией. А Ленин не только пренебрегал экономической природой капитализма, но считал избавление от него сугубо техническим, - надо лишь захватить власть и «лучше» обустроить общество. Его волюнтаризм шел не так от Маркса, как от русского освободительного движения, перенимавшего волюнтаризм самодержавной феодальной реакции, с которой оно боролось, веруя, что убив царя, даже даровавшего какую-никакую свободу, сделает строй лучше.

Ленин, переняв у народников волюнтаризм самодержавия, не так был наивен, чтобы в разгроме старого порядка видеть залог рождения нового. Маркс-то предполагал, что рабочий класс неизбежно будет расти и станет большинством, почему и считал, что диктатура рабочего класса будет демократией. Но в XX веке рост стал сокращаться. А Ленин иллюзий не питал, не ждал, что даже будучи в большинстве, рабочий класс станет демократически строить коммунизм. Он не раз напоминал, что основа сознания рабочих – тред-юнионизм, профсоюзная борьба за оплату и условия труда, и надо в сознание рабочих привносить веру в коммунизм. Еще более важным он считал создание партии нового типа, не просто объединение единомышленников, но боевой отряд, подобный народникам, способный не просто выражать взгляды той или иной части населения, а осуществить справедливые, как он считал, планы прогрессивного меньшинства, каким считал партию рабочего класса. Учение о партии – главный вклад Ленина в идеологию тоталитаризма, им созданную. На этом рабочее движение, да и все общество, раскололось на тред-юнионистов, врачей капитализма, и коммунистов, его могильщиков.

Коммунистический манифест (1848 год) сеял веру, что жизнь – это противоборство капитализма и коммунизма, как реакции и прогресса. Но перед обществом было три дороги, консервативный внеэкономический порядок, либеральный, ведущий к экономическому, и тоталитарный, наново строящий внеэкономический. Кто возьмет верх, решает не вольный выбор людей, а совокупность обстоятельств, но не совсем независимо от людей. Тоталитарный строй нерушим лишь пока его внутренние войска и

армия готовы стрелять в свой народ, и хватает средств, чтобы выжить. Советский режим пал потому, что тратился на мировое первенство в военной мощи, хоть при водородной бомбе безопасность давало и десятое место. Да и армия уже не вполне была готова стрелять в свой народ. В Новочеркасске стреляла, в Тбилиси взяла саперные лопатки, в Вильнюсе стреляла, но в августовской Москве не рискнула.

В такие часы и возникает выбор, - поддержать рушащийся строй или дать ему обвалиться. Лишь наперед сознавая пороки уходящего и наступающего, понимая, с чем и ради чего можно смириться, стоит решать, что показано стране. Пороки, недостатки – продолжения достоинств. Не только отдельных людей, но и общества. Пороки внеэкономических силовых режимов, - несвобода, жестокость, насилие, Россия прожила под ними практически всю жизнь, и двадцатый век успел дважды показать, что ей такие порядки не показаны. Сперва, не защищаясь, рухнул царский, потом, тоже не защищаясь, советский. Оба просто исчерпались. При царях Россия отстала от остальной Европы. Советский строй боялся, что без коллективизации и массового террора, не устоит в предстоящей войне, которую, однако, выиграл не в одиночку. Но и после войны провел выселения народов, усмирил Венгрию и Чехословакию, вторгся в Афганистан, а прилавки магазинов пустовали. Считающие, что такая жизнь России и дальше показана, мечтают о возврате царя или большевиков, старых с Зюгановым или новых с Удальцовым и Лимоновым.

Не то что экономический порядок, капитализм, свободен от недостатков. Если его достоинство - свобода, то недостаток - стихийность. Капитализм динамичен, нестабилен, полон риска для всех. Деньги обесцениваются, фирмы прогорают, искусство оказывается нерентабельным, рабочие – безработными. Но выручают не одни страховые системы, позволяющие выжить и добиться большего, чем стабильность. Экономические отношения, в отличие от внеэкономических, позволяют себя наблюдать, просчитывать, сводить концы с концами и крепить свои опоры. Не все и не всюду это делают, но имеет место развитие капитализма, изменившее его характер и государство.

На первом этапе капитализма, крестьянин, нанимая в помощь разорившегося соседа, ему, видимо, впрямь по Марксу, недоплачивал, удерживая прибавочную стоимость. На втором - паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, электромотор и разнообразные станки, внедренные в жизнь капитализмом, осязательно увеличили производительность труда рабочего. Но еще долго рабочая сила оставалась главной инвестицией в производство. Лишь совершенствование машин и их смена, которую Запад совершал все чаще, а Россия медлила и отставала, привели к тому, что производительность труда рабочего росла не так за счет умножения его усилий, как за счет умственного труда, овеянного в машине. Стало выгодно полностью оплатить рабочую силу, а прибавочную стоимость получить с оплаты умственного труда, вложенного в машину, даже делить эту прибавочную стоимость с рабочими.

При этом машина вытесняет рабочих, их число сокращается. Меняется социальная структура. Начинается третий этап капиталистического производства. Компьютер повышает производительность умственного труда, создает возможность роботизации многих производств, еще больше

сокращает физический труд. Впереди перемены организации хозяйства, а затем и общества, в котором, возникает, помимо капиталистов и пролетариев новый научно-технический общественный класс, не сразу в этом качестве осознаваемый.

Под гипнозом веры, что экономические отношения России не показаны, наша страна опаздывала с происшедшими в западной общественной жизни переменами еще на машинном этапе. А менялась не только технология, но и характер хозяйства, и социальные отношения, и, хоть борьба рабочих и капиталистов не прекратилась, их общая заинтересованность в производстве, единство борющихся противоположностей, росло, возраставшая оплата труда и социальные гарантии все полней обращали рабочих в соучастников производства. И, вопреки теориям, развилась массовая социально-политическая жизнь, преобразующая и экономический строй, и позиции его участников, отнюдь не сводящихся к рабочим и капиталистам. За два с половиной века выяснилось, что в ходе общественной борьбы пороки экономического строя можно одолевать. При азиатском способе производства, рабовладении, феодализме, реальном социализме, монополично правящее государство их множит своей вертикальной властью. А свержение строя, при отказе от капитализма, лишь меняет хана на царя, царя на первого секретаря, а его на президента. Имущественное положение не становится равным, но утверждается равноправие и преодолевается нищета.

При экономических критериях хозяйственное развитие зависит от общественного, и сведение строя к организации хозяйства, как показали двадцать российских лет, на практике не срабатывает. Его развитие предполагает демократизацию, то есть, общественный компромисс. Наемный труд, товарное производство и деньги, как ценностный эквивалент, открыли путь рациональному хозяйству, что, однако, еще не делает капиталистическое хозяйство всегда во всем рациональным, и, тем более, безупречным. Нет порядков вполне сообразных нуждам и надеждам всех людей, образующих общество, и капитализм – не исключение. Жесткая критика его пороков и стремление их преодолеть правомерны и необходимы до тех пор, пока не перерастают в призыв «Долой капитализм!», равнозначный, как показала жизнь, призыву «Да здравствует Гулаг!», Как Черчилль о демократии, можно сказать, что капитализм – это худший строй на свете, если не считать всех остальных. Они могут с людьми не считаться, а он вынужден, хоть обошел прочие не нравственностью и справедливостью, которые и при нем нужно, можно и должно отстаивать, а эффективностью, коренящейся в конкурентном плюрализме.

Ради нее, расширяющей возможности людей, и надобны демократия и компромиссы, позволяющие разрешать социальные противоречия в мирных и объективных формах. Но Россия к порядку, хоть отчасти компромиссному, хоть отчасти подобному капитализму. к допуску хоть какого-то влияния общества на государство, не перешла. Из кризиса советской тоталитарной власти Гайдар с Чубайсом, смолоду хотевшие улучшить советский хозяйственный механизм, лишь толкнули его к менее откровенной форме тоталитаризма. Кто не верил демагогии, что «рынок сам все сделает», и общественная жизнь ни к чему, наперед понимал, что их реформы сути не меняют. Ведь частную собственность не признали неприкосновенной и так называемым олигархам, удержав за

государством высшее распоряжение ею, ее доверили условно. Независимый суд не возник. Не привилась ни экономическая, ни политическая конкуренция, лишь административно-рейдерская. Глав субъектов федерации ставит президент, и федерация, как содружество самостоятельных территорий, на деле этим упраздняется. Совет федерации, представляющий ее субъектов, тоже не избирается их населением, и тем самым, как самостоятельный орган власти, тоже упразднен. Дума бесплодна потому, что избирательная система позволяет заполнять ее по усмотрению власти, целиком отданной президенту. А его даже избираемым монархом не сочтешь, и не только потому, что условия выборов не для всех равны, а результаты фальсифицируются, но потому, что действующий президент может обеспечить место желанному преемнику, как уже Ельцин Путину. Понятно, что власть при этом вольна именовать свой порядок, как захочет, хоть капитализмом. Его уже порой именуют государственным капитализмом, каким за рубежом считали советский строй. Но государство бывает капиталистом, лишь когда наравне с ним действуют частные, а когда оно для них - руководящая и направляющая сила, капитализм кончается и возвращается тоталитаризм.

Разумеется, наш нынешний псевдо-капитализм, ни России, ни любой другой стране, не показан. Но уходить надо не к советской форме тоталитаризма, - к которой он и сам движется, а к реальному капитализму. Путь к нему - процесс не чисто хозяйственный, но общественный, предполагающий свободу, разделение властей, представительную систему, независимый суд, региональное и местное самоуправление, и неприкосновенность частной собственности, только и способные осадить диктатуру над российскими и иными пространствами. Капитализм невозможен без политической жизни, уничтоженной у нас в январе 1918 года, и не вышедшей в 1991 из границ номенклатурной тусовки. Не удивительно, что этого не видят ни знаменитый режиссер, ни миллионы граждан России. Ведь Путин требует закрыть не только рты, но и глаза. Странно лишь, что его пропаганде внемлют Европа, и Америка, и их лидеры держатся с ним, как братья по классу.

Большевизм без конца

По Марксу экономический конфликт предпринимателя и рабочего неразрешим, и капитализм будет ликвидирован. А капитализм живет и развивается. Упорство его упразднителей порой объясняют философскими промахами, -- то небрежением кантовской теорией познания, то наследным гегельянским грузом. А Маркс неточно перевел Гегеля с идеалистического языка на материалистический, упустил главное, - нескончаемость противоречивости. Гегель видел единство и борьбу противоположностей, а Маркс лишь борьбу, - надеясь разрешить противоречие победой одной, стороны и переходом в непротиворечивый мир, нелепый для Гегеля, мыслившего противоречиями. А Маркс хотел не разрешить, не преодолеть, объективные противоречия экономики, а их упразднить. Ликвидировать предпринимателя, противоречащего рабочему, и установить коммунизм.

Буржуазия, гонясь за доходом, наращивала производство. А рабочее движение заботили не так перспективы развития, как нужды рабочих,

сокращение трудового дня и повышение оплаты труда. Уже при жизни Маркса, и еще полней в XX веке, было понятно, что ценности создает не только сам по себе физический труд рабочих, при всей его важности, но в их создании все больше участвует умственный труд, не числимый Марксом их источником, - хоть именно он создает машины, подымает производительность физического труда и сокращает нужду в нем. Да и сырье, оценивавшееся Марксом лишь по затраченному на добычу физическому труду, и тоже не числимое источником ценности, в XX веке стало таким источником уже по скудости своих запасов на планете. К концу XIX века развитые страны изменились, рабочее движение вышло на арену политики рабочими, социал-демократическими и социалистическими партиями, служившими,- скорей по Лассалю и Бернштейну, чем по Марксу,- не так отдаленному коммунизму, как конкретным текущим нуждам рабочих.

Но интерес к марксизму рос и там, где капитализм еще лишь начинался, - особенно в России, - возбуждая умы не так его противников, как сторонников. При отмене крепостного права и получении личной свободы, крестьяне, составлявшие две трети населения, не обрели ни земли, ни экономической свободы. За землю для них боролись народники, особенно, народовольцы, убившие царя, даровавшего волю. Но это не единственный парадокс той борьбы. Народовольцы не слабей, чем наследию крепостничества, противились буржуазному развитию, манившему крестьянство. Они хотели создать революционное государство, в их мечтах способное обратить крестьянскую общину в ячейку социализма. Среди крестьян, помнивших о влиянии помещика на общину, сдерживавшую крестьянское производство «уравнительными» поземельными переделами, эта утопия была куда менее популярна, чем среди русской интеллигенции. Но и власть не хотела буржуазного развития деревни. Лишь в 1907 пошла на реформы Столыпина.

А к Марксу в России многие шли, если не как к учителю капитализма, то как к знатоку, хоть его упущения были все ощутимей, и его поправляли на разный лад. Струве и другие предполагал развитие в европейских формах, а Ленин пересматривал марксизм, опираясь на народничество, перенимая его волюнтаризм. В отличие от Дантона или Робеспьера в революции он видел не так ломку прежнего реакционного порядка, как созидание его партией нового, казавшегося ему справедливым.

Российский капитализм лишь начинался, и многие наши марксисты не хотели ждать, пока по Марксу яблоко созреет и упадет. Ленин вбросил теорию «слабого звена», по которой, вопреки Марксу, революцию надо совершать не в передовой, а в отсталой стране. Отверг он и мнение Маркса, что революция произойдет во всех развитых странах разом, как мировая, и мыслил ее «в одной, отдельно взятой». Вслед за народником Ткачевым, он надеялся на государство, способное наладить новый строй. По Марксу это задача «диктатуры пролетариата». Так Ленин и звал свое советское государство. Но по Марксу новый строй должно было создать не правление от имени пролетариата, а правление самого пролетариата, составившего большинство граждан, чем в крестьянской России не пахло.

Но порядок, установленный в 1917 в России, далек от посул Маркса не только реалиями, а уже различием в идеалах утопии Маркса и утопии Ленина. Ленин тоже говорил: «Когда будет социализм, не будет государства», но советские республики звал социалистическими, а СССР

-- союзом социалистических республик. Он ввел, таким образом, в лексикон своего марксизма понятие «социалистическое государство». Оно и сделало социализм внеэкономическим порядком.

Уже на Втором съезде РСДРП шел спор, что главней, - текущие интересы и права рабочих или революция, и достаточно ли члену партии сочувствовать программе или надо лично участвовать в ее осуществлении. Защитники рабочих, бывшие в меньшинстве и названные меньшевиками, и ленинцы- большевики, там раскололись из-за разных понятий о партии, у меньшевиков близких европейским социал-демократам, и у большевиков близких народникам и народолюбцам. Ленин был вождь партии особого склада, а не тусовки единомышленников. Его партия не просто выражала желания рабочего класса, но внушала их ему, внедряла в сознание, и действовала за него.

Понятие «большевизм» потому и уцелело, что обозначило не одно распределение голосов по одному пункту на одном съезде. Были другие общие съезды с другими голосованиями. Но большевики ввели в принцип право большинства не считаться с меньшинством не только на партийных съездах. А общество состоит из людей разных классов, разных наций, разных религий, разных профессий, разных вкусов, и, даже не любя друг друга, они поддерживают его жизнь сообща. При всей взаимной борьбе, каждый должен считаться с каждым, каждая класс с каждым другим. В той мере, в какой развитие общества и общественного хозяйства движимо, хоть и по-разному, всеми его участниками, его политическое устройство требует известного компромисса между ними. И даже при внеэкономическом господстве феодалов жизнь средневековой Англии шла «по воле лорда и по обычаю манора». На этой почве и возникло европейское понятие о демократии и уже в XIII веке -- Парламента. Соответственно в России, в XVI веке обратившей феодальную зависимость в крепостное право, такого быть уже не могло, и возобладало представление о власти, как самодержавии, не ограниченном не только внешними силами, как думалось сперва, но и никакими внутренними. В этой традиции рос и большевизм, берущей власть отдельной группы, партии, передового отряда борьбы, которую партия ведет за свое господство над всеми другими. Этим большевизм в принципе противостоит демократии даже если порой с ним в чем-то согласно большинство, именем которого он и принуждает большинство следовать указаниям спущенным ему по вертикали власти отнюдь не большинства.

Добровольность большинства – редкость. Так большинство советских людей хотело отразить гитлеровскую агрессию. Но обычно партия навязывает позицию, которой велит держаться даже в мыслях. Невозможно доказать, что большинство крестьян хотело в колхозы. Еще до революции Ленин возражал против публикации партийными изданиями книг и статей, оспаривающих позицию партии. Говорил, что для полемики есть свободная печать, а партия формирует взгляды сама. Но и после революции, когда свободы печати не стало, запрет оспаривать позицию партии уцелел, не допуская полемики беспартийных, составлявших большинство, с большевиками.

Ленинизм обособлялся от гуманитарных истоков, питавших утопию Маркса, и сводил жизнь общества и строй государства к технологически целесообразной организованности. А Маркс, клонившийся к тому же и, отменив право на личное владение, надеявшийся придти к бесклассовому

обществу, все же ставил технологиям условия. Говорил: «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» и «каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться». Ленин вместо «каждый» пишет «большинство», хоть за ним было не большинство, а партия. Вот большевизм и стал первым вариантом тоталитаризма, подавшим пример другим, и тормозил развитие подобно феодальной реакции, обернувшей феодальную зависимость крепостным правом.

Коммунистическая утопия проложила путь тоталитаризму в ленинской редакции. Сталин и его преемники ее развивали. Но идеология -- не просто пропаганда, она дает основные идеи государственных, экономических и других устройств. Обновляя их - идеологию освежают. Порой, - как при союзе с Гитлером или в борьбе с космополитами, - новое так противоречило остаткам марксизма, что казалась идеологию сменяют.

Ограничиться пропагандой и проглядеть идеи, определившие структуру и жизнь общества, - наивно. Капитализм - это экономическая свобода, конкуренция, объективная правовая система, и государство с разделением властей. А большевизм -- это государственное или подконтрольное государству хозяйство, монополия власти и спецорганы за кулисами права и правосудия. СССР показал, что при большевиках общество остается классовым, неравноправия больше, а власть безответственной. Этим советская практика и опрокинула веру в неуклонный общественный прогресс, внедрившуюся в умы с XVIII века, которой наивно следовал и Маркс.

Русская революция 1917 года и ее нынешние итоги показали, что мудрыми речами о противоречиях и застоях эту веру не спасти. Общество и развивается, и движется вспять. Были революции освобождения, были революции порабощения. Это, понятно, не значит, что прогресса, помимо технического, вообще, не бывает, но надо видеть где он есть, где его нет. Большевизм его убил, хотя в советском государстве делались отдельные великие открытия, рождались отдельные великие художественные творения, и оно одерживало важные не для себя одного военные победы. Не надо только отвлекаться от плодов открытий, от участия искусства и от результатов, да и цены, военных побед. Время идет в одну сторону и проходит, проходят и наши жизни, но общество движется, то вперед, то назад. И куда оно движется, не понять по объявленным маршрутам. Надо глядеть.

За двадцать четыре года с августа 1991 года и тридцать с апреля 1985 мало кто обернулся взглянуть, что стряслось. Тогда наше военизированное хозяйство настиг кризис, а мировые цены на сырье, включая нефть, падали. Убытки было не покрыть. Но Брежнев, и Андропов гнали зайца дальше. Часть Политбюро доверила Горбачеву искать выход. Он понял, что гласность оттянет взрыв, но изменить ситуацию мешало недостаточное ее понимание и резкое сопротивление большей части верхушки, введшей в Москву войска. Сотни тысяч вышедших на улицы москвичей вынудили их увести, Это казалось революцией, но в ее лучах власть удержала средняя часть верхушки, поладившая с вводившими войска. Советский тоталитарный порядок, оставив из марксистско-ленинской утопической одежды лишь наряд единства, стал еще меньше отличаться от фашистского и нацистского тоталитаризма.

Сперва он не тратил силы и средства на удержание союзных республик, и спасал государственное хозяйство, обещав деньги по сталинскому послевоенному образцу. Вместо перехода к экономической свободе, сладил из советских комбинатов сотню крупных концернов, внешне независимых, но, живших за бесценок переданным им государственным имуществом, и кругом зависящих от государства. Скрывая их зависимость, их глав звали «олигархами», которые якобы руководят официальной властью. В 1998 кризис выплеснулся, и из трех опробованных кандидатов от КГБ в преемники Ельцин в 1999 выбрал Путина. А вскоре выросли цены на нефть и другое сырье, и реставрация большевизма, хоть и не сразу в открытом виде, начавшаяся с вручения Конституцией 1993 года Президенту необъятной власти, ускорилась. Мюнхенская речь Путина в 2005 году уже звала возродить военную мощь СССР, в конце 2011 его заместитель Рогозин обещал представить план тройного роста вооружения, и ныне Путин обещал, что Россия станет сильнее, любого потенциального противника. А военная гонка с НАТО, в разы большим по населению и производству, неизбежно поведет к тому итогу, к какому привела СССР.

Наивность Запада, все еще не осмыслившего значимость своих технических и общественных новаций второй половины XX века, проявилась уже в том, что демонстративный отказ Ельцина от коммунизма, там приняли за реальный отказ от большевизма и, не глядя на происходящее в стране, поверили Путину, что у России нет идейных различий с Западом, просто разные интересы, и можно сотрудничать, уступая друг другу. Но большевизм, и без Маркса, без Ленина и Сталина, числит уступку слабостью, и лишь разгромленный, согласен на нее на словах, уклоняясь на деле. Если после 1985 отказ от холодной войны вел к взаимным уступкам, то с 1991 шли односторонние уступки Запада, оказавшего новой России большую, нередко безвозмездную помощь. Опираясь на нее, российская власть сумела не уступить внутренним силам, национальным и социальным. А согласие Запада на расправу с Чечней воодушевило Россию на выходы за свои границы, прежде всего на войну против Грузии. Задолго до августа 2008 года примирясь с вводом русских войск, под видом миротворцев, в Абхазию и Южную Осетию, Запад выступил прямым пособником России. А из Абхазии изгнали чуть не полмиллиона грузин, и роль миротворцев там могли бы выполнить лишь нейтральные военные силы из Индии или Финляндии, но не России, одной из сторон конфликта. Запад мог добиться справедливости и не возрождая холодную войну, лишь соблюдая взаимность. А он все глотал, робея отвечать на прямые нарушения Россией договоренностей и норм.* Конечно, советская империя возрождается не только от безнравственной позиции Запада. Большевизм уцелел в России потому, что врос в устройство общества, изменившее в 1991 детали, но не сознавая его общей пагубности. Ныне движение «За честные выборы!», возмущено фальсификаций подсчета голосов. Но честных выборов, даже если подсчет безупречен, в нынешней России не может быть. Ведь на любой пост баллотироваться можно только с соизволения власти, в то время как смысл регулярности выборов в возможности общества начинать с чистого листа, проверяя старые цели и выдвигая новые. А в России эту возможность пресекает само регулирование выборов действующей

властью, как чуть не ниспосланной богом, а на деле наследницей захвата в 1917.

Тогда большевики силой захватили власть. Советские выборы из одного, выбора тоже не давали. И власть новой России, расцветив декорацию, действует по тем примерам.

Выборы во временную Государственную Думу провели лишь через два года после роспуска СССР, а выборы президента России - через пять лет. Его место продолжал занимать президент прежней РСФСР. О фальсификации его избрания в 1996 говорили открыто. Еще беззаконней избран его преемник, назначенный премьер-министром, чтобы после недосидевшего оставшиеся месяцы предшественника, автоматически занять место президента и баллотировался на этот пост, уже его заняв. Какой честности ждать, если в Думу избираются не конкретные люди, а партии с темными программами, созданные властью. Претендента на президентское место, не раз бывшего депутатом Думы и, баллотируясь в президенты в 1996 и 2000, собравшего пять миллионов голосов, не допускают до голосования потому, что не все два миллиона подписей поддержавших его граждан сделаны на бумаге предписанной формы. Сам порядок выборов в России бесчестен, и его соблюдение - не помеха удержанию власти теми, кто ее держит. Этой «партии воров и жуликов», «Единой России», ставят в вину лишь коррупцию, хоть воров и жулики, набивая карманы, отлично сознают, что смогут пользоваться награбленным лишь в безопасной для себя зоне. Вот и практикуют, держащий Россию такой зоной, большевизм, не вдаваясь в теории.

Дело не только за тем, чтобы партии могли возникать свободно, лишь уведомляя о себе, а граждане избираться в индивидуальном порядке в представительные органы. Чтобы государство отвечало чаяниям людей, ему надо стоять на ногах, а не на голове, как оно и после свержения царя стоит почти сто лет. Основные функции власти должны перейти к ее низовым представительным и исполнительным органам - в села, поселки, округа и районы, решающие в рамках законов свои проблемы. Самим надлежит решать свои дела и

*Естественно, Россия совершила следующий шаг, начала агрессию в Украине, захватила Крым, и создала опорные очаги войны с Украиной в Донецкой и Луганской областях. Но Запад и тут делает вид, что Россия не является воюющей стороной.

республикам, областям и городам. И лишь немногие общие вопросы права и финансов, дипломатии и обороны, - высшая исполнительная власть. А высшая представительная - принимать законы и контролировать исполнительную. Но ни та, ни другая не вправе вертикально вступать в компетенции областных и местных властей, равно как судов и, разумеется, выборов. Переход от большевизма к демократии возможен лишь если государство допустит законную самодеятельность граждан, довольствуясь их сообщениями о намерениях и не оговаривая их защиту никакими дополнительными условиями. А нарушителей закона будет преследовать независимый суд.

Многообразие России, которым хвастают, сводя его на нет ради удобной централизации, при такой реконструкции выявит свои разные социальные уровни. И многие проявят способность к демократии не хуже европейцев. Будет ли это половина страны или только треть, примеры

демократической жизни с ее плодами, не за государственной границей, а рядом, скажутся на остальных. А ныне, твердя, что Россия, не готова к демократии, к ней не пускают и готовых, выравнивая страну по низшему уровню центра, где большевизм вербует свою власть.

Такой поворот нужен не только из социальных соображений. Он необходим развитию, без него невозможному уже потому, что и самому мудрому правителю не угадать, что стране полезней. Это выясняется только в свободном соревновании. Единолично решавший Сталин не очень усекал, что прикрыть, что поддержать, и прикрыл генетику и электронику. Это не личные ошибки вождя, а плоды большевизма, который он, следом за Лениным насаждал, и благодаря которому наша страна, богатая не только сырьем, но и талантами, в чем-то вырываясь, в целом отставала и вечно искала помощи.

Граф Уваров, министр просвещения Николая I, автор знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность», был не обычный мракобес, а просвещенный, и подобно нашим модернизаторам, размышлял «как взять из просвещения то, без чего не может существовать великое государство, и отвергнуть все то, что содержит семена беспорядков и потрясений?». Ни ему, ни царю, разобраться не удалось, и Россия с героическими солдатами и сильными полководцами проиграла войну в Крыму. Хоть беспорядки и потрясения не начались, новый царь понял, что надо отменять крепостное право и заводить нормальный суд. И отменил, и завел, да упустил, что надо менять не отдельные институты, а сделать жизнь свободной. Конечно, в рамках закона и права, но не произвола. Увы, упустил. И сам потому погиб, и пошли беспорядки и потрясения, вызванные не реформами, а этим упущением, ведшим к большевизму.

И вот по Гегелю история повторяется. А Ельцин и за ним Путин, прикинувшиеся царями-освободителями, куда слабей Александра Николаевича ощутили нужду в перемене, и даже отдельные институты не смогли или не захотели полностью изменить, надеясь, что обойдется. И впрямь тут вскочили цены на нефть. Но они снова падают, и люди скоро вспомнят, что царь все же учредил суд, а они свели его на нет. Правда, Маркс к гегелевскому «история повторяется» добавил: «один раз, как трагедия, другой раз, как фарс!» Но, боюсь, у нас это не так. Едва ли Путин затеял фарс, а не опять трагедию.

Россия «единая» и реальная 5.8.2011

Подготовка к церемонии всенародного голосования набирает обороты. Гадают, кто из тандема снова будет президентом, хотя национальному лидеру удобней это решать ближе к церемонии. Коль не станет хуже, ему, конечно, выгодней оставить исполнителя с запасом напущенных иллюзий, а станет хуже, - придется самому брать власть. Еще меньше смысла гадать о Думе, - сладят, чтобы поддакивала. И смешно думать, что все зло в мошенническом подсчете голосов, и звать к честным выборам. С чего власти на них идти, когда в десятиmillionной столице оппозиции не собрать на митинг больше двух-трех тысяч? Заверения и намеки, что ныне будет по-честному, - пропаганда в пользу власти, сознательная или наивная. На рожон не поперешь, - сила ОМОНа солому ломит.

Народ, по Пушкину, безмолвствует. Дураков нет. Да и замена гласности на единоголосие телятника не позволяет различать, что к чему. Многие верят, что введенный Ельциным и закреплённый Путиным порядок - и есть капитализм, и его открытому неравенству предпочитают массовую бедность и пустые полки развитого социализма. Что было, что стало, с чего могучая, казалось, держава в одночасье рухнула, - остается вне публичного осознания.

С крахом СССР наружу вышла ксенофобия, и даже людям, ею вроде не страдающим, стала милей, чем дружественное размежевание. По Путину Россия - властная вертикаль, по Ихлову - плавильный котел, по Проханову, и в границах РСФСР, - империя. Нет мысли ни об обратной связи, ни о согласии отнюдь не иммигрантов плавиться, ни о чужой независимости. Великую Россию хотят видеть партией «Единая Россия», как коммунисты хотели от беспартийных соблюдения внутренних норм компартии. Новая имперская идеологии прямолинейней советской. Нет университетов путинизма-медведизма. Но империя, именуемая Федерацией, приводит к общему знаменателю не только разные народы. Еще круче она извращает общественные отношения.

Советская власть демагогически лопотала о рабочем классе и крестьянстве, но, откровенная в своем принудительном единизме, имела одну партию, как «партию всего народа». Мысль о различии интересов рабочих и крестьян была крамольной. Ныне разные партии как бы разрешены, но какую часть общества (а «партия» означает «часть») каждая представляет, понять невозможно. Они тоже «партии всего народа», соперничающие группы того же правящего класса. Оттого и показушная демократия не убедительна. Общество не ушло от советского «бесклассового» единства, не знает из каких классов и сословий состоит и в чем интерес каждого.

Потому и кличут нашу фальшивую «демократию» «дерьмократией». В переводе с греческого «демократия» означает «власть народа». Но перевод не уточняет, кто входит в народ. У греков - лишь чистая публика, тамошние взрослые мужчины. Прочие, - женщины, уроженцы других мест, вольноотпущенники и, само собой, рабы, в народ не входили. В СССР входили на словах, а на деле правила тоже самая чистая публика, - даже не все члены КПСС, а только ее номенклатура, где райкомовская, где обкомовская, где ЦеКовская, «народная» номенклатура. Ее бессменную власть и называли советской демократией.

А современное понимание демократии уже с XIII века учитывает не одну чистую публику. Английский парламент включал и баронов, и представителей рыцарей, и горожан и свободных крестьян. Интересы всех независимых слоев общества, еще не в равной мере, но брались во внимание. Демократия – это представительная система, подвижный компромисс составляющих общество классов и сословий. Многообразная и огромная Россия, чтобы в нынешнюю эпоху уцелеть, остро нуждается во внутренней согласии, не просто в покорности, а в компромиссе, в современной демократии.

В СССР ее не допустили не потому, что в октябре 1917 коммунистическим вождям нехватало благих намерений. Они искренне хотели, как лучше, верили, что строят на земле «царство божие», верили, что огнем и мечем можно не только убить зло, но и творить добро. Так думали не они одни, много есть религий и идеологий такого типа. И каждая

заявляет себя единственно правильной для всех. Не видит нужды слушать даже тех, кого хочет осчастливить, не понимающих своего счастья. Никакого компромисса с несогласными и прежде не хотели, и считали логичным убивать несогласных, жечь на кострах, гноить в лагерях. Вот у вождей, хотевших, как лучше, и вышло, как всегда, - погубили десятки миллионов людей.

Движения такого рода растут на разной почве и сулят счастье разным людям. Большевики - рабочим (Ленин не раз объяснял сколь враждебны коммунизму крестьянство и интеллигенция.), гитлеровцы - немцам, иранские аятоллы - мусульманам. Различия бывают кричащими, но всюду правит бескомпромиссность, нежелание считаться с другими. Оно и приводит к катастрофам. Нацистская Германия проиграла на этой войне, хотя имела лучшую армию. На этом рухнул Советский Союз с единственно верными решениями партии и правительства и пренебрежением к правам и творческой свободе человека. Наша страна двадцать лет назад изменила видимость, но осталась вертикалью, безучастной к низам, им не внемлющей. А где вертикаль, демократии не может быть.

Пресекать демократию можно и в не столь откровенных, как советские, формах. Делая вид, что ныне допустима оппозиция, власть сама определяет, какая оппозиция ей удобна, решает кому избираться, и пресекает гласность, только и позволяющую понимать происходящее. Но стоит помнить, чего нет, если нет демократии. Демократическое государство вынуждено учитывать объективную реальность, а самодержавный произвол трижды в XX веке привел Россию к катастрофам. Николай, упорно тормозя коренные реформы, - к 1917 году. Сталин, коллективизацией и террором, - к трагическому поражению 1941. Брежнев, внеэкономической милитаризацией хозяйства, - к распаду СССР.

Демократия - это влияние граждан на государство, но общественный порядок становится экономическим, - а не просто, как мечтали в СССР, экономика - экономной, - лишь придав демократии либерализм. С ним свобода становится не прихотью, не капризом, а условием развития. Волю граждан быть свободными от государства в своих частных, другим не вредящих, делах, либерализм делает законной. Он разводит понятия о власти и владении, все еще нераздельные у нас.

При экономическом строе государство обладает властью, а частные лица - владениями, и государство, с либерализмом становящееся в полной мере демократическим, защищает их владения от себя самого. Но полноту и сферы частного владения и при капитализме осознали далеко не сразу. Не вдруг поняли, что рабочая сила - тоже частное владение и рабочий ее продает или, точнее, сдает в аренду. Еще не везде осознано, что интеллектуальное достояние, - тоже частное владение. А от осознания этого производство и общественные отношения меняются. Демократия сделала государство компромиссным, либерализм убрал помехи частной и личной деятельности. А наше государство все еще держится силой, и бескомпромиссно мешает всему, что не от него исходит, по-прежнему всем руководя и все направляя.

Уже очевидно государственное руководство олигархами. Частные средства информации свели к никак не массовому минимуму. На любое занятие, дозволенное Конституцией, всякий раз надо спрашивать

разрешение. А «либерализмом» назвали грабительские ельцинские реформы. Уверяют, что с советским прошлым покончено, - хозяйство, дескать, стало рыночным и, тем самым, якобы капиталистическим. А ведь и рабовладельческое хозяйство в Риме бывало товарным и рыночным, однако не капиталистическим. Капитализм возник на рынках рабочей силы и интеллектуального достояния. Их, а не только предметы потребления, при капитализме стали широко продавать и покупать, а не принуждать и отнимать.

У нас этому все еще мешают советские принципы централизма, направляющей силы и государственной вседозволенности по отношению к частному и личному. Рейдерство и массовая коррупция – не плоды капитализма, а формы сохранения государственной собственности в руках правящего класса, фактически коллективно владевшего ею при советской власти. Тот вид тоталитаризма обанкротился в начале восьмидесятых. Горбачев, Лигачев и другие ощутили хозяйственное состояние страны, поняли, что грозящая катастрофа станет непоправимой. Дерзкими политическими шагами Горбачев ее оттянул. Но аналогичных экономических шагов не совершил, - то ли не знал, что делать, то ли друзья из будущего ГКЧП удержали. Но общими усилиями ГКЧП и Ельцина Горбачева сбросили, СССР распался, и российскую экономику перекраивали уже наихудшим образом.

На время спас нефтегазовый бум. Но время уходит, а правящий класс и двадцать лет спустя мыслит по-прежнему даже в своих порывах к модернизации. Не помнит, что заемная модернизация и у Петра вышла лишь отчасти, а ныне без демократии, без либерализма, без рынка рабочей силы и интеллектуальных ценностей, «модернизовать» заемно можно Сколково, но не Россию, - ее и дальше хотят держать силой.

По рассказу Горького, Ленин учил: «сегодня гладить по головке никого нельзя - руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми». Путин призвал бить дубинами по головам, даже не прояснив, сколь это отвечает его идеалу. Церемониями голосования не изменить режим. Но они - повод увидеть несообразие газпромовской вертикали российским горизонталям от Мурманска до Сочи и от Хабаровска до Смоленска, нуждающимся в самоуправлении, чтобы при следующем крахе, к которому мудрое начальство ведет, снова не сдать родину номенклатуре, как сдали в девяностые.

После визита 3.10.2011

О визите Камерона в Москву мы ничего толком не знаем, кроме некоторых из задетых тем, неглавных в отношениях стран. Ничего не знаем о встрече с Путиным. Все вроде при своих, и сотрудничество не налажилось. А жаль.

Это, однако, не значит, что визит был затеян зря. Скорее, напротив, он прояснил, что дело не в отдельных уступках и частных гарантиях. Такие уступки и гарантии ненадежны. Правила взаимности времен холодной войны не действуют. Придав своему хозяйству видимость частного, но оставив государству им руководить, Россия, к нормам либерального мира тоже не перешла. А зарубежные инвесторы, и при манящих прибылях,

жить по нормам местных псевдо-частных контор не способны, да и побаиваются.

Британцы тут самые зарубежные зарубежники. Британский суд приучил их к правилам, при отходе от которых конфликты и недоразумения неизбежны. Британцам и русским одинаково присущ практицизм, но у британцев он конкретен и сам себе цель, а у русских - средство для не всегда практических целей. Это различие даже способствует сотрудничеству, толкает не озираться на разницу в целях. С немцами, куда более им близкими, оказавшими на Россию огромное влияние (не вспоминая даже, что русскими царями с последней трети XVIII века были немцы), Россия то и дело воевала, а с Англией чаще была заодно, кроме Крыма, где та поддержала турок.

Но при размытых после холодной войны нормах отношений обе стороны то и дело спотыкались о конкретные дела. Самое громкое - дело Литвиненко, сотрудника ФСБ, бежавшего в Лондон. 1 ноября 2006 он, повидавшись со знакомыми, почувствовал себя дурно, был госпитализирован, и 23 ноября скончался, как установлено, от отравления полонием. Британская печать подробно обсуждала это убийство. Следствие обвинило Лугового и потребовало его выдать, но Россия сослалась на запрет выдавать своих граждан в 17 статье Конституции. Это убийство числят чуть не главной причиной порчи русско-британских отношений.

Можно бы заметить, что 17 статья Конституции не столь абсолютна, как уверяют. По 15 статье, «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора». Как тут поступать мог бы сказать помалкивающий покамест Страсбургский суд. Но причина не выдавать Лугового, если даже он убийца, -- не так в Конституции, как в законе об ФСБ, за четыре месяца до гибели Литвиненко, 27 июля 2006 года подправленном Государственной Думой. Внесенные тогда дополнения позволяют спецназу ФСБ с разрешения Президента РФ использовать имеющиеся у него средства для предотвращения действий террористов или других преступников, находящихся за пределами РФ. 27 июля 2006 года Президент России утвердился в праве, без суда и следствия, по одному подозрению, убивать за пределами своей страны кого сочтет нужным. Конечно, СССР делал такое и раньше, - так убили Троцкого, делали такое и другие страны, но обычно нелегально. А ныне Президент РФ вправе дать подобное поручение в рамках российского закона. Он, конечно, ощущает ответственность перед теми, кому его дает. Потому Россия и вызволила избалованных убийц бывшего президента Ичкерии Ендарбиева, потому и укрыла Лугового. Чекисты хотят, чтобы в ходе работы их защищал закон.

Другой знак дурных отношений -- дело Браудера, более известное по имени Магнитского -- его погибшего в русской тюрьме юриста. Браудер, внук бывшего лидера американской компартии, сперва успешно сотрудничал с русскими властями, даже осуждал Ходорковского, у которого сотрудничество разладилось. Но и ему пришлось спасать свою собственность от российского государства, пытавшегося ее отобрать. Он сам потом рассказал о претензиях власти, вынудивших его вывозить даже своих русских сотрудников. И важно заметить, что не просто какой-то чиновник произвольно посягнул на заезжего инвестора, но что произвол,

игра без правил, составляет суть системы государственного распорядительства якобы частным хозяйством. Как с кем в каждом случае обходиться, решают на более высоком уровне властной вертикали, не обязательно лично президент, как при убийствах за рубежом. Участь Магнитского, выявившего хищение государственной собственности чиновниками, удивляет лишь не понимающих, что в России государственная собственность, – как и в советские времена, – коллективная собственность правящего класса, с более прямым, чем тогда, доступом отдельных членов этого коллектива к отведенным им областям. Иностранным инвесторам такие отношения трудно принять, отсюда и недоразумения.

Можно пожалеть, что Камерон, публично выступая в МГУ, не подчеркнул сильней, что Британия первая, еще устами Маргарет Тэтчер, заговорила о возможности иметь дело с обновленной Россией, и не Британия, а Россия – инициатор ухудшения отношений. Но Путин мог бы ответить, – а, может, и отвечал, – что и Россия не выступала против Британии, лишь против отдельных ее граждан. И хоть это не совсем так, – закрытие Британского Совета не персональная акция, – доля правды в таком ответе была бы. Но тут как раз и проявилось различие двух стран, которое, оставаясь неосознанным, мешает понимать друг друга.

Обе страны, к примеру, знамениты своим драматическим театром, трудно сказать, где он сильней. В Англии средний уровень актерской игры, пожалуй, даже чуть выше, но в России куда выше режиссерское искусство, как, кстати, и хореография. Русский спектакль обычно отмечен более цельным общим решением, английский – индивидуальным мастерством ведущих актеров. Это не просто художественная особенность. Не случайно и в лондонском метро скамейки поделены на индивидуальные места, а в московском – они общие, люди сидят впрытк друг к другу. Англичане больше сознают себя по-отдельности, а русские чаще, как общность.

Но, обсуждая конфликты с Россией, британские правительства словно не видят, что все они упираются в российское понимание индивидуального и общего, совсем иное от совсем иных, чем британские, обстоятельств. Усвоить это понимание европейцу трудно. Но ведь английские власти имели возможность наблюдать трагические казусы Литвиненко и Магнитского, разительно различные, но одинаково трагически окончившиеся. Оба натолкнулись на действия государственных чиновников, противоречившие закону. Однако поступили противоположно. Литвиненко тайно бежал из страны и обличал обнаруженное из-за рубежа, Магнитский, имея возможность легально выехать, не покинул родину, и на месте обличил преступных чиновников. Но на участи обоих это различие не сказалось, с обоими обошлись одинаково. Для российской власти, презирающей свою страну и ее людей, видящей в них лишь средство своего господства и обогащения, разницы меж ними нет. Здесь и стоит стена взаимонепонимания.

Слов нет, Британия не может не требовать выдачи Лугового. Было бы логично, если бы, подобно США, и она не впускала в страну виновных в гибели Магнитского. Но наказанием заслуживающих его чиновников, не изменить все еще советское миропонимание российского руководства. А изменять российский внутренний строй – не забота Запада. Он изменится лишь если Россия одолеет кризис, к которому ее привели семьдесят с

лишним лет волюнтаристской власти, подорвавшей ради военной силы гражданское хозяйство. Западу надо лишь сознавать коренные отличия российского хозяйства и российских порядков от своих. И объяснить, что добрые отношения станут возможны, если, сознавая эти различия, обозначить обособленные сферы, где Россия будет соблюдать взаимоприемлемые нормы. Так бывало даже в пору холодной войны. Но Ельцин и Путин внедрили в западные умы иллюзию, что различий в порядке меж Россией и Западом больше нет. А Британия этому доверилась.

Но казус Литвиненко не распутать, числя его отдельным казусом, - в России всякий казус выдает идеологию, во многом переиначенную и не вполне высказываемую, но незыблемо стоящую на том, что Россия превыше всех, а ее власть имущие превыше всех российских граждан. Потому она и норовит переносить свои правила и порядки на остальной мир. Сколь ни актуален вопрос о том, как должны реагировать на бесчинства, происходящие внутри России, западные державы, еще актуальней, еще, пожалуй, насущнее для них вопрос о претензиях России навязывать свои порядки другим.

Но Запад молчит о присвоении российским президентом права произвольно убивать людей на чужой территории, являющемся актом агрессии, актом войны, уже даже не холодной. Не говорит вслух, что пока закон от 27 июля 2006 действует, межгосударственные отношения невозможно считать мирными. А пока Британия, Франция, Германия и Соединенные Штаты не ответят на эту беспрецедентную претензию всерьез, Россия не сочтет нужным от нее отказаться. Точно так же британскому правительству не защитит одиночного британского инвестора, подпавшего под российские правила и суды, далекие от законности и права. Но его долг - объяснить инвестирующим в Россию, что они делают это на свой страх и риск, или выговорить им особые гарантии русского правительства по договорам с британским.

Позиция Запада, приемлющего Россию такой, какая она есть в ее внутренних делах, понятна. Западные правительства не могут требовать, как не требовали в холодную войну, соответствия российских порядков ценностям свободы и демократии. Жесткий режим, выросший из советского, могут преобразить, да и то лишь в часы кризиса, только сами жители России. Но это не делает понятной терпимость Запада к перенесению Россией своих порядков и привычек, на другие страны и на сотрудничающих с ней иностранцев. К сожалению, и Камерон, хоть держался достойнее, но, как и его предшественники, не объяснил в Москве громко и внятно, что для добрых отношений между народами надо соблюдать в международных делах международные нормы. А оберегая от вмешательства свои внутренние дела, не вторгаться в чужие.

За чем дело стало   2.11.11

Доказывая, что и мы не лаптем щи хлебаем, ссылаются на изобилие общественных движений: есть у нас и коммунисты (большевики), и националисты, и либералы - реформаторы, и национал-большевики, левые, правые. А что за названиями, в чем состоит и как меняется их смысл, не объясняют. Нет не то, что материалистического понимания истории, нет исторического понимания социальной материи. Забыто, как

жили четверть века назад. Национальный лидер объявил распад Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX века. Но не объяснил с чего это держава, числившаяся второй в мире, растаяла в один вечер. Колдовство? Или измена? И чья?

А со времен Французской революции, придавшей словам «левый» и «правый», - по партиям, сидевшим слева и справа в Законодательном собрании, - политический смысл, этот смысл смещался. Левые хотели свободы, правые не пуцали. Буржуазия добивалась экономической свободы, и, - чтобы противостоять внеэкономическим реваншам, - политической. Потом слева появились движения, отстаивавшие интересы и права рабочих, как участников буржуазного хозяйства.евой была и русская социал-демократия. Даже большевистская Октябрьская революция была еще левой, большинство ее декретов, начиная с Декрета о земле и Декларации прав народов России, разрубали феодальные узлы. Как партия свободы, большевики назвали свое правительство тоже Временным, и провели выборы в Учредительное собрание. Но, получив меньше четверти мест, его разогнали, и уже временным свое правительство не звали. Воля граждан России их уже не занимала, их власть противостояла свободе.

Разгон Собрания, 6(19) января 1918 года, - урок не только для России. Тогда, впервые в истории, левая партия растоптала свободу и народную волю. И многие рабочие, социалистические и другие движения, приходя к власти, из левых становились фактически крайне правыми, ритуально повторяя неосуществлявшиеся левые лозунги. Родился новый общественный строй. Ленин его задумал еще в шалаше у Разлива. Однако сложился он не сразу, сперва новой власти пришлось терпеть данные ею в революцию свободы. Но государственное владение производством и насильственная коллективизация деревни обнажили ново-феодальную природу установленного в 1918 году тоталитарного строя. Изменилось и содержание слова «левый», из него выпало понятие о свободе. К левым стали относить борцов за тоталитаризм, диктаторов и террористов, отнимающих свободу и нередко жизнь у других, даже у миллионов других.

Так прошли семьдесят четыре года. Одержав, вместе с союзниками, победу во Второй Мировой войне, коммунисты предались гонке вооружений. Более четырех пятых советских ученых и большая часть заводов так или иначе работали на новую войну, хотя стране, обретшей ядерное оружие, никто не грозил. Сводить концы с концами при таком общественном строе было не по силам, и в 1991 СССР завершил свои дни.

Но в России, главной его наследнице и правопреемнице, у власти остался прежний правивший класс, номенклатура. Его не заботило осознание пороков обманувшего общественного строя. Чтобы поправить ситуацию, отдали крупные производства как бы в частное владение зависимым от государства «олигархам», дав им некоторую свободу действий. Но для массовой частной собственности, за вычетом приватизации жилья, реальных возможностей не открыли. Не расцвели ни мелкие производства, ни средние, ни крестьянские хозяйства, ни ремесла. Не возникли законы и суды, охраняющие их от произвола. Уже с 1993 года, разогнав склонный к реваншу Верховный Совет, Ельцин сам открыто стал сооружать подобную прежней систему, взяв Президенту власть, равную

былому Политбюро, и начав Чеченскую войну, призванную удержать автономии от ухваченной союзными республиками независимости и оставить Россию империей.

Но и до того, допуская некоторые политические силы себя изъяслять, новая власть пренебрегла семидесятилетним опытом, в ходе которого коммунисты, до Октября звавшие к свободе, заменили ее ГУЛАГом, а равноправие народов - их выселениями, а права трудящихся - привилегиями номенклатуры. Уже к 1929 году коммунисты из левой партии обратились в партию феодальной реакции (почему им и пришлось перебить большинство создавших партию товарищей), но все еще изображали себя левыми. А в 1991 их товарищи, отрекшиеся от прежней идеологии на словах, но удержавшие ее в головах, назвали свою, такую же точно, партию, но «строящую» не социализм, а капитализм, - правой.

Гайдар и другие, сперва мечтавшие поднять эффективность советского хозяйства, взявшись за ельцинские реформы, были вынуждены все же допустить больше свободы, чем советская власть, и по отношению к ней были на деле левыми. Но рядом с европейским капитализмом, - впрямь правыми. Не только оттого, что ограничили гражданские свободы возможностью разговаривать, читать и выезжать за рубеж. А ни свободы средств массовой информации и их распространения, ни свободы собраний, в России после начала девяностых опять не стало. Но власть осталась правой и в более глубоком смысле, - она удержала, хоть и смягчив, советскую феодальную систему. Трагедия в том, что даже катастрофа утвердившегося в СССР тоталитарного, крайне правого режима не сдвинула страну влево, к свободе, не перевела от феодального социализма к капитализму.

К нему Россия на деле не перешла. Сопоставляя не мифологические, а реальные, капитализм и социализм (коммунизм), не стоит тот или другой идеализировать. Наш социализм вовсе не был более высокой степенью истории. Оба рождаются из феодализма, но какой из двух родится, определяется тем оставил ли там феодальный абсолютизм автономность отдельным хозяйствам или мог ее пресечь. Преимущества строя не в декларациях, а в продуктивности хозяйства. Она тоже, особенно при развитии техники, зависит от ресурса свободы. Потому, при прочих равных условиях, капитализм опережал социализм. Потому то и дело строители социализма к нему тянулись, - и Ленин к НЭПу, и Дэн.

Вот и наши «реформаторы» твердили, что идут к нему. Но за капитализм выдали простое рыночное хозяйство. Рынок, конечно, высшая форма обмена, выведшего нас за пределы натурального хозяйства. Но великие древние и средневековые рынки питались подневольным трудом. И сама замена государственного распределения рынком еще не означает, что его товары создал свободный наемный труд. То, что на мировой и на возникший внутренний рынок их поставляет не советское государство, а отдельное предприятие, не означает, что их произвели на рыночных капиталистических началах, то есть, покупая свободную рабочую силу и интеллектуальные достижения, что и ведет к техническому прогрессу.

Само существование такого рынка напрямую зависит от политических условий, от меры свободы граждан и меры произвола власти. Начавшийся возврат России в тоталитаризм вызван отнюдь не тем, что Путин - сотрудник КГБ. А тем, что после 1991 года крайне правая на деле

коммунистическая идеология была лишь откинута, а не осознана, и коммунисты продолжали активно действовать и непосредственно, и в обличье реформаторов. Реформы Ельцина были правыми, - сбережения рядовых граждан обесценили, «олигархов» сделали монополистами, а кормление чиновников поручили щедротам коррупции, После 1991 года вдруг оживились вроде бы пестрые, но неизменно правые, волюнтаристские, нео-большевистские, шовинистские и подобные движения. А левым в традиционном смысле, отвергающим всякий, не только сталинский, тоталитаризм, поборникам экономической и политической свободы места не оставили. Даже социал-либеральную партию «Яблоко», по западным меркам стоящую чуть левее центра, прочие дружно травили. Все это вместе и возвращало к прежнему, почему Ельцин и выбрал в преемники выходца из КГБ, достаточно молодого, не закосневшего в трафаретах партработы, чтобы приноровиться к другим формам лицемерия, и Путин эту надежду оправдал.

Политический деспотизм стесняет не только мысль и художественное творчество. Жесткая политика ощутимо сказывается на хозяйстве. Отцом технической модернизации в России был Петр, он шел к ней, ожесточая крепостное право. Но, послужив победам в XVIII и начале XIX века, петровская модернизация в силу крепостнического строя тем временем отставала от органичного развития Запада, и уже не спасла в Крымскую войну. Задолго до нее Пушкин ждал от царя не только петровского великодушия к декабристам, и в тех же «Стансах» писал: «Во всем будь пращурю подобен». Но Николай I уже не мог, подобно Петру, поднять Россию на дыбы при том же строе, да еще его ожесточая. Чтобы сделать хозяйство успешным надо было менять строй. Крестьян его сын освободил, нормальный суд создал, но конституционное правление не ввел, парламент, пусть неравноправный для начала, не учредил, землю крестьянам не дал, и за четверть века после его убийства, при явном хозяйственном подъеме конфликты не утихали, и войну с Японией Россия тоже проиграла. Дальнейшее было вопросом времени.

Нынешняя власть, боясь допустить внутреннюю свободу, хочет, как советская после царской, той же готовенькой, заемной модернизации. Но воровство, взяточничество, и, по советскому образцу, противодействие экономическим требованиям, хода ей не дадут. Если не возникнет свободное экономическое хозяйство, добра не будет. На смену грандиозным проектам и командам свыше нужны сотни тысяч соревнующихся индивидуальных инициатив, и чтобы их не зажали, должен измениться строй и смениться власть, - но на деле, а не как в 1991 году. Непреодоленная советская вертикаль и неспособность к иным отношениям возродили жестокость и умножили цинизм. Это не личные свойства Путина, как прежде не личные свойства Сталина. Их личное - лишь в не каждом присущей готовности отвечать такой классовой потребности.

И ведь советский порядок ныне влечет не одного Путина, а и его жестких критиков. Навальный уверяет, что коммунисты уже не такие, а совсем другие, сетуя, что они не вернулись к власти еще в 1996 году. Былой диссидент Скобов ищет союза с коммунистами, сетуя только, что Зюганов – антисемит, и надеясь это обойти. Молодые большевики Лимонова призывают к революции. А Радзиховский отвечает, что власть, пока вся заодно, непобедима. Но ссоры советских начальников после

Сталина вызывались тем, что никто из них не знал, как выйти из положения, в которое они с великим кормчим, а потом без него, коллективно загнали страну. Вот и Путин, не знает, в чем зло, и потому, ведя Россию в пропасть, нервничает. А Явлинскому, возможно, единственному, кто хотя бы отчасти это еще понимает, не собрать голоса даже на честных выборах, пока командиры недоброжелательных барышень на разных каналах не дадут ему хоть горбачевской гласности, не позволят регулярно объяснять по телевизору, как свернуть с порочного пути, на который Россию толкали в 1918, в 1929, в 1937, и, если не в 1991, то в 1993 и 1994. Часто народ бранят за безмолвие, толкуя его как веру в Путина. А люди, обманутые Гайдаром и Чубайсом, и еще Хрущевым и Брежневым, не веря в Путина, и в его оппонентов не могут верить, и берут жизнь, как есть. Они изменятся вместе с ней.

Верующие, что власть устоит, пока вся заодно, забыли, что она ведет страну к катастрофе, грозящей либо бессилием, либо безумием, но все равно бедой, не нам одним, но и себе самой. Такой, не зависящий от нас, конец все вероятней. Уже была экономическая катастрофа восьмидесятых, вырвавшая перестройку. А люди вроде меня, старых левых взглядов, анти-имперских, анти-волюнтаристских, анти-тоталитарных, анти-коммунистических, не желающие родной стране даже спасительной катастрофы, убеждены, - лишь став свободной, Россия останется в числе двигателей цивилизации. Лишь освободясь от, хоть фигуральной, но пострашней берлинской, московской стены, то есть, от стоящих стеной во всех смыслах правых идей Зюганова, Жириновского, Ельцина, Гайдара, Путина с Медведевым, Лимонова и Демушкина.

Путин о национальном 24.1.12

Статья в «Независимой» пугает не так безграмотностью тайных сочинителей, как личными идеями номинального: «У нас есть исторический опыт, которого нет ни у кого. У нас есть мощная опора в культуре, в идентичности, которой нет у других». Великодержавную веру, что у других нет и быть не может столь мощных, как у нас, опор ни в культуре, ни в чем другом, не первый властитель России оглашает. Но отвержение исторического опыта в национальном вопросе, и у Священной Римской империи германской нации, потом обернувшейся Австро-Венгерской монархией, и у Британской империи, и у других, немало, нежелание сопоставить российский опыт, тоже, конечно, изрядный, с чужим, выдает желание решить национальный вопрос, не слишком глубоко в него погружаясь.

Споры общин, народов и стран, ущемления одних другими, числящиеся национальными, часто вызваны не различиями наций, а распрями в конкретных, случайных, интересах. На первый план национальный вопрос вышел с рождением национальных государств, отколом наций от держав, в которых было неуютно. Одни этнические группы сливались, других подружили принудительно, третьи хотели самоопределения.

Самоопределение наций, к которому звали и Ленин, и Вудро Вильсон, не стало, однако, нормой. Бывает, что в одном государстве все нации равноправны. В СССР так не вышло, и запах шовинизма глушили речами, что у нас единый народ, состоящий из многих наций. Что это такое, было неясно, но при Брежневе славили «единый советский народ», то и дело

напоминая, что русские в нем – «первые среди равных». Путин не назвал свой «единый народ» ни советским, ни русским. Но русский, ассимилирующий остальные, просматривается. Оно бы и неплохо, будь остальные приезжими переселенцами.

Но, зная, что это не так, Путин объявляет, что «освоение огромных территорий, наполнившее всю историю России, было совместным делом многих народов». А ведь и многих государств! Не только Киевской и Московской Руси, но и Золотой орды, и Литвы. Но он забыл распри меж народами и государствами, как раз составлявшие «освоение». В итоге одни народы и государства исчезли, другие покорились, русские взяли верх. Как ныне выражаются, стали государство-образующим народом. На деле стали, так сказать, империя-образующим народом. Национальное русское государство, существовавшее еще при Иване III, перейдя к собиранию империи, себя не сберегло, растворилось в империи.

Там русские стали вроде господствующей, но одновременно не менее угнетенной стороной, - ради создания империи их закрепили, иначе ее было не сладить. Не будем выяснять, влияла ли особая идеология или просто Испанию и Британию от колоний отделяли океаны, а Священная Римская империя, подобно Российской, соседствовавшая с покоряемыми народами, свой не закрепила, но в новое время как раз и стала рушиться. А крепостническая Российская устояла. Принудительные жертвы русских ради сохранения империи огромны, русским было не легче, чем покоренным. Но Путин их не спросил, готовы ли они дальше жертвовать собой ради империи. Одни готовы, другие – нет. А Путин слышит лишь всегда готовых, и он не просто за империю, но, чтобы она вся стала русской, и покоренные народы растворились.

А не все они исчезли. Да, ингры, ингерманландцы, народ финского происхождения, живший подле Невы и Ладожского озера, на государственную самостоятельность не претендует, и бог весть, говорит ли еще кто на ижорском языке. Но татары - второй по количеству народ России, а Москва за него решает какой ему азбукой пользоваться. Почти все народы России – покоренные, и удержать их такими можно только силой, как при царе и в СССР. Путин рассуждает о просвещении. На волшебную силу русской культуры он надеется как на средство ассимиляции, слово, прочитав Пушкина, татары пройдут путем ингров. Но лидер непокорных чеченцев Ахмед Закаев говорит по-русски безупречно. А у покорителей Чечни, Буданова и Шаманова, с великой культурой их народа не так хорошо. Путин это, сознает, и, ради просвещения, укрепляет порядок. Предлагает ограничить регистрацию, то бишь, прописку.

Надеясь видеть население России единым народом, он не соблазняется американским «плавильным котлом», Он хочет не взаиморастворения народов, а растворения их всех в одном, в русском. Взаиморастворение, в отличие от ассимиляции, не отвергает дедовские культуры, а возводит над ними новое единение. Конечно, «плавильный котел» служит лишь сплаву эмигрантов из разных стран, идущему в Соединенных Штатах. А ради мирной соседской жизни в государстве, переставшем быть империей, ни взаиморастворяться, ни, тем более, всем растворяться в одном, нет нужды. Растворение народов в одном кажется условием мирной общей жизни лишь тем, кто не верит, что разные народы могут жить дружно такими, как есть.

Осуждая ассимиляцию, к которой сам зовет Россию, у других, Путин сетует, что там не ассимилированным национальным меньшинствам, пусть даже «обеспеченным разнообразными правами и гарантиями», грозит, как ему кажется, «фактически оказаться отлученными от возможности успешной карьеры». Но ни слова о российских перспективах народов, не растворившихся в русском, ни слова о том, что возможности людей разных наций при царе и в СССР определяла отнюдь не мера ассимиляции, и самую растворившуюся среди русских нацию, евреев, в СССР, дискриминировали, вина как раз в излишней ассимиляции.

Дурны его речи не призывом учить русскому языку и шире знакомить с русской культурой. Это хорошее дело плохо у нас поставлено даже для русских. Дурно стремление к единой культуре «единого народа» и вражда к мультикультурализму, числимому ныне провалившимся. Но и с ним не так все просто.

Громоздкий термин сросся с завозом в западные страны множества людей, выросших в понятиях, чуждых тамошним иудео-христианским. Но мультикультурность имеет историю, и в Российской империи. Отношения украинцев, поляков, русских и евреев на западе Украины или латышей, литовцев, евреев, немцев и русских в Прибалтике не были идиллией. Но культурное общение шло многоканально, многие говорили на трех-четырёх языках. Складывалась смешанная культура, не мешавшая национальным, а то и помогавшая.

В нынешней Европе к новым жителям привыкают не за века, как на Украине и в Прибалтике, а ускоренным темпом, и решают культурные проблемы поверхностно, по сути, лишь разрешают приезжим держаться своих культур, что верно, но недостаточно. Если первое поколение приезжих ценило преимущества работы в Европе, ее условия и оплату, то их дети, овладевшие европейскими языками, не так ценят европейскую жизнь, как отцы. Ограниченность своих возможностей они объясняют дискриминацией, и конфликт с жизнью, которую они не сами выбрали ведет мультикультурализм к неудачам. Но так выходит потому, что политики, желавшие дешевой рабочей силы, не видели перспектив мигрантов, как не видят их у нас. Там, как и нам, хватило бы своей рабочей силы, - но мигрантам можно платить меньше. А в итоге выходит дороже. Это ждет и нас.

Но Путин зашел дальше, чем Европа, имевшая дело с иностранцами, а не с собственным населением, как Россия. Почти двадцать процентов наших граждан - не русской национальности. Как граждане, они вроде вправе свободно передвигаться и селиться, где хотят, не только в своих республиках. И платить им должны не меньше, чем русским. Но на них переносят общее отношение к мигрантам, и Путин о них говорит, как о людях второго сорта..

Уже реальных мигрантов, он, как бывшие европейские политики, не хочет различать по тому, что они в нашей стране ищут, - заработок или место постоянного жительства? Одно дело, на взаимоприемлемых условиях привлечь иностранцев на временную работу. Им нелепо ставить условия, кроме соблюдения норм поведения, включая Уголовный кодекс, и выезда по истечению трудового договора. Неплохо, если строители-таджики, пока живут у нас, прочтут «Капитанскую дочку» и «Хаджи-Мурата». Но не затем их зовут.

Другое дело - иностранцы, желающие переехать в Россию. Часто это потомки тех, кто в советское время по службе выехал в другие республики или был выслан на территории, ныне оказавшиеся за границей России. Или ищущие политического убежища. Или сознательно иммигрирующие в Россию, не только ради временного заработка. Эти и сами хотят приобщиться к русской культуре, стать русскими.

Европа ошибалась, когда, предоставляя гражданство проработавшим в стране должный срок, не спрашивала их детей и внуков, тоже обретших это право, хотят ли те стать французами, немцами, британцами, и принять их нормы жизни. А тогда стали бы невозможны заявления, вроде: «Меня сюда привезли, не спросив, и я не обязан, подчиняться местной королеве, ее правительству и законам».

Америка – страна эмигрантов, но страны Европы, даже сбитой в Европейский союз, живут своими установлениями, и переход в их гражданство это принятие иных норм жизни. Женщина - мусульманка, принимая европейское гражданство, вправе ожидать, что европейские правительства защитят ее право жить по европейским нормам, и принуждение к следованию иным оценят, как преступление. Иначе возникают искусственные иноверческие гетто, враждебные стране.

Различия христианства и ислама, если отвлечься от неразделенности в исламе духовного и светского, не так глубоки. Но ислам на семьсот лет моложе и не пережил реформации, способствовавшей секуляризации и свободе светской жизни. Европейцу приходится приноравливаться к жизни в стране, где религия диктует бытовые нормы поведения, и женщина не может выйти на улицу с открытым лицом. Но светские страны должны защищать завоеванные ими нормы поведения. Опасно обостряющееся отношение местных жителей к пусть непривычному, но не перечасшему местным нормам поведению приезжих, смягчится лишь вместе с корректностью приезжих к местным нормам. А у нас их обостряют межкоренными гражданами страны!

Путина заботит смягчение лишь одной стороны. Усиление режима регистрации, вообще незаконного, да еще особо строгого к нерусским гражданам, лишь ухудшит ситуацию. Нерусским ставят дополнительные требования и ограничения, и в то же время не дают отделиться от России, надеясь удержать в местах традиционного обитания. Путин видит, что «котел» всеобщего растворения в русском народе и культуре барахлит, и не в силах «переварить» растущий поток пришельцев даже в областях, заселенных по преимуществу русскими, но равноправность отношений его не заботит.

Он отказывает русским в праве на русское государство с меньшинствами не ищущими самостоятельности, каковым Россия в нынешних границах стать не может. Но сохраняет за ними право проживать в любой точке страны, включая национальные республики. А коренным жителям республик, ожесточая регистрацию, фактически отказывает в праве жить за их пределами. И это гонения не на мигрантов, которых власть, в конце концов, может просто не впускать, а на нерусских граждан страны, - такова суть путинского понимания национального вопроса. У него «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». А следом сказано, что «Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию». И

не спросит, не только русских, но и тех кого объединяет, хотят ли они объединяться под русской пятой.

Не то что Россия обречена на распад. Обретя подлинную автономию, отделятся лишь немногие республики, узнавшие на себе ельцинско-путинский патриотизм. Другие же, - и поволжские, и особенно восточные, видя обхождение Китая с Тибетом, - скорее предпочтут жить в Российском союзе, если он как-то уподобится Европейскому. Но Путин, отказывающий им в равноправии отношений с самостоятельной Русской республикой внутри такого союза, как раз и создает стимулы к распаду, и не столь мирному, как оказался распад СССР.

Путин распада не хочет, но страну на него обрекает тем, что не оглядывается на опыт национальных государств, создающих добровольные союзы, помогающие развиваться и защищаться. Ключ к национальному вопросу - равноправие, которого Путин не предполагает. А разом напирая на исключительность русских и их заботу о покоренных, он лишь наращивает русофобию.

Это обнажил его заместитель Рогозин, заявивший, что «необходимо бросить все силы на укрепление подрываемого нашими врагами национального единства, на возрождение экономической и военной мощи, на развитие оборонного комплекса, на преодоление проблем армии и флота...» Путин и Рогозин хотят сменить советские псевдо-марксистские и ленинские догмы на «здоровый» шовинизм времен Александра III. Идею развития страны советов и прежде к тому и шло.

По Рогозину советская власть пала «под руководством предателей в руководстве страны (М.Горбачев, А.Яковлев, Э.Шеварднадзе) и натиском этно-национализма окраин». А ведь до прихода названных лиц к руководству все силы как раз и бросали на военную мощь, доводя страну до разорения, почему Горбачеву и другим более ортодоксальным коммунистам, чем Рогозин и Путин, и пришлось, как Ленину в 1921, отступать. Новое избрание Путина – усилит атаку против нерусских народов России,

Почему народ безмолвствует 2.2.12

Советский и нынешний строй, конечно, разные. Советский - откровенно идеологический. Этим задано единообразие, абсолютистская вертикаль, беспрекословность. Он не сам сложился, - его обустроили, как социализм в одной, отдельно взятой стране. Волонтаристское воплощение утопии Маркса вышло не очень с ней схожим, на деле построили «реальный социализм», отвечавший интересам правившего класса, верхних и средних слоев коммунистической партии.

Страной правила партия. Но не победившая на выборах, а захватившая власть, обещая создать на земле рай. Шестая статья брежневской Конституции объявила ее руководящей силой. Так оно и было. Будь Конституция действующим законом, в выборах уже не было бы нужды. В СССР их проводили для приличия. При Горбачеве шестую статью радостно изъяли, но власть осталась у партии. А в прежних Конституциях такой статьи не было, но «руководящей силой» партия, захватившая власть, была. Власть родила винтовка.

Сперва власть правила через новый государственный институт, Советы, почему и звалась Советской. Но внутренние противоречия росли,

и Советы, хоть без участия «лишенцев», но избранные, партию тяготили. К тридцатым их выучили штамповать решения партийных Комитетов соответственного уровня. Власть стала Комитетской, от людей не зависящей.

Партия управляла хозяйством, как прямой государственной собственностью, промышленным - через хозяйственные министерства, а сельским, формально кооперативно-колхозным, больше через сельские райкомы. Инициативы снизу свели к минимуму, их тоже ладили сверху. Силловые и карательные органы поддерживали административный порядок, но добиться порядка в хозяйстве не удавалось, и партия сосредоточила силы в немногих его областях, достигая там частичных или временных успехов. Восполнить недостачу инициатив и экономического баланса приказами было невозможно. Партия не раз пыталась реформировать свое нежизнеспособное хозяйствование, но безуспешно.

Кризис восьмидесятых и события августа – декабря 1991 года создали новую коллизию. Пришлось не только отпустить покоренные страны и союзные республики СССР, но отречься от провалившей в хозяйстве идеологии. А она и оправдывала власти правившего класса, отнюдь не намеренного власть отдать. Надо было ее оправдать без социалистического мифа, то есть, сделать хозяйство эффективней. Затем и провозгласили переход к капитализму и демократии.

Но переход к капитализму был мифом не в меньшей мере, чем переход к социализму. Правящий класс, номенклатура, ныне зовущийся элитой, ни на миг не выпустил власть и дальше отдельных корректив прежнего порядка не шел. Их начал еще Горбачев, объявив гласность и начав сдвиг от партийного правления к государственному. Он справедливо не считал это отказом от советского социализма, объективный смысл которого в едином верховном руководстве хозяйством, ведет ли его партия, захватившая власть, или тоталитарное государство, выступает оно его владельцем, или указывает зависимым владельцам. При капитализме сотни крупных, тысячи средних и миллионы мелких владельцев зависят от обстоятельств, а не от велений власти. А у нас именно от них.

Свергнув Горбачева и на словах отвергнув социализм с его идеологией, Ельцин на деле размахисто осуществил робко начатую Горбачевым перестройку партийного руководства в государственное, заменив безответственную партию как бы беспартийным, но столь же безответственным государством. Власть перешла к Верховному Совету и Президенту РСФСР, избранным еще в составе СССР. Но самостоятельность автономий не окрепла, границы русских областей, нарезанных Сталиным для удобства правления, не пересмотрели, их не объединили в единую Русскую республику внутри федерации. Зато объявили федерацией совокупность не способных себя прокормить субъектов, - таких было 74 из 89. Конституция 1993 года предоставила ее Президенту безразмерную власть, не меньшую, чем была у Политбюро КПСС.

А хозяйственная структура, хоть и преобразилась, но осталась кругом зависимой от государства, капиталистической не стала. Либерализацию цен, необходимую для перехода к свободному ценообразованию и капитализму, провозгласили, когда государство оставалось монопольным владельцем хозяйства, и произвольное вздутие цен повело к инфляции и общему ограблению населения. А последующая ваучерная приватизация,

ограничив срок действия розданных в счет государственного долга ваучеров, не сочтенных бессрочными ценными бумагами, стала ширмой произвольной передачи части государственного имущества в распоряжение лиц, объявленных «олигархами». Делали вид, что, что вместе с как бы владением им отдали власть, а на деле его вручали с условием послушания власти. Зависимость легла на всех новоявленных «владельцев», а видимость независимости стала главным отличием нынешней власти от советской.

Отношения власти и людей, наделенных этими условными владениями, обрели новую конкретность. Теперь правящие чиновники кормились не только жалованием или деньгами в конвертах от власти, но и от приношений. Сложилась система кормления правящего класса в форме коррупции. Ее бранят, но сведение критики к конкретным проявлениям коррупции, лишь уводит от понимания того, что это не грех отдельных чиновников, а свойство режима, невозможного иначе.

Положение же рядовых граждан, как и при советской власти, определяется не реальным вкладом каждого в общественный спрос, но возможностями государственного патернализма, у хозяйствующей власти не всегда одинаковыми. При Путине их расширил взлет мировых цен на нефть и газ, от собственного хозяйствования не зависящий. Покуда такие поступления не спадают, правящий класс силой давит недовольных, даже если их число растет. Власть могла бы под напором массовых возмущений ощутить нужду в переменах, к ним мог бы толкнуть внешний кризис, или, как в восьмидесятые, внутренний, но перемены и крушение строя до экономической катастрофы мало вероятны, поскольку строй, хоть и считается не столь жестоким, как советский, того же тоталитарного типа, и не даром жаждет возродить СССР,

Это не значит, что протесты, хоть еще не миллионные, напрасны. Ян Палах, не зная, когда Прага освободится, сжег себя на Вацлавской площади, и память о нем помогала противостоять советским оккупантам. Стоит, однако, помнить, что он не звал следовать своему примеру, следовали по личному побуждению. А ныне зовут к самоубийственным шагам, поносят тех, кто не выходит на площадь, не отвергает фальшивые выборы публично. Народ объявляют быдлом. Словно не этот самый народ выплеснул на улицы в августе 1991. По этим крайностям видно, что оппозицию составляют не только противники, но и соперники власти, часто столь же тоталитарно равнодушные к праву частного человека самому решать, а не быть пушечным мясом. Потому и мало тех, кому люди готовы верить, да таким и рот заткнут.

А понять, что нынешняя власть худа именно тем, что не признает права на самостоятельные решения ни за кем, кроме себя самой, а ее свержение эту возможность, - разумеется, в рамках законов, - должно предоставить каждому гражданину, не менее важно, чем выразить протест. Результат был возможен, когда в 1991 ГКЧП удержался от стрельбы. Но передал власть своим братьям по классу. Есть массовая вера в здравый смысл власти, в ее заинтересованность развитием страны. А тоталитарную власть заботит, главным образом, преуспевание своего класса, а людей тоталитарной власти, - прежде всего, личный успех. Быстро выяснилось, что поддержавшие новую власть широкие массы ждали другого, а Путина затем и позвали, чтобы усидел на штыках. Правда, Радзиховский и Новодворская, внушают, что беда не в

штыках, просто народ у нас такой. Но роль дубин, бьющих по головам, признает сам Путин. Дубина – не винтовка, но различие не принципиальное. Вот миллионы и не суетятся.

Шедевр избирательной кампании 3.3.2012

В ходе избирательной кампании противники нынешней власти спорили, бойкотировать ли выборы, голосовать ли за относительно приемлемого кандидата, или вычеркивать всех. Иные уверяли, что последний вариант бесплоден, поскольку бюллетень сочтут недействительным. А его сторонники объясняли, что он усложняет задачу желающих обойтись одним туром, - чем больше голосующих ни за кого, тем любому сложнее набрать голоса.

Накануне выборов сайт «Эха Москвы» опубликовал беседу с членом ЦИКа Гришиной. Подробно, хоть и путано, она объясняла, как заполнять бюллетень и какие кандидатам засчитывают, какие нет. Но корреспондент уловив, что бюллетень, где избиратель поставил значки не в одном квадрате, а во всех пяти, сочтут недействительным, как никому ничего не дающий, спросил «а этот бюллетень, учитывается в явке?»

Вопрос поставлен неуклюже, но явно имеет в виду, учтут ли ничей бюллетень, подсчитывая общее число голосовавших, от которого каждому кандидату будут исчислять полученные им проценты. Гришина, как специалист, не могла это не понять, но сказала о другом, к делу не относящемся: «Понятие «явка» из закона исключено. В законе у нас, как говорится, нету сейчас требования о явке избирателей».

И корреспондент, решив, что бюллетень этот, вообще, пропадет, спросил «просто будет сообщаться, что вот такое-то количество брака?» А госпожа Гришина опять отвечала «это означает, что избиратель не смог определиться, хотя и принял участие в голосовании». Но ведь понимала, что избиратель, который вычеркнул всех пятерых кандидатов, определился. И что избирательная комиссия может браковать бюллетени, но не может браковать избирателей, пришедших и голосовавших.

Тут бы и вспомнить закон, где четко сказано: «Избранным считается зарегистрированный кандидат, который получил более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Число избирателей, принявших участие в голосовании, определяется по числу избирательных бюллетеней установленной формы, обнаруженных в ящиках для голосования». Бюллетени установленной формы – это отпечатанные по стандарту и заверенные избирательной комиссией, а не только заполненные так, чтобы считаться действительными. Они могут быть и недействительными, испорченными, но все равно свидетельствуют об участии бросивших их в урну в голосовании.

В советские времена в бюллетене был один кандидат. Теперь их пять, но по-прежнему все они - разрешенные сверху. Неужто у избирателя уже хотят отнять не только право выбирать кандидатов не угодных власти, Явлинского, Лимонова, Буковского или кого угодно, но даже право легально протестовать против кандидатов власти и вычеркивать их всех? Закон это право еще признает, а ЦИК вроде уже не уверен и раздражен «количеством брака».

До выплеска стихии

Отчет ЦИК о голосовании 4 декабря фальсифицировали не одни вбросы и подтасовки. Будь даже Чуров безупречен в счете, отчет фальсифицирован избирательной системой. Голосование за партии объективно там, где многопартийность прижилась, и лица партий различимы. А новые поколения не знают в деле никого, кроме ЕдРа, иные и коммунистов забыли. Вот и выбирают не зная кого. Нашим бы партиям с размытыми лицами лучше бы выдвигать конкретных кандидатов. Да и голосовать верней в два тура, уточняя личные предпочтения по проявившимся в первом туре разноречиям общества. В советские годы публичное обсуждение политики сулило уголовную статью. Горбачевская гласность пролетела как сон, Сегодня Россия себя не знает, и ее легко морочить.

Власть не дает многим группам единомышленников быть партиями, не дает избираться ни Касьянову, ни Рыжкову, ни Лимонову, ни Демушкину, ни другим. Дозволенным партиям тоже не в равной мере дают разъяснять свои позиции. Это тоже способ подтасовки. От лидеров партий не требуют прямой полемики меж собой, а публичные споры Путина с Явлинским и Жириновского с Зюгановым многое прояснят.

Барьер в 7%, который партии надо переступить, чтобы пройти в Думу, позволивший ЕдРу, не собрав большинства голосов, захватить большинство мест, - тоже бесчестная махинация. Всего в Думе 450 мест. При пропорциональном подсчете, чтобы пройти, надо собрать на одно место около 0,22% голосов. Даже по данным Чурова «Яблоку» полагалось 15 мест. Пятнадцать яблочников в Думе законы бы не изменили, но обратили бы ее в место для дискуссий, чего власть как раз и боится. Но еще важней, что они представили бы, пусть даже ничего не решая, важный слой общества – научную и научно-техническую интеллигенцию. Но то-то и оно, что для власти она лишь обслуга. Сталин не слушал Вавилова, а продвигал Лысенко. Путин не считается с тем, что общество слоисто, состоит из разных классов. Его идеал - единый смиренный народ, пробитый вертикалью власти, и мифическое «бесклассовое общество». И унитарная, а не федеративная, тем более, не конфедеративная, Россия.

Ответ народа можно прочесть и по фальсифицированным выборам. Помимо команды голосовать за ЕдРо, было четыре оппозиционных призыва. Лимонова - к публичному протесту вместо выборов, Немцова (и я был того же мнения) - к протесту в рамках выборов, то есть, к голосованию против всех, Навального - к голосованию за любую партию, кроме ЕдРа, и Подрабиника - к бойкоту выборов. За Лимоновым пошли единицы. За нами с Немцовым лишь 1,5%, портившие бюллетени. Тоже не густо. Подрабиника поддержало около трех с половиной процентов от общего числа избирателей, - на выборы явилось 60, 21% избирателей вместо 63,71% в 2007 году. Победил Навальный, его призыву последовала почти пятая часть пришедших. ЕдРо и с ним Правое дело голоса потеряли, а остальные партии вместе получили на 18,6% больше. «Яблоку» досталось на 116% голосов больше, чем в 2007 году, Справедливой России на 71,6%, коммунистам на 66%. ЛДПР на 43%, и Патриотам России на 8%. Числа эти еще занижены вбросами в пользу Единой России, но утрата ею большинства и при них - неоспорима.

Но заметно и другое. Избиратели хотят перемен не резких, а как бы лишь большей вежливости, почему и не протестовали, а голосовали по Навальному, угадавшему их настроения, - не за ЕдРо, но за его вассалов, С ними Путин и его «элита» тоже не пропадут. Не стоит поэтому строить иллюзии и класть птиц за пазуху. Страна уже хочет перемен, но еще не ощутила в каком масштабе они необходимы.

Потому власть и не признает поражения, а отвечает тактически. Впереди президентские выборы, и она заговорила вежливей. Уже не просто потребовала переноса митинга с площади Революции на Болотную, грозя его разогнать, но согласилась даже с присутствием на митинге тридцати тысяч человек вместо начальных трехсот, и, хоть на Болотной тоже держала наготове собак, с цепи их все же не спустила.

Правда, и не с чего было! Там лишь бранили Путина и Чурова, требовали новых честных выборов, словно при этой власти они возможны, но не добивались отказа ЕдРа, не собравшего большинства голосов, от большинства мест. А это большинство в Думе позволяет уверенно править дальше, тем паче, что срок правления продлен, а Конституция - не указ.

Между тем, только и слышно, что, не уйди митинг с площади Революции, свершилась бы революция. Революцию мыслят по-ленински, как организованное силовое действо. А революция – это стихия, крушение несостоятельного режима. Ленин учил, что она происходит, когда низы не хотят, а верхи не могут по старому. На деле она происходит, когда именно низы уже не могут по-старому, а верхи не хотят по-новому. Людовик XVI в трудный час призвал экономиста Тюрго, но аристократы не хотели реформ, Тюрго отставили, и дошло до революции. У нас в восьмидесятые – девяностые не дошло потому, что Горбачев наивно сулил подправить советскую власть, а Ельцин даже, - до отказа переизбираться вместе с Верховным Советом и расправы с Чечней, - пытался выглядеть борцом за еще более глубокие перемены. Пар вышел, и взрыв миновал. Революция не состоялась.

Если видеть вещи, как есть, то после нынешних выборов, хоть и фальсифицированных, трудно отрицать, что люди жить по-старому еще могут, хоть терпение теряют. Можно бы по примеру Горбачева, перестроиться, подав митинг на Болотной как первый шаг. Но уже по посулам Путина вернуть выборы губернаторов, но из утвержденных им кандидатов, и подумать о помиловании Ходорковского, но если тот покается, - видно, что мягчить даже на президентскую избирательную кампанию не хотят. У Путина за плечами годы везения, он не помнит почем была при Горбачеве нефть, и надеется провести время.

Ему лишь в помощь призывы к срочной революции, еще чуждые людям, едва ощутившим нужду в переменах, еще верящим, что Жириновский и Зюганов помогут. А новые «профессиональные революционеры» уже спешат, не давая одуматься, упредить ход событий, как в нашей истории не раз было. Но, кто помнит, что из этого получается, не примет желание насильно сделать, как лучше, лишь за наивность. Эту власть вынудит отступить растущее и ширящееся духовное сопротивление, а его подмена дерзким «революционным насилием» малочисленных групп - лишь повод к расправам.

К революции ведет не расстрел трехсот человек на площади Революции, которых не гоже бы подставлять. Ее разжигает пренебрежение власти нуждами страны и поглощенность своими. Когда

реформы, облегчающие жизнь, несбыточны, люди верят стихии революции. Но голосующие за Зюганова и Жириновского в этом не убеждены. Да и «революционеры» твердят: «В России не должно быть места Путину», а в России не должно быть места Путину, кто бы его ни занимал.

В наступившем веке для желающих добра своей стране нет альтернативы свободе, первому условию самостоятельности. Не усвоившую это, власть и подстерегает революция, не профессиональная большевистская, но стихийная и отнюдь не бархатная. А Путин верит в свою старую профессию. Она и впрямь может уберечь власть от многого. Но не от всего. И совсем не может уберечь от стихии. «С божией стихией царям не совладать».

Пролить слезу

Песков говорит, что лишь от ветра слезились глаза Путина, радовавшегося на Манежной «чистой и честной» победе, забыв, что одних он не внес в избирательный бюллетень, других не пустил к средствам информации, что ввел в столицу войска, а считать велел фальсификационному штату Чурова. Но я верю в искренность. Когда пятнадцатилетний подросток, с детской надеждой избавить родину от злодеев, мешающих строить лучший мир, спешит в КГБ узнать, чем будет полезен, - он искренен. Реакции Путина на иное, чем у него, понимание вещей вполне искренни. Да обстоятельства переменялись.

Иные Путина бранят за то, что стал править четвертый срок подряд (включая срок главы его администрации Медведева). Но часто бранят, упуская трагедию отечества, в которой не он виноват. При нем ее даже чуть смягчили цены на нефть и газ, хоть не он их взвинтил. Но наследство коллективизации, большого террора, войны, кризиса семидесятых и всего советского тоталитарного режима, никуда не делось.

Правили режимом, далеко ушедшим от утопии замысла, не так перерожденцы, как приспособленцы и циники, но были и веровавшие, пусть не в «диктатуру пролетариата», так в государственную вертикаль. Партия жуликов и воров не однородна. Одни помнят лишь о себе и семье, другие - и свое охранное государство ценят. Путин, хоть сам из кооператива «Озеро», не простой циник, но искренний идеалист. Его идеализм в том, что, пренебрегши советскими абсурдами, еще дорогими КПРФ, включая запрет на частную собственность, он не выпускает «разрешенную» из под тотальной власти государства. Он дышит ленинской, большевистской верой, что власть плодотворней свободы. Искренностью такой веры, тщета которой все наглядней, он и опасен. Тоталитарная власть надеется, что с модернизацией, купленной или украденной у свободы, она свободу прикроет навек.

Эта надежда перечит развитию России, после петровской европеизации явившей не только Толстого и Чайковского, но и Лобачевского, и Менделеева. Полагающиеся на власть не берут в толк, что к развитию ныне ведет не одна гениальность ученых, а еще больше свобода соревновательного процесса, несовместимого с монополизмом, промышленным и политическим, и самодержавием. Пагубность монополизма Ленин углядел года за два до того, как слил хозяйство России в тотальную государственную монополию. Безмерная власть

туманила зоркий взор. Путин тоже верит, что обновление приводных ремней еще позволяет монополю вертикали быть работоспособной.

Говорят, мол, не понимает того, не понимает сего. Но ему хватает грамоты и смекалки, чтобы понимать, что отношения общества и производства не идентичны построениям воинских частей. И если опять он твердит, что держащиеся иных, чем он, взглядов на развитие производства и культуры, - и ради этого на устройство общества, - агенты иностранных держав, это не глупость, а нежелание признать, что главные проблемы страны – внутренние. Что в их решении другие державы нас обошли не перевесом способных людей, а свободой соревнования меж ними, движущего там развитие, а у нас невозможного без спроса на положенном уровне вертикали.

Умный Песков после очередной фиоритуры шефа спешит заверить, что тот – прагматик, и всегда готов к соглашению с оппозицией по конкретным предложениям. Но дело-то не за тем, чтобы сберечь Кудрина, перенять идею у Рыжкова или снова взять Илларионова в советники. Соревновательность предполагает свободу и объективность, как норму. Без правовой и политической кодификации производство на рынок не ладится. Помещик с крепостными разбирался не в суде, а от государя зависел, как Дерипаска или Прохоров от Путина. Но уже Александру II, освободившему крестьян, пришлось провести судебную реформу, создать в России реальный суд, какого потом не стало. Развитию истина нужней, чем даже верховное соизволение вертикали.

Путин спортивен, подвижен, несется туда-сюда и в каком-нибудь Пикалеве демонстрирует ручное управление. Но двери теперь открываются автоматически, и ключ начальника нужен лишь там, где заперты. Заперты уже тем, что в Думе, в нашем парламенте, где разным интересам искать бы компромиссы, эти разные интересы даже не представлены. Путин идет на несогласных большевистской атакой, разжигая гражданскую войну. Избиения протестующих без насилия и к нему не зовущих на Триумфальной и Пушкинской, - знаки этой войны.

Он пугает Россию украинской оранжевой революцией. Но там революция не сводилась к Майдану и борьбе Ющенко за честные выборы. Украинская революция была в Беловежской пуще, и не оранжевая, а желто-голубая, жовто-блакитная, цвета национального флага. Украина стала другой уже при Кравчуке. А Россия осталась Советским Союзом, хоть часть колоний и отпала. Вот и правит ею, если не Сталин, Польский, Венгерский, Восточно-Германский и прочая, так Путин, Чеченский, Южно-Осетинский, Абхазский и бог еще знает какой. Он надеется удержать оставшееся прежним образом, себя исчерпавшим и разоблачившим. Он убежден, что в 1991 промашка вышла, и власть можно удерживать бессрочно.

Оттого и рисует страну осажденной крепостью, на которую всякий рад посягнуть. А Россия, благодаря Андрею Сахарову, еще неуязвима. Американцы ставят противоракеты, но орудия атаки на нас не нацеливают. Америка, как и Европа, хочет видеть сильную Россию, пусть даже путинскую, почему и равнодушна к нашему беззаконию. Хочет, во-первых, потому, что боятся распада России, грозящего расползанием ядерных сил со всеми последствиями. Не забудем, как Буш-старший летал в Киев, убеждая украинцев беречь Советский Союз. А во-вторых, Россия - противовес азиатским странам, которых за океаном опасаются.

Путин и это понимает, и Америки боится не как внешнего врага, каким она России сама не станет, а как примера внутреннего обустройства, обходящегося без нашего нынешнего правящего класса из коррумпированных чиновников и назначенных миллиардеров.

Требовать от путинского режима честных выборов столь же наивно, как требовать, чтобы уничтожили коррупцию, которую можно уничтожить только вместе с режимом, с его тотальной вертикалью. Не может быть честных выборов там, где нет выбора, где власть сама определяет себе соперников, и кроме назначенного победить, чем довольствовались коммунисты, либерально назначает еще четырех проиграть. Реальные соперники не допущены, но играют тренировочные партнеры. Нарушается закон, но как на всех голосованиях за президента РФ с 1996. Не победа, но не проигрыш. И пикейные жилеты красиво досадуют, что оппозиционеры не держались общей тактики. А если Путин взял себе 64% голосов, Зюганову или Прохорову, на ком ни сойдись, не собрать 50%, нужных для второго тура. Он мог быть, лишь если бы захотелось Путину.

Не надо внушать себе и другим, что 4 марта состоялись выборы. Но Путин сел на прежний стул. Править из-за чужой спины, даже дружеской, послушной, ему и четыре года было в тягость. Сталин так правил дольше, оформился лишь в войну. Но это сравнение - не повод счесть Путина слабаком. Просто удерживать силой захваченную почти сто лет назад власть, поддерживая хоть на минимуме технику и кормежку, номенклатуре, то бишь «элите», все трудней. Вот и острее нужны перемены, и Путин будет их осложнять и тормозить.

Смысл текста

Историку нельзя упустить, что автор старого текста, его тогдашний читатель и он сам, нынешний историк, понимают текст по-разному. Современник от прежнего понимания, даже авторского, легко отвлекается, и смыслы переосмысляет. Пункт 3, статьи 81 Конституции РФ гласит: «Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков подряд». А нам внушают, что Конституция не велит избираться Президентом более двух раз лишь подряд, а если не подряд, то за милую душу, хоть через раз: вчера – Путин, сегодня – Медведев, завтра – Путин, послезавтра – Медведев и так без конца. Не запрещено чередоваться ни с приятелем, ни с женой, ни с дочкой. Но семейный тандем – не слабей наследственной монархии.

А принимая Конституцию, больше всего и опасались, что Президент фактически станет монархом, будет править почти тридцать лет подряд, как Сталин, или почти двадцать, как Брежнев. Оба оставили должность только ради царствия небесного. Потому в Конституции особо и оговорено, что нельзя быть Президентом более двух сроков подряд.

Принимавшие Конституцию полагали, что Президентом становятся один раз, однако согласились продлить работу хорошего президента на второй срок подряд. Но и хорошему - не дольше. Потому Конституция и говорит только о таком втором избрании действующего президента. А что можно эту должность занимать два раза, не говоря о трех, не подряд, нигде не сказано. Будь даже Путин Президентом лишь один срок, - но передай должность Медведеву, а потом опять пожелай в Президенты, - Чуров обязан ему сказать: «Стать на второй срок Президентом можно

лишь подряд, без перерыва». Прямо это не написано, но слово «подряд» как раз и напоминает, что второй срок – форма одобрения первого.

Я бы пункт 3 изложил так «Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков, и второй разрешается лишь если следует непосредственно за первым». Это не я выдумал, именно это, - как ныне говорят, «по умолчанию», - сказано в Конституции.

Поэтому, занятие В.В.Путиным должности Президента формально в третий, а фактически в четвертый раз, - это узурпация власти. Уже первое его «избрание» было таковой, но то хоть оформили сообразно тогдашним законам. А нынче открытое нарушение Конституции уничтожает даже видимость законности. Неужто это увидит только историк?

Господин Венедиктов выражал недавно недоумение по поводу призывов «Путин, уходи!» Признаться, до выдвижения Путина опять в Президенты, у меня тоже вызывало досаду сведение нескладиц и бед России за двенадцать минувших лет к одному человеку. Но теперь Путин нарушил Конституцию персонально, и призыв: «Путин, уходи!» - просьба не нарушать.

Насвобода – это лишение свободы 26.5.12

Вопреки прогнозам протесты продолжаются и, если даже ОМОН их пресечет, возобновятся. 24 сентября - их признанный повод. Но причину признать не спешат. А она в том, что жива старая система власти. Ее звали советской, но была она комитетская, - парткомы, райкомы, секретари, партийная вертикаль во главе с генеральным. 1991 - год переименований, Первого Секретаря Обкома стали звать губернатором, но проблемы 1918 года – от Учредительного собрания до продрозверстки, - все еще актуальны. Слова другие, но прежняя вертикаль государства давит все и вся.

План гения, записанный в шалаше, хоть не сразу, но сбылся, и пропало разделение властных функций законодателя, правителя и судьи, а политическая власть слилась с хозяйственной деятельностью. Собственность на словах стала общей, на деле государственной. Все были заодно, власть – вертикальная, и во главе - вождь.

Этот тоталитарный строй слыл альтернативой капитализму, где всяк сам по себе, эти на работу нанимают, те нанимаются, одни продают продукцию, другие – рабочую силу, люди взаимодействуют, по ходу дела враждуя и соперничая. Все знают, что почем, знают, что ради заработка надо трудиться, и рабочая сила имеет цену. Капитализм тоже – не счастье для всех. И там есть охочие прижать других, умерить стихию, сладить монополии. Но отдельность каждого позволяет быть вместе по потребности, не становясь едиными навсегда. Отдельные неведомые люди толкают общество к развитию. При тоталитарном строе отдельность под подозрением.

Сталину пришлось принимать решения по кибернетике и генетике, и, будучи некомпетентен, он их на всякий случай закрыл. При партийности науки, иначе быть не может. Лишь глава вертикали знает, что подходит партии. А американский президент решал, какие открытия взять на вооружение, слушая беспартийных ученых. Они могли ошибаться, мог

ошибиться он сам. Но стимула запретить науку у него не было просто потому, что капитализм не предполагает знания властью правильных ответов на все вопросы. Научные истины и художественным явления там не ждут одобрения власти.

В хозяйстве то же самое. Наша вертикальная власть не могла считать выгоды и убытки, наши деньги отражали не реальное движение ценностей, а желания власти. Советский Союз это ослабило задолго до того, как республики сманила независимость. Да всеобщей монополии и настоящие деньги не помогут соизмерить вперед все расходы и доходы. Но у нас государство поныне монополично правит хозяйством. Удлинили поводки, дали некоторые вольности, а правитель по-прежнему одинок на вершине вертикали, и отдельность невозможна.

Утверждающим, что Советский Союз распался потому, что проиграл холодную войну, грех забывать, что он проиграл не столько Соединенным Штатам, сколько своему ленинско-сталинскому строю. Проиграл потому, что его власть была не избранной, а силой навязанной, и не просто паразитировала на захваченном хозяйстве, что было и до 1917 года, а преобразила хозяйство огромной страны, соединив большие и малые отдельные хозяйства в единую циклопическую монополию. А в ней, по слову поэта, «Невозможно уследить, где начет, где вычет, значит, чтобы сократить, надо увеличить!» Принимать всегда верные и для целого и для его самой малой части решения монопольный вождь страны не может, и добром это кончиться не могло. И не кончилось. Но власти усидели. Революции не было. Правит Путин. Если он - просто клептоман, как понять, что Ельцин поставил его?

Сталин выполнил завет Ленина, достроил монопольное государство. С реальными нуждами страны оно не могло справиться. Это заслонено великой победой, одержанной в союзе с Америкой и с ее помощью. Вспоминать поражения первых лет войны и неспособность обеспечить населению прожиточный минимум нынче не любят. Но наследники Сталина поняли, что без смягчения режима страна погибнет. Хрущев был застрельщиком перемен, но и он и другие хотели смягчений, чтобы спасти режим, почему, осудив Сталина и выпустив выживших из лагерей, потопили в крови восстание в Венгрии. Они видели, издержки тоталитаризма, но, понимая, что демократия его сметет, пытались балансировать.

При Брежневе наладился тихий сталинизм, но сперва Прага, а потом Афганистан привели страну к банкротству. Пришлось Горбачеву спасать строй уступками, но он тоже не нашел прохода меж тоталитаризмом и демократией. А Ельцин понял, что марксистско-ленинская фразеология режиму не обязательна, Конституция может дать ему, как президенту, власть равную власти Политбюро, а зарубежные болваны решат, что без марксизма Россия не будет поощрять социальные и национальные движения за границей. Сочтя Путина твердым мэнеджером, не предающим своих, Ельцин поверил, что тот удержит власть, и покамест держит.

Дело, однако, в том, что не только Хрущев и Брежнев, но и Ельцин, и Путин вовсе и не хотели преодолевать советский режим. И страна все еще скована ленинским проектом жизни, и государство всевластно и всемогуще. Возможно, Ленин искренне верил, что задуманная им всеобщая каторга даст счастье трудящимся. Его

уцелевшие преемники служили его придумке, не сверяясь с марксистской утопией. А Сталин Маркса, похоже, и не читал, цитировал по Ленину или переводам из Каутского. Еще хуже знали утопию Хрущев и Брежнев, а Ельцин и Путин ее вовсе отбросили. Но вкусом ленинского тотального государства оба дорожили, и Путину он люб. Потому не очищают мавзолей, и выгораживают Сталина. Он умер 59 лет назад. Кто в 1914 году, через 59 лет после смерти, вспоминал «неудобозабываемый тормоз» - царя Николая I? А дело Сталина живет, вот его и помнят.

Ныне ведут споры, как сменить власть – добиться честных выборов или полутора тысячам смельчаков с Триумфальной пойти на Красную и штурмовать Кремль. Менять власть надо, ее время истекло, но на войне стоит знать, против чего воюешь, и за что, а не только против кого. Протест набирает реальную силу в борьбе за конкретные вещи и дела. Лозунги «Национальное самоопределение вплоть до отделения!» или «Земля – крестьянам!», из первых большевистских, потом ими самими растоптанных, возможно, москвичей ныне не увлекут. Но призывы «Государство, знай свое место!» и «Свободу неправительственным организациям!» - ключевые в преображении России, в которой нужно право на отдельность, на свой участок земли, на свой сельсовет, не из района спущенный, на своего губернатора и своего депутата в Совет Федерации, на свою партию, нравится она Путину или нет, и так далее и так далее. Говорят, на свободе совершают преступления. Но неправительственные организации подсудны, лишь бы суд был отдельным и открытым, не связанным с властью телефонным кабелем.

Прежде, чем выяснять, что лучше, свобода или несвобода, поймем, что они несопоставимы. Медведев, как советский юрист, не сказал, что несвобода - это лишение свободы, а суть в этом. Но еще полвека назад французские студенты писали на стенах: «Запрещается запрещать!» Это не о правилах уличного движения, а о чрезмерных претензиях власти. Вот и нашей стоит осадить назад. Способна она на это? Или хочет, - не сегодня, а когда оступится, - не оранжевых, а кровавых бунтов и мятежей?

Вопреки прогнозам протесты продолжаются и, если даже ОМОН их пресечет, возобновятся. 24 сентября - их признанный повод. Но причину признать не спешат. А она в том, что жива старая система власти. Ее звали советской, но была она комитетская, - парткомы, райкомы, секретари, партийная вертикаль во главе с генеральным. 1991 - год переименований, Первого Секретаря Обкома стали звать губернатором, но проблемы 1918 года – от Учредительного собрания до подразверстки, - все еще актуальны. Слова другие, но прежняя вертикаль государства давит все и вся.

План гения, записанный в шалаше, хоть не сразу, но сбылся, и пропало разделение властных функций законодателя, правителя и судьи, а политическая власть слилась с хозяйственной деятельностью. Собственность на словах стала общей, на деле государственной. Все были заодно, власть – вертикальная, и во главе - вождь.

Этот тоталитарный строй слыл альтернативой капитализму, где всяк сам по себе, эти на работу нанимают, те нанимаются, одни продают продукцию, другие – рабочую силу, люди взаимодействуют, по ходу дела враждуют и соперничают. Все знают, что почем, знают, что ради заработка

надо трудиться, и рабочая сила имеет цену. Капитализм тоже – не счастье для всех. И там есть охочие прижать других, умерить стихию, сладить монополии. Но отдельность каждого позволяет быть вместе по потребности, не становясь едиными навсегда. Отдельные неведомые люди толкают общество к развитию. При тоталитарном строе отдельность под подозрением.

Сталину пришлось принимать решения по кибернетике и генетике, и, будучи некомпетентен, он их на всякий случай закрыл. При партийности науки, иначе быть не может. Лишь глава вертикали знает, что подходит партии. А американский президент решал, какие открытия взять на вооружение, слушая беспартийных ученых. Они могли ошибаться, мог ошибиться он сам. Но стимула запретить науку у него не было просто потому, что капитализм не предполагает знания властью правильных ответов на все вопросы. Научные истины и художественным явления там не ждут одобрения власти.

В хозяйстве то же самое. Наша вертикальная власть не могла считать выгоды и убытки, наши деньги отражали не реальное движение ценностей, а желания власти. Советский Союз это ослабило задолго до того, как республики сманила независимость. Да всеобщей монополии и настоящие деньги не помогут соизмерить вперед все расходы и доходы. Но у нас государство поныне монопольно правит хозяйством. Удлинили поводки, дали некоторые вольности. а правитель по-прежнему одинок на вершине вертикали, и отдельность невозможна.

Утверждающим, что Советский Союз распался потому, что проиграл холодную войну, грех забывать, что он проиграл не столько Соединенным Штатам, сколько своему ленинско-сталинскому строю. Проиграл потому, что его власть была не избранной, а силой навязанной, и не просто паразитировала на захваченном хозяйстве, что было и до 1917 года, а преобразила хозяйство огромной страны, соединив большие и малые отдельные хозяйства в единую циклопическую монополию. А в ней, по слову поэта, «Невозможно уследить, где начет, где вычет, значит, чтобы сократить, надо увеличить!» Принимать всегда верные и для целого и для его самой малой части решения монопольный вождь страны не может, и добром это кончиться не могло. И не кончилось. Но власти усидели. Революции не было. Правит Путин. Если он - просто клептоман, как понять, что Ельцин поставил его?

Сталин выполнил завет Ленина, достроил монопольное государство. С реальными нуждами страны оно не могло справиться. Это заслонено великой победой, одержанной в союзе с Америкой и с ее помощью. Вспоминать поражения первых лет войны и неспособность обеспечить населению прожиточный минимум нынче не любят. Но наследники Сталина поняли, что без смягчения режима страна погибнет. Хрущев был застрельщиком перемен, но и он и другие хотели смягчений, чтобы спасти режим, почему, осудив Сталина и выпустив выживших из лагерей, потопили в крови восстание в Венгрии. Они видели, издержки тоталитаризма, но, понимая, что демократия его сметет, пытались балансировать.

При Брежневе наладился тихий сталинизм, но сперва Прага, а потом Афганистан привели страну к банкротству. (Пришлось Горбачеву спасать строй уступками, но он тоже не нашел прохода меж тоталитаризмом и демократией. А Ельцин понял, что марксистско-ленинская фразеология

режиму не обязательна, Конституция может дать ему, как президенту, власть равную власти Политбюро, а зарубежные болваны решат, что без марксизма Россия не будет поощрять социальные и национальные движения за границей. Сочтя Путина твердым мэнеджером, не предающим своих, Ельцин поверил, что тот удержит власть, и покамест держит.

Дело, однако, в том, что не только Хрущев и Брежнев, но и Ельцин, и Путин вовсе и не хотели преодолевать советский режим. И страна все еще скована ленинским проектом жизни, и государство всевластно и всемогуще. Возможно, Ленин искренне верил, что задуманная им всеобщая каторга даст счастье трудящимся. Его уцелевшие преемники служили его придумке, не сверяясь с марксистской утопией. А Сталин Маркса, похоже, и не читал, цитировал по Ленину или переводам из Каутского. Еще хуже знали утопию Хрущев и Брежнев, а Ельцин и Путин ее вовсе отбросили. Но вкусом ленинского тотального государства оба дорожили, и Путину он люб. Потому не очищают мавзолей, и выгораживают Сталина. Он умер 59 лет назад. Кто в 1914 году, через 59 лет после смерти, вспоминал «неудобозабываемый тормоз» - царя Николая I? А дело Сталина живет, вот его и помнят.

Ныне ведут споры, как сменить власть – добиться честных выборов или полтора тысячам смельчаков с Триумфальной пойти на Красную и штурмовать Кремль. Менять власть надо, ее время истекло, но на войне стоит знать, против чего воюешь, и за что, а не только против кого. Протест набирает реальную силу в борьбе за конкретные вещи и дела. Лозунги «Национальное самоопределение вплоть до отделения!» или «Земля – крестьянам!», из первых большевистских, потом ими самими растоптанных, возможно, москвичей ныне не увлекут. Но призывы «Государство, знай свое место!» и «Свободу неправительственным организациям!» - ключевые в преображении России, в которой нужно право на отдельность, на свой участок земли, на свой сельсовет, не из района спущенный, на своего губернатора и своего депутата в Совет Федерации, на свою партию, нравится она Путину или нет, и так далее и так далее. Говорят, на свободе совершают преступления. Но неправительственные организации подсудны, лишь бы суд был отдельным и открытым, не связанным с властью телефонным кабелем.

Прежде, чем выяснять, что лучше, свобода или несвобода, поймем, что они несопоставимы. Медведев, как советский юрист, не сказал, что несвобода - это лишение свободы, а суть в этом. Но еще полвека назад французские студенты писали на стенах: «Запрещается запрещать!» Это не о правилах уличного движения, а о чрезмерных претензиях власти. Вот и нашей стоит осадить назад. Способна она на это? Или хочет, - не сегодня, а когда оступится, - не оранжевых, а кровавых бунтов и мятежей?

меж публичных противников власти заметны три силы, одну именуют: националисты, другую - левые, третью - правые либералы. Но все три эти силы - не что иное, как взятые по отдельности свойства самой власти.

Правых либералов точнее бы звать просто правыми, - их либерализм лишь продолжал горбачевскую гласность. Они помогали Ельцину прикрыть тоталитарные опоры платьем демократии. Они сочинили Конституцию, содержащую прекрасные декларации без всяких гарантий их

соблюдения. Они либерализовали денежную системы, когда собственность была монополией государства, и оно беспардонно вздувало цены избавляясь от своих долгов гражданам. Они создали двести управляемых государством олигархов, но не почесались вернуть собственность миллионам крестьян. Не они отошли от Путина, а он от них, придавая порядку, который они сладили с Ельциным, более четкую и ясную форму.

Так же и левые, а к ним относят и КПРФ, партию советских большевиков, и новых большевиков – от Лимонова до Удальцова, ничего, кроме вторичной национализации собственности, то есть восстановления прежнего типа власти, предложить не могут. Но Путин и сам движется в этом направлении, и при всем артистизме Лимонова и искренности Удальцова, охотников сменять Путина на них немного. Если правые либералы за мнимую ельцинскую свободу, то левые за брежневскую несвободу, если не за сталинскую.

Националисты попестрей, но не вполне допущены на политическую арену, поскольку Путин сам эксплуатирует их мотивы. И, как повелось, не ради русских людей по отдельности, а ради русской власти не только над остатками империи, но и над входившим в СССР, а желательно и в Варшавский пакт и далее везде. Вот мы и видим ряженных националистов, на деле империалистов, чаще чем реальных русских националистов, жаждущих снять с русского народа имперский груз, обращающий его в пушечное мясо, то в Чечне, то в Грузии, то бог еще знает где

Понятно, когда большинство сидящих в кино против того, чтобы там курили, но нельзя запретить

При Брежневе митинги и массовые прогулки по бульварам, были невозможны, но неприятие росло. А когда за возникшей вдруг возможностью говорить друг с другом выросла угроза опять помалкивать, на улицы Москвы вышли сотни тысяч. По их спинам и взошел Ельцин.

Множественный капитализм и вертикальный тоталитаризм состояются на разных полях. Не то, что тоталитаризм всюду обречен. Порой помогают старые традиции, порой власть сосредотачивает все силы на одном участке и добивается.

Капитализм Ельцина свелся к выпуску двух сотен «олигархов» выпущенных на кормящий Россию мировой рынок, на внутренней жизни скорей сказалась начавшаяся еще при нем система кормления чиновников, почему-то числимая коррупцией. Но коррупция предполагает взятку за нарушение чиновником закона в пользу взяткодателя, а в России большинство взяток дают, наоборот, чтобы чиновник соблаговолит совершить требуемое законом.

Многие сообразили, что Горбачев не свергал, а пытался чинить потерпевший катастрофу советский строй. После 1991 его чинили еще бойчей. Сняли идеологическую маскировку, Раньше рядились левыми, стали рядиться правыми. Заявили, что строят капитализм. А вышло, как с коммунизмом. Сталин его построил для немногих, для номенклатуры. И Ельцин капитализм тоже для немногих, для «олигархов» и администрации. Сталинский социализм уличали в несходстве с утопией Маркса. Но «мало ли что можно в книжке написать!» А ельцинский наглядно отличается от реально существующего и в Англии, и в Японии, и всюду, где он есть. Сталину еще огли верить утописты, но Ельцину только циники.

Капитализм – дело массовое. А нам важна лишь цена сырья на мировом рынке. Затем и «олигархов» завели, чтобы на этом рынке ловчили. А конкуренции – основы капитализма, у нас нет. Конечно, и прежде не то, что олигархи, члены Политбюро, но и секретари райкомов жили несопоставимо лучше нас, грешных. Но ведь за стеной, не только Кремлевской. А ныне не утаишь, известно, какая у Абрамовича яхта и как гуляет Прохоров в Куршавеле. Конечно немало людей теперь живет куда лучше, чем прежде, но и куда хуже живет немало. И протестуют не только они, а все, кто видят, к чему оно ведет.

, Глупо было забыть, что зитц-президент Медведев – ипостась Путина, и ждать смягчения несвободы, не понимая, что Путин нужен режиму не подставной, а правящий самолично. Конечно, он неосмотрительно грубо уткнул людей носом в их глупость. Они пошли на Болотную. Но кроме повода тому была причина.

Та самая, что сгубила СССР. Поскольку назвать ее вслух означало признать несостоятельность большевизма, чего старались избегать, напирая на персональные вины его функционеров и объявляя роспуск Союза геополитической катастрофой, ту причину не назвали. Словом «тоталитаризм» у нас бранятся, а это, как феодализм или капитализм, форма общества, явленная во плоти русскими большевиками, слова такого не знавшими, и не видевшими худого в том, что делали. Они создали государство в котором власть поставили не жители, избрав дурацкое Учредительное собрание, а взяли в свои руки толковые люди, знающие, как надо жить.

Маска сброшена

В нашем избирательном законодательстве существует различие между выборами в Думу и выборами президента. В Думу избираются партии, и места в ней между ними распределяют пропорционально набранному партиями числу голосов. Но только между партиями набравшими более 7% голосов, а поданные в меньшем количестве, равно как поданные против всех на результатах выборов не сказываются. Именно поэтому «Единая Россия» набрав меньше 50% голосов получила более 50% мест. Хороша эта система или нет, но нам официально, верно или неверно, все же сообщили какой процент голосов от принявших участие в голосовании собрала эта партия и все другие.

При выборах президента в первом туре победителем считается тот, кто получил 50% от общего числа принявших участие в голосовании плюс еще хотя бы один голос. Так было на всех предшествующих выборах. Но 2 марта, накануне выборов, член ЦИКа Гришина, хоть не очень отчетливо, но вполне понятно, объявила, что на нынешних выборах люди, подавшие бюллетени в которых голос будет подан не за единственного кандидата, а против всех, будут считаться неопределившимися и будут исключены из числа участников голосования, от которого и надо набрать 50% плюс один.

Легко понять, что кандидату, который не может набрать его в первом туре, станет куда легче. Если из общего числа голосовавших изымут хотя бы 10% ему для победы хватит лишь 45% плюс один, а изымут больше, так и того меньше.

Нет смысла обсуждать, в какой мере отказ в признании равноправными участниками голосования тех, кому не нравится список кандидатов,

отобранных ЦИКом, кто хотел бы видеть в нем Явлинского, Лимонова или Буковского, вполне определившихся, пришедших на участки и подавших голоса, отвечает хотя бы видимости демократии, каковую видимость до сего дня власть усердно старалась создавать. Но стоит помнить, что вносить изменения в избирательный закон можно лишь до начала избирательной кампании, а объявлять о них за день до выборов – уголовное преступление.

Эхо Москвы

«Эхо Москвы» задалось вопросом, что было бы, стань в 1996 президентом не Ельцин, а Зюганов. Одни уверяют, что вернули бы советскую жизнь, еще ее ожесточив. Другие возражают, что, хоть она бы и ожесточилась, на коренной реванш уже не было сил, и при товарище Зюганове все бы примерно так и шло, и тоже пришло бы к Путину, хоть с иной фамилией. Но и вторые, сознавая неизбежное сходство вариантов, молчат о его причине. А поворот к реваншу еще до выборов совершил сам Ельцин, не видевший нужды в массовом осознании порочности внеэкономического, волюнтаристского советского режима, и лишь расширивший разоблачение его конкретных злодеяний, начатое еще Хрущевым и продолженное Горбачевым. Он, правда, придал режиму более гибкие, псевдо капиталистические формы, удержав их, однако, под государственным руководством, не позволявшим порядку стать экономическим. И лишь взлет мировых цен на нефть и газ спас Россию. Их благую для нас роль сознают все, зловещую роль Ельцина - немногие. В самом соперничестве Зюганова и Ельцина на деле не было выбора разных политических порядков, соперничали варианты одного. Те, кто тогда были взрослыми, не могли это не видеть.

Революцию не выбирают 10.6.12

Станислав Дмитриевский на "Гранях" превосходно показал Чулпан Хаматовой, что она предпочла. Надеюсь, в глубине души она признает, что с выбором поторопилась. Но меня, признаться, больше ее выбора огорчило само предположение, что между Северной Кореей и революцией есть выбор, что она и любой из нас может выбрать или не выбрать революцию.

Конечно, в 1991 году Чулпан было 16 лет, она училась в нормальной советской школе, и ей, как некогда мне, который на полвека ее старше, в школе объясняли, что Ленин и партия большевиков решили устроить революцию, и устроили.

А это неправда, революцию нельзя устроить, революция – это стихия, как наводнение или землетрясение, это катастрофа общественного строя. История революций, не только кровавых и жестоких, французской или русской, но и более компромиссных, нидерландской или английской, ужасна, не счесть погубленных жизней и разбитых семей. А можно было революции избежать. У французского короля Людовика XVI, голова, которую ему потом отрубили, очень неплохо соображала, и чуя к чему идет, за пятнадцать лет до революции он назначил генеральным контролером финансов экономиста Тюрго, из просветителей, и тот начал реформы, но правящий слой встал на дыбы, и пришлось королю через два

года Тюрго уволить, а реформы отменить. Тут и разразилась стихия, и казнили потом не только короля с семейством, всему правящему слою досталось. Пока на площади полторы тысячи, дубинки совладают, даже и сто тысяч - еще не революция. Но когда жить становится совсем невозможно - встают сотни тысяч и миллионы, и ничего не попишешь.

Про Ленина нам неправильно говорили - он не устроил революцию. Он, как гениальный политехнолог, покруче Глеба Павловского или Владислава Суркова, ощутил в воздухе революцию, рожденную медлительностью Временного правительства, за восемь месяцев после Февральской не дошедшего до главного, не проведшего выборы, не поделившего землю, не освободившего колонии, и он возглавил новую, назревшую революцию. Ощутил, как стихия поднимается, говорил: «сегодня рано, послезавтра поздно». К тому, что Ленин делал потом, можно относиться по-разному. Я не его поклонник, совсем даже напротив. Но он ощущал, что революция росла независимо от него, и сумел ее возглавить.

А росла она от того, что терпение людей иссякало. Терпение бывает полезно. Но все хорошо в меру. Сталин благодарил русский народ за терпение, за то, что терпел его тиранство, стерпел коллективизацию. А если бы ее не стерпел, может, и войны бы не было, и Гитлер бы по соседству не явился, а если бы и явился, до Волги бы не дошел. Мы терпим, но ругать народ за это нельзя, потому как народ видал и худшее, чем сегодня, потому, что битый, и только первое непорочное, не битое, поколение поднимается, которое может и не стерпеть, когда станет неспособно. А приравнивая к Северной Корее к тому идет быстрее, и все может случиться. Даже в Северной Корее, тем более у нас, если Чулпан поверят, что там лучше.

А когда революция совершится, когда ее ужасы обрушатся на нас и наших близких, иные спросят, а зачем равнялись на Северную Корею, уже лучше бы на Польшу, а еще бы лучше на Германию или Англию. И вспомнят замечательную актрису, которая присоветовала, и агитировала выбирать такого президента, который как раз на Корею и равняется. Потому Чулпан и надо знать, что предпочесть Северную Корею, это и означает в результате предпочесть революцию.

Кодекс веры 27.6.12

Путин, сказав Венедиктову, что узнал об обысках из печати, добавил: «Возможно, вы не поверите...».

Я охотно бы верил, да мешает недоумение: почему же тогда не уволены и не преданы суду полицейские проводившие обыски (возможно, обоснованные), но, вопреки закону, оповестившие публику, кто ночевал у обысканной женщины и сколько у нее денег, - еще не доказав, что деньги преступные.

Этому, к сожалению, нет объяснения, кроме того, что сам Владимир Владимирович раньше распорядился, - не об этих обысках конкретно, а в общей форме: Охраняющим власть нечего оглядываться на закон, законы – для публики, а ваше дело мочить в сортире. Иначе, сажали бы не только Навального с Удальцовым, но и Нургалиева с Колокольцевым..

О конкретных приложениях своей установки Путин может наперед и не знать, но это не повод верить, что он такой установки не дал, и что без нее не посмеют столь незаконно обходиться с лицом, лично знакомым президенту

Долой самодержавие! Опять и опять! 30.6.12

В начале XX века этот исчерпывающий ответ на извечный русский вопрос «Что делать?» давали листовки и широкие полотнища над толпами, но в России самодержавие и в огне не горит, и в воде не тонет, и низверженное воскресает.

1

Родилось оно в 1480 году. Четверть тысячелетия русские князья держали земли от хана, но хан Ахмат, постояв на Угре против Ивана III, повернул 11 ноября на юг. И Великий князь Московский стал держать сам от себя, стал самодержцем. Его самодержавие означало, что Русь ни от кого больше не зависит. Но ни цари, ни большевики, ни Путин, не объявили 11 ноября праздником. Возможно, не рисковали публично радоваться, что с того же дня уменьшилась и зависимость русского самодержца от русского народа. Но стали говорить, что тем Россия и уникальна, что удержать ее независимой способно лишь самодержавие. И долго потом твердили, что крепостное право, рабство у единокровного единоверца, для России лучше западных свобод, и «с нами иначе нельзя».

Но Пушкин звал самодержца «Самовластительный злодей». «Самодержавие» стало значить «самовластие», стоящее на произволе и прихоти. В 1905 царь учредил Государственную Думу, парламент. Но его премьер-министр Столыпин, ныне числимый либералом, резонно объяснял, что Дума не стесняет самодержца. Красное самодержавие потом и вовсе ничем себя не стесняло. Не стесняется и нынешняя власть.

Да и самовластие – не русская особенность. Германия от него отошла легче не только потому, что проиграла войну, и наци были у власти двенадцать лет, а не семьдесят четыре года. Немцы провели денацификацию, осознав, что силовая власть губит не только покоренные народы, но и немецкий. А ни в марте 1953, ни в августе 1991, Россия десоветизации не провела, с самодержавием не развелась и живет еще при нем.

Неограниченность власти в России числят непременно свойством государства. Между тем, капитализм эффективен лишь в пределах правовой системы. А в феодальной жизни «волю лорда» урезает «обычай манора». Лишь феодальная реакция дала Ивану Грозному счесть подданных холопами и закрепостить. В рабовладельческих Афинах и в Риме большинство составляли не рабы, а свободные, и власть не была неограниченной. А коммунисты установили неограниченную власть.

2

Они уверяли, что свою «прогрессивную» диктатуру ввели временно, чтобы создать новый строй, при котором отомрет само государство и придет свобода. По ходу дела они наново закрепостили крестьян коллективизацией и сделали террор и страх нормами жизни. Безмерно тратясь на вооружение и армию, они на войне отступили до Волги и Кавказа, и не видали бы победы без технической и продовольственной помощи буржуазных союзников. Но и потом концы с концами не сводили. Образ несбыточной цели, правление и правители менялись, но диктатура под портретом Маркса продолжалась.

Его теория сложилась, когда выявились далеко не все свойства капитализма. Маркс изучал опыт ранней поры, а уже при его жизни капитализм менялся, ломая предположения. Обмануло и ожидание, что другие классы общества при капитализме сойдут на нет, и важно лишь противостояние буржуа и пролетариев. К этой иллюзии привела не так жизнь, как ложное понимание гегелевского единства и борьбы противоположностей. Маркс понимал значение их борьбы, но пренебрег значением единства.

А даже останься в обществе лишь капиталисты и рабочие, их борьба неотделима от единства в производстве, да и победа в ней сулит конец не только борьбы, но и единства, то есть, не просто смену руководства обществом, но коренное изменение характера производства. Справедливо считая, что без экономических критериев капитализм умрет, Маркс не объяснил, останется ли производство экономическим и без капитализма, и как сможет сохранить хоть прежний уровень.

Напрасно ждать и исчезновения прочих классов даже там, где рабочие станут большинством, и, тем более, там, где не станут. При жизни Маркса нигде, кроме немногих развитых стран, к этому не шло. И считая справедливым общее представление Маркса о воздействии хозяйственного развития на остальную жизнь, приходится видеть, что упущенные им проблемы отношений рабочих с капиталистами, да и с прочими классами, поворачивают и всю остальную жизнь иначе, чем он предположил. Ему ведь диктатура пролетариата виделась властью, свободно избранной населением, в котором большинство составляли рабочие. Но за полтора десятилетия после появления его идей нигде такая диктатура не появилась.

Уже эти, не касаясь других, упущения Маркса, велят понять, что трагедию российской революции вызвал не просто отход Ленина от Маркса. Ленин не мог механически приладить схему Маркса к России. У нас пролетариат был меньшинством, и для диктатуры пролетариата просто не было места. Вот Ленин и выработал новый марксизм, не так по утопии Маркса, как по утопии русского народничества, из которого, отвергая его детали, взял суть. Определяло ее то, что хоть в 1861 году Россия отвергла феодальную реакцию крепостничества, она не провела насущных реформ, и самый многочисленный класс общества, крестьянство, был дезориентирован. От помещика крестьянин ушел, но и стать самостоятельным не мог, -- сверх всего его связывала крестьянская община, а народники, его доброжелатели, объявляли ее социалистической. Бил час буржуазных реформ, но их не хотели ни цари, ни преемники народников, эс-эры, террором выбивавшие у царей перемены, отнюдь не буржуазные. А буржуазия, которую крестьяне могли

бы, как во Франции, поддержать, была несамостоятельна и пассивна. Тут Ленин и увидел в крестьянах союзников.

По Марксу революция - взрыв общественного устройства, препятствующего экономическому развитию. Он здраво счел такими взрывами буржуазные революции, и ждал, что пролетарская, взорвав капитализм, допустит лучший строй. А в России был тогда скорей феодализм, чем капитализм, и до пролетарской революции по Марксу было далеко. Но Ленин к вере в революцию добавил учение о партии, вывел его из опыта народников-террористов. И дополненный марксизм из теории развития, пусть утопической, стал политтехнологией.

Стихия товарного производства, стихия рынка, стихия рабочей силы, стихия единства и борьбы классов, выявляя свои свойства, проясняют политические стихии и, в частности, стихию революции. А Россия только еще сдвигалась от крепостного внеэкономического состояния к экономической стихии. Ленин хотел наперед упорядочить, пусть не сразу хозяйство, но хоть рабочее движение, чтобы сопротивление гнету обернулось целенаправленной борьбой за уничтожение капитализма. В конце XIX века он критиковал «экономизм», в начале XX написал «Что делать?», книгу, уверявшую, что сильная политическая партия, взяв власть, может установить общественный строй, предсказанный Марксом, даже при не слишком развитом производстве, и диктатуру пролетариата, даже совсем немногочисленного.

Приняв прорицания Маркса за инструкции, Ленин, хоть и пренебрег оговоренными Марксом условиями, как гений политтехнологии, блестяще захватил власть. Он понял, что на это есть шансы лишь пока Правительство сковано страхом перед выборами в Учредительное собрание, а послезавтра будет поздно. Взяв власть, партия Ленина на старые вопросы страны, аграрный и национальный, ответила немедленно, провозгласив Декрет о земле и Декларацию прав народов России. И провела выборы в Учредительное собрание, сам процесс которых ей дал два с лишним месяца для относительно мирного захвата власти на местах. Казалось, продолжается начатая еще в Феврале революция.

Но в январе 1918 началась другая, Началась борьба партии большевиков за неограниченную власть. Никакой другой надежды установить «диктатуру пролетариата» у Ленина не было. И первым его шагом, естественно, стал разгон Учредительного собрания. И целью дальнейшей деятельности партии - удушение всех и всяческих автономных сил и действий. Это и расправа с левыми эсерами, которых большевикам удалось сделать союзниками в захвате власти, но потом надо было от нее отстранить, это и продрозверстка, впервые определившая отношений власти к крестьянскому большинству, впоследствии погубленной коллективизацией.

Иным казалось, что утверждение большевиками своей неограниченной власти – это временная тактика утверждения революции и ее целей, они сами так говорили. И хоть забыли обещания, и установленный режим ни утопию Маркса, ни даже дореволюционные речи Ленина, не напоминал, многие сочли, что просто в свершении светлого замысла вышла ошибка, -- то в ней винят утопизм Маркса, то волюнтаризм Ленина, то тяжелый нрав Сталина. Но ход истории - не ошибка. Не зря ошибку признают, а преодолеть не могут.

Неограниченность власти в России не осадить призывами к справедливости и добру, к честным выборам, к ликвидации коррупции, и другим нуждам общества, неосуществимым под неограниченной властью. Без смены режима не дождаться изменений и от смены государственных деятелей. А поныне верят, что неограниченность власти позволяет совершить нужные развитию перемены, и лишь корысть и другие личные пороки людей власти, мешают это сделать. Но в октябре 1917 года власть в России взяли не шкурники. Значительная часть партии Ленина, да и он сам, искренне хотели улучшить жизнь миллионов. Но уже борьба за неограниченность власти, увела от здравых целей и навела иной порядок.

Большевики не видели нужды утверждать свои новации в избранных населением и выражающих его реальное согласие органах власти. И потом проводили выборы из одного, и ныне не допускает к выборам своих критиков и фальсифицируют итоги. Из того, что диктатура длится почти век не следует, что она перестала быть насильственно захваченной властью. Ленинская партия открыто диктовала свою волю слаженным ею марионеточным органам государства. Возникло двойное управление, в котором нелегальная власть партии стала выше легальной власти государства, тандем, двойное управление, маскировавшее диктатуру, стал нормой ленинизма и советского режима. Партия делала, что хотела, не отвечая перед населением и покорным ей государством. Нарушение закона ее деятелями подлежало разбирательству лишь при санкции партийного руководства соответствующего уровня. Партия осуждала своих лидеров, которых ставила править государством, но за партией никогда не признавали ошибок. Хрущев заявил, что органы НКВД поставили себя над партией, но они могли расправиться с коммунистом самого высокого уровня только потому, что их опекал главный коммунист – Сталин. И никого их крупных не убили, если он не хотел.

В самокритике советского режима призванной скрыть за отдельными недостатками отдельных лиц порочную систему, на двойное правление как бы закрывали глаза. А именно оно воплотило безответственность власти. Царь отвечал перед богом, как его помазанник, а царские порученцы только перед царем. По этому примеру нынешняя Конституция России, наделила президента страны безмерной властью. Но его министры, начиная с премьера, тоже ни перед кем, кроме него, фактически не отвечают. И не было тайной, кто в официальном тандеме отвечает перед кем.

Особо гипертрофирована исполнительная власть, в теории ограниченная законом и судом, а на деле стоящая у нас выше других, и диктующая им, по своему усмотрению чиня произвол или милость. Варианты тоталитарных форм администрации схожи с самодержавными и противоположны демократичным, опирающимся не на силу, а на компромисс влияний разных частей общества, тогда как тоталитарная сила сохраняет власть за одной, не считаясь с интересами большинства. «Общественный договор» и представительная система, - это одно, а тоталитарный строй и самодержавие, - совсем другое. И никакие маскировочные парламенты, думы, советы, заполненные статистами, пропасти меж разными порядками не прикрывают. История показывает,

влияние какого из этих вариантов больше благоприятствует успехам народов.

Административные устройства важнее и содержательнее манифестов движений, их славивших. Лозунги часто бывают декоративными, а административные структуры внедряют свое содержание в ход вещей и в умы. Волонтаристская утопия с самодержавной структурой, - идеал советского сознания. Подверстаясь под него реальная жизнь остается неосознанной. Но структура все же велит задуматься.

Тоталитаризм волонтаристской утопии, облачен в псевдо-логическую идеологию. Идеология марксизма-ленинизма слыла как бы залогом знания начальством целей истории и, вообще, его всеведения и мудрости. Для идеологии нет различия меж действиями начальства, осмысленны они или иррациональны, и это позволяет ему самоуправствовать. Жизнь нередко демонстрирует абсурд идеологии, светской не меньше чем религиозной, и идеология выглядит вздором. Тем важнее видеть идейную значимость структур.

При распаде СССР возникало впечатление, будто идейные различия с Западом уходят. Впрочем, Запад и раньше видел лишь угрозу советской военной машины, а внутреннюю ситуацию понимал по советским данным как борьбу благого коммунизма с адским капитализмом. Он мог оценивать ее иначе, но в различия партийной идеологии и советской реальности не вглядывался. А обе были подвижны. Еще задолго до войны вскрылась нежизнеспособность советского хозяйства, его неспособность создать изобилие для всех, обещанное партией Ленина. Создали зато изобилие для правящей номенклатуры, построили коммунизм правящему классу, но ценой тяжких последствий для большинства, голода начала тридцатых и поражений в первые два года войны, А кризис семидесятых-восьмидесятых годов обнажил, что коммунизм трудно обеспечить и для немногих.

Горбачев попытался перестроить административную систему, умерить прямое вмешательство партии в текущую жизнь и поднять роль государства, дозволив ему известный компромисс с реальностью и населением. Он ввел гласность и отменил выборы из одного. Но этого было недостаточно, а на реальные перемены ему не хватило то ли сил, то ли желаний, и его выбросили. Взятый власть Ельцин и назначенный им Путин продолжили ориентацию на государственные формы, да новую реальную партию им и не удалось создать, а коммунисты поддерживали их по-преимуществу в роли оппозиции, голосовавшей за их бюджеты. Стоя, казалось бы дальше, чем Генеральный Секретарь ЦК КПСС Горбачев, от советского устройства, они открыто создали самодержавное государство. Уже Конституция 1993 года дала безразмерные права Президенту, и опираясь на них Путин упразднил прямые выборы в Совет Федерации, а думские сделали чисто партийными, хоть партии искусственные, да еще отменил губернаторские выборы.

В России по-прежнему классовое общество, и классов и сословий, как всюду в мире, все больше. Не всегда ясно, кто кого эксплуатирует, чего хочет большинство, кто его составляет. По-прежнему отвергая господство меньшинства над большинством, ныне приходится отвергать и господство большинства над меньшинством. Без уважения права множества меньшинств отличаться от большинства, быть эффективнее его, побуждая этим и большинство к развитию, общество ныне не может развиваться.

Опыт показывает, что путь страны пагубно определять личным выбором самодержца, даже имеющего наилучших советников. Это дело всех людей страны, и тут важно не так их равенство при обращении в рабство, как их равноправие, позволяющее каждому проявить свои способности. Когда развитие знаний шло еще не столь стремительно, отставание в развитии еще не было роковым. Наша страна, с XVI века до середины XIX испытывавшая феодальную реакцию, в XIX и начале XX активно преодолевала отставание, хоть успела лишь начать. Ныне, выпав из общего развития, упущенное трудно наверстать.

Но реальные шаги к самостоятельному развитию страны не по силам и новой номенклатуре, она – сословие менеджеров, а не созидателей, и для нее развитие -- это копирование, заимствование, Сколково. А самостоятельному развитию нужно изменение общественного порядка, рассредоточение власти и свобода, без которой немислимо интеллектуальное движение, а без него и просвещение, и наука, и техника, и производство, обречены быть вторичными, догоняющими.

4

Рассредоточение власти в России затруднено уже тем, что у нас нет традиции ее разделения, есть, напротив, традиция централизации власти, сосредоточения в одних руках, построения по вертикали, еще ожесточавшаяся в советские и пост-советские времена. А традиционное разделение властей, – лишь первый шаг их рассредоточения. Власть надлежит рассредоточить не только по родам, но и по уровням, - низовому, областному и высшему. Иначе -- не разнообразие, а единообразие, не победа в состязании, а указание, кого счесть победителем. Разным сферам жизни и хозяйства необходимо территориальное самоуправление на разных уровнях. Оно вполне совместимо с центральной законодательной и высшей судебной властями. Власти среднего уровня, областные, республиканские, полномочные в сферах своей самостоятельности, конечно, обязаны соблюдать общие законы, принятые законодательной властью. Но должны измениться отношения федеральной исполнительной власти с областной, для которой законная воля своих избирателей выше указаний центрального правительства, не всегда, к тому же, законных. Подобными должны быть и отношения меж властью среднего уровня и низовой, в самокупаемых сферах которой, при соблюдении законов, за низовой должно быть последнее слово.

Поскольку специфику конкретных проблем каждой области не предусмотреть в общих законах, нужны областные законы, не перечисляющие федеральным, принимаемые областной законодательной властью, и обязательные лишь на территории принявшей их области. Налоги, уплачиваемые гражданами, тоже надлежит наперед разделить на общий и местные, да и не везде со всех можно требовать общий налог.

Выборы во все представительные органы, включая обе палаты, Государственную Думу и Совет Федерации, должны быть прямыми, равными, тайными и персональными. Члены партий, пользующиеся их поддержкой, должны избираться персонально и нести личную ответственность за свою деятельность. При обезличенных ныне выборах, участие во власти определяют не избиратели, а воля

партий и других политических сил, и депутат отвечает перед ними, а не перед избирателями, и законодательные органы безответственны. Персональное избрание депутатов, включая беспартийных, ныне к выборам, вообще, не допущенных, по индивидуальным округам укрепит законность. А то ведь законы не отличаются от приказом должностного лица, даже участковых милиционеров.

От нарушения законных норм другими гражданами и государственными органами или от ошибок суда, защищает судебная власть, потому и единственная, где вертикаль обоснована возникновением нужды в пересмотре приговора. Кассации и другие жалобы на отказ нижестоящего суда в правосудии естественно обсуждать в более высоких судах. А вмешательство исполнительной власти в дела судебной, сверх участия прокуратуры и следствия в судебном процессе, должно быть наказуемо независимо от последствий.

Неограниченности более всего хочет исполнительная власть. Ее высшую ступень потому и надо свести к немногим, для всей старны жизненным сферам. Это финансы, внешние сношения, оборона, здравоохранение и просвещение. Снизу доверху государство должно быть отделено от хозяйства, как и от церкви, от массовой информации, от художественного и научного творчества, Конечно, музеям нужна помощь государства, а ремонт старинных храмов, если у церкви нет денег, надо вести за казенный счет, и науке нужны субсидии. И искусству. И библиотекам. Но все это не причины, чтобы исполнительная власть руководила хозяйством, религией, наукой, искусством и образом мыслей.

Областной власти надлежит быть не порученцем центра, а властью. Государственная деятельность должна быть разделена меж исполнительными властями разных уровней. Высшая ведает одним, областная другим, местная третьим. Но хозяйство, культура, религия и другие сферы жизни не подведомственны ни той, ни другой, ни третьей. Государство не вправе в них вмешиваться и указывать. Важнейший момент рассредоточения государственной власти -- отношения всех трех ее ветвей на всех ее уровнях с негосударственными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами. Даже от политических организаций, если они соблюдают законы, государство не вправе требовать большего, чем уведомление о себе, о своем местонахождении и возможных формах контакта. Он обязателен лишь если нарушен закон.

Россия, - не собственность государства и правительства, и они обязаны охранять не только права человека и гражданина, по статье 2 Конституции, но и права законно действующих организаций, предприятий и учреждений, созданных гражданами. А их права нарушаются еще грубей. Уже то, что от стоящего у власти правительства зависит разрешение на существование партий, выступающих против него, прямо противоречит 30 статье Конституции. Уже то, что православие, ислам, иудаизм и буддизм, как «традиционные» религии, имеют права, которых лишены «нетрадиционные», в том числе христианские, исповедания, - и католическое, и протестантские, не только православной церковью, но и органами власти, высокомерно именуемые сектами, прямо противоречит статье 14 о равенстве религий перед законом.

Не будем уже здесь входить в абсурд административного деления, лишившего подавляющее большинство субъектов федерации

возможности себя прокормить, - так они были нарезаны Сталиным для удобства управления сверху. С той же целью создавая национальные республики, в них включали русские деревни, а национальные - в русские области. Особый сюжет - отсутствие в Российской Федерации единой Русской Федерации из регионов обитания русских – от Смоленска до Владивостока, от Астрахани до Архангельска. Существой в большой Федерации национальное русское государство, из способных себя прокормить земель, многие проблемы, не одни национальные, были бы не столь напряжены.

Источник бедствий России - не преодоленная реформами Александра II и возрожденная Лениным, неограниченность власти. Декларации о борьбе с преступностью, порождаемой этой системой, лишь покрывают преступность. Коррупцию бранят на самом верху, но молчат, что при неограниченной власти, кормящей ею правящий класс, она неизбежна - то в виде привилегий или конвертов с деньгами, как при Сталине, то в виде откатов, как сегодня. На неограниченность власти правители претендуют не бескорыстно.

Можно не соглашаться с тем, что России, в силу ее многообразия, лучше быть парламентским государством, чем президентским. Но если уж президентским, то либо ему, и надлежит возглавлять правительство, как в США, либо его должен возглавить лидер выигравшей парламентские выборы партии, как во Франции. Мы отвергли оба варианта, наш глава правительства – безответственный чиновник, а президент обладает властью, сравнимой лишь с Политбюро ЦК КПСС или монарха, отвечающего лишь перед богом. Само его положение, не предполагающее ответственности, - символ неограниченной власти. Будь это Путин, Рогозин, Зюганов, Чубайс, Касьянов, Удальцов, Лимонов, сиди он в должности сам или сажай зиц-председателя, разница не будет велика. Безответственность должности сотрет личные различия.

Власть подконтрольна, пока рассредоточена, пока одна ветвь публично проверяет другую. Пока президенту не снять губернатора, которого хотят избиратели, а губернатору не разогнать сельскую управу. Пока нельзя пустить газ в помещение, где кроме пятидесяти террористов сто пятьдесят случайных зрителей. А когда можно, когда одна ветвь власти удушает другую, торжествуют марионетки, а люди выпадают, но жизнь идет лишь пока живы люди. Россия полна великими покойниками. Они есть везде. Но процентом насильственных смертей среди них мы впереди планеты всей. Не всех приказал убить лично царь или генсек, но неограниченность власти снимает ограничения. Это и убивает Россию. И на это единственный ответ,- старый призыв: «Долой самодержавие!»

Слева направо! 9.7.12

1

Вместо зависимого работника капитализм нанял свободного рабочего. Это была социальная революция. Потом завел массовое машинное производство. Это была промышленная революция. Противоречия предпринимателя и наемного рабочего породили

рабочее движение. В 1848 году «Коммунистический манифест», позвал к новой перемене,- смести капитализм и строить коммунизм. А желавших перемен как прежде звали левыми, хоть совпадал лишь экономический дух, даром что у предпринимателя - один, у рабочего - другой.

Бернштейн еще при жизни Маркса сказал: «Движение - все, конечная цель – ничто». Маркс и Энгельс, ждавшие крушения капитализма и торжества утопии, пренебречь конечной целью не могли. И социальная борьба начала расходиться с социалистическим (коммунистическим) идеалом. Однако, и левые, строители капитализма, и левые, защитники рабочих, и левые, планировщики коммунизма, еще мечтали о свободе, правах личности и честном суде. По этому их и опознавали.

Между тем, техническая мысль продвигала производство, и роль рабочих, возраставшая в середине XIX века, к середине XX сокращалась. Рост производительности труда за счет машин, вместо усилий рабочих, позволил современному капитализму полностью (а то и с лихвой) оплачивать рабочую силу - не одним ростом зарплаты и укоротом рабочего дня, но системой социальных гарантий, пособий по безработице, помощи бедным, и введением в XX веке, не везде даровых, но субсидируемых, медицины и образования. Рабочий класс осознавал себя равноправным участником капиталистического общества, партнером буржуазии, а ее – своим партнером

Если в развитых странах еще есть работники, по праву сетующие, что у них удержали созданную ими прибавочную ценность, то это творцы машин, ученые и изобретатели. А по Марксу ценности создает лишь физический труд, - он не признавал вклада умственного. Не признавал и ценности сырья, лишь стоимости его добычи. А в Европе и Америке борьба рабочих с капиталистами давно идет за то, кому из них больше достанется от прибавочной ценности, созданной умственным трудом изобретателя, не вполне оплаченным.

2

В левое движение буржуазной Европы вступали рабочие феодальных стран, допускавших капитализм. Рабочим движениям таких стран, - Россия после 1861 среди них выделялась, - слова Бернштейна были ни к чему. Их обременял не так еще капитализм, как феодальная власть, а где и колониальная зависимость. Их прямой целью было избавление от этого внеэкономического давления. Но рабочих там было немного, а у крестьян - свои конечные цели.

Совместив в едином государстве метрополию и колонии, Россия к концу XIX века была и развитой страной Менделеева и Лобачевского, да еще и Толстого, и Чайковского, и разом отсталой, - не все бывшие крепостные уже вымерли, а колонии с их населением, удерживались силой. Александр II преодолел вековую феодальную реакцию. Но русская буржуазия, проснувшись от реформ, была иной, чем французская при Людовике XVI. Она робела. А крестьяне, не получившие земли и скованные общиной, мешавшей самостоятельности и дифференциации, были реформами недовольны. Их влекло мелкобуржуазное существование вне общины, но власти не спешили ему способствовать.

Видя растерянность крестьян, народники их убеждали отказаться не от одних феодальных, но и от буржуазных порядков, и ввести социализм. Но не сменяющий по Марксу высоко развитый капитализм, а возвращенный из архаичной сельской общины, служившей помещичьим интересам. Народники звали народ свергать ради этого власть, а народ не отзывался, и они стали сами бороться за благо крестьянства без крестьян, без их участия и сочувствия.

Они создавали тайные группы для прямых действий. Самая известная, благодаря «Бесам» Достоевского, «Народная расправа» Нечаева, убившая товарища, заподозренного в предательстве, но сверх того не много успевшая. Самая серьезная - «Народная воля», убившая Александра II. А последовательней других план борьбы за народ без его участия дал Ткачев. Он звал к централизации движения, к захвату власти, а после победы - к сохранению государства, поскольку социализм, на его взгляд, может наладить лишь сознательное меньшинство, а не народ. Многие народники чурались этой логики. Движимые благородством, они ждали его от других, верили, что прямая, атака на власть вынудит ее повернуться к добродетели.

В России, самой развитой среди отсталых и самой отсталой среди развитых стран, народничество возникло раньше всех. При начальном капитализме отсталых и колониальных стран рождаются такие движения. В России парадоксальна их параллельность бурному развитию иных сфер. В России поражает не особость, а всеобщность, совмещенность несовмещаемого. Ее многообразие обогатило ее искусство, но ее социальный мир расколот. Нигде власть так сильно не жаждет единства, нигде не навязывает его так беспощадно. Неправда, что Россия обречена на рабскую покорность. Она бунтует круче других. Но ей чужды социальные компромиссы.

Не шли на компромиссы и левые российские движения. Противники пересидевшего феодализма не ладили с борцами против новорожденного капитализма. Рабочие партии не ладили с крестьянскими, - ни с эс-эрами (социалистами-революционерами, преемниками народников), ни с народными социалистами. Социал-демократическая рабочая партия тоже, едва возникнув, раскололась. Разошлись во мнениях, достаточно ли члену партии сочувствовать ее делу или надо лично в нем участвовать. Большевики, во главе с Лениным, требовали участия. Но не просто посещения собраний и выполнения поручений. Ленин создал «партию нового типа», подобную желанной Ткачеву. Ей надлежало не только выражать интересы рабочих и внушать им идеи социализма и коммунизма, рабочему сознанию не присущие. Партия своей деятельностью по Ленину отчасти даже подменяла рабочий класс, как народники крестьянство, но прямо это не говорили.

По Ленину империализм - высшая стадия капитализма, то есть, последняя. Но буржуазные империи возникли на заре капитализма. Америку с XVII века колонизировали не одни испанские короли, но выходцы из разных стран, создававшие там хозяйства фермерского типа. Было так и в других краях. Ранний капитализм полон империализма. Утверждаясь, как система рыночных отношений, капитализм до середины XX века не умерял силовые феодальные методы. Но к его началу соперничество в борьбе за колонии, обострилось, конфликты труда и капитала углубились, тяга колониальных стран к свободе росла.

Экономическая система, не вполне себя еще сознавая, оказалась в кризисе, и он вызвал мировую войну. Как на заре капитализма, злато схватилось за булат.

3

Призыв левых сил «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не сработал. Но левые, вчерашние товарищи, непримиримыми противниками еще не стали, пока в России не прошли подряд две революции, Февральская и Октябрьская, которую как раз и совершили большевики. Взяв власть, они издали Декрет о земле и Декларацию прав народов России, и в срок провели выборы в Учредительное собрание, - единственные за всю историю страны свободные выборы. Но через два с лишним месяца депутаты собрались, а большевики их разогнали, и уже никогда в России впрямь свободных выборов не было. Объясняли, что капитализм свергнут и установлена диктатура пролетариата. Но в России рабочий класс был немногочислен, и отнюдь не большинство рабочих шло за большевиками, валившими Временное правительство, как капиталистическое. На деле была установлена диктатура партии большевиков. Но не этим одним она отошла от утопии Маркса.«Пролетарская» революция прошла в одной, отдельно взятой стране, не очень развитой, а Маркс звал к революции во всех развитых разом. Октябрь прошел не по Марксу, а по Ленину. А Ленин - практик, человек дела, и результаты вышли иные, чем сулила утопия.

И Маркс, и Ленин хотели уничтожить частную собственность, и в России ее у всех отобрали, но Маркс думал, что отнятыми у владельцев заводами станут управлять их рабочие, а Ленин в Разливе решил поручить хозяйство новому государству, и летом 1917 года изложил свой план в книге «Государство и революция». Но не пояснил, с чего государство, владеющее всем достоянием страны, станет отмирать, как учил Маркс.

Еще до Октября Ленин на неопределенный срок отложил отмирание, что преобразило сознание большевиков. Получив в свое распоряжение все достояние страны, партия, захватившая государство, впрямь стала классом, но не рабочим, а вечно правящим, не левым, спорящим с государством, а правым, насаждающим его власть, как свою. Открытие в шалаше у Разлива, вроде прагматическое, преобразило понятие о коммунизме. Прежде он казался свободой от собственности, - и от отдельного частника, и от общего орудия частников, государства. А вышло, что при социализме, и, как в 1939 предрек Сталин, при коммунизме, трудящимся, скинувшем частных собственников, противостало общее орудие партийцев, захваченное ими государство.

Прежде было много работодателей, и они меж собой конкурировали. Государство партийцев - монопольный работодатель. Преимущества прежнего перед рабочим ограничивались законом и судом, а новый, государство, стал указчиком законам и суфлером судам. Прежний, конфликтуя с рабочими, просил у государства помощь, порой вооруженную, но оно не все просьбы удовлетворяло. А

став монополистом, само стреляет в людей без ограничений. Но идеология такого государства-чудища поныне слывет коммунистической.

Книга «Государство и революция» была лишь рукописью, текстом. Описанное там государство еще не возникло. Но когда автор его создал, левое сознание претерпело и другое преобразование, еще как бы формальное, но мешавшее улавливать текучее обновление его содержания. Идеология сменила язык: с литературного, текстового, перешла к предметному, событийному, являя себя непосредственно в социальных и политических структурах и действиях, все менее адекватных их словесному отображению.

Левые движения почти все идеологичны. Можно принимать или не принимать идеологию Маркса или народников, но обе адекватно изложены словами. Согласны вы с Лениным или нет, - в чем состояла до революции его идеология, понятно. Но позднейшие тексты, подобно религиозным, понятны лишь в сопоставлении с делами, тогда совершенными. Идеология, названная «марксизм-ленинизм», непрерывно перечила сама себе, не даваясь адекватному пониманию. Если не сверять тексты с воплотившими их структурами и предпринятыми действиями, не скажешь, какой идеологии коммунистическая партия и советское государство держались с 1917 до 1991, и как идеология менялась. Сами тексты идеологию утаивают.

Идеологизация повседневности свершилась, конечно, не вдруг. Победив, большевики перешли к практике, а идеологию прилаживали к ней. Хозяйственную жизнь не сразу обновили целиком. Лишь с ликвидацией НЭПа Сталин завершил замысел Ленина, создал единое государственное хозяйство. При этом в «марксизм-ленинизм» вносили новые формулы, все менее объяснявшие социальный смысл происходившего. Расстрелы коммунистов, бравших власть в Октябре, выдавали перерождение правящей партии, но их изображали итогом ловли японских шпионов и борьбы с вредителями, не выясняя смысл политического разлада. Идеология стала пропагандой, а представления номенклатуры о государстве, о его классах и правах людей, стали ее тайной, и ход ее мысли, постигали не из того, что говорилось, а из того, что делалось.

Большевики упразднили свободу, как общее понятие. У крестьян отняли землю и волю, обязав на отнятой земле работать, закрепостили. У рабочих отняли право на забастовки, пособия по безработице. У лиц умственного труда отняли право на оригинальные суждения и доступ к научной литературе, к опыту зарубежных коллег. Искусство и литература шли к людям сквозь сугубо государственные каналы. Хозяйство стало внеэкономическим, как феодальное. Страну изолировали от мира, - ни временный, ни постоянный, выезд не был дозволен. Погубили - от 17 (по Хрущеву) до 60 (по Солженицыну) миллионов человек. К надежде Маркса на отмирание государства на деле не только не приблизились, но гипертрофировали государство. Ничему не давали быть вне государства, лишь внутри него, под его неусыпным оком. Новый тип государства, всеобъемлющего и всевластного, позднее был назван тоталитарным. Не много сыщется и правых режимов, где люди были столь бесправны, как в СССР. Но не только сама коммунистическая партия считала и считает себя левой, ее считают левой другие партии, и левые, и правые. Содержание изменили, а название сберегли.

4

Левое движение родилось прокапиталистическим, стало антикапиталистическим, частично марксистским, потом часть марксистского – ленинским, тоталитарным. На первой волне левизны капитализм возобладали не только в Европе и США, но во многих странах мира, часто утверждаясь в революциях. Но победив, не уничтожил оппонентов. Феодальные владения обретали буржуазные формы. В Британии капитализм означил компромисс победителей и побежденных и их состязание мирным путем. Капитализм одолел, а королева еще на троне.

Еще наглядней победа рабочего класса на второй волне левизны, не уничтожившая оппонентов, а тоже приведшая к компромиссу. Европа и США кодифицировали права рабочих. Противостояние предпринимателям не исчезло, но рабочие ныне борются не так за полную компенсацию рабочей силы, как за увеличения доли прибыли, им перепадающей. Poleмика о ее размерах - форма сотрудничества. Смысл борьбы противоположностей в их единстве и взаимодействии. Воображая, что рабочие, уничтожив свою противоположность, вступят в непротиворечивый мир, Маркс, забыв диалектику, упустил, что это место займет большевистская номенклатура.

Номенклатура, не буржуазия, не рабочий класс, и вознеслась на третьей, ленинской волне левизны, и как класс, в отличие от буржуазии и рабочих, сугубо паразитический, она отвергла демократию и компромиссы с реальной жизнью, тяготящейся ее властью, и изначально тянулась к тоталитаризму. К нему Россию вели феодальное наследие, неразвитость буржуазных форм хозяйства, слабые навыки экономических решений и обычай внеэкономического принуждения. После России на тоталитарный путь ступила Италия, ведомая социалистами, как Россия левыми социал-демократами. Они назвали свою партию фашистской (то есть, партией единения) и огласили первый принцип тоталитаризма – единство, унитарность. В многонациональной России, признавшей за право наций на самоопределение, его провозгласить было трудней, чем в Италии, помнившей борьбу за объединение. Но ленинская резолюция X съезда РКП/б/ о единстве партии закрепила его и у нас, сделав законом не только партии, но всей страны.

Лидер итальянских фашистов Муссолини сформулировал и другой принцип тоталитаризма: «Все в государстве, ничего вне государства». Русские большевики, оттягивая исполнение пророчества Маркса об отмирании государства, отменить их официально не рисковали. Но дали права государства своей партии. Конституция СССР говорила: «Руководящей и направляющей силой советского общества ... является Коммунистическая партия» - никакого выбора (и настоящих выборов) основной закон и не предполагал. Потому и принцип коммунистической партийности стал в государстве главным.

Был тут и дополнительный смысл. Государство - общий орган населения, партия - голос его части. Дело государства гармонизировать разные части населения, чему и служит взаимодействие партий в парламенте. У нас рядом со словом «государство», и даже над ним, стояло слово «партия», что при однопартийной системе, значило,

что одна часть населения выше прочих и вправе решать их судьбы, как хочет.

Поздней к тоталитаризму перешла Германия, вроде сознававшая преимущества экономического развития и в нем преуспевшая, но не оправившаяся от поражения в Первой мировой войне. Нищету при мировом экономическом кризисе 1929 года там объясняли поражением и тяготели к силовым решениям. На последних свободных выборах в 1933 году национал-социалистическая рабочая партия Гитлера получила 37% голосов, а коммунистическая партия Тельмана – 30%, то есть, 67%, квалифицированное большинство немецкого народа, поддержало, хоть разные, но тоталитарные партии. Нацисты прибавили тоталитаризму еще один принцип – шовинизм. Марксистская утопия, нацеленная на мировую революцию, интернационалистична. Но большевики перешли к шовинизму, хоть и не сразу. Итальянские фашисты тоже не сразу, - сперва, как большевики, брали в партию даже евреев.

Сигнал к неравенству наций дала сталинская Конституция. При создании СССР в 1922 году провозгласили равноправие союзных республик, и номинально высший орган власти, Президиум ЦИК, не имел единого председателя. Его роль по очереди исполняли Председатели ЦИКов республик. Конституция 1936 года дала Президиуму Верховного Совета единого Председателя, сделав республиканских его замами. Это подчеркнуло растущую зависимость от Москвы. С конца войны, когда целые народы выселяли с мест исторического обитания, упраздняя их республики, и дискриминировали другие, национальное неравенство в СССР стало явным. Стремление любого народа удержать национальный язык и культуру и быть самостоятельным, пусть внутри Союза, пресекалось. Не поощрялась даже самостоятельность русских, главной опоры. Пели: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь», но не дали Руси даже номинального национального представительства, данного формально другим, создали не Русскую союзную республику, а Российскую федеративную, и русская власть СССР все больше поощряя русский национализм, как опору империи, о благосостоянии не номенклатурных русских пеклась не больше, чем о благосостоянии остальных.

5

Коммунисты России, фашисты Италии, нацисты Германии, считали свой строй социализмом, хоть и разным, и по-разному его толковали. Но фашизм и нацизм изначально числились правыми, да еще они проиграли войну, и с ней власть. А коммунизм, на деле отвергший традиции левого движения не менее чудовищными преступлениями, с режимом, заменившем свободу партийной диктатурой, слывет левым. Левою слывет власть, державшая десятки миллионов в ГУЛАГе. А прежде каторга была признаком правого режима.

И буржуазная, и рабочая левизна тянулись к свободе. Не абстрактно, а повседневно, они противостояли ужимавшему ее государству. Любой левый заведомо слыл оппозиционером. Когда социалист Мильеран стал министром, чтобы провести реформы, или в Англии в 1924 лейборист Макдональд создал правительство, их винули в предательстве. А коммунисты изначально ориентировались на захват государственной

власти. Конечно, за этой ориентацией - марксистская «диктатура пролетариата». Но Маркс, понимая чуждость такой перспективы левым понятиям о свободе, усердно оговаривал, что это диктатура большинства, состоящего из пролетариата, и лишь переход к иной жизни, где государство отомрет.

Полемику о соотношении средств и целей вели уже народники. Для Ткачева средства не имели окраски, он считал, что средства царизма аморальны тем, что пущены против угнетенных, а примененные против угнетателей, сразу станут нравственными. А Маркс говорил: «Не может быть справедливой целью, для которой нужны несправедливые средства». Ленин, как последователь Ткачева, или Сталин, нужды стесняться в средствах не видели. А применяемые ими преобразовали не только цель, но и людей, ее добивавшихся. Сами того не замечая, левые стали правыми, общественники – государственниками, отлично знающими, что их государство не выражает волю населения, а захватило над ним власть. «Государственная левизна», объявила государство продолжением революции, из которой вышло. И «левое» революционное государство от правых отличала, разве что еще большая оголтелость.

В норме государство, органы которого избраны населением, – союзник общества и помощник граждан. Оно призвано их защищать не от одних внешних угроз, но и друг от друга. Любая страна полна разных тенденций, разных интересов, разных мнений, разных характеров, разных вкусов, и назначение государства в том, чтобы всем обеспечить возможность соревноваться, живя по-своему, лишь не мешая другим. Когда же одни используют государство как орудие против других, оно становится тоталитарным врагом своей страны, а она - жертвой правящего класса, который, опираясь на государство, берет внеэкономически гипертрофированные права и привилегии. К тому же священным классом нередко объявляют один, как у нас пролетариат, а привилегии преимущественно берет другой, как у нас номенклатура. И левые, захватив внеэкономические рычаги государства, становятся правыми, что и произошло с большевиками.

Известную роль в том, что за рубежом на внутреннюю жизнь СССР закрывали глаза, помимо победы в 1945, играла лексика марксизма, утратившая у российских коммунистов смысл, но служившая им левым нарядом. Но решающей, видимо, стала поддержка коммунистами освободительных движений в колониях западных держав. Советский Союз изначально поддерживал их, как и рабочее движение в буржуазных странах. Но рабочие профсоюзы и партии Европы и США больше привлекала борьба за права и гарантии, чем прикрывшая ее диктатура большевиков. А колониальные движения, особенно после Второй мировой, в результате своей борьбы и прихода к державам понимания трудностей силового удержания колоний, почти всюду добились независимости. Не все чужие колонии Советский Союз подчинил своему влиянию, но большинство их строило свои государства по примеру советской России, так или иначе перенимая ее тоталитарные приемы и в то же время, вращая в глобальное левое движение, все более тоталитарное. Порядки деколонизированных стран сняли с тоталитаризма маргинальность, он стал обыденным, стал альтернативой и былой внеэкономической жизни, и развитию капитализму. Атака на Нью-Йорк 11 сентября не просто начало религиозной войны, это атака тоталитаризма на современное развитие.

6

Капиталистическое производство, если не вполне наладило, то осознано свои отношения с физическим трудом и сырьем, как источниками ценности, которую умножает. Но третий источник ценности, научно-технические идеи, в этом качестве еще не осознан, и отношения капитализма с умственным трудом, в отличие от физического, не обрели внятных форм. Однократная оплата изобретения не компенсирует труд изобретателя и ученого уже потому, что предприниматель не понятия не имеет наперед о ценности их труда, проступающей в спросе и ответе производства. Недаром в Америке немалая часть профессуры, сознавая или подсознательно ощущая, пренебрежение к умственному труду, часто держится левых взглядов, даром, что и рабочие умственный труд не ценят.

Выплата автору определенного процента от цены каждого предмета, воплотившего его идею, должна стать нормой. При полной оплате умственного труда, стоит поощрять создание из доходов от высокооплачиваемой интеллектуальной собственности особых фондов поддержки образования, общего и специального, научно-технической деятельности, электронных и книжных библиотек и т.п. Но не менее важно понять, что само удержание «прибавочной ценности» от умственного труда предпринимателем, не только ущемляет ученых, но основательно перекашивает состояние финансов. Уже выплаты служащим банков сверх зарплаты миллионов бонусов побуждают задуматься, откуда эти миллионы взялись. А подарки ответственным клеркам - лишь малая часть присвоенной интеллектуальной ценности. Ее присвоенные триллионы позволяют присвоившим прикупать целые производства, становясь монополистами. А в любой сфере монополия дает своим владельцам внеэкономические возможности, и они широко их используют.

Ленин в 1915 году в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» прозорливо писавший о пагубной роли монополий в развитии хозяйства, в 1917 в книге «Государство и революция» предложил социалистическому хозяйству тотальную монопольную систему, его сгубившую, подтвердив теорию. Но к внеэкономическим решениям влечет не только жажда покончить со слабым капитализмом. Есть еще охотники до них и в странах его успешного развития. Демократическое государство может их осадить, но эту нужду часто упускает.

В нынешнем, все теснее сближающемся мире плоды благих, казалось бы, стремлений порой оказываются недобрыми. Общий рынок и Евросоюз облегчили развитие стран, его создавших и к нему примкнувших. Де Голль, один из его отцов, говорил, что создается Европа государств. Но потом часть Союза ввела общую для себя валюту, евро, а ныне Европу государств обращают в единое государство «Европа». За взаимной открытостью границ, расширяющей и рынок товаров, и обретение рабочей силы, Евросоюз все больше умножает диктанты по всем вопросам хозяйства, нуждаются они в согласовании или нет. Он понуждает одни страны компенсировать дурные плоды хозяйственной политики правительств других. А даже пребывая в Союзе, надо нести

ответственность за свои поступки. Премьер Шотландии хочет обрести независимость, но сохранить прежнюю валюту, то есть, получать поддержку от англичан, валлийцев и ирландцев, а независимость предполагает самостоятельность. Греция тоже отвечает за свои прежние решения, а помощи ждет. И если, не упорядочив свое хозяйство, Греция ее получит, значит Евросоюз перешел к внеэкономическому управлению. А отказа отвечать за себя, при щедрой помощи, хотят именно левые партии. Еще не придя к социализму, левые не только в России хотят внеэкономических отношений, ведущих вправо.

7

Распутать их потом не просто. Ни после смерти Сталина, ни после банкротства тоталитаризма к 1985 году, ни после 1991, Россия не занялась самоопределением. Номенклатура ее не выпустила, и сама перекрасила строй. Чтобы приладиться к реальности, дозволила «бизнес» малому числу «олигархов», ею созданных, и ей послушных. А непослушным - застенки. Лишь бы не было конкуренции в экономике и в политике. Тоталитаризм держится вертикальной диктатурой, утратившей даже видимость законности. Ни суды, ни партии, ни телевидение, ни радио, ни печать, не самостоятельны.

Население, прошедшее школу советского режима, терпит нынешний. Ориентиры у людей разные: главные обозначены, как право-либеральный, националистический и левый. Все они идентичны схожим, но вяло высказанным тенденциям власти.

«Левыми» считаются прежние коммунисты и новые большевики разного толка, на деле - правые реакционеры, отвергающие экономические отношения, свободу которых и власть урезает, и требующие внеэкономических привилегий для России перед другими странами и народами. В Думе они голосовали против власти, лишь когда это не наносило ей ущерба. Они хотят, в том или ином виде, возродить советский строй, чуть его подлечив, но сильно ожесточив. Национал-большевики не зря начали призывом «Сталин, Берия, Гулаг!»

Националисты, напротив, разнородны. Национал-демократы хотят создать национальное русское государство на землях, населенных русскими. Национал-патриоты - объявить таким государством всю нынешнюю Россию, и республики СССР и страны Варшавского блока, обратив советскую империю в русскую, с преимуществами русским. От «левых» национал-патриоты не очень отличимы, и, если не сами лидеры, то им сочувствующие - единая реакционная партия.

Национал-демократы могли бы вместе с левыми либералами составить прогрессивную. Но их понятия о советском прошлом порой упрощены до мнения, будто в СССР «русская нация не имела права на существование». Но ни одна нация не имела такого права, хотя лишь об одной Сталин сказал «евреи – не нация». Но ко всем относилось «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Формально признав украинцев или узбеков нациями, Кремль решал за них как им жить. Русских, как нацию, он формально не признал, но решал и за них, а специфика их положения была в том, что именно их, как самый большой народ, взяли за основу «советского» народа, и слова «русский» и «советский» часто использовали как синонимы, даже

официально. Русским, как нации, это помогало не больше, чем узбекам самостоятельность по форме, но русскость стала привилегией, многие хотели быть по паспорту русскими. Формально советскую, а в уме русскую, империю, многие еще чтут, что и служит национал-патриотам, и мешает национал-демократам, уйти от них и объяснить, что империя – ядро для народа, а ему нужна самостоятельность.

Правыми либералами именуют творцов нынешнего режима, ныне пеняющих на реставрационный позыв власти и отказ от их услуг. Но они не шли дальше псевдо-капитализма на государственном поводе, и не ввели свободную экономику. А лево-либерального, в старом смысле, ориентира в России нет. Во многом потому, что свой смысл утратило слово «левый», обретшее ленинский, тоталитарный. Но не только поэтому. Россия знала лишь краткие миги свободы, - до монгольского нашествия, потом от стояния на Угре до Ивана Грозного и крепостного права, потом от февраля 1917 до января 1918, вот, собственно, и все. Потом - советский режим, даже жестче царского, семьдесят четыре года числившийся «левым». Как тут смекнуть, что перемены, необходимые современному хозяйству, требуют сдвига влево, не в ленинском, а в старом смысле, к свободе. Большевики фактически ввели в стране феодализм, заботились лишь о военной технике. Сдвиг влево от советского режима - это отказ от империи. А сдвиг вправо, не предполагает свободы, чтобы не отказаться, не сдвинуться.

Колонии включены в самое тело России, как субъекты ее унитарного единства. При сдвиге влево желающие отделятся, а собственно Россия станет, подобно Германии, Русской федеративной республикой, но не из нынешних восьмидесяти субъектов, а из объединившихся в 15-18 автономных русских земель, себя кормящих, а не кормящихся подачками Москвы. Эта Русская федерация может составить с автономиями, ценящими связь с Россией, конфедеративное государство.

Какую сторону жизни ни возьми, ее предопределяет начальство, не терпящее человеческой самостоятельности, лишь исполнительность, что заведомо ограничивает развитие страны тем, что вмещается в черепные коробки немногих, а нередко и одного лидера, и обрекает страну на постоянные упущения и нужду догонять. Это несовместимо с жизнью на уровне развитых стран для всех жителей, а не только для правящего класса. А поможет лишь возрождение личной свободы. Либеральное движение началось освобождением от феодальной зависимости, и России надо сбросить подобную зависимость от своего всевластного государства.

«Всемогущее» тоталитарное государство создано у нас социалистическим, коммунистическим, большевистским движением Ленина. Его деятельность кажется изначально злокозненной, и тогда нет нужды понимать, что в XX веке происходило. Злодеи чинили зло, что же еще! Но трагедия в том, что исходные цели были благими, хоть и утопичными, и воодушевлялись волюнтаризмом. Ленин знал и сам не раз говорил, что социализм чужд сознанию рабочих. Сочувствуя рабочим, и помочь бы их борьбе за реальные интересы. Но он напирал на внедрение социализма в рабочее сознание. Уже этим его волюнтаризм вел к тоталитаризму, к принуждению людей делать то, что чуждо их сознанию. Ленин, возможно, искренне желал рабочим добра, но хотел вручать им добро насильственно. Он начал с левых взглядов в старом смысле, но,

будучи волонтеристом, совершил поворот слева направо.

8

Поворот от левого к «левому», а на деле правому, шел сперва незаметно. Ради казавшейся справедливой цели применяли несправедливые средства, и уже это преображало левое в правое. В октябре 1917 года захватили в Петербурге власть и провозгласили ряд освободительных декретов, нашедших поддержку и сочувствие. Но экономический волонтеризм и проект единого государственного хозяйства перечеркнули первоначальные благие декларации.

Большевики, отменяя после революции плату за проезд в трамвае, не утруждались раздумьями о том, кто оплатит электричество и работу вагоновожатого. В их хозяйстве и до 1991 года нельзя было ничего толком сосчитать. Разные соображения определяли цены, а с ними расходы. Цена на хлеб была сильно занижена, поэтому, хоть уровень жизни, после голода тридцатых, оставался низким, нового голода все же не было, а в шестидесятые хлебом кормили даже личный скот. При этом покупали хлеб за границей, хотя до революции Россия в изобилии продавала его в Европу.

Социализм был внеэкономическим хозяйствованием, и ничем иным, при монополии государства на хозяйственную деятельность, быть не мог. Это куда больше, чем дурные характеры или невежество управителей, делало социализм правым режимом. Когда при введении НЭПа появились отдельные от государства собственники и понадобились реальные деньги, а не расчетные бумажки, Сокольников, позднее погубленный, создал крепкие советские червонцы. Возможности иного развития у России были не только до революции, но и до коллективизации.

Катастрофа Советского Союза - это экономическая катастрофа социализма. В ней виноват не Горбачев, которого винят, но и Брежнев, Андропов, Устинов, и другие, виновны лишь в том, что, будучи равнодушны к стране, не ощущали ее нужд и не отвергли свою систему хозяйствования. Мирился с ней даже Косыгин, будучи и министром финансов, ощутивший неладное и предлагавший реформу, так и не проведенную. Власть не стесняла себя в непосильных стране расходах на вооружение, и этим ее разорила. Горбачев и другие пытались спасти СССР, но тоже, не рискуя перестроить хозяйство. Всерьез не рискнул и Ельцин с Гайдаром и Чубайсом, лишь вычленил из советской монополии концерны послушным «олигархам», и пустил их на мировые рынки сырья, объявив это переходом к капитализму. Россия осталась у правых, и правый Ельцин выбрал в преемники правого человека из ГБ.

Путин и правящий слой держатся хрупкими ценами нефти и газа. Но замена его левым Удальцовым, национал-патриотом Демущиным или проверенным правым либералом Чубайсом внеэкономическую, государственническую, природу хозяйства и строя не изменит. Это под силу лишь лево-либеральному движению, какого в России нет. А лишь оно может повернуть от верхушечных реформочек к массовому преобразению. Либеральность нужна для экономической свободы, а

левизна старого толка не только для политической, но для социальной жизни, для признания правомерными интересов всех классов общества и их представительства во власти. Самые жесткие дискуссии в парламенте вместо кровавых стычек на улицах,- уже социальный компромисс, создающий демократию.

Россия не обречена на гибель. Но чтобы спастись, ей надо сбросить власть прошлого, власть крепостного права и коллективизации. Инстинкты Гулага надо преодолеть и охране и заключенным. То есть, ощутить вкус свободы, стать по-настоящему левым, не нацистом, не коммунистом, не фашистом, не террористом, не кагебистом.

9

Ленин создал новый тип общественного порядка, - тоталитаризм. Типов общественного порядка было немного. Порой их называют ступенями развития человечества. Ладят из них лестницу, объявив подъем общества по ней законом, а ее следующую ступень - прогрессом. А одни народы после первобытности завели так называемый азиатский способ производства, другие – рабовладение, третьи - феодализм.

Но до капитализма все общества были внеэкономические. А капитализм – единственное покамест экономическое. Утопия Маркса тоже сулит внеэкономический строй. Будь он даже реальным, сомнительно, чтобы внеэкономическое развитие было плодотворней экономического. Практика Ленина и его преемников не только подорвала такую веру, но и лестницу поставила под сомнение. С Лениным Россия явно не поднялась на следующую ступень, а свернула в сторону. Выходит, от феодализма, как от первобытности, есть разные пути. Одним идут Европа и США, на другой в 1918 году свернула Россия. Один - экономический капитализм, другой - внеэкономический тоталитаризм.

Это, вовсе, не значит, что такая уж у России судьба. Пути из первобытности определяли обстоятельства. Наш тоже - действия предшественников. Наивно думать, что как они ни куралесь, история выведет куда надо. Внеэкономические альтернативы экономическому порядку - губительны. Одолеть надо не капитализм, а его слабости. Левое движение возникло в борьбе за экономические права, сперва одних капиталистов, потом и рабочих. Но названия остаются, а смыслы меняются. Крайне левые большевики создали внеэкономический крайне правый режим. Но лишь смертные приговоры окончательные. Жизнь можно изменить, как изменили Россию в 1917 году, куда трудней ее изменить через три поколения после коллективизации. Но сознание – первый шаг к переменам.

Государство против отечества 23.7.12

Главный лозунг российских протестов: «Россия без Путина!» при всей своей справедливости не гош именно, как главный. Будь подсчеты даже верны, Путин, избравшись вопреки Конституции в третий раз (а со сроком под именем Медведева – в четвертый), не пустив на выборы сильных кандидатов, - незаконный президент. Но, вопреки Манифесту свободной России, другие на его месте, или в Думе и Совете Федерации, положение не изменят. Надо избавляться

не от Владимира Владимировича, а от его места, изменять не просто состав Думы и Совета Федерации, а эти институты. Заставить государство считаться с отечеством.

Технологическое развитие России начал Петр. То был прозорливый шаг, он не загадывал в какой мере техника совместима с феодальным абсолютизмом. До появления прядильной и паровой машин прошло еще почти сто лет. Другие страны, чтобы не только перенять новую технику, но и дальше развиваться, дойти до двигателя внутреннего сгорания, а позднее и до компьютера, изменяли свои политические и экономические порядки. А мы, что при царях, что при большевиках, что после показательного их свержения, шли за Петром и меняли лишь окраску имперской вертикали. Это и создало «отличия России от Запада», отнюдь не исконные, - при Ярославе Мудром не большие, чем у других друг от друга.

Самое, видимо, наглядное наше отличие, - завышенное представление о всеведении государства и его командование хозяйством. Кому всеведение дал бог, кому - марксизм-ленинизм, кому ЧеКа (Чрезвычайная Комиссия), карающая усомнившихся во власти, но правителям государства его всегда хватает, чтобы, никому не внемля, все решать за всех.

Вера власти в свою премудрость смела конкуренцию, первое условие развития. Основатель советского государства знал, что без нее никак, и звал к соревнованию. Да упустил, что свой новый мир устроил так, что победа в соревновании не зависит от реальности успеха. Советское государство, как верховный судья всего и вся, назначало победителей не так по деловым, как по политическим качествам. Государственный вкус, то есть, интерес правящего класса, стал непреложен. Он служил залогом единства власти и единства покорности. На то и вертикаль, чтобы отдельные люди, организации, партии, предприятия, города, территории, не сочли себя отдельными правомочными субъектами, а блюли единство. Иначе никак, поскольку и Российская империя, и СССР, и Российская федерация – государства не добровольные. В Соединенные Штаты хотят переехать, а из России – уехать. Это важная, но не единственная наша нерешенная проблема.

Наше технологическое развитие тормозит нерешенность целого ряда проблем. А не только парламент, но и средства массовой информации, у нас не место для дискуссий. За четыреста лет от Ивана Грозного, да еще семьдесят четыре от Ленина, да еще двадцать от Ельцина, экономические, национальные, социальные, культурные, правовые и политические проблемы сплелись в тяжелый клубок, который, чтобы выжить, надо распутать.

Западные страны пришли к законности, либерализму и благосостоянию не по доброте правящих классов. А признав, что технологическое развитие нуждается в хоть каком-то взаимном согласии участников. Сознывая свои противоречия, разные общественные классы признали, что их разрешит не насилие, не принуждение, не вооруженная, а политическая борьба. Капитализм тем и взял, что оказался способен на социальный компромисс и на демократический порядок, выявляющий интересы разных людей и общественных слоев.

Трагедия России в том, что мы хотим обрести западную технологию не западным путем, а русской хитростью. Ждем от внеэкономического тоталитарного государства результатов, достигаемых экономическим

демократическим обществом. Создаем показную демократию для выполнения тоталитарных команд. А Советский Союз на таких началах достигал успеха лишь на чрезвычайных участках и чрезвычайной ценой.

1

Политическая проблема России - объем и распределение власти. Объем неогляден. Нас не только карают за нарушение закона, но обязывают регистрировать брак, детей и смерть, и уже в 16 лет иметь паспорт, где обозначат место жительства, фиксируемое даже при кратких переездах. Куда ни кинь, везде государство, и всякий от него зависит на каждом шагу.

А государство от людей в России практически не зависит. Формально власть выбирают, но выставлять кандидатов на деле не могут ни отдельные лица, ни партии. Партии, оппозиционные правящей, обязаны не просто уведомить власть о себе, но получить от своих противников разрешение с ними соперничать. Соперников, известных всей России, но неугодных власти, в избирательные бюллетени не вносят. Страной правит все та же хунта, лишь не обещающая уже, как сперва, построить на земле царство божие. Разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную на деле нет. А без него власть сводится к одной персоне, обозначается ее фамилией, хоть не в персоне суть.

Не разделена власть и по уровням. Все решает верхний, а средний и низший лишь выполняют указания. А всеведущий верх как раз и тормозит развитие, и закрывал целые науки. Зло шло не так от характера Сталина, на который списано, как от неограниченности его власти и невозможности никакому хозяйству, никакому научному институту, никакому театру, существовать не взирая вверх. А хозяйству, культуре, науке, религии, необходимо отделение от государства. Власть легче и надежней сидеть на вертикальной унитарности, но для развития несменяемость власти губительна.

Нелепо у нас и ее территориальное разделение. Из более чем восьмидесяти субъектов федерации лишь пятнадцать кормят себя и других, а остальные живы подачками центра и кругом зависят от него, то есть, наша федерация – никакая не федерация, не объединение самостоятельных субъектов. А, не касаясь автономий, уже русским областям надо бы сгруппироваться по традициям и общности в 15-16 крупных субъектов федерации, способных себя прокормить.

Для изменения нынешней системы, для перехода власти от хунты к населению, к реальным представительным органам, и на высшем, и на среднем, областном, и на низшем уровне, надо выбирать туда конкретных людей, лично отвечающих перед избирателями. Ныне «избирают» партии, в большинстве не имеющие лица, со списками неведомых избирателям депутатов. Власть, став еще безответственной, чем в СССР, сменила прежнее лицемерие на цинизм.

Цинично уже присвоение исполнительной властью первой роли. Президент, наделенный безразмерными правами и объявленный гарантом Конституции, как неограниченный, хоть покамест не наследственный, монарх, не подконтролен ни представительной, ни судебной властям, ни избирателям. Как и при Сталине, зло не в культе личности, а в безмерных

возможностях должности. Чтобы власть была ответственной, ее текущей работе нужен контрольный противовес. В США президент возглавляет совет министров, утверждаемых представительной властью, непрерывно обсуждающей инициативы президента. Во Франции правительство возглавляет лидер победившей на думских выборах партии, и оно ведет обсуждение с президентом, который бывает из другой партии. В Британии вся деятельность правительства обсуждается министрами в парламенте. А у нас власть от населения практически не зависит, а оно от нее зависит целиком.

К тому же не ясно, где в России источник власти. По 3 статье Конституции 1993 года, - это «многонациональный народ Российской Федерации». Но такого народа нет. Конституция СССР звала многонациональным государство, а не народ. В России меньше наций, чем было в СССР, но она тоже многонациональное государство. Некоторые бывшие колонии Российской империи при распаде СССР обрели независимость, но другие остались в России. Объявлять ее население единым многонародным народом оснований так же мало, как было в СССР. Слишком для этого, увы, сильна русофобия, и слишком многие народы ждут самоопределения.

Чтобы России не тратить себя на удержание колоний, надо прояснить отношения с их народами. Тем, кто стремится к независимости, надо взять на себя ответственность за самостоятельную жизнь и к ней перейти. Но пример Чечни показал, что в сопротивлении этому Москва не остановится ни перед чем. Пока она держится за империю, развитие сведется к гонке вооружений, которая уже возрождается. Политические проблемы империи неотделимы от национальных.

2

Перед Россией стоят три, хоть и связанные меж собой, но разные национальные проблемы. Во-первых, огромные диаспоры разных народов. Не одни евреи, рассеянные по свету, но и выходцы из соседей, из входивших в Российскую империю немцев, поляков, финнов, турок, персов, корейцев и других. И еще из недавних союзных республик. И еще из нынешних автономий России. Дискриминация многих из них не секрет. Ныне она наглядна к выходцам из автономий, переселяющихся, как граждане России, в другие ее области.

Во-вторых, многие автономии, возникшие на землях исторического обитания их народов (Единственное исключение - искусственная Еврейская Автономная область, которую пора упразднить.), ощущают себя ущемленными Москвой в правах. Уже сами их границы проводились вопреки реальному расселению народов. К примеру, в Дагестане (Россия) живет чуть больше полутора тысяч лезгин, а по другую сторону границы (в Азербайджане) их тоже около полутора тысяч. Еще нелепей границы между автономиями внутри РСФСР. Ныне одни автономии хотят отделиться от России, другие – связь сбереечь, но строже регламентировать.

И, конечно, в-третьих, самая существенная и во многом ключевая проблема - положение русского народа. В СССР его провозгласили первым среди равных и во власти преобладали русские, но народ не имел и тех жалких возможностей подать формально голос, какие были даже у автономных республик. Эту двойственность шла от

превращения отечества в империю, в «страну рабов, страну господ». И без создания русского национального государства она непреодолима.

Еще в IX веке родилась Киевская Русь. Однако, с XVI, когда, подобно другим европейским странам Московская Русь стала захватывать колонии, она, в отличие от европейских, не сохраняла отдельность метрополии, а, включая колонии в себя, уходила от формирования национального государства. Не только потому, что она покоряла другие народы – это делала и Британская, и Испанская, и Французская, и Португальская, и Голландская империи, но потому, что ради завоеваний закрепостила русский народ, чего со своими народами не делали ни Британская, ни другие империи.

Порой говорят, что это проблема чисто социальная, что русских крестьян закрепощали русские дворяне, а потом русская номенклатура, и национальному самоопределению крепостничество не помеха. Но то-то и оно, что национальная проблема – сама социальная, и формирование наций – явление новой истории, плод экономических буржуазных отношений. Никто не говорит о нациях древней Греции или Рима, да и после завоевания Галлии франками складывалась не французская нация, а французский народ. И русский народ тоже складывался еще в давние времена, когда славянские племена пришли на земли населенные финскими. А нация определяется, когда разные жители страны сознают общий интерес не только в самозащите, но в новом внутреннем порядке. Конфликты предпринимателей и рабочих не заслоняли их, - вместе с искавшими свободы крестьянами, - общего противостояния аристократу, которого они дружно вешали на фонарь. Французская нация проявилась, обретя свободу в революции и несла ее другим под знаменами Бонапарта, а русский народ отразил в 1812 его нашествие, будучи в крепостном состоянии, вместе с баринном, с которым ни в чем еще не был заодно, - барин и говорил по-французски. Реакция затормозила социальное развитие России, а с ним и формирование русской нации. Лишь с 1861 года крепостное право отменили, но его следы и к 1917 году не вполне ушли.

Большевики тогда провозгласили Декларацию прав народов России, признали право колоний на самоопределение вплоть до отделения, и можно было ждать, что этим правом воспользуется и русский народ. Однако, в 1922 году создали СССР, в котором Русскую республику не предусмотрели, а создали РСФСР, в которой тоже и русской автономии не нашли места. А семь лет спустя провели коллективизацию, наново закрепостив крестьян. И русский народ возвратили к положению коренной тягловой силы империи.

Осознав, что мировая революция не состоялась, и социализм, действительно, придется строить в одной стране, где половину населения составляют русские, большевики все больше становились национал-большевиками, отождествляя советское с русским. СССР все более русифицировали. В автономиях РСФСР детей с первого класса стали обучать не на родном языке, а на русском. Стала сокращаться и доля в новом правящем слое надеявшихся на революцию прежде угнетенных народов, армян, грузин, евреев, латышей, татар, поляков и других, сперва даже превысившая в нем половину. Особенно сильно она сокращалась в ходе великого террора и после него, а доля русских среди начальников росла, и сама сильно перевалила за половину. Власть

подталкивала русских к переселению в союзные и автономные республики. И в сознании нерусских народов за советскую систему угнетения отвечали русские, и росла русофобия, неприязнь к русским.

При этом центр формировал в республиках национальный правящий слой, национальную номенклатуру, как опору своей власти. Среднеазиатские партийные бонзы утопали в роскоши. Москва создавала там видимость национального развития. Но в русских областях, где партийные бонзы тоже жили не худо, а демонстрировать национальное развитие русских власти было ни к чему, она грабила население еще откровенней. И рядовые русские жили не легче других, порой даже хуже, чем в некоторых союзных республиках. Когда они при распаде СССР отпали, и создать бы Русскую республику!

Однако, в годы перестройки, сулившие демократическое обновление, да и сперва при Ельцине, когда национальные проблемы всех народов СССР как-то обсуждались, о тяготах русского больше говорили противники демократических перемен, именовавшие себя «патриотами», даже «национал-патриотами». Благоденствие русского народа видели в его имперской миссии, на деле дважды его закрепощавшей. Едва ли не первым в ту пору, в 1989, заговорив о необходимости создания, еще в рамках СССР, Русской республики, я наткнулся на отпор «патриотов», мысливших русским пространством не один СССР, не одни страны Варшавского пакта, но весь мир, который мечтали одолеть и присовокупить.

Лишь после Чеченской войны, точнее, после утверждения там Кадырова, возникает русское национал-демократическое движение, пытающееся взглянуть на проблему трезвей. Ему еще мешает односторонность взгляда, сведение проблемы к тому, что в СССР русские были, якобы, самым угнетенным народом и даже не имели права на существование. Упущено или замалчивается двойственное положение русских, то, что одни, большинство, были среди пострадавших от советской власти, как некогда и от крепостного права, а в то же время другие были привилегированной частью господствующего меньшинства, партийной номенклатуры. Их интересы, опять же кроме защиты отечества, были прямо противоположны, и не могли они стать единой нацией.

А лишь при наличии общей заинтересованности граждан может установиться либеральный порядок, способствующий технологическому развитию. И русским национал-демократам важно видеть, что уберезет национальное государство от нравов царских и советских времен. А и среди них иные хотят территориального совпадения с РФ, хотя уничтожение автономий, не уничтожит тамошних не русских жителей. Или уничтожит, лишит всех прав? Самый лозунг «Россия для русских» несообразен поскольку русскими не рождаются. Это поэтами не становятся, а рождаются. А русскими становятся. Не ясно, в какой мере дитя русских родителей, осиротевшее в младенчестве и выросшее в другой культуре, можно считать русским. А датчанин Даля, отец которого перебрался в Россию, или не то поляка, не то француза Бодуэна де Куртенэ, создавших капитальные словари русского языка, не говоря о частично эфиопе, частично немце, Пушкине, видимо, все-таки можно. И не только великие люди, - у большинства нынешних русских деда или более дальние прадеды именно что стали русскими. И русские не исключение,

так происходит везде, где на одном пространстве смешиваются разные племена и формируются единые языки.

Как поступят национал-демократы с многочисленными в России народами рассеянья, порой еще дорожащими культурой давних предков? Неужто откажут в национальном государстве в равных с русскими правах? Еще сложнее с автономиями. Желающих самоопределения и готовых к нему надо отпускать, разве что уточнив границы, проведенные Сталиным, сознательно включавшим в автономии инонациональные и русские, поселения. Еще сложнее с автономиями, большинство которых захочет сохранить связь с Россией. Оставить их автономиями русского государства или установить отношения взаимными обязательствами? Эти проблемы сложно обсуждать, пока не прояснен социально-экономический характер русского национального государства, национал-социалистический он и национал-большевистский или демократический и либеральный. Но национальные проблемы не решить, иначе как преодолев империю.

4

Все перемены происшедшие в России после октября 1917 совершало начальство. За единственным исключением. 19 августа 1991 года, впервые с 1812, войска вошли в Москву не для парада. Население не сопротивлялось, но на улицы вышли сотни тысяч, если не миллион и даже с лишком. Но перед выбором стрелять или уйти войска на третий день ушли. Толпы вышли на улицы и в Ленинграде и в других городах, куда войска не вводили. Видимо, люди, не идеализируя Горбачева и перестройку, не хотели возврата к прежнему советскому порядку и надеялись на туманное обновление. Прямо против советского порядка в столь массовом порядке никогда не протестовали, знали, как ответят. А теперь танки заполнили город, и люди ждали, что танки их раздавят, а не желали возврата в былое, не признали права начальства передумать и гнать в прежнее стойло. То была не революция, но акт массового отчаянья. Было видно, что в один присест вчерашнее не воротить.

Высшая номенклатура, составившая ГКЧП, провалилась. Вперед вышел средний слой во главе с Ельциным, недавно взятым в центральную обойму. Он отбросил давно ставшие показными догмы, лишь бы удержать власть. Но вторую попытку быстрого реванша, затеянную Верховным Советом, осадить столь же красиво уже не сумел. Распуская Верховный Совет, как осколок советской жизни в новой России, Ельцин, забыл, что этот справедливый довод в такой же мере касается его самого. А реваншизм Верховного Совета вызывал уже не столь массовое негодование, как два года назад ГКЧП.

Разочаровала двухлетняя ельцинская власть. Она началась отказом от долга советского государства населению - обесцениванием денег по послевоенному примеру Сталина, на сей раз проведенному под видом либерализации цен. То есть, введения свободы ценообразования, естественной на конкурентном капиталистическом рынке. Но Российское государство еще было монопольным производителем, и отказ от регламентации цен лишь усиливал его неограниченный произвол. Уже эта сталинская акция массового ограбления подкосила надежды на перемены и доверие к новой власти. Не добавила его и чубайсовская «приватизация». Политика Ельцина, его президентская власть

неограниченного монарха, дарованная избытком свободами Конституцией, и начатая им чеченской войной, свели надежды августа на нет.

Жизнь, конечно, изменилась, пустевшие при Брежневле магазины наполнились товарами, но купить их большинству оказалось еще трудней. Уровень жизни не рос, если не падал. Кризис 1998 года вызвал открытый возврат к советским методам, уже не возбуждавший того протеста, что в августе 1991, и понятно почему. Не говоря о том, что власть никак не старалась хоть объяснить людям причины их бесправия и нищеты в советское время, она ничего не делала, чтобы изменить общественный порядок, создать самоуправление и укоротить вмешательство государства в повседневную жизнь. Общие слова изменились, секретаря обкома звали губернатором, но это детали и частности, а свобода слова, явившись при Горбачеве, после 1993 все укорачивалась.

Путин был назначен, а не избран президентом, - мало кому известный чиновник, он баллотировался на этот пост уже его заняв, заместив президента, который, едва назначив его премьером, подал в отставку. Мало кто замечал, что его приход изменил, - и чеченскую войну вел, и номенклатурными капиталистами управлял мирно, но не пил горькую. А вскоре взлетели цены на нефть и газ, отчего у многих уровень жизни подрос, На этом фоне увереннее становились реваншистские акции, начиная с отмены губернаторских выборов, то есть, откровенного превращения федерации в унитарную державу.

За двенадцать лет, за три срока правления, (последний под псевдонимом «Медведев»), Путин, не афишируя коммунизм, вернул многие обычаи коммунистического тоталитаризма в практику. Вроде, это, проблемы хозяйства, а многие свободы, дарованные Горбачевым, целы! Но до 1927 года нелегальный переход границы карали четырьмя месяцами исправительных работ по месту службы. За чтение нежелательных книг не наказывали, Даже в печать попадало немало не желательного власти. Тоталитаризм не всегда абсолютен, как при расцвете СССР, не всюду единообразен, он разный в разных странах и всюду со временем отчасти меняется. Но это тупик. Проблема в том, можно ли его изменить, чтобы не было тоталитаризма.

5

Новое оформление власти Путина в виде президентской, крах иллюзии, что местоблюститель Медведев допустит эволюцию режима, опротестованы. Люди вышли на улицы, хоть меньше, чем в 1991. Будет ли судьбу России решать не одна власть? Или без коренных перемен мы выпадем из технологического развития, а это хуже распада, которым пугают? К развитию допускает лишь экономический общественный строй, то есть, ныне лишь капитализм, - не потому, что уж очень он хорош, но других эффективных экономических систем человечество еще не знает. И социальный компромисс разных общественных классов, позволяющий отстаивать свои интересы внутри него. И «единство, и борьба противоположностей»! И терпимость к иному, чужому, пока оно не агрессивно. И демократический, либеральный порядок.

Цены на нефть отвели Путина от края пропасти, в которую упал Советский Союз. Но отвели не далеко. Правившие в СССР коммунисты, имея немало мест в Думе, поддерживали Путина. Их политика отличалась не принципиально. Новые коммунисты, вроде Удальцова, и новые большевики, вроде Лимонова, говорят, что против Путина. Они понимают, что задний ход не заперт. Они не власть, а оппозиция, и падение цен на сырье их не пугает, им даже помогает, при новом кризисе мало кто вспомнит уроки коллективизации и великого террора, да и вспоминать уже некому. А советская имперская традиция богата, там и национал-патриотизм Проханова и либеральная империя Чубайса. Ельцин, и Путин ставили на обоих. Но возможны и не пройденные еще варианты.

На московские площади вышли и Удальцов, и молодые националисты, и пожилые либералы, и пока это лишь протест, его разношерстность показывает власти, что она уже всех достала. Но пестрота программ, не одних имперских, остается. Изобилие нерешенного не свести к единому. Программу большинства выявит лишь законное избрание представительных органов, выражающих волю граждан России. А дотопе все программы со всеми доводами должны быть на виду. Предпочтение той или иной реальности и проложит путь к запоздалому самоопределению.

Перемены нужны не потому, что плохи Путин, Ельцин, и Брежнев. Саркози, и Олланд, и Буш, и Обама, не лучше. Но во Франции и в Америке живут лучше нас не потому, что богаче, а потому, что технологическое развитие изменило место человека. Наши начальники публично сетуют, что у нас мало рождают, но не горюют, что средняя продолжительность жизни мужчины едва достигает пенсионного возраста. Отработавшие люди для них обуза. А на Западе рождают, как у нас, но живут дольше. Пенсионный возраст там выше, но до него можно доработать, а у нас, если даже повысят, мало кто доживет.

Люди должны работать не ради коммунизма, не ради величия, не затем, чтобы приструнить латышей, поляков, украинцев, грузин, афганцев, да еще бы китайцев и всех прочих, а работать на себя, на детей, на старость. Для этого наша страна должна изменяться, как изменялись другие. Эту перемену и совершает свободное технологическое развитие. Европа тоже не всегда так жила, но уже полвека после войны наладилась, чему-то научилась. А нашему начальству учиться нечему, оно и так все знает. Соплей березу перешибет!

России незачем быть сверхдержавой, незачем приносить этому в жертву русский народ. Совсем неплохо быть наравне с Англией, Францией, другими национальными либеральными странами. Не удерживая желающих отделиться, быть русским национальным либеральным государством, не для одних русских, а для граждан России! Особенность Российской империи в том, что ради нее закрепощали своих, тратя на нее отнятое у своих. Нищета нашей жизни, - от государственных растрат, от того, что у государства слишком много власти. Тем и худа советская власть. Благонамеренная коммунистическая утопия ужасна не мифологией, а претензией на всевластие, - чуть дорвутся, забывают мифы и топчут людей. Ельцин и Путин отстаивали всевластие, зная, - прояснилось до них, - что сила крепостничества не эффективна. Но время провели.

Оппозиция обсуждает, штурмовать немногочисленному авангарду Кремль или на фоне массового протеста вести переговоры. Но выбор принадлежит власти, - способна она на компромисс или хочет революции. Не Ленин и, тем более не Маркс, сделал Октябрь 1917 закономерным плодом царского упрямства. Ленин был лишь исполнителем этой нелепой закономерности. И нынешняя власть, предвидя будущее, тоже могла бы шаг за шагом отдавать общественные процессы на усмотрение общества. А может ожесточиться, поддаваясь ожесточению обстоятельств. Его плоды еще розовеют и заставят себя ждать. Но, похоже, не очень долго.

Клеветники запрещают клеветать 3.8.12

Из четырех новых законов, уже не втихомолку, а прямым, возрождающих советский уклад, три не удивляют. Понятно, кому, зачем и почему надо пресечь протестные демонстрации, ограничить интернет и объявить иностранную помощь сторонникам нежелательных взглядов уликой в службе иностранным державам. А свободный человек выходит на демонстрацию, согласно Конституции не прося позволения, лишь уведомив милицию. Он хочет свободы в сети. Ему любопытно не так то, откуда деньги взяли – если только их не украли – а на что тратят, в чьих интересах.

Иное дело клевета. Говорят, наказание за клевету стесняет свободу говорить, что думаешь. Это неверно. Говори, что хочешь, но отвечай за то, что говоришь. Клевета, ложь, - еще не худшее из того, что говорят. Худшее - призывы к насилию. Говорят, и за них наказывать нечего, - следует, мол, карать лишь отозвавшихся на призывы, чинящих насилие. Там, где всем жителям ясна личная ответственность за следование таким призывам, звучи они хоть по центральному телевидению и слетай с уст высоких государственных лиц, быть может, и нет нужды карать проповедников насилия. Их просто не изберут на следующий срок или уволят из СМИ. А одиночные выкрики на улице не стоят внимания.

Возможно, есть страны, где можно пренебречь и клеветой. Но наша, к сожалению, не из их числа. Часть критиков нового закона твердит, что прежний президент Медведев гонения на клевету отменил и нет причин их возрождать. А почему отменил, не проясняют, - это часть мифа о несостоявшемся либеральном правителе. Но расхождение бывшего и нынешнего президентов скорее в том, что нынешний – прагматик и не видит причин, кроме клеветы оппонентов, чтобы вдруг упала его популярность, а прежний – больше теоретик, и здраво рассудил, что, пользуясь клеветой, как мощным орудием тоталитарной власти, нельзя дать в обиду служащих ей клеветников. И отменой наказания снял вопрос.

Нынче редко вспоминают, что невинно репрессированные сограждане – считать ли по Хрущеву 17 миллионов или по Солженицыну 60 – были жертвами клеветы, клеветнических приговоров. И клевету не всегда завершали суд или тройка. Она и вне зоны ущемляла и ограничивала, пронизывая всю жизнь страны. Клеветали не только на людей, но на организации, порой возникавшие лишь в ходе клеветы, клеветали на целые народы, Клевета была важным рычагом власти.

Главными клеветниками были советское государство с прокуратурой, КГБ и МВД, и коммунистическая партия Советского Союза. Именно они ее насаждали и поручали клеветать. И приемы государственной деятельности не забыты. Сегодня Наталье Николаевне Магнитской приходится протестовать против вояжа четверки членов Совета федерации аж в американский Сенат с клеветой на ее убитого в тюрьме сына Сергея. А их начальница Валентина Ивановна Матвиенко не спешит хотя бы извиниться. Да и за что? Клевета, - эка, в самом деле, у нас невидадь!

Если ущерб наносимый России тремя другими законами, легко снять их отменой, то с отменой закона о клевете – не так просто, нужна не его отмена, а замена. Одна лишь отмена снимет с власти и ее порученцев ответственность за клевету, но отнюдь не расширит свободу слова и печати, не поможет опровергать клевету в тех же масштабах, в каких ее распространяют, опять наращивая. Ирония в том, что России нужен закон о наказании за клевету, но совсем иной, чем введен. Клеветника надлежит изобличить, это и есть его наказание, оформят его судебно или административно. Никакие штрафы, не говоря о прочем, не компенсируют моральный ущерб пострадавшему, тем более, что львиную долю заберет государство. А лучшая форма изобличения - опровержение там, где публиковалась клевета. Лишь позор изобличения побудит задуматься о публичной нравственной оценке, только и способной что-то изменить в обществе.

Но это удастся лишь если клевету не дозволять никому, а обвинять станет возможно не только журналистов, но государственные органы, выносящие суждения о гражданах, прежде всего прокуратуру, следственный комитет, ФСБ и МВД. Это удастся, лишь если станет возможно впрямь независимое, объективное разбирательство обвинений в клевете на государство и его персон. Пора признать, что ответственность государственных лиц, избранных или назначенных, заведомо больше, чем у рядовых граждан, и вступление на государственную службу предполагает принятие на себя этой большей ответственности. Рядовой человек, колхозник, рабочий, инженер, на вопрос, как он допустил советский, сталинский режим, вправе отвечать, что не имел иных возможностей, кроме как терпеть или погибнуть. А уже секретарь парткома мог не соучаствовать, член партии мог в нее не вступать. Это вовсе не значит, что надо наказывать сочувствовавших режиму, - среди прочего и как клеветников, поскольку они повторяли спущенную сверху клевету, - но массовые заблуждения наказаниями не преодолеть. А моральная ответственность способствовавших власти остается.

Одна из главных причин нынешнего поворота России к советским образцам - нежелание взявших власть в 1991 году не просто отбросить голословный марксизм-ленинизм, а покончить с повседневными приемами и методами советской жизни. Для этого хватило бы даже не полной люстрации, а установления в новой власти хотя бы для должностных лиц прежнего партийно-государственного аппарата процентной нормы не более пяти-семи процентов. А без этого они составили подавляющее большинство ныне правящего государством слоя, что и зачеркнуло август 1991.

Новые законы отвечают на растущее недовольство граждан и угрозу хозяйственного кризиса. Но положение можно исправить лишь поняв его глубже, поняв весь процесс, к нему приведший. А без этого, не говоря о других, закон против клеветы, игнорирующий практику клеветы, направлен не против клеветников, а опять против говорящих правду. Власть не сознает, что неведение реальности и ей самой не на пользу. Симптом тяжелый.

Похороны светского государства 20.8.12

В коллективном открытом письме виднейшие российские адвокаты неопровержимо показали, что закон не дает оснований винить в хулиганстве артисток панк-группы «Pussy Riot» за то, что в храме Христа Спасителя они сорок секунд крестились и приплясывали, прося богородицу, не успев выговорить о чем. Они, конечно, нарушили нормы, но не общественного поведения, а поведения в православном храме. За такие нарушения положен в административном порядке штраф до тысячи рублей. К тому же, нарушение произошло даже не во время службы или хоть проповеди, а когда храм был почти пуст, и демонстрация против политической позиции церкви могла помешать лишь немногим молившимся. Но государству неподходящее место для демонстрации дало повод приписать нарушительницам хулиганство по мотивам религиозной ненависти и вражды и после почти шести месяцев незаконного предварительного заключения дать им по два года. Ни хулиганство, ни мотивы ненависти к религии, ни посягательство на веру доказаны не были, но власть противозаконным приговором показала, что готова защищать религию и церковь не только от бестактностей, но и от критики и всякой полемики.

После отмены советской власти российская силенка загладила бесчисленные преступления советской перед верующими: разгромы церквей, убийства епископов и священников и подмену церквей, - не только православной, -, псевдо-церковными спецслужбами, руководимыми КГБ. Президент Ельцин, приходил в храм, не предполагая надобности перекреститься, и держал свечу в правой руке, . Президент Путин посещает церковь, уже изучив, как там себя вести. Атеисты по многолетнему членству в КПСС ныне выказывают лояльность к религии, и при всей странности зрелища – поскольку под именем церкви действуют все те же спецслужбы - их поведение вызывает смешки, но не протесты. Хоть большинство граждан не было обеспокоено тем, что советская власть выступала как светская, и отделила церковь от государства, силовой характер этого отделения, гонения на религию вместо полемики с ней, воспринимались как часть общей политики репрессий. И терпимость к религии, сменившая в перестройку гонения, даже обнадеживала.

Но государство от терпимости перешло к поощрению. Причем, не всех церквей, а именно РПЦ. О поддержке русских протестантов, немалой и активной части российских христиан, презрительно именуемых сектантами не только православной церковью, но и властью, речи нет. Вот и любопытно, что же подвигло власть к садистскому решению два года держать девушек в заключении за минутное шоу,

которое, будь оно исполнено на открытом воздухе перед храмом Христа или рядом, на бульваре, наказанию, вообще бы, не подлежало.

Конечно, чувства верующих оно бы оскорбило и тогда. Но эти чувства оскорбляет уже высказанное вслух подозрение, что бога нет, не то что иные художественные творения, вроде «Гаврилиады» хулигана Пушкина. Или Пушкина не печатать, а неверие в бога объявить уголовным деянием? Стоит ли выдавать неверие в бога за ненависть к верующим и скликать их на гражданскую войну с неверующими? Если РПЦ сочла, что война ей на пользу, будем надеяться, что бог ей простит. Но государству-то она зачем? Мало внутренних распрей? А чего, казалось бы проще: артистки явно нарушили нормы поведения в храме, вот и взыщите с них по закону штраф в 500 рублей с каждой, пусть даже в тысячу! Но когда частную бестактность к верующим выдают за уголовное преступление против общества, и светские прокуроры и судьи говорят о богохульстве и кощунстве - это оскорбляет уже не только трех девушек. Приговор, выдающий несогласие с политической позицией церкви за пропаганду ненависти к религии, обращен и против верующих, не одобряющих, как эти артистки, земных дел церкви, и тем более, против неверующих. Государство объявило этим приговором войну неверующим. Зачем?

Чуть не сразу после провозглашения несоветской России ее первый президент Ельцин призывал заменить религию марксизма-ленинизма новой идеологией. Ничего из этого не вышло и выйти не могло, поскольку переход от СССР к России совершился вне идейных категорий, без выявления реального смысла прежних, не оправдавшихся догматов. И Путин, не только удержавший, вслед за Ельциным, основные, но уже и возродивший упущенные было советские догмы, видимо, счел, что кроме государственного давления и усиления карательных мер к ослушникам, тоталитарному порядку хорошо бы обосновать послушание властям авторитетным образом. Тут он, возможно, вспомнил, что до революции это делали не идеологические отделы партийных комитетов, а храмы и монастыри. И не вообще вера в бога, не сектантство и не католицизм, не буддизм и не ислам, а православная вера, самая государственническая из всех, вошла в подпиравший Российскую империю треножник установок: православие, самодержавие, народность. Поняв по опыту Ельцина, что светской идеологии, способной в глазах России оправдать тоталитарный порядок, уже не сыскать, Путин схватился за церковь, как за идейную опору

Но включить ее в нынешний российский обиход не так просто, если, вообще, возможно. Советская власть упразднила знание тех новых понятий, какие христианство вынесло из Ветхого и внесло Новым заветом в не знавшие их прежде Рим и Византию, а там и Францию, Англию, Германию, Россию, в европейскую, а потом и американскую культуру. Христианство, лишь в четвертом веке легализованное, власти не сразу и не вполне приладили к своим надобностям. Византия читала глумливую надпись римских палачей на кресте: «Иисус Назорейский – царь иудейский», как обозначение царственного величия, замалчивая, что сын человеческий был диссидент. В России православие тяготело к церковному национализму, далекому от проповеди учителя праведности из Назарета. И все же массы верующих крестьян считали свою веру–

христианской, и, хотя бы из чтения в церкви строк Ветхого и Нового Завета, имели какое-то представление об Иисусе Христе и его проповеди.

Советская власть это представление стерла, а Путин не заметил, что у заменяющей ныне церковь спецслужбы нет религии, что ни она, ни, тем паче, люди формально к ней причисленные, как якобы верующие, понятия не имеют, чего, собственно, хотел Иисус из Назарета. Не только ведь спасения и жизни вечной. Он и о том, как жить во временной, высказывался внятно. Его взгляды не свести к обязанности повиноваться начальству, даже церковному. Он обличал церковь своего времени, подчеркивая при этом, что пришел не нарушить закон, но исполнить. То есть, что и у церковного начальства нет монополии на истину, и она может всплыть не у Гундяева, но и у Нади Толокно. А бедняга Путин, в этом не очень сведущий, решил, что подобно капитализму без капиталистических отношений, он может насадить христианство без Христа. Надо лишь преподать понятный пример. И выступление Нади и ее подруг счел подходящим.

Возможно, сыграл роль и общий курс на ожесточение. И, опять же, ударить по свободе слова всегда приятно. Но светское по Конституции государство, возглавляемое людьми, вполне здоровыми психически, отдающими себе отчет, каким позором они покрывают не только себя, но наше отечество, ни в коем случае без важной надобности не стало бы лишь за минутную пляску да реплики в адрес церкви выносить такие приговоры женщинам, ничего не сломавшим и не укравшим, да еще с малыми детьми, И если это произошло, то не потому, что кто-то наверху сошел с ума, а потому, что надобность стала неотложной. Наше нынешнее государство уже не в состоянии быть светским. Ему нужны иррациональные доказательства его правомерности. Вот оно и взялось за борьбу с богохульствами и кощунствами.

Советское государство по форме было светским, но мнение отличное от мнения не то что Маркса или Ленина-Сталина, но Жданова, Суслова, Ильичева и прочих считали кощунством и на порочные мнения были статьи в Уголовном Кодексе. И люди держали мнения при себе. Ради этого пришлось убить миллионы. Но демографические показатели уже не те, что в 1929 и 1937. Людей в России все меньше, и нужно совсем обезуметь, чтобы еще самим их убивать. Вот и решили государственные мнения по старинке сакрализовать, провозгласить священными, подпереть авторитетом религии, растоптанным перед тем, и нуждающемся, чтобы возродиться, в радикальном самоочищении церкви, все еще руководимой кадровыми товарищами. Внушить, что очищение произошло и призван приговор "Pussy Riot".

Будь он даже предельно мягким, условным, он не вернул бы ложно обвиненным полгода жизни. Да строго говоря, будь он даже оправдательным, если бы при этом он не определил действия Следственного комитета и милиции, как преступные, подлежащие суду, предварительные полгода предостерегали бы других от открытого несогласия с властью. Но нужда в самооправдании и самоосвящении у власти так велика, что она не знает снисхождения. Лишь бы Россия была не светским государством, где люди хотя бы формально равноправны, а идеологическим, где полноправны, хоть тоже формально, лишь верующие власти. Как в СССР. Как в Иране.

Где нельзя сбивать кресты? 28.8.12

Александр Архангельский [перегибает палку](#). Государство у нас официально светское, мы уважаем право верующих строить церкви, ставить на них кресты, ставить кресты на могилах, но и они должны уважать право неверующих жить в городе, где вере принадлежит не вся территория. Характерно, что никто не вспоминает, как сбивали кресты с действовавших еще церквей, а я в детстве такое видел и мне это казалось ужасным. А делали это те самые учреждения, которые сегодня за это судят, но о своей причастности молчат. Конечно, можно поставить крест на обнаружившейся могиле невинно убиенных и, хоть не все в ней православные, сбивать его нехорошо. Но нельзя ставить крест просто в сквере, куда ходят разные люди, неверующие и других вер. Должно быть равноправие, нельзя ставить и нельзя ломать, но если нарушаешь норму и ставишь, не обижайся, что в ответ ломают. Инициатором нарушения нормы, агрессором, был поставивший, а не сломавший. Архангельский признает, что нельзя ставить, но говорит, что если уж поставили, нельзя сбивать. Выходит, у человека с крестом есть право захвата, и от нас он хочет не уважения к своему праву почитать крест, но велит нам самим его почитать. То есть, по сути, в более мягкой форме, Архангельский разделяет позицию Гундяева.

За кого болеете? 1.9.12

Судья Глостер заявила, что не испытывает доверия к Березовскому. Я, признаться, тоже. Какое уж доверие человеку, подсунувшему России Путина! Но приговор, который судья мотивировала недоверием, толкает Березовскому верить. Вся страна знала, что он купил ОПТ, что ему принадлежат огромные доли в разных новых российских фирмах. А по приговору выходит, что, покидая Россию, он свои богатства добровольно роздал. Старому другу Вовке (Путину) – телевидение, другим – другое, и Рома Абрамович не при чем, давить на Березовского не было нужды. Но трудно в эту добровольную раздачу верить.

Оно, конечно, Рома, может, и не хотел давить, слишком Борису Абрамовичу обязан. Но понимал: из Березовского не выдавишь, - свое отдашь, да еще и бежать придется.

Судья Глостер Роме сочувствует. Как не сочувствовать! И могла в приговоре сказать, что пять миллиардов не с Абрамовича надо взыскивать, а с Путина, с российского государства, а с Абрамовича, посредника, чижа на посылках, взыскать пятьдесят миллионов, даже пять. Не вовсе ведь он безгрешен. А счесть, что безгрешен, и что, в отличие от Березовского, ему можно верить, могут разве что болельщики клуба «Челси». Неужто судья Глостер из них?

ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Вместо пророчеств 18.9.12

24 сентября - год с того дня, когда объявили, что Путина опять оформят президентом, и если не вся наша империя, то метрополия, Москва, зашевелилась. Пошли митинги протеста и пророчества, сколько он протянет. Павловский счел, что власть висит на волоске, Пионтковский, что осталось полгода, Ольга Крыштановская, знаток элиты, что шестилетний срок усидит, Марков, его сторонник, что и следующий досидит, а Ирина Павлова, его критик, что будет сидеть сколько захочет.

Я не пророчествую. Хочу лишь уточнить, какой нынче в России общественный строй и какие возможны перемены. Лимонов, глава национал-большевиков, заявил: пошли бы не на Болотную, а на площадь Революции, а оттуда на Кремль, и жили бы в другой стране. А по мне, куда ни пойдешь, страна все та же, другой нет, и причины катастроф важнее их дат.

Самый распространенный нынче лозунг: «Россия без Путина». Но она и до Путина была такая, разве что стала жестче. С экономикой разобрались до него, передали советские концерны так называемым «олигархам», летающим в Куршавель со своими девочками, но от власти зависящим кругом. По национальному вопросу его тоже не спрашивали. Кто верил, что суверенитета можно брать сколько проглотишь, получил бомбежками Грозного и массовые убийства. Курс определили до Путина. Он потом, конечно, руку приложил, но завел этот порядок не он. Он - продолжатель дела Ельцина, как Сталин продолжатель дела Ленина. Говорят, Путин создал нынешний режим, а на деле режим создал Путин.

В наш технологический век в обществе видят машину. Но его судьбу не свести к манипуляциям, к уловкам политтехнологов, она зависит от последствий вчерашней и даже позавчерашней жизни. Поэтому, обращаясь к нынешней ситуации, надо держать в уме исторические факты, без которых ничего не понять. Двести лет назад Россия была самодержавной и крепостной, а прочая Европа вводила другие порядки, и не то, что русский царь о них не думал, но победив Наполеона думать перестал. И плодом упоения той победой полвека спустя стало поражение в Крымской войне.

Новый царь вызов принял, от личной зависимости крестьян освободил, завел суд, какого не было прежде, и не стало при коммунистах. Но представительную систему, хоть неравноправную, не ввел, выйти из общины крестьяне не могли. И последний царь даже стойких монархистов, Витте и Столыпина, понявших, что нужна перестройка, не выносил.

Когда в октябре 1917 года после восьмимесячного бездействия Временного правительства власть захватили коммунисты, большевики с никому не ведомым Лениным, и сходу провозгласили Декрет о земле, то есть, вроде дали землю, Декларацию прав народов России, то есть, вроде дали право на самоопределение, вплоть до отделения, и еще провели единственные за всю новую историю России свободные выборы в Учредительное собрание, то есть, вроде дали власть народу, могло казаться, что Россия свободна. Но эти долгожданные великие шаги были только отмычкой к общему замыслу, перед тем изложенному Лениным в книге «Государство и революция», Он хотел упразднить частную собственность и ценностные отношения, а все хозяйство страны свести в единый управляемый государством концерн.

В Учредительном собрании большевики получили четверть мест, но большинство - крестьянская партия, эс-эры. 5(18) января 1918 года оно собралось, а к утру его разогнали и завели первый в истории тоталитарный режим, который потом землю у крестьян отобрал, их самих закрепостил, возродил империю, и проводил выборы из одного кандидата. Новую власть именовали советской, поскольку формально власть была у советов, избираемых населением, но на деле правили партийные комитеты, и верней бы звать власть комитетской, а страну – Союзом Комитетских Социалистических Республик.

Разгон Учредительного собрания вызвал гражданскую войну, но воевали большевики не так со сторонниками Учредительного собрания, как с оттеснившими их сторонниками самодержавия, ни раздел земли, ни самоопределение колоний, не признавшими, что и принесло большевикам победу. Но полностью отдаться строительству единого концерна мешало тяжелое положение страны, и Ленин с Троцким поняли: хоть и победили, а надо отступить, и объявили новую экономическую политику, дозволили частное производство и торговлю. Это было весной 1921.

А уже в 1922 Ленин сказал: мы год отступали, достаточно. Многие тогда надеялись, что частное хозяйство не погибнет и при большевиках, и надежда была не вовсе нелепой. После нас тоталитаризм утвердился в Италии, где Муссолини исчерпывающе выразил его общую суть: «Все в государстве, ничего вне государства». Но ценностные отношения все же в Италии удержались, хоть государство не всегда с ними считалось. Они обслуживали и немецкий тоталитаризм при Гитлере, и китайский при Дэн Сяопине. Да и у нас при НЭПе не зря выпустили золотые червонцы! И хоть Ленин хотел покончить с НЭПом поскорей, Сталин, возглавив партию, не торопился и прикрыл НЭП лишь в 1929-30 годах. Возможно, сперва он хотел лишь контролировать ценностное хозяйство. Но удержать крестьянскую стихию в едином концерне Сталин не сумел. Причин тому много, но и как менеджер, он оказался не силен, и погнал крестьян в колхозы, контролируемые местными партийными организациями. Коллективизацией Сталин возродил ленинский идеал государственного концерна, послушного партии, которому был верен до конца.

С тех пор российский тоталитаризм, в отличие от китайского, немецкого, итальянского, был абсолютным. Вся власть была у партии. Она владела и распоряжалась всем. Пропала не просто частная собственность тех или иных лиц, но само понятие «собственность», как чье-то, кроме партии, право владеть, пользоваться и распоряжаться. А с ним и понятие «ценность», позволяющее соизмерять доходы, расходы и товары при обмене. Деньги, прежде служившие эквивалентом ценности, стали в качестве наличных простыми квитанциями об оплате труда, и их отоваривали по государственным ценам. Но внутри государственного хозяйства деньги выступали в безналичной форме, и переводу в наличные, как правило, не подлежали. Там ими измеряли распределение товаров. Однако, распределение было волевым и ценность товаров устанавливали тоже волевым порядком, не по затратам, не по спросу и предложению, а по воле партии. Сосчитать, что почем, было на деле невозможно. Возникло, по сути, натуральное хозяйство, но в масштабе огромной страны.

При таком хозяйствовании, чтобы выжить, стране были нужны дополнительные средства. Их давала продажа за рубеж ценного сырья.

Но еще более важными их источниками были общее занижение оплаты труда, низкий уровень жизни населения, и, конечно, рабский труд, с одной стороны, наново закрепощенных в колхозах крестьян, а с другой. – миллионов узников Гулага. Это не компенсировало абсурд абсолютного тоталитаризма. Он имел успех лишь на отдельных участках, куда бросали все силы, и, прежде всего, в военной сфере, хотя, как показала война, и там не все вышло кругло.

Лишь после смерти Сталина пытались ввести ценностные критерии хозяйства – сперва Хрущев в 1957, потом Косыгин в 1965. Но чтобы заработали даже их куцые реформы, партии надо было хоть отчасти умерить свою внеэкономическую власть над хозяйством, чего она не хотела, и в семидесятые - начале восьмидесятых это повергло советский концерн в кризис, который Горбачев надеялся умерить перестройкой. Объявив гласность, проведя даже выборы, хоть еще и не свободные, но уже не из одного, он то ли не захотел, то ли не сумел, то ли не имел возможности, но не провел столь же значимых хозяйственных преобразований. Хозяйство продолжало жить по-советски, и кризис нарастал.

Он и привел к нынешнему строю. 19 августа 1991 года руководство партии, не сумев обычным закрытым порядком разрешить свои внутренние противоречия, вывело танки на улицы, уже не Будапешта, не Праги, а Москвы, но не рискнуло давить миллион безоружных москвичей, вышедших на улицы, да и не было уверено, что танкисты такой приказ выполнят, и отступило перед президентом РСФСР Ельциным, стоявшим вроде за более глубокие реформы, чем Горбачев. Он простил заговорщиков, отказался от марксизма-ленинизма и распустил СССР, - не только ради личной власти над Россией, но и справедливо полагая, что легче будет выбираться из кризиса, отрекшись от обязательства перед республиками.

Ельцин мог отвергнуть ленинский проект и разрешить частное хозяйствование, что пугало. Он мог, как в 1921, наряду с государственным хозяйством, дозволить и в городе и деревне частное. Но крестьянства, получившего землю от большевиков и еще им верившего, уже не было. И оба варианта ослабляли правящую номенклатуру. Но был третий путь, поводырями на котором не случайно стали Гайдар и Чубайс, видные участники ленинградско-московского кружка, обсуждавшего, как сделать советское хозяйство эффективным. В Китае уже прошли реформы Дэна, и Ельцин тоже перевел страну на денежные отношения с контрольно указующим государственным перстом во всех существенных процессах. Сотне людей дали, как бы в частное владение, государственное имущество на условиях послушания государству, и назвали их олигархами.

Условность этого владения обнажило дело Ходорковского. Юридическая несостоятельность суда - не повод сводить его к самодурству и личной злобе. Конечно, дело, вроде первого, могли завести на любого «олигарха», но не заводили, а второе вовсе высосано из пальца. Но перед властью Ходорковский виноват в нарушении конвенции, в том, что вел себя как всамделишний капиталист. А Ельцин, Путин и правящий класс поняли собственность не как неограниченное право владеть пользоваться и распоряжаться, а как феодальное держание, и ждали от новых собственников вассального поведения. И хоть юридически

Ходорковский невиновен, расправа с ним - не прихоть, а принцип нынешнего российского строя.

Ельцин заменил ленинско-сталинский абсолютистский и волюнтаристский тоталитаризм более реалистическим. Но России это уже не так помогло, как Китаю, - она уже была в совсем ином состоянии. Мы ввели тоталитаризм в 1918, а китайцы в 1949 году. Двадцать лет спустя он настолько утвердился в более развитой поначалу России, что она переосмысляла лозунги революции и уничтожала людей, ее совершивших. Вместо Троцкого и Бухарина пришли Жданов и Маленков. Победа в войне закрепила режим. А в Китае, хоть схожие тенденции тоже действовали, Мао все же не до такой степени перетряс партию и сократил население страны, хотя сознательно сокращал рождаемость. А, главное, к ценностной, хоть и подконтрольной, экономике Китай повернул через двадцать восемь лет, а мы через семьдесят четыре года, и свои людские ресурсы растратили в куда большей мере.

К возврату Дэна в Китае были сотни миллионов людей, а ко времени Ельцина русская деревня была разорена. Удержи Сталин контроль над хозяйством без отмены НЭПа, или, пройди эти реформы после войны или хоть после его смерти, история могла пойти иначе. В Китае тягу к демократии оживили реформы Дэна, и он сам ее придушил на площади Тянь Ань-Мынь, а в СССР вольности возникли сразу после Сталина и, хоть преследовались, но служили подспорьем и Хрущеву, и Горбачеву, и Ельцину, и придушить их по-китайски Ельцин не мог, как не мог уже ГКЧП. Но заводить подконтрольное ценностное хозяйство России было уже поздно, главной его опоры, дешевого труда, уже не было. А дать экономическую свободу власть не хотела и не хочет.

Один из самых ярких публицистов тех лет покойный Юрий Буртин парадоксально определил сложившийся строй, как «номенклатурный капитализм». От обычного его отличает то, что человек не сам становится капиталистом. Его назначают, поручают быть и помогают стать, то есть, капиталистические отношения сводятся к минимуму. Хозяйство движут не личные стремления частных лиц, а воля государства. На вид - капитализм, а на деле - тоталитаризм, только более гибкий.

Китаю эта гибкость позволила стать мощной промышленной державой. Технологическая зависимость и внеэкономические партийные рычаги сделали его развитие количественным скорей, чем качественным, но успехи налицо. В китайском экспорте 80% - промышленные товары, а в нашем их - 15%, преобладает сырье. Их номенклатура живет дешевым трудом китайских рабочих, а наша дарами природы, нефтью и газом. Из застоя, в каком Ельцин Россию взял, ее было не вывести одной гибкостью. Требовалась уже не гибкость в рамках тоталитаризма, а свобода от тоталитаризма. Не великие стройки, а множество индивидуальных инициатив.

За двадцать лет после 1991 страна не совершила рывка в развитии, какой обычно приносит свобода. Но ей свободы не дали, а частные инициативы власть пресекала. Реформы спасли номенклатуру, названную элитой, а революции тогда, вопреки уверениям, не было. Революция сменяет правящий класс, или он хотя бы делит правление с

другими классами. У нас вышло иначе. Вместо Секретаря Ставропольского обкома страну возглавил Секретарь Свердловского.

При Ельцине частная собственность неприкосновенной не стала, привычные советские суды от безвозмездных изъятий и сноса домов не защищали. Но пореформенная нищета и тяжелое состояние хозяйства, пришедшего в 1998 к дефолту с четырехкратным падением стоимости рубля, еще сдерживали беспардонность правящего класса. К тому же, свободу печати, сворачивавшуюся уже после 1993 года, еще не привели к общему знаменателю. Но после передачи власти Путину, на мировых рынках взлетели цены на нефть, и режим ощутил себя тверже. Нефтяной поток, а не Путин, облегчил положение части граждан, но он укрепил и Путина, он все меньше озирался на население, а массовую информацию присвоил полностью, за вычетом разве что интернета. Произошла тоже не качественная, а количественная перемена, но столь крупная, что кажется качественной. Государственные лица богатеют не таясь и чинят произвол.

А пропаганда внушает стране и миру, что у нас тот же строй, что в Европе и Америке. Но покойная экономистка Лариса Пияшева еще в гайдаровскую пору говорила: «Нельзя быть немножко беременной». Либо надо прямо сказать, что не была Россия беременна, не вполне поменяла командные отношения на ценностные, а в случившемся после 1985 или 1991 годов виноваты слабость Горбачева, пьянство Ельцина и недолгое тогда падение цен на нефть. И надо вернуть КПСС комитетскую власть, хоть вряд ли это обойдется без гражданской войны. Либо надо расстаться с номенклатурным капитализмом и перейти к реальному, его не идеализируя.

Капитализм, как и демократия, - плохой порядок, но все другие, к сожалению, еще хуже, еще менее эффективны и отдают судьбу страны на закрытое усмотрение монополюльно правящей номенклатуры, а капитализм, в отличие от комитетской власти, не способен навеки покончить с общественной борьбой и, в частности, с классовой борьбой. В силу его конкурентного характера классовая борьба при капитализме, в отличие от других общественных порядков, обрела и ненасильственные открытые формы, в которых нередко смягчает и даже пересиливает его пороки.

Стремясь одолеть их разом, Маркс рассматривал открытую французскими историками классовую борьбу в гегелевском свете ожидая, что победив свою противоположность, буржуев, рабочие войдут в царство свободы от социальной борьбы. Он называл его социализм и коммунизм. Но Гегель говорил не об одной борьбе противоположностей, а о единстве и борьбе. Буржуи и рабочие существуют в единстве. Его разлом еще не свобода. Тем более, как признавал Ленин, что рабочим чуждо социалистическое сознание. И победа не дает им свободы от противоречий, а ведет к новым неизбежным единству и борьбе с другими, новыми противоположностями.

Перебив буржуев, рабочий класс, не только в русской, но во всех социалистических революциях, угодил в новое единство с государством, ставшим его новым работодателем и, тем самым, новой противоположностью. И тоталитарное государство закрепило единство и пресекло социальную борьбу. Не это ли толкало Маркса оговорить, что при социализме и коммунизме государства не станет, что оно отомрет? Но социалистическое тоталитарное государство не отмирает, а набирает силу

и убивает ищущие единства протестующие противоположности в застенках, обнажая утопичность светлой перспективы Маркса. Так было и в России, и в Китае, и везде. Иному и не быть, если «все в государстве и ничего вне государства».

Номенклатурный капитализм от советского реального социализма отличается, но ему не противоположен, а обоим противоположен капитализм без прилагательного. Путин и другие в эти тонкости не входят и, изъясняя свой строй либеральной лексикой, посылают ОМОН против мирных протестов. Идеологию выражает уже не так слово, как действие. Чтобы ее понять, присмотримся к действиям.

Одна из главных проблем страны - сокращение населения. В отличие от Китая, у нас рождаемость не сокращали, но она падает, и не столько из-за войны, кончившейся шестьдесят семь лет назад, сколько оттого, что в России, с ее городским населением, семьи, как в других странах Европы, сознают ответственность деторождения, обязанность детей вырастить и выучить, часто непосильную не только от нехватки денег, но от всего устройства жизни. Большинству семей по силам лишь один-двое. А власти нужна рабочая сила, она готова платить за деторождение, не думая о возможностях семейной жизни и о том, кем вырастут новорожденные. При этом средний мужчина живет в России - 59-60 лет, до пенсии доживет, но ее не получает. А власть и не думает, как укрепить его здоровье, продлить жизнь и работоспособность, как в Европе, отчего там и пенсию платят позднее. У нас хотят все новых работников, которым платить пенсию, вообще, не придется.

Эта, на первый взгляд, не политическая позиция, выдает ход мыслей номенклатурной элиты. За себя она спокойна, руководители СССР (если их не расстреливали) были долгожителями, как правило, а рядовые люди, как редкое исключение. Для номенклатуры люди - это исполнители ее заданий, рабочий скот, быдло. Но современное развитие успешно лишь при свободе, грамотности и активности многих людей, и сам по себе класс, живущий тоталитарностью режима, - тормоз развития. Но даже критики режима часто сводят беду к тому, что нет социальных лифтов, что места в элите расхватаны, и новым поколениям не пробиться.

А это только часть, и не главная, российских социальных проблем. Большинству людей важно не начальниками стать, а своим трудом обеспечить себе достойную жизнь и социальные гарантии. Говорят, что люди в России никогда не жили, как нынче. Некоторые, особенно в Москве, кто-то даже в Питере, действительно живут лучше. Но страна велика, многие живут не лучше, и слишком многие даже хуже. Власть не то, что намеренно совершает злодеяния, но определяет условия жизни и характер производства без оглядки на людей. Она, к примеру, задешево зовет на работу мигрантов, и не зовет своих граждан, не хочет им заплатить чуть больше и помочь в перемещении. Она отвлекается от конфликтов, возникающих при переезде в русские области наших сограждан из автономий. Но главное, она не хочет видеть прямую связь нехватки рабочих рук с низкой производительностью труда, вчетверо ниже Америки, втрое ниже Европы. А модернизация производства и улучшение жизни ее бы подняли. То есть, у России на деле нет нужды в рабочей силе. Но реальная модернизация требует перемен в общественном порядке, а этого-то власть и не хочет. А не признается, что этим, хоть и ненамеренно, тормозит развитие.

Много говорят о коррупции, но не вполне учитывают ее особенности в России. Коррупция имеет место всюду в мире, всюду продажные чиновники, за взятку предоставляют частному лицу возможность обойти или нарушить закон. Есть, конечно, такое и в России. Но как исключение. А правило российской коррупции в том, что взятку дают за возможность поступить по закону. Даже в СССР случались хорошие законы. И великолепные статьи в Конституции, даже в сталинской. Но в советском и в российском государстве, конституции и законы не имеют прямого действия, и следовать им можно лишь по оговоренному инструкциями разрешению начальства. Беря за него взятку русский начальник отнюдь не разрешает нарушить закон. Не он сделал закон никчемным без своего соизволения.

Зло не просто в том, что коррупция - средство кормления элиты, прежде кормившейся от прямых щедрот государства, это лишь одна из ее функций. Главное то, что коррупция регулирует официально разрешенную частную деятельность сообразно ее выгоды элите, а отнюдь не гражданам и стране. Еще больше, чем воровством и продажностью чиновников, она страшна тем, что установила избирательную законность. Богачи и крупные предприятия, которым откаты по силам, с ней живут, средним - трудней, а мелким и вовсе ее не осилить. В девяностые в России было создано больше трехсот тысяч сельскохозяйственных ферм, - остались единицы. А они с тысячами мелких и средних не возникших городских предприятий, и создали бы капиталистическую стихию, подрывающую номенклатурный капитализм.

Идейное давление тоже производят не прямо. В процессе «pussy riot» видят и нарушение свободы слова, и нарушение свободы искусства, и, конечно, нарушение правопорядка, предусматривающего за бестактную помеху законным занятиям других, административный штраф в 1000 рублей с каждой. А их предали суду, держали в предварительном заключении, и приговорили к двум годам. Но не так давно на аналогичный случай власть реагировала совсем иначе. На выставку в музее Сахарова ворвались православные активисты и бесчинствовали, и ломали картины, что было не только бестактностью, а прямым хулиганством. Но схожие поступки, одинаково нарушившие право на дозволенные занятия в отведенном для них месте, и подлежащие одинаковому наказанию, идет ли речь о церкви или о музее, завершились по-разному. За хулиганство в музее не то что не судили, а даже не оштрафовали, а судили организаторов выставки и они лишились работы.

Путин был в курсе дела pussy riot и, конечно, помнил, о деле музея Сахарова, но не вмешивался. А как гарант Конституции, был обязан сказать о вопиюще разных исходах схожих дел. И своей уклончивостью выдал, что ему и всей властной машине религия, на них молящаяся, важнее светских норм. Вот и наше светское государство преобразуют в религиозное, вводят в России персидский порядок. Путин сердится, что развитие страны требует признания ценностей, прежде числившихся несущественными. Но забывает, что в XV-XVI веках католическую веру в Европе защищали не менее рьяно, чем он с коллегой Гундяевым православие. А жизнь менялась, и протестантство принесло новые ценности, и католичество смирилось с их признанием миллионами людей. Упор на традиционные ценности и инквизиционные гонения на другие тормозят развитие страны. Едва ли Путин сознательно не хочет

развития. Но идеология, оправдавшая насильственный захват власти номенклатурой, ему нужней.

Уже эти три примера из разных аспектов жизни показывают, что ситуацию в стране всецело определяет воля власти, то есть, режим остается тоталитарным. Нынешнее российское общество – классовое, в нем есть рабочие, есть деревенские работники, недавние колхозники, есть научно-техническая интеллигенция, и какие-никакие предприниматели, но ни один из этих классов не представлен в общественно-политическом поле партией или движением. Все присутствующие в Думе представляют лишь правящий класс, - коалицию силовиков, бюрократов и так называемых «олигархов». Думу заняли партии тоталитарного правления: коммунисты – вчерашнего, «Единая Россия» - нынешнего, ни одна из думских партий не ратует за реальное представительство населения, за присутствие в Думе разных общественных сил.

Власть не выносит открытости политического поля и его регулирует. Народ безмолвствует, но лишь потому, что люди не могут самоопределиваться, сопоставить свое знание реальности с политическими течениями. У тех нет возможности себя показать, у людей – их повидать. И хоть жизнью недовольны десятки миллионов, оппозиции, то есть, движений стоящих на иных политических позициях, чем нынешняя и вчерашняя, практически нет. Тоталитарная природа размыта, и власть выступает то националистической, то левой, то либеральной, но не столько реформирует, сколько маневрирует. А кроме власти, дозволено лишь три политических вектора: левые, либералы, националисты. Но левый на деле не левый, а либеральный - не либеральный.

Активнее других сторонники реставрации той или иной формы комитетского строя, числимого левым. Левыми числятся и традиционные коммунисты, и новые большевики, то примыкающие к старым, то выступающие, как обновители. Но за свободу и народное представительство большевики были до революции, а взяв власть, предпочли себе спецпайки, а прочим Гулаг, хоть и сами туда порой попадали, предпочли номенклатурный статус и диктат партийных комитетов, и переродились, перестали быть левыми. Ленина, раздавшего крестьянам землю, от Ленина загнавшего хозяйство страны в единый государственный концерн, отделяет социальная пропасть, которую не обойти, ни ему, ни созданной им партии. Коммунисты не заглядывают в эту пропасть, - в деле Ленина они дорожат своим номенклатурным уровнем. А большевики-лимоновцы прямо начали с призыва: «Сталин, Берия, Гулаг».

Партии именуемые левыми, - не только в России, - стали, по существу, правыми, возвращающими к тоталитарному абсолютизму. За сто лет наша страна лишилась подлинно левого движения. При нынешнем тяжком положении рабочих в России нет независимого рабочего движения, занятого не изучением социализма, а защитой надлежащей оплаты труда и социальных гарантий. Нет и сильного движения в защиту авторского права, не только литературного, но научно-технологического, как важного условия развития. Псевдо-левым нужна власть, чтобы государственным насилием насаждать свою волю, - другая жизнь им чужда.

Либералами у нас числят сторонников чубайсо-дэновских реформ, требующих некоторого учета ценностных отношений, но эти реформы либеральны лишь для натурального хозяйства феодальных или советских времен. Не зря Гайдар и Чубайс сами звали себя правыми. Они впрямь правые, поскольку частной деятельности навязали государственный поводок, отвлекшись от его воздействия на социальные отношения. Само слово «либерализация» вошло в наш обиход с гайдаровской либерализацией цен, состоявшей в освобождении единственного собственника, государства, от ограничений на продажные цены, и вздувшего их в разы. Это и было прямое ограбление народов России, куда большее, чем выдача «олигархам» собственности, именуемой «общей».

О каком либерализме говорить, когда лидер либералов Чубайс уверял, что в Чечне возрождается наша армия. Отдельные либералы в постсоветской России попадаются, но либеральных движений, кроме разве вялого «Яблока» да правозащитных групп, к несчастью, нет. За двадцать лет экономическая свобода, обещанная в 1991 не окрепла, а ужалась. Немцов бранит Путина, которого сам сперва поддержал, за то, что стало очень уж круто, а крутые меры Путина охраняют номенклатурный капитализм Ельцина, который надо не охранять, а отвергать, как продолжение старого комитетского тоталитаризма.

Не отвлекаться и от того, что и власть, и псевдо-левые и часто псевдо-либералы, так или иначе пронизаны сильным националистическим духом. Советская власть винила в национализме все народы, кроме русского, объявленного, как первый меж равных, эталоном интернационализма. В Литве мне говорили, что интернационалист это тот, кто знает один язык, а националист – знает, по крайней мере, два.

Положение изменилось. Хотя национализм обострился у всех народов, русский вышел на первый план. Но, в отличие от других, русский национализм не однороден. Основная, имперская, тенденция родилась еще при царях и продлилась, в советскую пору. Это не столько даже национализм, сколько шовинизм, ставящий русских выше других народов. Где – народов России, где – народов, как говорят, «постсоветского пространства», где – Европы и других материков. Ныне он открыто проповедует «сверхнационально-русскую» империю и требует власти над «исторической» Россией, то есть над территориями за географическими границами, и откровенно призывает к экспансии. Примечательно, что призывы к экспансии, то есть, к войне, власть не сочла экстремизмом. Доводы этого движения изложены во многих книгах, то анонимных, под девизом «Проект Россия», то под тем же девизом созданных авторскими коллективами, как «Русская доктрина». Многие тезисы оттуда, в не столь откровенной виде, берут на вооружение и власть, и псевдо-левые, и даже некоторые псевдо-либералы.

Эта позиция не нова, но в советские времена редко всплывала открыто, ее опознавали не так по текстам, как по выселениям народов, при которых половина погибала, и по дискриминации инородцев в учении и на работе. При Сталине комитетский социализм, на словах интернационалистский, на деле уже стал формой национал-социализма. Не потому, что «побежденные диктуют победителям свои законы», а потому, что тоталитарный режим, тяготеющий к унификации, не

терпит иных. Этот воинствующий шовинизм маргинален, но активно популяризуется, и власть не возражает.

Есть, однако, в русском национализме и совсем иная тенденция, растущая из раздумий о судьбе своего народа. И она не нова. Создать национальное русское государство, отпустившее колонии и этим избавившее свой народ от нужды их удерживать, многие хотели после революции, когда советская власть образовывала номинальные государства даже малочисленных народов СССР, но не русского, по положению «первого среди равных» лишённого отдельного механизма выражения национальных нужд. После Чеченской войны русский народ острее ощутил несообразность жертв, принесённых им на протяжении последних пяти веков российскому государству, на словах его почитающему, но обрекающему жить куда хуже других европейцев. Царская власть на триста лет закрепила своих подданных, чтобы завоевать и удержать империю. Большевики, следуя примеру царей, закрепили крестьян в колхозах. Положение и ныне не сильно изменилось. Лозунг «Хватит кормить Кавказ!» плох тем, что не содержит в себе призыва отпустить Кавказ на самокормление. Но и этот плохой лозунг – знак осознанию русским народом, что империя у него на шее и уродует жизнь.

Трудно сказать, возобладают ли национал-либеральные взгляды над имперским шовинизмом. Признают ли национал-либералы, что лозунг «Россия для русских» неразделим с лозунгами «Чечня для чеченцев», «Татарстан для татар» и так далее? Смогут ли они, создавая демократическое русское национальное государство, вступить с автономиями в договорные отношения или вместе с шовинистами вынудят их желать полного отделения? Сложится ли в национальном русском государстве лояльность к обильной в русских городах многонациональной диаспоре и признают ли принадлежащих к ней полноправными гражданами? Без этого, ничего иного, чем есть, не получится. Имперские шовинисты кричат, что внимание к малочисленным народам дробит общность, сложившуюся веками. А оно помогает вырастить добровольную общность вместо принудительной, доводящей до бомбежек автономий, нуждающихся в автономности. Поэтому то или иное решение русского вопроса определяет будущее России, и наивно думать, что будущее можно устроить, делая вид, что такого вопроса нет.

Однако столь же наивно думать, что дело только в нем и сводить распад СССР и нынешние национальные распри к тому, что Горбачев и Ельцин (до Чечни) притушили советский имперский шовинизм. Но распад Советского Союза – не геополитическая катастрофа, как уверяет Путин, а напротив, – катастрофа тоталитаризма. Только и слышно, что СССР проиграл холодную войну, а Европа и Америка выиграли и разрушили СССР. Но холодную войну никто не проиграл и не выиграл. Америка, – возможно, поняв, что сверхдержавой не быть в одиночку, без противовеса в лице СССР, – даже пыталась уберечь его от распада. Президент Буш-отец ездил на Украину убеждать Кравчука не выходить из Союза.

Беда была не в Америке, а в том, что наша не столь богатая страна тратилась на сверхдержавность не по средствам, не сводила концы с концами и, обладая самой сильной в мире армией, слабела от этого настолько, что за десять лет не могла справиться с Афганистаном, куда, конечно, поставляли стингеры, но не солдат. А при наглядной слабости

Москвы, груз московских имперских бесцеремонных команд перевесил в сознании республик выгоды связи с Россией. В большой мере СССР распался в результате бессилия в афганской войне, чего советские руководители, ее развязавшие, и в мыслях не имели.

Уже в 1991 году всякому, кого заботила судьба СССР и потом России, стала ясна ее зависимость от того, определяют внутреннюю жизнь имперские команды или взаимобязующие договора. 19 августа руководство СССР предпочло команды. Противоставшее им тогда руководство России, предпочло их три года спустя, начав войну в Чечне. И ныне судьба страны зависит от способности опять не разориться зазря. Пока нефть и газ в цене и Запад, заботясь о другом, помогает России и Путину удержаться, катаклизмы у нас не очень вероятны, хоть растущая тяга к советским методам и планы утроить военные расходы, мешает думать, что исключены.

У вооруженной атаки на власть,- хоть бы охотников участвовать в ней было больше, чем по 31 числам на Триумфальной, - при нынешнем состоянии страны шансов нет. Но даже если катаклизм изменит позиции людей, пока предпочитающих не вступать, и вспыхнет революция, не оранжевая, а кровавая, это не повод для оптимизма и веры, что новая власть будет демократической. Ни от псевдо-левых, ни от имперских шовинистов, ни даже от псевдо-либералов этого не дожидаться. А псевдо-легальная смена власти возможна лишь по сговору нынешней с другими мракобесами. Волеизъявлению масс мешает не просто фальсификация подсчетов, но невозможность опознать и выдвинуть лучших кандидатов, А среди власти сторонников хотя бы частичной демократизации нет. В конце восьмидесятых не только Яковлев и Шеварднадзе, не только Горбачев и Медведев, но и Громько, и Лигачев, признавали нужду в переменах, хоть и спорили в каких. Все-таки были, какие-никакие политики.

А ныне партийная верхушка отдала власть не Путину, а спецслужбам, другие кандидаты на первую роль, Примаков и Степашин, тоже были оттуда. Это не тактический сдвиг, не поиск иных персональных качеств, чем у экономистов девяностых годов. Это стратегический возврат от бродивших в пост-сталинской коммунистической верхушке идей расширения общественной базы строя за пределы самой номенклатуры, к увядшему вместе с «культом личности» пониманию партийным шефом КГБ Сталиным власти, как диктатуры, в идеологии именуемой диктатурой пролетариата и персонифицированной в личной диктатуре вождя,

По мысли Маркса, диктатуре пролетариата, как власти класса составившего большинство населения, после революции, свергнувшей капитализм на высшем этапе его развития, надлежало осуществить быстрый переход к социализму и коммунизму. За полтора столетия с лишним лет этот расчет нигде так не сбился уже потому, что с середины двадцатого века развитие капитализма вело к сокращению численности пролетариата и утрате им шансов составить большинство. А диктатуры революционных партий, начиная с ленинской, вместо власти большинства, установленные под тем же именем, насильем подавляя большинство граждан, на неопределенный срок неизбежно становились тоталитарными режимами. Зримее других диктатуру воплощали органы прямого насилия, и сила Сталина тем во

многим и объяснима, что он раньше других взял эти органы под непосредственный контроль. И если при Хрущеве они попали под контроль разных партийных начал, то Ельцин вернул им высшую власть, отдал ее целиком, в отличие от Сталина, ни лично, ни своим аппаратом их уже не контролируя. Путин может открыто провозгласить диктатуру. Ее может, устранив его, установить какая-то из близких ему групп. Но ни то, ни другое не сулит демократию, даром что оптимистов, верующих в «сладкую» диктатуру, не меньше верующих в «сладкую» революцию. За диктатуру и нашумевшая недавно статья Пастухова. Но смена диктатур лишь меняет кличку правящего класса, - не дворяне, а номенклатура, не номенклатура, а элита, а по «Русской доктрине» - аристократия. Меняют не жизнь, а названия.

Говорят, все решается у нас в Москве, и мощная мирная демонстрация свалит власть. Но для этого, во-первых, ей надо быть впрямь мощной, как 19 августа 1991, когда вышло около миллиона, а, главное, тогда люди вышли не валить власть, а поддержать президента СССР, устраненного заговорщиками, и президента РСФСР, по тем временам законных. Массовое сознание видело в ГКЧП нарушение порядка. 19 августа в России была не революция, а массовое выступление в защиту законности, против преступного заговора партийного руководства. И страна поддерживала законные перемены, а не незаконный реванш,

Ныне нет ничего подобного. Тогда сложилась, как всегда при катастрофе строя, революционная ситуация, ведущая к революции. Революция не состоялась, но власть ощутила ситуацию, и соперники по номенклатуре ею воспользовались в своих целях. Ныне «оппозиция» целей не оглашает, зовет лишь к честности на выборах и требует от нового президента, чтобы старая система работала лучше, чиновники - не брали взяток, а полицейские и судьи соблюдали закон. Словно без изменения строя это возможно.

А перемены, без которых отечество зашло в тупик, - не просто смена лиц. Петр Великий, при всех к нему претензиях, набравшись в Немецкой слободе ума и съездив в Англию простым рабочим, изменил страну. Но обстоятельства с тех пор переменились, прошли промышленная и научно-техническая революции, и, чтобы стране быть среди первых, мало узнать чужие навыки, купить компьютеры и завести Сколково. Научного заповедника нынче мало, надо всей стране жить иначе. Это не организационная, а социально-политическая проблема. Жизнь меняется не от мгновенной революции, убирающей помехи развитию, а в закрепляющей перемены долгой повседневной борьбе с властью за нужды общества. Певшие «весь мир насилья мы разрушим», дивились, что «затем», в новом мире, который они строили, их расстреливают. И если революционер Ленин, впервые в России проведший свободные выборы, взяв власть, навсегда разогнал честно избранный парламент, неужто большевики Лимонов и Удальцов, увидав, что избран не такой парламент, как они хотели, с ним примирятся?

Авторы книги «Русская доктрина», - я, кстати, советую желающим знать, что в головах большинства российской элиты, ее прочесть, - задавшись вопросом, чего же недостает РФ, чтобы стать могучей страной, Россией, себе отвечают: «людей», и учат готовить и внедрять супер-

менеджеров так, как в СССР готовили разведчиков. И убожество нашей элиты, толкает думать, что людей впрямь недостает.

Но Россия, в силу разных причин, как раз богата способными людьми, и спросить бы надо, что им мешает себя проявить. При комитетской власти мешали барьеры, то социальные, то национальные. Говорят, их не стало, но способных людей не прибавилось. Более того, за двадцать лет из России уехало больше десяти миллионов человек. Уехавшее большинство евреев, - не больше миллиона, чеченцев уехали тысячи, а подавляющее большинство уехавших - этнические русские. И в союзных республиках их живет еще двадцать миллионов, в свое время туда посланных или высланных, и они тоже не спешат обратно в Россию. Чего же этим, часто способным русским людям, в России недостает? А недостает свободы.

Свобода, которой недостает, - не просто отсутствие цензуры, с 1989 по 1993 практически прекращенной, - тогда можно было в печати ругать власть, как хочешь. Это и не только возможность читать книги или видеть чужие страны. С этим, хоть, ограничения сохраняются и даже растут, еще все же легче, чем было в СССР, но нет свободы практической деятельности, свободы частной инициативы. И ее не может быть при вертикально централизованной власти, где все держится тем, что элита, номенклатура, всегда права.

Галич пел: «Бойтесь того, кто скажет: я знаю, как надо». Это пелось о диктаторах с ружьем и властью, знания которых включались в программы школ и были общеобязательны, даже если не соответствовали действительности. Эта вечная нерушимая правота власти и тормозит Россию и русский народ. Не суть, опирается она на марксизм-ленинизм или на истинно православную веру. У государства не только вся собственность, но и вся истина, все у него под стражей, хоть не все птицы выживают в клетке. И не зная татарского языка в Москве решают, какая письменность ему удобней, латиница или кириллица. И все в России так.

Вся власть сосредоточена в руках президента, названного еще гарантом и, тем самым, толкователем Конституции, и на практике исполнительная власть возвышена над судебной и законодательной. Разделения властей на деле нет. Доходы от всего производства страны забирает Москва, и как захочет потом распределяет. Федерация состоит из субъектов, в большинстве не способных себя прокормить и кругом зависящих от центра. Потому нет и разделения власти по уровням, высшая, дающая деньги, вмешивается в любые решения областной, а областная в решения местной. В такой системе отдельный город, даже великий, как Петербург, - провинция, а отдельный человек - винтик, как назвал его Сталин. Сталин эту систему и завел - зависимость областей от подачек центра облегчала ему управление и побуждала правящий класс всей страны быть заодно в той войне, которую власть ведет с населением. А соединишь нищие русские области в 15-20 краев, способных себя прокормить, из их самостоятельности родились бы новые инициативы. Обрети Питер, Нижний, Пермь, Самара, Новосибирск, Иркутск, не говоря об автономиях, некую самостоятельность, обнаружилось бы, что Россия куда разнообразнее и богаче людьми, чем позволяет система. И окажется, что не во всех регионах политические симпатии клонятся в одну сторону. А Путина звали, чтобы такого не допустил.

Эту тупиковую ситуацию преодолевает лишь демократия. Но и понимание демократии у нас изуродовано. Одни толкуют ее как высшую степень патернализма, как государственную раздачу благ. Другие ориентируются на Афины, откуда это слово. Но в афинском народном собрании участвовали лишь свободные мужчины, уроженцы Афин. Ни женщины, ни иногородние, которых в Афинах было полно, ни вольноотпущенники, не говоря о рабах, голоса не имели. А современная демократия живет принципами на которых граф де Монфор в XIII веке создал английский парламент. В него вошли бароны, но и представители рыцарей и городов. Демократия – это социальный компромисс, состоящий в том, что гражданские войны, к которым толкают общество его противоречия, идут не на поле боя, а в парламенте, как месте для дискуссий, и на избирательных участках.

Чтобы придти к демократии, надо признать, что наша страна не только многонациональна, но любой ее народ и, тем более, русский, раскиданный по огромному пространству, не может быть во всем единым. Название правящей партии «Единая Россия» - нелепость, Россия, может быть, наименее единая, самая разнообразная страна на свете, Конечно, жизнь требует от сограждан согласия по многим пунктам, но добровольное согласие возникает лишь там, где у каждого есть права и с каждым нужно считаться.

Присматриваясь к корням согласия в странах, часто раздираемых избирательными битвами, замечаешь, что название страны United States of America переведено на русский не вполне точно, - «Соединенные Штаты Америки», - а надо бы Объединенные Государства Америки. И стало бы понятно почему, хотя Гор собрал больше голосов, Буш стал президентом. Да потому, что президента там выбирают не просто граждане, - большинство можно набрать в двенадцати государствах, - а все пятьдесят объединившихся государств. У каждого есть голоса, пропорционально числу его жителей, и каждое отдельно большинством голосов решает, кого предпочесть. Поэтому и меж выборами никем нельзя пренебречь, сказать: решает столица, а вы заткнитесь.

А у нас единство достигается запретом неугодного власти и прямым насилием. У нас общие нужды – это нужды правящего класса, он за всех нас их выражает, уже не на выборах. У нас даже от оппозиции ждут единения, и мажут грязью любого, кто, критикуя власть, винит ее не в том, в чем большинство. А демократия держится поиском взаимоприемлемых решений.

Тоталитаризму они не нужны, его правящий класс ценит свою монополию на разрешение всех противоречий в свою пользу, и не ищет компромиссов с населением. Хунта, присвоившая власть в январе 1918 года, в переменном составе под разными знаменами уже скоро сто лет ведет никак не парламентскую гражданскую войну с населением. Потому и ситуация вечно напряжена, и, в отличие от всего мира, мы содержим внутренние войска, предназначенные отнюдь не для защиты родины от агрессора. А не смеем сказать, что власть не только четыре года вместе с нами воевала против Германии, но и в те годы и всегда против нас, что миллионы жертв Сталина – жертвы той войны, которую правящий класс ведет с населением, и миллионы политических заключенных – пленные той войны.

После пресечения нэповского компромисса до Горбачева о новом не было речи. Ельцин на него было пошел, да сам и подорвал, заставив население оплачивать многолетние просчеты компартии, а Чеченской войной и вовсе пресек его дух, и опять правят бескомпромиссно, по комитетским обычаям. Потому страна и не совершила скачка. Главное, чего надо добиться, при Путине или без Путина, чтобы власть прекратила внутреннюю войну, которую ведет сто лет. России нужен внутренний мир, а у нашей власти все независимое, неправительственное, под подозрением. Она хочет безоговорочной капитуляции населения. Но, при всем уважении к регулирующей роли демократического государства в таких сферах, как финансы, правопорядок, иностранные дела, оборона и т.п., принцип Муссолини «Все в государстве. Ничего вне государства» нужно внятно отвергнуть. А противостоит ему не лозунг «Россия без Путина» (то есть, с Лимоновым или Сечиным), а не переходящий на личности: «Не все в государстве. Главное – вне государства». (Главное – это промышленность, сельское хозяйство, наука, общественная деятельность, культура, религиозное или светское мировоззрение, искусство, информация, семейная и личная жизнь.) И конкретно: «Выборы губернатора Петербурга без вмешательства центральной власти!».

Таких насущных требований десятки и сотни. Хотя бы частичный их успех выявит новых людей, новые силы, и пойдет стране на пользу. Надо повседневно вынуждать власть к частным необратимым компромиссам. Не идти к ней на службу, а заставить ее служить, - и не абстрактно России, а каждому ее гражданину. Оптимизма тут, понятно, меньше, чем у революционеров. Но, ощутив, что уступок требует не горстка, власть научится уступать, поскольку от населения все же зависит, и не до бесконечности может глушить зависимость нефтяными наркотиками. А революционная стихия окажется не милосердной, чем в 1917.

В российской ситуация важна конкретность, а это, прежде всего, отказ от всевластия и признание прав отдельного человека, отдельной деревни, отдельного региона, отдельного народа, отдельного общественного класса, отказ от навязывания всеобщего единства, на деле служащего лишь правящему классу. Элите, как прежде номенклатуре, власть дороже страны. Оттого и ожесточается, и собирает силы, и даже может пожертвовать Путиным, но мягче без него не станет. Ныне мы перед лицом ожесточения и гадаем, как повернут. А первоочередная нужда России - автономизация, спуск значительной доли власти с высот самодержавной ленинской партийной вертикали на региональные и местные ступени, где она больше зависит от воли населения. А если останется самодержавие, как бы ни звали царя, ничего, по существу, не изменится. Так все и будет.

Чьи мотивы важней понять? 29.9.12

Кассационный суд еще наглядней Хамовнического продемонстрировал, что дело Pussy Riot политическое, а не юридическое. Там правонарушению, совершенному подсудимыми, бездоказательно приписали выдуманный мотив, обращаящий его в преступление. Кассационному суду надлежало

либо получить доказательства мотива, либо исключить его из обвинения, отменить наказание за придуманное преступление и наказать за реальное правонарушение. В Московском городском суде не могут этого не понимать. И если оставили впечатление, что не понимают, объяснить это можно лишь тем, что решения принимали не суды, не Хамовнический и не городской.

Хамовнический приговор с предварительным полугодовым заключением, органичный в ряду летних думских законов, обещающих показать кузькину мать, в отличие от них, вызвал на западе возмущение, едва ли не большее, чем убийство Магницкого. Путин сперва даже отгородился, заметив, что, осуждая правонарушение, он надеется, что приговор не будет немилосердным. Когда же вынесли именно такой, что вызвало новый взрыв возмущения, президент накануне кассационного рассмотрения заявил, что приговор справедлив. А милосердие российского суда стали демонстрировать, смягчив приговор одной из подсудимых.

Найти к этому повод по ходу кассации было невозможно, поскольку уже первоначальный адвокат в Хамовниках указал, что Самуцевич успела меньше, чем две другие, но судья Сырова, вынося свой несправедливый приговор, вполне справедливо не усмотрела принципиального различия в поведении обвиняемых. Не видела его, очевидно, и сама Самуцевич, поскольку об отказе от прежнего адвоката заявила уже в ходе кассационного рассмотрения, а не хотя бы днем раньше. Смена адвоката, как возможность настоять на своем особом положении, была ей явно подсказана и, возможно, не только личными друзьями.

Хоть защита своей особости предполагает хотя бы условное признание подсудимой и новым адвокатом, что совершенное Самуцевич подлежит не административному, как велит закон, а уголовному наказанию, хотя бы в условной форме, корить девушку за согласие на освобождение в такой форме не стоит. Вину она не признала, заявлений в ущерб подельницам не делала, а всякий, если не предаст товарищей и не нарушает прежних обязательств, чего в данном случае вроде не было, правомочен лично решать, как ему быть. А свобода – бесценное благо. Тем более Самуцевич не отвечает за то, что суд изменил приговор ей одной, хотя и несообразно с законом. По закону и она, и две другие женщины, за совместное правонарушение должны уплатить штраф до 1000 рублей каждая.

Выделяя ее дело, суд, конечно, поступил вопреки закону. Прежде всего, танцовщик, «задирающий ноги» и музыкант с гитарой в равной степени участники представления, в чем смею квалифицировано заверить. А главное, сопоставлять значимость участия каждой в общем выступлении панк-группы неправомерно, поскольку оно было пресечено охраной и служащими храма, откуда Самуцевич выставили на тридцать секунд раньше, чем Алехину и Толоконникову. Но большая или меньшая расторопность охранников - не мерило правонарушения, да еще объявленного преступлением.

Смягчение приговора Самуцевич говорит лишь, что у Путина есть мотивы даже отчасти не отходить от избранной после выборов жесткой линии. Он освободил лишь ту, кто хотя бы условно согласилась с его трактовкой закона, но не стоящих на почве закона матерей малолетних

детей. Так он понимает милосердие, однако хочет поддерживать иллюзию, что с ним все же можно иметь дело. Между тем, процесс Pussy Riot как раз показывает, что невозможно.

Строй остается советским 7.2.13

Капитализм, - общественное устройство, отвергшее прежние принудительные порядки во имя свободы хозяйствования, - именуют реакционным. Буржуазность противопоставлена революционности, словно не буржуазные революции дали свободу и повели к научному и промышленному прогрессу, словно не трижды проклятый капитализм движет развитие человечества.

Живущий не первобытным родством, не внеэкономическим принуждением древности и средневековья, а гражданскими отношениями: наемным трудом, товарным производством и рынком, он обрел возможность быть взаимно выгодным.

Возможность – понятно, еще не реальность. Капитализм, - не царство божие. Но и не «азиатский способ производства», не рабовладение, не феодализм и не тоталитарный режим. Он различает право и произвол. Маркс это упустил.

Маркс уличил капитализм в присвоении «прибавочной ценности» (стоимости), то есть, удержании предпринимателем из оплаты рабочей силы, отданной производству, превышений над минимумом, достаточным, чтобы поддерживать свою рабочую силу. И опять упустил, что рабочий на это жесткое условие пошел добровольно. Что у рабочего есть выбор, невозможный для крепостного или раба, принудительно трудившихся на барина, от которого спасало лишь бегство.

А свободный человек выбирает, платить ли буржуа лишний налог в виде прибавочной ценности, получая зато работу и зарплату. Или оставаться без работы и перебиваться, как знаешь. Этот конкретный выбор между капитализмом, при всех его пороках, и внеэкономическим строем – от «азиатского» до тоталитарного, - рабочему важнее всего.

Капиталистическое общество невозможно понять, видя в нем лишь массы и классы, не замечая миллионов отдельных людей с их отдельными, конкретными жизнями. В том и загвоздка, что капитализм - общество свободных людей.

Тит Титыч - не феодал-аристократ, не вождь народа, покорившего рабов. Он имеет дело с рабочими не от лица государства или племени, а от себя лично. Кто умом, усердием, добросовестностью, кто - хитростью, ловкостью, подлостью, - обрел собственность, позволившую нанять рабочих, начать дело. При всей схожести капиталистов, собственность каждого - отдельная, частная. Их много. И каждый производит продукцию не себе, как феодал, а для поставки на открытый рынок, конкурируя с другими капиталистами, занятыми тем же. Потому они все и заинтересованы в нормах отношений друг с другом, в институтах и учреждениях, эти нормы поддерживающих, - в представительном государстве, в праве, в суде.

Своеобразие капитализма не в прибавочной стоимости, при всей красочности описанного Марксом ее присвоения, - всюду один класс имеет

материальные преимущества за счет других. Особенно наглядно при тоталитарном режиме, где правящий класс коллективно владеет достоянием страны, а остальные лишь временно пользуются. Отличия капитализма, - кроме свободы рабочего и самостоятельности капиталиста,- это частная собственность и конкуренция. Где их нет – нет капитализма. В России, как не было неприкосновенной частной собственности и реальной конкуренции, так и нет.

II

Машина обострила капиталистические отношения. Она подняла производительность труда, не увеличив затрат рабочей силы. Она дала больше ценностей и позволила брать больше «прибавочной». Рабочие, начав было ломать машины, подняли классовую борьбу с их владельцами. Да не выяснили, какая часть «прибавочной ценности» недодана за физическую рабочую силу, а какая за умственный труд, ушедший на создание машины. Доля умственной рабочей силы, годами переносившаяся машиной на каждый производимый предмет, сперва была меньше доли уходившей на него физической рабочей силы. И Маркс пренебрег умственной рабочей силой, сочтя творцом ценности лишь рабочего от станка.

Уже это исказило понимание классовой структуры капиталистического общества. Его у нас рисуют состоящим из рабочих и капиталистов, как рабовладельческое – из рабов и рабовладельцев, хотя и в Риме и в Афинах большинство составляли свободные люди, не имеющие рабов. Точно так же капитализм сводился к двум классам лишь на самых ранних этапах, когда разоренный копигольдер нанимался в батраки к устоявшему соседу или к лорду. А с крушением феодализма открылось, что самый многочисленный класс капитализма – не наемные рабочие и не предприниматели, а одинокие производительные собственники – крестьяне и ремесленники.

При машинном производстве появляются наемники умственного труда, - техники, а наряду с ними и ростом с середины XIX века научно-исследовательской работы, - научные работники. Классовая структура динамизируется.

Ее сложность, даже в начале машинного этапа, еще не вполне читалась. Межклассовые противоречия заслоняли сущностные смыслы внутриклассовых. Общественное сознание, как физика тех лет, хотело стройности. И самый большой класс буржуазного общества, крестьянство, не брали в расчет, не видели ему другого пути, кроме прямолинейной пролетаризации. В 1848 Маркс предрек капитализму гибель от «диктатуры пролетариата», когда тот станет большинством

III

Русские большевики, назвавшись марксистами, отвергли капитализм в 1917, прежде, чем он в стране восторжествовал. Вместо полуфеодального строя с крестьянским большинством они провозгласили «диктатуру пролетариата», составлявшего меньшинство. Его именем правила их номенклатурная партия, образуя правящий класс. Ленин отверг понятия «ценность» и «собственность», и в запланированном

им государственном «сверх-концерне», стало не «углядеть, где начет, где вычет». Это отличало абсолютный тоталитаризм Ленина от все же расчетного в фашистской Италии, нацистской Германии или потом в обновленном Дэном Китае. Власть и там переступала ценностные отношения, но зорче их сознавала.

Революционное стремление большевиков упразднить капитализм перечило тогдашней революционной ситуации, ждавшей от России преодоления феодализма и приобщения к ведущим капиталистическим странам. Оттянув, из страха пред резкостью необходимого перехода, выборы в Учредительное собрание и социальные реформы, Временное Правительство наткнулось на другом фланге на активность генералов, готовых, если не вернуть царский строй, то отнять власть у боязливых приверженцев реформ. И большевики, взяв власть в Петрограде, провозгласили реформы, даром что главные из них, Декрет о земле и Декларация прав народов России, противоречили их политике и реальным целям.

Декрет о земле был списан с проекта партии эсэров и выражал волю крестьян получить, наконец, землю, то есть, при всех оговорках, вел к развитию капитализма, что планам большевиков противоречило. Декларация прав народов России внешне отвечала марксистскому интернационализму, но противоречила тоталитарным установкам ленинской партии, стремившейся удержать все, что могла, и успешно удержавшей многие народы империи в едином государстве.

Уже главный лозунг: «Вся власть Советам!» выразил тоталитарный принцип. А будь даже новые органы власти легальными, нет причин какому-то из них обрести «всю» власть, ничем не ограниченную. Отказ от деления власти на законодательную, судебную и исполнительную, и отказ высшей власти от закрепления за нижестоящей ее полноты в определенных ракурсах, это и есть тоталитаризм.

И когда административный тоталитаризм через Госплан командовал хозяйством, слаженным по волевым заветам Ленина, как единым достоянием страны, не допуская частной собственности и объективности ценностных отношений, государство обратилось в хозяйственную монополию, не знающую конкуренции, не сопоставляющую предложение и спрос, и не имеющую механизмов координации доходов и убытков. Поздней, пытаясь развивать хозяйство, Хрущев и Косыгин безуспешно пытались завести такие механизмы в тоталитарной системе. Но добив капитализм уже в 1929, Советский Союз стал примером всевластия и ведущей тоталитарной державой, еще полней утвердившейся в этом положении после победы во Второй Мировой.

IV

Осенью 1917 большевики, злейшие враги капитализма, брали власть, идя навстречу капиталистическим пожеланиям, если не всех трудящихся, то хотя бы крестьянства. Отменив капитализм после Гражданской войны, им весной 1921, перед угрозой падения своей власти, пришлось его вернуть. Но более девяти лет компромисса с крестьянством и другими классами они не дотерпели, в 1929 с ним покончили. В 1921 году, вводя Новую Экономическую Политику, Ленин говорил: «Мы вводим НЭП всерьез и надолго», А в 1922, он, не сразу решившийся на НЭП, сказал:

«Мы год отступали. Достаточно». Неизвестно, что произошло бы, не уведи его в конце года болезнь от управления страной. Но без него, почившего через год, НЭП за семь лет возродил довоенный уровень жизни.

Было, однако, очевидно, что его продолжение дает перевес не ленинской модели, описанной им летом 1917 в книге «Государство и революция», а крестьянству, составлявшему большинство населения. Большинство этого большинства, имея после революции землю для жизни семьи, активно занялось предприимчивостью и личным трудом. Именно тогда, более чем когда либо, раскрывались возможности свободного русского человека в индивидуальном труде, совершаемом по своему разумению. Освобождение крестьян 1861 года, оставив их с помещиками и прежней государственной системой, выявляло эти потенции слабее.

Большевики, считая, что мелкое крестьянское хозяйство, как учил Ленин, ежедневно и ежечасно рождает капитализм, девять лет не спешили резко ужимать плодоносное развитие капитализма в деревне. И если все же опять решили его пресечь, то не из одной боязни капитализма, с которым справлялись не хуже Дэна. Их очень пугало формирование в деревне десятков миллионов самостоятельных людей, после революции уже не склонных к беспрекословной покорности кому бы то ни было. Свободное русское крестьянство стало мощной социальной силой, и большевистская власть провела коллективизацию, чтобы наново его закрепостить.

Трагедия не просто в том, что принудительный социализм, начатый Лениным и оформленный Сталиным, абсурден, а страна уплатила за него непомерную цену, включая десятки миллионов людей. Трагедия в том, что были уничтожены, - многие физически и почти все в активном социальном качестве, - свободные и работающие люди, способные поднять свою страну. Вместо этого достойного крестьянства, которое и рабочий класс пополняло, и интеллигенцию, опору страны составили замученные узники Гулага, реальные, бывшие и предстоящие, и его тюремщики. Теперь преступные действия могли учиняться без сопротивления обессиленного народа.

Социальный взлет русского крестьянства был важен и национальному формированию русского народа, самобытно выступившего уже в средневековье, создав Киевскую, Новгородскую, Владимирскую и Московскую Русь. Однако, после введения в Московскую Русь, объединившей другие, обитаемые русскими земли, крепостного права, в XVIII- XIX веках произошло явное расхождение культур правящего дворянства и крепостного крестьянства. Говорили чуть не о двух народах, выступающих под именем русского. Огромны были мировоззренческие расхождения. Имперские дворяне, как везде, тяготели к высокомерию и шовинизму. Крепостные, не попавшие под влияние армейской пропаганды, ощущали себя не ниже, но и не выше других народов. Даже в СССР обнаруживались призывы русских к сосредоточению на судьбе русских, а не растрате сил на имперские завоевания. Такие стремления рядовых людей всплывали у Исаковского: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна», и у других.

В СССР была Российская федеративная республика, но, статуса самостоятельного, хоть по форме, какой имели другие, у русского народа не было. Русских крестьян наравне с другими наново

закрепощали, и русских колхозников лишали паспортов, удерживая в ограбленных деревнях. Зато русских звали «первыми среди равных». В правящем слое империи, эмблемами которой большевики подменили русское национальное государство, они и впрямь были первыми по числу и обычно по положению. Правящему классу размеры имперских границ были важнее благоденствия даже тоже именуемых первыми сограждан. А у граждан не было голоса, чтобы спорить, поскольку империя говорила только общим голосом, даже первому среди равных не дав национального. И русским было не сказать, хотят ли они убивать в Афганистане и Чечне, и там умирать. Такая народная полемика не слышна. Неведомо, едины или различны мнения империи и России.

Чтобы одолеть тоталитаризм русскому народу важно не только сменить социальные и экономические порядки, но и возродить отдельное русское государство, не сводящееся ныне, понятно, к Руси Василия III, завершившего объединение русских земель. Лишь сознательный переход от советской империи к русскому национальному демократическому капиталистическому государству, не удерживающему силой никаких территорий, даст России, как дал Германии, понявшей глубину своей катастрофы в 1945, серьезное место в мире.

Говорят, Германии переход удался благодаря западной оккупации. Но будь он лишь принудительным, немцы давно бы его отвергли. Переход совершили немцы, видевшие свой народ иначе, чем гитлеровцы. А русских людей, подобных Аденауэру, Эрхарду, Брандту или Ясперсу, пока не видать.

V

Конечно, Германия пережила военный разгром. Российская тоталитарная система осела не столь наглядно. Но, так или иначе, коммунизм не снес военно-экономического состязания с капитализмом. В 1985 Горбачев провозгласил гласность, разговоры стали свободней. Но реформаторы смутно понимали, к чему стремиться и что менять. Ни Горбачев, ни Яковлев и Шеварднадзе, при лучших намерениях, не сказали, что после «Великого перелома» режим жил, паразитируя на природных богатствах занятой им территории. После более чем полувекового ленинского хозяйственного абсолютизма нужен был поворот к реальности. А с ней не пошли даже на компромисс, не ввели новую Новую экономическую политику. Сделай Горбачев неприкосновенной частную собственность и дай свободу предпринимательства, дай республикам, не только союзным, но и автономным, широкое самоуправление, и подели большие республики вместо безликих областей, созданных когда-то для удобства управления, на тоже самоуправляющиеся и самокормящиеся регионы, открылись бы новые возможности хозяйствования.

Ничего подобного сделано не было и конфликт разных тенденций в правящем классе побудил основную его часть, не слишком ценившую Горбачева, совершить, вопреки ему или с его согласия, военный путч и вывести 19 августа 1991 на улицы столицы танки. Видимо, ждали, что демонстративное запугивание вернет разномыслие в привычное русло. Тут и выяснились масштабы революционной ситуации и готовности людей противостоять

тоталитаризму – против танков вышел миллион безоружных (троих убили), за путчистов - никто.

Поняв, что не выиграли, они пошли на соглашение с Ельциным, как главой протестантов. Подробности неизвестны, но танки вывели. Горбачева освободили, но лишив его власти. Лидеров путча амнистировали, и они благополучно доживали жизнь. А в конце года по инициативе Президентов России, Украины и Белоруссии СССР самораспустился. Белоруссия сохранила советские нравы. Литва, Латвия и Эстония вошли в Европейский Союз. А Россия осталась с тоталитаризмом, хоть и расштатавшимся за последний советский период.

VI

Прежде бесправная РСФСР провозгласила себя независимой Российской Федерацией (Россией) без радикальных перемен в государственном устройстве, с тем же Президентом и тем же Верховным Советом. Декларировали смену общественного порядка, но на деле отвергли лишь абсолютный ленинский идеал - единое внеценностное хозяйства. Вопреки ему была декларирована возможность обладать в России, как в довоенных Италии и Германии и дэновском Китае, частной собственностью и вести частное предпринимательство. Но не создали правовых, финансовых и других структур, в которых эти декларации осуществимы в легальных формах.

Свобода цен, то есть, освобождение их при прощании с СССР от власти Государственного комитета по ценам, была, конечно, необходима предполагаемому капитализму. Однако Гайдар ее провел, когда в России, и.о.премьера которой он был, частного хозяйствования еще не было, всем достоянием страны распоряжалось государству. То есть, он разрешил своим подчиненным, занятым государственной торговлей, взвинчивать цены в зависимости от спроса хоть в десятки раз, что вело к жестокой инфляции, съевшей личные сбережения граждан, способные послужить развитию капитализма.

Приватизация Чубайса по идее тоже была необходима для вовлечения граждан во владение капиталистической собственностью. Каждому гражданину выдавали ваучер, выражавший его частное право на определенную долю общего достояния, которым доселе распоряжалась власть. Обмен ваучеров на реальные права собственности тоже служил бы развитию капитализма. Но обмен вели так, что рядовые люди могли менять ваучеры лишь на бездоходные акции, а люди с хорошими связями – весьма выгодно. И еще, - странность почему-то такая! – объявили предельный срок обмена, а ваучеры, оставшиеся на руках, аннулировали, хотя по смыслу их надлежало обратить в ценные бумаги. То есть, и приватизация обернулась обманом граждан и ростом роли государства в обещанном переходе к капитализму.

Уже тогда эта «либерализация цен» и эта «приватизация» вызывали сомнения в честности их проводивших. Но это не единственно возможное объяснение проявившегося потом. Приглашенные Ельциным экономисты вышли из семинара, долго работавшего на базе Ленинградского финансово-экономического института, где молодежь, уже после Хрущева и Косыгина, обсуждала возможности более сильных реформ, которые улучшили бы самосознание советской экономики. В этом семинаре

участвовали и А.Илларионов, несколько лет пробывший потом советником Путина по экономике, и А.Кудрин, десять лет бывший министром финансов Путина.

Семинар Фин-Эка, собиравший и других грамотных и одаренных экономистов, был из наиболее прогрессивных научных сообществ СССР, искренне стремившихся вдохнуть жизнь в советскую систему. Да только именно эта система убивала экономику страны, и попытки ее рационализировать могли лишь быстрее экономику добить. Чтобы Россию спасти, надо было не совершенствовать эту экономическую систему, а от нее избавиться и сразу переходить к капиталистическому хозяйствованию. Но Ельцин не по наивности и невежеству, как порой внушают, доверился Гайдару и Чубайсу. Его большой опыту политика подсказывал, что лишь экономика советского типа, руководимая государством, позволит удержать Россию покорной политически, и удержать строй, пусть по форме капиталистический, но по содержанию - тоталитарный.

Вот и строителем капитализма, всюду росшего стихийно, входя в сложные отношения с тогдашними государствами, в России объявилось государство. Оно вдруг признало мощными магнатами невесть откуда взявшихся людей. Среди них, получивших кличку «олигархи», попадались и способные внести личный вклад в добычу несметных богатств, обладателями которых они вдруг стали. Но фактически они так или иначе эти богатства получили в свое распоряжение от государства, как его доверенные порученцы.

Граждан приватизация возмущала несправедливостью, тем что одни получили огромные источники нефти или алюминия, а другие – ничего. Внушают даже, что приватизация была разграблением государственного имущества, общего достояния граждан, забывая, что на деле это имущество было достоянием лишь правящего класса, распоряжавшегося им, никого не спрашивая. Порой говорят, что правящий класс просто поделил номинально государственное имущество меж собой. Но и это не вполне точно – часть его стала как бы частной, ее владельцы выступают как крупные собственники, но другая остается государственной, а важные персоны – лишь держатели руководящих должностей. Некоторые сочетают должность с собственностью, но далеко не все.

Смысл приватизации, однако, состоял, не в отделении правящей номенклатуры от государства, пусть даже компенсируемой личной собственностью, а напротив, в более гибком их взаимодействии. Не зря доверенные «олигархи», как и более мелкие фигуры того же типа, вскоре ощутили поручения руководящего государства. Абрамовича послали губернатором Чукотки, чтобы за свой счет скрасил бедность территории, соседствующей с американской Аляской, и он делал, что велели. Потому «олигархи» и смирились с коррупцией, что понимали: не может власть размыывать правящий класс, кормя чиновников хуже, чем «олигархов».

Советское нутро власти вынуждает «олигархов», как при НЭПе «кулаков», ужиматься. Этому ищут причины в дурном характере правителя, забывая, что внеэкономическое вторжение власти в хозяйство пагубно само по себе. Нам напоминают, что Ходорковский перед арестом предостерегал Путина от жесткого правления. Предостерег верно, хотя лишь обрек себя на незаслуженно тяжкую участь. Но, видимо, этот

разумный человек сам не сознавал, до какой степени русский «капитализм» был советским, а его огромное имущество на деле принадлежало государству, которое его и отобрало, не видя нужды даже в юридически чистом оформлении. Недаром вскоре другой олигарх сам сказал: «Все, что у меня есть, я отдам государству по первому слову Путина!»

Переодевание и переименование структур заменило при Ельцине их преобразование, «перестройку». Ни всамделишный закон о неприкосновенности частной собственности, ни либеральные основополагающие реформы, не состоялись. Не то, что они прошли неудачно, или их пресек Путин, - их не проводили. Государство удержало власть над хозяйством, не ставшим ни рыночным, ни плюралистичным, ни конкурентным.

Так «перестраивали» и политическую структуру. Россию, как некогда Советский Союз, объявили федерацией, призвав «Берите суверенитета, сколько проглотите». Но и малость взявшим втыкали в горло штыки. Хозяйство осталось вертикальным, унитарным, им правят сверху. Устоявший правящий класс поддерживал страну нефте-газовой капельницей. Для лечения не делалось ничего.

VII

Лекарства секретными не были. Но советская школа не объясняла десяткам миллионов своих выпускников, что Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века, Французская революция XVIII века, - не ответы на жестокость надсмотрщиков, низкую оплату труда или наглость завоевателей, вызывавших сотни революций, восстаний, бунтов, древности и средневековья. Буржуазные революции велись за установление правового порядка, определявшего нормы деятельности каждого и возможности жизни, прежде всего, экономической. Они не просто расширили диапазон личной свободы, но изменили природу законов, более не сводимых к доброй воле феодала, разрешать или нет ставить мельницу на своей земле, и, вообще, по ней пройти. Стимулом к неукоснительности закона стала объективная нужда в его соблюдении. А Советская власть издала тысячи распоряжений, зовя их законами, расстреливала за их невыполнение, но выражали они не правомочность, а волю власти. Мы жили без институтов, обеспечивающих точное чтение и выполнение законов, и без понимания, что законно.

А в странах, произведших буржуазные революции, право, как важнейшая ипостась государства, присутствует в статусе каждого гражданина как личная правомочность, и там ею обладают все граждане в равной мере. Поэтому в правовой сфере, как и в любой другой, там возможен состязательный процесс, позволяющий защищать перед независимым судом от любого ложного посягательства, в том числе со стороны государства, и неприкосновенность частной собственности, и личную неприкосновенность. Это возможно лишь потому, что даже во Франции, самой централизованной из демократий, не говоря о странах англо-саксонской традиции с ее уважением к автономности, государство не является всецело единым, и его институты действуют отдельно друг от друга, зная о делах друг друга. А реформы Ельцина, Гайдара, Чубайса, не цивилизовали государство в этом направлении. Как

выученик советской тоталитарной экономики, Чубайс не вдумывался во взаимозависимость экономики и политической системы, и радуясь, что «В Чечне возрождается наша армия!», не гадал, что покорение Чечни сулит лозунг: «Хватит кормить Кавказ!»

Беда в том, что в России нет современного государства, сообразного воле правомочных граждан. Сперва ей долго навязывали свои иллюзии фанатики, потом их преемники оценили эти иллюзии как методы личного обогащения. И нынешнему вертикальному псевдогосударству уже не с руки озирать с высот копошащихся внизу, - разве что шумят. Но с них можно брать плату за возможность жить и работать, даже вести бизнес, который, хоть фактически не свой, доход дает.

Коррупцию в России числят пороком, но неизлечимым, почему и не лечат. Между тем, в том подлинном смысле в котором коррупция имеет место почти везде, то есть, как взятка чиновнику за возможность нарушить закон, в России она не очень распространена. У нас взятки берут за вполне законные действия, но нуждающиеся в формальном согласии начальства. Оплатой этого согласия наше псевдогосударство и живет. Кроме террора, оно ничего дать людям не может. А коррупция в рамках приличия и без него велит населению ощущать себя зависимым от благосклонности власти.

Как понимают у нас уведомительный порядок действий? Рекомендация уведомить органы власти о месте своего жительства, зарегистрироваться, - конечно, разумна и служит личной безопасности. Справедливо и требование уведомлять власть о намерении провести демонстрацию или иной общественный акт, - если он перекроет улицу, власть должна обеспечить другим людям обходной проход и проезд. Уведомительный характер разных действий оговорен Конституцией. Но на практике, как и при советской власти, он обращен в разрешительный. Власть легко отказывает и в регистрации, и в демонстрации. Но, хоть это преступления, не было, кажется, случая, чтобы чиновников за них судили.

Чтобы завести бизнес, на каждый шаг тоже надобно согласие и государственный соучастник. Абрамовичу или Прохорову хорошо, - заглянут к Путину, а он соображает. Но в райцентре, в селе, сговориться трудно, вот наш «капитализм» и не снизу растет, а снисходит сверху. Ельцин, Гайдар и Чубайс о такой возможности сдерживать буржуазное развитие, возможно, не гадали. Но нужда в поддержке власти, как раньше партийных органов, актуальна. Открытие частного хозяйства надо согласовывать. Как советского.

VIII

Советский тоталитарный строй, стоявший нерушимо и вдруг ощутивший себя валящимся, - устоял, хоть и ценой больших жертв, политических, территориальных, идеологических, человеческих и других. Природные богатства Российской империи помогли власти выжить. Надежда на перемены послабела. Спротивление не слишком велико. Правящий класс оправился. Он ищет пути дальнейшего выживания. Можно стать сырьевой державой. Изобилие сырья - важное подспорье. Но его недостаточно, чтобы возглавить антибуржуазный лагерь. Маркс, как известно, за сырьем ценность не признавал, сводил ее к затратам рабочей

силы на добычу. Даров природы давно не хватает, добыча дорожает, взаимозависимость владельца и добытчика - меняется. Да и умственный труд, находящий сырью замену, меняет его цену..

Соблазнительно по китайскому примеру опереться на чужой технический опыт. Но в России его заимствование не сулит схожих плодов, – дешевой рабочей силы у нас нет и взять неоткуда. Но, при втрое низшей производительности труда, чем в Европе и Америке, власть мечтает нарастить ВВП массовым завозом за гроши низко квалифицированных мигрантов. Верит, что «прибавочная ценность» от киргизов, таджиков и узбеков, послужит вооружению и борьбе с Чечней.

Положение могла бы улучшить ориентация на умственный труд и «прибавочную ценность» от него. Но это невозможно без глубокой модернизации всего социального порядка. И все же Россия слишком огромна и богата, чтобы погибнуть при мирных обстоятельствах. Но быть ли нам в ряду передовых развитых стран, зависит от способности всерьез преодолеть советские порядки, которая покамест не проявилась.

Свернув с пути, которым шла остальная Европа, Россия провела на волевых просторах тоталитарной власти почти сто лет. Тем временем выяснилось, что это не уникальный путь. Не справляясь с трудностями и противоречиями капитализма, к тоталитаризму клонились и более развитая, чем Россия, Германия, и менее развитый Китай, многие мусульманские страны, многие латиноамериканские. Возникли варианты, где идеологические, где религиозные. Нынешняя Россия все еще мыслит страну сверхдержавой, хоть лишась такого места, разом увела с него этим и США, решившие, что никого больше не должны защищать от СССР. Претенденты на сверх-державность множатся, - это и Китай, и Индия, и Иран, и арабские страны, даже Бразилия. Вскочить в уходящий поезд развития, как смогла разгромленная Германия, России трудно.

IX

Трудно потому, что за почти сто тоталитарных лет России мир развития зримо переменялся. Миром развития мы зовем тот, где это развитие совершалось, где возникли паровая машина, электромотор, двигатель внутреннего сгорания, автомобиль, самолет, компьютер. Этот мир – Западная Европа и Северная Америка, стал таковым не по географическим преимуществам и не по расовому превосходству. Он лишь раньше других осознал драгоценную отдельность каждого человека, что, возможно, было внушено трагическими идеями сектантов, ответивших беспощадности всемогущей Римской империи созданием христианства, и оказался более чуток к социальным проблемам. Пока Россию вела «диктатура пролетариата», рабочие Европы и Америки добились социальных гарантий и избирательных прав. Капитализм на новом этапе научился сотрудничеству соперничающих классов, от рабочих до предпринимателей, не только отъему «прибавочной ценности» физического труда,

Это, понятно, не значит, что мир развития, капитализм, не знает проблем. Присвоение «прибавочной ценности» от умственной рабочей силы, - тем паче, что изобретатели не бастуют, да и платят им не по минимуму, - дает предпринимателям несообразные доходы, и создает

избыточный поток дешевых и необеспеченных кредитов, которые берущим нечем потом оплатить, и государство спасает авантюрных кредиторов во избежание кризиса. Да и цены на нашу нефть и газ вознесены дешевыми кредитами.

Избыток растет оттого, что изобретателю предприниматель платит однократно, а плод его труда использует при создании каждой новой машины опять и опять, хоть уже не так долго, как в XIX веке, а год-два, но вклад его в каждую машину в сравнении с вложенным в нее физическим трудом все растет. И доход от технических идей идет предпринимателю, а не их автору, который тратил бы доход иначе. А одни налоги на эти суммы стали бы опорой сферы, их заработавшей.

Если страну обогащают умы, естественно множить число умов, расширять образование, увеличивать льготы в оплате обучения успевающих, делать его для них бесплатным. Отсюда и требование признать авторство технических идей со всеми вытекающими финансовыми обязанностями других лиц. Укрепление авторства укрепило бы индивидуальные роли участников производства, а тем самым, капитализм, как строй индивидуальных отношений в коллективной работе.

Помня, на сколь ранних этапах капитализма у нас в России стали возникать разрушающие его тоталитарные тенденции, наивно думать, что тяга к ним испарилась. При капитализма массовое и монополистическое начала пребывают в не меньшем противоречии, чем капиталист с рабочим или капиталист с научным работником. Умножение капиталов в одних руках – лишь одно из проявлений сдвига к тоталитаризму, кто бы его ни проводил, Крупп и Тиссен, помогшие Гитлеру, или Ленин, создавший единое хозяйство.

В США подсчет результатов президентских выборов Буш-Гор, на которых Буш набрал больше голосов выборщиков от разных штатов, а Гор больше голосов избирателей, вылился в целую кампанию, уверявшую, что победителем надо считать набравшего большинство голосов, хотя краеугольным камнем американской демократии является верность автономным, как и индивидуальным, правам. Большинство голосов там подают девять крупнейших штатов, но попробуй они навязать свою общую волю всей стране, она расколется. И уступи реальные демократы оппонентам, преимущественно из демократической партии, согласись они считать избранным набравшего большинство в стране, не оглядываясь на штаты, Америка уподобится Советскому Союзу, где страну от развала удерживали внутренние войска, каких нигде больше нет.

Опасность сползания к тоталитаризму, по природе чуждому капитализму, таится а обеих крайностях социальной борьбы. Порой они смыкались и виднейший капиталист Морозов давал деньги большевикам. Преимущества капитализма, его частный характер, и конкуренция, сами по себе не означают, что буржуазное государство или частные предприниматели заведомо справедливы и добросовестны.

Различие в другом. При капитализме гражданин, как участник общественной жизни, обладающий избирательным голосом, правомочен, пусть это не всегда просто, преодолеть нарушение своих прав, а при советском или постсоветском тоталитаризме он заведомо отчужден от общественной жизни, его голос ничего не стоит и никому не нужен, и его

судьба зависит от усмотрения администрации. В СССР случалось, что талантливый и разумный человек добивался успехов, полезных стране и самой власти, но его активность и самостоятельность мышления ее раздражала. Его могли расстрелять, но его открытия продолжали использовать. Хоть Сахарова сослали, на советские ракеты ставили водородные бомбы. У тоталитарного государства нет обязательств перед людьми, а они, без общественного договора, кругом обязаны.

X

Левое движение возникло в борьбе за капиталистические отношения, противопостав феодализму и его реставрации. Вскоре, левым сочли и движение рабочих, как участников капиталистических отношений, защищавшее их права от капиталистов, что совершенствовало капитализм. Но общество составляют не одни предприниматели и рабочие, и его развитию надобно все новое и новое совершенствование капитализма. Лишь сторонников такого совершенствования и можно считать в прежнем смысле «левыми», противостоящими и обычным «правым», ищущим в несовершенстве строя свою выгоду и опору монополизму, и еще более "правым" реставраторам феодализма, рядящимся часто «левыми» и жаждущим уничтожить капитализм, как экономическое общество. Эти, еще более правые, подчиняют хозяйство партийным внеэкономическим хунтам, как при коммунизме, или подчиняют таким хунтам капиталистов, готовых пред ними раболепствовать, как при нацизме, фашизме и «постсоветском» порядке. Поскольку, экономическая альтернатива капитализму за четыреста лет все еще не возникла, традиция его совершенствования остается залогом развития человечества, хоть борьба за него с двумя видами «правых», нередко фактически смыкающимися в единой позиции, послужней былых открытых боев с феодализмом.

Маркс понял, что капитализм - залог развития, но ошибся, решив, что лишь без него оно станет эффективнее. Человек левых взглядов, он, однако, упустил, что перемены ради широкого круга людей реальны лишь с участием этих людей, а не за них. Он учил, что «диктатура пролетариата» совершит общественные перемены, когда пролетариат станет большинством. Но для перемен, за которые большинство, не нужна диктатура. Когда же Ленин, напротив, объяснил, что диктатуре и большинство без надобности, и разогнал Учредительное собрание, жизнь России была предначертана на три четверти века, поскольку свободных выборов в ней больше никогда не было. Здесь видна пропасть меж Марксом и Лениным, которую советская идеология прикрыла дефисом. Маркс многое упустил, звал к действиям, если настанут условия, которые никогда не настали. Оттого его социализм и коммунизм и были утопичны. Другое дело – Ленин. Он не утопист, а волюнтарист. Если Маркс думал (пусть неверно), как сложится общественный строй, то Ленин верил, что сложит его, как хочет. И сложил.

Последствиям этого многие в России противостояли задолго до перестройки, хотя бы нравственно и умственно. Сахаров отчетливей других противопоставил советской жизни демократический капитализм гражданского общества, вдохновив многих поддержать начавшиеся было перемены. Он умер в 1990 году, еще до самороспуска СССР и

провозглашения Российской Федерации. Но нынче академика нередко называют романтиком с идеями далекими от российской реальности. А именно эти идеи владели умами лучшей части российского общества после 1861 года, но власти, сперва царская, потом советская, и, наконец, власть Ельцина, их не проводили в жизнь, даже пользуясь ими, как идеологическим прикрытием. Нынче страна такая не потому, что Сахаров был романтик, - Гайдар и Чубайс воплощали в жизнь отнюдь не его предложения, - а благодаря сговору Ельцина и ГКЧП, позволившему власти устоять в революционной ситуации 1991 года и сберечь основы прежнего строя, хоть и ценой отказа от единого СССР и устранения сверху остававшихся одиозными лиц.

XI

А когда и почему снова возникнет в России революционная ситуация – предмет исследования состояния страны. Ее зависимости от нефтяного рынка. Ее решимости возобновить гонку вооружений. И многого другого, толкающего нынешний строй, как в восьмидесятые советский, к развалу, еще дающему держаться, пока не грянул экономический гром.

Кто виноват? 6.3.13

Познер [недоумева](#)ет: «как такой великий народ, каким является немецкий народ, народ Баха и Бетховена, и Шиллера, и Гете, и Канта, и Гегеля, и бесчисленного количества других великих фамилий, как такой народ мог пойти за Гитлером?» И как мог великий русский народ, “народ Пушкина и Толстого, Чайковского и Мусоргского, Менделеева и Ломоносова пойти за Сталиным?» Пионтовский [меняет](#) список великих: “А как мог народ Шолохова, Пастернака, Коненкова, Ал.Толстого, Эйзенштейна, Станиславского пойти за Сталиным?”, и отвечает: “А как же ему было не пойти, если эти властители дум, не просто инженера человеческих душ, а действительно гениальные художники не только пошли, а с глубоким чувством удовлетворения пошли за товарищем Сталиным”. Ответ, к сожалению, натянутый. Станиславский ни за кем не шел, а Пастернак и Эйзенштейн чувства удовлетворения явно не испытывали, и, главное, миллионы людей, шедших за Сталиным, этих имен не знали, не читали, не видели фильмов. И не на них равнялись.

И за Гитлером, и за Сталиным, шло, конечно, немало людей, но ни в Германии, ни в России, они не составляли большинства, и называть их народом все же странно. Народ и тут, и там, в большинстве безмолвствовал. Жил своей жизнью, пока не мешали жить. Сколько немцев пошло за Гитлером известно точно. На последних свободных выборах он собрал 37% голосов. Больше, чем большевики в Учредительное собрание, но для узурпации власти Гитлеру тоже пришлось произвести государственный переворот, назначить себя президентом. В России после 1917 года свободных выборов уже не было, и сколько русских шло за Сталиным неведомо.

Ни в Германии, ни в России, к власти монстров не привел народ. Народ лишь сразу не сообразил, сколь они опасны и не мог их

остановить. Ведь при них всегда человек с ружьем, учреждения с оружием, а у нас еще и внутренние войска. История знает много захватов власти монстрами, их хунтами и партиями, без участия народа. Гитлер и Сталин не первые.

Конечно, и в Латинской Америке, и в Африке, и в Азии, да не так давно и в Европе, монстров нередко поддерживало большинство народа. Особенно, если предыдущая власть не разрешала жизненно важные проблемы, а монстр обещал, и даже пытался, пусть нелепо, их решить. Но Гитлер и Сталин овладели Германией и Россией не по воле большинства. А Познер и Пионтковский, словно Проханов, верят, что по его воле. А будь оно так, зачем бы Сталина зверствовать и губить миллионы людей из этого большинства?

Но Сталин-то не воображал, что за ним, да еще после коллективизации, идет народ. Он мог рассчитывать лишь на коммунистическую партию, которая, став правящей, стремительно пополнялась, и к июню 1930 насчитывала почти два миллиона вместо ста тысяч в апреле 1917. И он зверствовал, чтобы народ хотя бы безмолвствовал, и принимал Лжедмитрия за царского сына. А старых коммунистов, не сразу вставших в строй, расстреливал и гноил в лагерях. Крепя свою власть в партии, Сталин расширял свою роль в государстве. И уже не нужен был государственный переворот. Тут он оказался эффективным менеджером. Его работа, напомнив протестующим, чего после его смерти, им в России ждать, не пропала, как видим, и через шестьдесят лет. И при нем не жившие, убийств не выдавшие, утрат не знавшие, согласны считать его народным вождем, и обсуждают хорош он или дурен.

Парадокс русской революции 22.3.12

Германия встретила новое время и буржуазное хозяйство реформацией, а Русь ожесточила феодальную зависимость до крепостного состояния. Из памяти выпадает, что на Руси не новые отношения завелись, а бывшие ожесточились,- Энгельс звал это: «второе издание крепостного права». Крестьянскую феодальную зависимость пережила вся Европа, за вычетом разве Швеции и Норвегии. При Ярославе Мудром, да и при Иване III, пригласившем итальянца, католика Фьораванти, строить Успенский, главный православный собор в Кремле, Русь веками была частью Европейского дома. Но отмежевалась. Запад хозяйничал по-новому, а она предпочла привычные навыки. Чтобы закрепить Казань и Сибирь, укрепостила русского мужика.

Озираясь из позднейших просвещенных времен, эту тягу к привычному часто сводят к отсталости, двести лет спустя сказавшейся в Крымской войне. Но взятый царями силовой путь не отвергал прогресс, сожитель Софьи Василий Голицын его хотел до Петра, да и при Алексее Михайловиче полезное перенимали, и Грозный не запрещал. Отличие от Запада в том, что там действовали отдельные люди, на свой страх и риск, кто в Италии, кто во Фландрии, а Русь жила единым внутренним напряжением государства, поднятого. Петром на дыбы. Не выговорить, что Россия - отсталая страна. Ее успехи оттягивали расплату власти за

напряжение, - как раз и настигшую в Крыму. Но крепостную половину населения напрягали авансом, без отсрочек. Крепостные обогащали Москву и украшали Петербург, множили победы империи и ее мощь. А как при этом жила деревня, мало кого занимало.

К тому же, крепостное состояние – не просто личное бесправие и продажа без семьи. Его крепили общинные гарантии. Откуда община ни взялась, она поддерживала имущественное равенство крепостных уже тем, что проводила переделы земли. При отмене крепостного права она гарантировала выкупные платежи. С ней связывали надежду на лучшую жизнь. Но пока крепостные не стали свободны, надежда была не только темна, но несбыточна. А свободы не давала сама община, из нее было не выйти.

Внеэкономически давили не только у нас, восстание Уота Тайлера и Жакерия тоже более всего были вызваны попытками усилить барщину. Но там давно не было общины, смягчавшей давление, а у нас взаимопомощь, добровольная она была или принудительная, позволяла, хоть и на самом нищем уровне, выжить в рабстве. Английский же крестьянин либо ему противился, либо разорялся вконец. В центральной Европе, в Пруссии и Польше, «второе издание» шло полней, чем на западе, но тоже не так успешно, как у нас. Феодализм, наново ожесточивший крестьянскую зависимость, обернулся на Руси феодальной реакцией, и она правила до 1861 года.

Россия надеялась, что социальное ожесточение поможет в соперничестве с миром, который смягчал зависимости, обновлял производства и развивал технологии. Ценой феодальной реакции Россия набралась в Европе просвещения, и не всегда реакция была бессмысленной и тупой, порой даже просвещенной. Но русская история привыкла переставлять причины и следствия, усилия и плоды. Это делали не только советские учебники. Уже евразийцы, забыв про изначально европейскую природу Руси, объявляли исконными у нас азиатские нравы, принесенные монгольским игом и закрепленные имперскими порядками.

А просвещенная дворянская реакция, если не при Петре, то уж при Екатерине II, знала о новых западных социальных отношениях. С Вольтером и Дидро царица переписывалась не зря, и мысль о пересмотре крепостного состояния ее тоже занимала. Еще больше она занимала молодых аристократов, сверстников ее внука. Сознание повидавших Европу в 13-14 годах офицеров выплеснулось восстанием декабристов. Перемен хотели немногие дворяне, заемное просвещение не перевесило социальную реакцию. Но любопытна склонность хотя бы их меньшинства к реформам при скудости подобной борьбы самого русского крестьянства.

Крупные крестьянские восстания, – во второй половине XVII века Разина, сто лет спустя – Пугачева, - происходили на окраинах, их заводили вольнолюбивые казаки. В центральной России крестьянские бунты были местными и частными. Движений за наделение крестьянина землей на Руси не было. Русское крестьянство издавна числило землю ничьей, божьей. Виной ли тому общинное сознание или вера в ничейную землю росла из обилия пространств, не густо заселенных финскими племенами, среди которых расселялись русские, мирно вовлекая в свой образ жизни туземцев, или что другое, но так крестьяне

думали. Перед Крымской войной, как и в 1812 году, Россия к буржуазной революции не стремилась. Реформу 1861 ей можно уподобить лишь забыв о поражении героической русской армии, ставшем государственной катастрофой и вынудившем к реформе власть.

Революцией сверху реформу не сочтешь. Очень уж она обходительна с прежним порядком. Крестьянин получал полевой надел с обязанностью отрабатывать его барщиной и оброком, и раньше, чем через девять лет, от него отказаться не позволяли. Многие и потом не могли отказаться, то есть, крепостное право на деле продлилось. Отмена крестьянской зависимости стала долгим процессом. А общину не трогали, и она сдерживала преобразование деревни и дифференциацию крестьянства. Не завели и представительную систему, хотя бы неравноправную. Лишь реформа суда шагнула к буржуазным отношениям, без него не ладящимся. Недооценивая упущенное трехсотлетним крепостничеством, реформаторы, даром что избавили, наконец, феодальный строй от тормозившей его глубокой реакции, не расчистили дорогу социальным возможностям, готовым открыться.

И на реформу ответила волна крестьянских волнений, вдохновленных иллюзией, будто труд на помещика отменили, а он и местные власти злонамеренно нарушают указы о воле. Но раздел помещичьей земли и передача ее крестьянам в личное владение и тут не стали всеобщим кличем к мятежу. Возврат земли народу мыслился как передача ее общине.

Герцен не выдумал общинный социализм, он опирался на массовое отношение русских крестьян к земле, добавив социализма из европейских утопий. Народники, пропагандируя герценовский крестьянский социализм, поддержанный Чернышевским, думали не столько о земле для крестьянина, сколько о переустройстве государства. Они шли в народ, объясняли эти переустройства, но, отвергая собственность на землю, не могли преодолеть социальную отсталость и повести к реальному развитию.

А власть и после отмены крепостного права искусственно удерживала крестьянство, самый большой класс общества, в отсталом состоянии. Покупавшая этой отсталостью свой расцвет Российская Империя на нее не посягала. Даже через полвека после правовой реформы самодержавие не спешило с аграрной, способной перевести страну из феодализма в капитализм. Хотевшие ее верные монархисты, Витте и Столыпин, Николая II раздражали. Реформа Столыпина, упразднив общину, потому и не преобразила Россию, что не сопровождалась крупными аграрными переделами. Выдача земли бог весть где и прочие полумеры, лишь частично принятые крестьянством, положение не слишком изменили.

Декрет о земле большевики списали с Примерного наказа съезду крестьянских депутатов в 1917 году, сочиненного эсерами. Декрет национализировал землю, обратил ее всю в государственную собственность. Он упразднил помещичью, удельную, монастырскую, церковную, крестьянскую частную собственность на землю, запретил ее продажу и аренду, Граждане могли пользоваться землей, обрабатывая ее лично, семьей или общиной. Крестьянское землепользование Декрет расширил, но оставил крестьянство отчужденным от земли.

Распространено мнение, что Ленин лишь из тактических соображений, чтобы привлечь крестьянство, взял за основу Декрета эсеровский проект. Но это только часть правды. На деле национализация земли влекла его самого. Как быть с землей, русские социал-демократы обсуждали давно, и Ленин, хоть и согласился, что, если после демократической революции частная собственность уцелеет, надо ее отстаивать для крестьян, отняв у помещиков, но одновременно подчеркнул, что надо выступать «Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*». (СС, т. 12, стр. 254). А Плеханов считал, что по сравнению с национализацией раздел земель имел бы «то бесспорное преимущество, что он нанес бы окончательный удар тому нашему старому порядку, при котором и земля, и землевладелец составляли собственность государства и который представляет собой не что иное, как московское издание экономического порядка, лежащего в основе всех великих восточных деспотий». (СС, т.15, стр. 31).

Даже не углубляясь во взаимные преимущества раздела и национализации, стоит взглянуть на «политические условия», при которых национализация земли по Ленину лучше. Судя по тому, что он в те годы писал, возможно, что тогда он имел в виду условия вполне демократические, как в Соединенных Штатах, где, как Ленин не раз отмечал, бюрократия не имеет власти, а государство вполне подконтрольно гражданскому обществу. Но если в теории он и видел их такими, то условия, в которых он провел национализацию, ничего общего с такими не имели, и вслед за национализацией Ленин разогнал Учредительное Собрание, не оставив места контролю представительных органов и гражданского общества за диктатурой своего Совета Народных Комиссаров. Он это сознавал и сразу ввел продразверстку, велел вооруженным продотрядам забирать у крестьян по твердым ценам (на деле даром) так называемые «излишки» хлеба и продуктов, добытые сверх предписанных норм личных потребностей.

Национализация земли открыла дорогу закреплению крестьян, как бы логичному, если земля, на которой они работают, принадлежит не им, а государству, гражданским обществом не контролируемому. Неужто Ленин создавал и использовал эти политические условия, не понимая, что делает? Но первая попытка вернуть крепостничество грозила большевикам, победившим в Гражданской войне, потерей власти. Крестьяне, поддержавшие их за Декрет о земле, ощутили себя обманутыми. Чтобы удержать власть Ленин отступил, и, хоть и без колебаний, весной 1921 объявил новую экономическую политику. Тут, наконец, и свершилось, хоть частично и, в силу национализации земли, условно, одно из двух главных дел российской буржуазной революции: был разрешен аграрный вопрос, - к сожалению, лишь временно.

Второе дело, провозглашенное Декларацией прав народов России, сбылось еще менее. Возглавив образовавшиеся республики, большевики, следуя партийной линии Москвы, проводили там ее волю. В конце 1922 оформили объединение в СССР со слабой автономией, сведенной потом на нет. В национальном вопросе революция не преуспела. Большевики-интернационалисты обратили царскую империю в советскую и усердно ее русифицировали. Лишь формальное право выйти из Союза, осколок

надежд на мировую революцию, и без нее несбыточное, позволило в 1991 году разойтись мирно.

Но след аграрной революции, при всей ее условности и частичности, важен. Восемь нэповских лет с землей (1921-1929) дали крестьянам опыт индивидуальной жизни, и новое понимание себя и своего места в экономическом обществе, понимание смысла и ценности крестьянского владения землей, как опоры индивидуальных прав и правоспособности.

Нэповские крестьяне ценили свою землю и в большинстве возвращаться в наново создаваемую общину – колхоз, не хотели. Большинство средние крестьян не хотело. Не один миллион за это поплатился, хорошо если ссылками, а часто лагерями. И высылали не так кулаков, как уклонявшихся от колхоза. Сам лозунг «ликвидации кулачества, как класса» сомнителен. Даже обличители кулачества, не исключая Ленина, не уравнивают его, как класс, с классами буржуев и помещиков, рабочих и крестьян. Не особый это был класс, а лишь слой богатевших крестьян, и призыв ликвидировать его, как класс, на деле разумел все крестьянство, которое и ликвидировали, обратив крестьян в колхозах в крепостных рабочих, а в совхозах – в наемных.

Самостоятельность крестьянства не признавали, хоть класс мелких сельско-хозяйственных производителей существует с первобытных времен и все еще составляет большинство человечества. По Ленину он «либо идет за рабочим, либо за буржуазией». Слова о союзе рабочего класса и крестьянства, как социальной основе СССР, означали, что рабочий класс (то есть, партия большевиков) союзом руководит, а крестьянству надо подчиняться. Но и у крестьян есть классовые интересы, и, став свободными, они их отстаивают. Они поддерживали буржуазные революции, воевали за Кромвеля и Бонапарта. От векового безземелья поддержали ленинский Декрет о земле. Они тоже думают, и в новых ситуациях способны защищать свои самостоятельные интересы. Конечно, рост производительности труда сократил крестьянство в развитых странах, где оно уже не превышает 3-5%% населения, это богатее фермерство, то есть, то самое «кулачество», от которого нашу деревню оберегали, держа в зависимом и отсталом состоянии.

Так или иначе, Декрет о земле, передавший землю, хоть и не в собственность, но в личное распоряжение крестьянина, на время сбылся. Чтобы не потерять власть, Сталин восемь лет терпел индивидуальные крестьянские хозяйства. Эти восемь лет, видимо, главное положительное последствие Октября, какие бы расчеты и оговорки за ним ни таились. Нынче не берут в толк, что и замыслы, и результаты действий, революционеров и властителей не всегда адекватны объективному ходу вещей. Получив власть иные, как говорят, шли в комнату, попали в другую. И не забывая, куда шли, важно видеть, куда они попали и завели других.

Октябрьская революция в России этим и примечательна. Затеявая ее, Ленин и большевики, конечно, хотели преодолеть терзавшие Россию проблемы, давно требовавшие решений, с которыми и Временное правительство мешкало. Но то была лишь часть грандиозной задачи большевиков семнадцатого года – разжечь мировую революцию. Это даже придало им ореол борцов против всемирного угнетения и кризиса, формой которого была Мировая война. Но мировая революция не

состоялась. Большевики не заметили, что имевший место кризис был не общим кризисом капитализма, но смесью разных экономических ситуаций в разных странах. И победители, и проигравшие войну, открыли в капитализме новые социальные ресурсы. В побежденной Германии возникла демократическая Веймарская республика, а в победившей Англии крупнейшей оппозиционной партией стала Рабочая (лейбористы), в 1921 набравшая уже большинство в парламенте и создавшая правительство. Европа из войны шла к демократии, это и помешало мировой революции большевиков, понимавших демократию иначе и разгоном Учредительного собрания показавших как именно.

А без мировой революции Ленин не видел перспектив для русской. Он считал положение безисходным, и не мог не сознавать, что призыв к построению социализма в отдельной, да еще отсталой, стране означал полный разрыв с Марксом, мыслившим коммунизм плодом мировой революции, разом победившей в развитых странах. Понимание интересов России и ее колоний, русского и колониальных народов, требовало от большевиков отказаться от узурпации власти, провести свободные выборы и принять их результаты. Не то, что Ленин этого не понимал. Судя по оговоркам, догадывался. Но выдвинутые им понятия и принципы не позволяли партии, став правящей, отдать власть. Учение Ленина, а оно, конечно, существует, учит брать власть и не отдавать ни при каких обстоятельствах, чем бы это ни грозило стране и людям. Выученики этой школы держат в России власть по сей день.

Большевики - не первые революционеры, которые взяв власть не могли осуществить начальные замыслы. Многие революции, даже менявшие жизнь страны, хотя бы частично отступали. Менее, чем через год после смерти Кромвеля, верхушка армии вынудила его сына уйти, и вскоре страной правил сын казненного короля Карл II. Французская революция от Робеспьера до Бонапарта и его коронации пережила не один сдвиг. Смещение от революционной власти к умеренной, даже к реставрации, не редкость. Левые часто, и взяв власть, не могли воплотить свои программы от нехватки социальной поддержки, и уходили. Но большевики не ушли, а стать такими, какими хотелось, не могли, жизнь не позволяла, и пришлось им измениться. До неузнаваемости.

Свершилось до тех пор небывалое. Крайне левая партия, ярая противница самодержавия, сторонница народовластия и Учредительного Собрания, взяв в Октябре власть, но проиграв проведенные ею самой выборы, не отдала власть Собранию и не назначила новые выборы. Пренебрегая принципами, она объявила органом власти произвольно слаженные Советы, где верховодила. Выяснилось, что ее главный принцип – власть, и ради нее левая партия у всех на глазах повела себя как крайне правая, отвергла народовластие, установила свое неограниченное самодержавие и завела тоталитарный режим.

Абсолютная власть повела к перерождению. Большевики все дальше уходили от марксистской утопии, переименовывая прежние понятия. Претендуя до революции говорить от имени рабочих и крестьян, они после нее стали особым слоем нового общества, в быту именовавшимся «номенклатура», со своими особыми интересами. Ее функционеры образовали новый класс, и крестьянство стало их главным противником внутри страны, поскольку при всей условности своего владения землей, имело в ней некоторую опору.

До 1929 года положение крестьян было в Советской России особенным. Хоть земля была и не своя, но практически как бы своя, каждый сам ею распоряжался. Поэтому крестьяне вдруг и стали менее зависимым классом, еще способным устоять при поворотах. Не они одни питали надежды на продолжение при НЭПе жизни в привычных нормах, хоть и под советской диктатурой. Уже в 1921 году в Праге вышел сборник «Смена вех», авторы которого, приняв революцию «как свершившийся факт», надеялись на эволюцию большевизма к буржуазному развитию. Эти надежды власть развеяла процессами «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии» и другими. Но неуправляемое множество самостоятельных людей, десятков миллионов крестьян с землей, оставалось вызовом укреплявшемуся советскому тоталитаризму.

Крестьянство по Ленину винили в том, что оно «ежедневно и ежечасно рождает капитализм», хотя советские условия допускали это в очень малой, не грозившей власти мере. Читавшие Маркса большевики знали, что капитализм – это не само обладание собственностью, - почему он и не возник в древности и в средневековье, хотя собственников хватало, - а изъятие из оплаты наемного труда прибавочной ценности (стоимости). Но еще и в 1929 немногие русские крестьяне нанимали батраков. Коллективизация была не столько экономическим мероприятием, - производство в колхозах даже снизилось, и голод рос не только от продажи хлеба за рубеж, - как политической акцией, лишившей крестьянина точки опоры, которой был его клочок земли. Он стал столь же бесправен, как другие жители тоталитарного государства. Даже еще бесправней, поскольку при введении вскоре паспортной системы, крестьянину паспорт не выдавали, и, кроме как при демобилизации из армии, он не мог менять место жительства, то есть, на деле был закрепощен за колхозом. Политический смысл коллективизации обнажили миллионы выселенных за отказ вступить в колхоз. Тем и кончилась Октябрьская революция 1917 года, активно поддержанная крестьянством. И до коллективизации ему верилось, что она была не зря.

До коллективизации революционные перемены образа жизни еще как-то шли. Революция несла не только смерть и разорение миллионам, - будь так, она бы не победила, - но и новации, - от свободы межнациональных и межрелигиозных смешанных браков до введения Охраны материнства и младенчества с тысячами детских консультаций, которые, хоть власть, уже с тридцатых клонила к реставрации, выжили. Понятно, ни эти, ни другие частные положительные результаты Октября не оправдание пролитой крови, но стоит видеть сколь многого не хватало быломu обществу, не только грубо материального, чтобы не дивиться непотворению и даже сочувствию революции, о которой большинству было не угадать, чем она обернется. Но недолгая относительная свобода крестьянства, обновившая его понятия о жизни, не стертые и новым закрепощением, была существенна. В начале семидесятых писатель-деревенщик Федор Абрамов после очередного разговора о положении в стране мне сказал: «Я старше вас на пять лет (он родился в 1920), это значит, что я хорошую жизнь все-таки видел, а вы - разве что совсем ребенком». Не он один сознавал, что в России произошла революция, и непонятно было лишь обратное движение к крепостничеству и самодержавию.

Еще в первые послереволюционные годы находились люди, понимавшие, что происшедшее в 1917 году не свести к ошибкам и преступлениям большевиков по ходу революции. Лидер «сменовеховцев» Устрялов в 1921 писал: «Какое глубочайшее недоразумение – считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли. ...Нет, ни нам, ни «народу», неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис – ни за темный, ни за светлый его лики. Он – наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом, - и ничего подобного не может быть и не будет на Западе, хотя бы и при социальной революции, внешне с него скопированной. И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются «чужие руки», - душа у него, «нутро» его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское – интеллигентское, преломленное сквозь психику народа. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии». Расстрелянный в 1937 году Устрялов уже не мог оценить большевистский национал-патриотизм, проявившийся вскоре этническими чистками, выселениями народов и государственным антисемитизмом. Но, хоть и обольщаясь перспективами, он ясно видел, что революция имела место. И не по недоразумению.

Другое дело, что природу этой революции и в 1921 году не вполне сознавали сами большевики, не исключая Ленина, Троцкого или Сталина. Ее прояснил год великого перелома, 1929, уничтоживший свободу крестьянства. В ее уничтожении выступила суть представлений большевиков об обществе и трудящихся. То не просто прихоть мужикоборца Сталина. Открылся объективный смысл ленинской национализации земли, наперед отчуждавшей десятки миллионов тружеников от предмета их труда и навеки отдавшей его государственной власти, призванной неотъемлемо принадлежать партии большевиков. Уже в самой национализации невысказанно пребывал осуществленный в 1929 году, быть может, словесно не оформленный даже в сознании, замысел тоталитарного господства над населением, поголовно лишенным свободы.

А вскоре после триумфальной расправы с крестьянством, после семнадцатого съезда партии, съезда победителей, началось непредвосхитимое. В течение четырех лет – от 1 декабря 1934 года, когда при темных обстоятельствах в Смольном убили Кирова, до конца 1938, когда Наркомом внутренних дел назначили Берию, поручив ему умерить большой террор и придать репрессиям упорядоченный характер, прошло массовое истребление большевиков, вступивших в партию до революции или в первые ее годы, и беспартийных, рядовых людей, разделявших вброшенные революцией идеалы. Даже почитатели Сталина признают, что по приговорам немногих открытых и множества закрытых процессов было расстреляно около миллиона, не считая загнанных в лагеря и ссылку.

История не знает подобных примеров самоистребления победителей. Внятного объяснения ему нет. Ссылаются на проникновение на руководящие партийные посты тайных врагов Сталина. Но будь у партии и Сталина столько врагов, они проявили бы себя хоть какими-то заметными действиями, а кроме голословных обвинений бывших лидеров в сотрудничестве с японской и другими разведками, ничего серьезного и доказанного не предъявили. Да и влияние былых лидеров, - и высланного из страны Троцкого, и выброшенных из руководства Бухарина, Зиновьева, Рыкова, Каменева, и других, в разраставшейся партии и в стране было крайне слабым, иначе их бы не выслали и не выбросили. Если, по слухам на семнадцатом съезде, при выборах тайным голосованием ЦК партии, Сталин и получил не самое большое число голосов, то оно, во всяком случае, превосходило 80% и причин беспокоиться не было. Самая жестокая расправа с давними противниками могла бы обойтись расстрелом одной-двух тысяч, но никак не миллиона человек. Ссылаются, на восточный характер Сталина, что нелепо, поскольку грузины – люди христианской, православной культуры и сам Сталин по образованию, хоть и чуть незаконченному, - православный священник. Нелепы речи о его психическом расстройстве. Его первая примета – действия в ущерб себе, а у него – в ущерб другим. Масштабам шедшего четыре года преступления нет ни криминальных, ни бытовых объяснений. Это социальная акция, объяснимая лишь социальными факторами.

Коллективизация, погрузившая всю страну в круговую зависимость от государства и партии, завершила введение тоталитарного порядка. Но поддерживать такой порядок, им управлять под знаменем революционных идеалов, не просто. Для этого государству и партии необходимо упорядочить себя, и правящему классу вести себя иначе. Парадокс в том, что у нас, в отличие от Германии, тоталитарный режим завела революционная, левая в тогдашнем смысле партия. Характеры ее деятелей формировала революция, они не ощущали себя связанными ничем, кроме революционных идеалов, и свободно обсуждали их и пути их воплощения. Чтобы убедиться, достаточно читать протоколы партийных съездов до семнадцатого, где импровизировали уже мало. После 1917 года в правящую партию шли не такие люди, как в подпольную, а поддерживавшие ее руководство и Сталина, как продолжателя дела Ленина, но партия не вполне еще стала вертикалью власти, необходимой тоталитарному режиму. Потому и понадобился большой террор.

Он кажется странным если не помнить, что еще Ленин, обнаружив какое-то безобразие советской власти, говорил: «Надо всех коммунистов Москвы посадить в тюрьму на один час!» Наказание не строгое, но применяемое не к одним виновным, а ко всем коммунистам, и выдающее веру, что даже товарищей по партии, единомышленников, лучше всего убедит и воспитает тюрьма, насилие. Мимолетно слетавшие с уст вождя фразы выдают ход его мыслей, усвоенный большевизмом. Маркс, пусть неверно, объяснял события ходом социальных процессов, а марксисты-большевики - прямыми действиями – от захвата власти до засылки наемных агентов, не входя в восприятие действий обществом. Для мыслящих так - террор дело заурядное и повседневное.

Кого, однако, в партии понадобилось уничтожать, если к тридцатому году Сталин без всякого террора уже взял верх, и в

Политбюро из заметных фигур революции, кроме него остались лишь Молотов и Калинин? Но и в таком политбюро, избранном семнадцатым съездом, уничтожили даже впервые на нем избранного туда кандидатом Постышева, и впервые позднее дополнительно избранных Эйхе и Ежова, не говоря о поднявшихся после революции Косиоре, Орджоникидзе, Рудзутаке, Чубаре, об убийстве Кирова и странной смерти сорокашестилетнего Куйбышева. Постышев, Эйхе и Ежов, один из руководителей террора, - никак не троцкисты и не бухаринцы. Не отвечай их позиции всецело курсу Сталина, их в 1934 не двигали бы на самый верх. Но им явно не хватило абсолютной дисциплины, они выступали за Сталина, но с личными инициативами, внося индивидуальные краски. А это неуместно при тоталитарном порядке, который партии надо поддерживать внутри себя, чтобы навязать всему обществу.

Проект советского тоталитарного порядка принадлежит Ленину, но его реализация – дело Сталина. За нее нынешние большевики, и партийные, и беспартийные, его и чтут. За трудную кровавую работу по преобразению состава партии и преобразению марксистской утопии в коммунистическую идеологию марксизма-ленинизма, после большого террора догматизированную до конца, и менявшую потом догматы по указаниям власти. Сталин стер с себя след революции (Пьесу Булгакова, изобразившую его молодым бунтарем, запретил.), но оставил его родоначальнику строя Ленину. Он установил крайне правый консервативный порядок, но в левых, чуть не революционных одеждах. Эту двойственность переняли многие революционные движения и страны. Читающие люди и тогда видели, что даже Ленин, не говоря о Марксе, понимал многие догмы советской идеологии не так, как Жданов, Суслов, Поспелов, Александров, Ильичев, ее оформившие. Ленин все же признавал, что, «когда будет социализм, не будет государства», а по сталинской идеологии, если коммунизм построит одна страна, чего по Марксу быть заведомо не могло, то государство будет и при коммунизме. И марксизмом-ленинизмом было именно то, чему учили Жданов, Суслов и прочие, Маркс и Ленин могли иметь частные мнения.

Трансформация коммунистической утопии в тоталитарную реальность в стране ощущалась, но остальной мир слабо ее ощущал, для консервативных кругов Запада СССР по-прежнему был поджигателем мировой революции, а для левых - примером, хоть и с недостатками. Ни те, ни другие, за вычетом Оруэлла или Ханны Арендт, не замечали, что происходит с нашей страной и строим, и доселе вглядываются лишь в нацеленные ракеты. Тем более, ни внутри страны, ни за рубежом, не осознано ни состояние России от 1917 до большого террора, ни происходившее потом, ни перемены после Сталина, ни после Брежнева, ни нынешнее состояние, хотя тоталитарные порядки вышли далеко за пределы России и не только под ее влиянием.

Маркс именовал насилие повивальной бабкой, акушеркой, истории. Социальные конфликты при упорстве сторон не обходятся без крови. Ее обильно пролили и французская, и русская революции, и более осмотрительные английская и нидерландская. Но дело акушерки - короткое, а растят ребенка мать-кормилица, нянька, школа. Неизбывное насилие уродует, если не уничтожает, жизнь, поэтому за революцией

обычно приходит гражданский мир, компромисс, и не одни побежденные терпят, но и победители не злоупотребляют победой. Такой условный гражданский мир в виде НЭПа большевики установили в России, а сорвав его, подавив крестьянское большинство населения и НЭП в городах, исчерпали революцию и вернули страну к самодержавию.

Поначалу Ленин, Троцкий, Бухарин и другие хотели «как лучше», оттого и начали Декретом о земле, Декларацией прав народов России и выборами в Учредительное собрание. Это не только демагогические ходы. Но, без выборов став правящей, партия перерождалась, не так стремилась осуществить лозунги, которыми начинала, как удержать складывавшийся вопреки им режим. А с этим даже внутренне переродившимся старым партийцам было не совладать, требовались иные люди, не революционеры, а контр-революционеры. И в четырехлетнем самоубийственном самоочищении партия не только сменила руководящие кадры, но изменилась сама. А ни Россия, ни мир, не осознали, что и страна уже другая, и общественный порядок, и сознание, и искусство, и понятия о добре и зле. Произошел социальный переворот. Смешно сводить его к личным порокам Сталина, конечно, руководившего переворотом, но все же с помощью запуганных партсобраний, вопящих: «Расстрелять!»

Веря Ленину и Сталину, что общественный строй зависит не от экономики, а от воли партии, плохо верят, что экономика зависит от общественного строя, и терпят, что ею командует власть. Но времена меняются. В 1812 году наша феодальная реакция побеждала молодой капитализм, а в 1855 в Крыму вышло наоборот не потому, что русские солдаты стали хуже. Но не только царская, а еще 74 года советская власть верила в крепостничество. А не сумеем сами, купим или украдем! С тем Советский Союз и рухнул. Но дело уже не за отдельными достижениями, Для реального развития стране нужны свобода и конкуренция. Провозгласив: «вертикаль власти», Путин откровенно объяснил, что их-то и не будет.

Возможно, Ельцин надеялся, что отказ от старой идеологии и допуск как бы частной собственности под казенным приглядом, избавят от кризисов. Но советская идеология была не в словах, а в головах, в уверенности, что «нет крепостей, которых большевики не могли бы взять». И они верят, что собственность под опекой государства, как при Муссолини или Дэн Сяо-пине, если не заводить правовых и политических структур, ради которых свершались буржуазные революции, тоталитаризму не мешает. И вполне довольны. А для гражданского мира и компромисса, для демократии, нужна горизонтальная власть, представительная система, реальная автономность и местное самоуправление. Если их нет, какие слова ни озвучивай, Россия – все еще Советский Союз, урезанное, идеологически размытое, но тоталитарное государство, опасное своим гражданам и всему миру.

Натура и модель 26.4.13

Александр Подрабинек прав, говоря, что в России было бы несопоставимо лучше, живи она по образцу, который он зовет западным. Он советует сделать такой выбор и сетует, что его еще не сделали. Но кто выбирал за Россию – цари, генсеки, президенты?

Или русский народ? Или разом все народы империи? Да и как выбирали – на выборах Чурова или в гражданской войне? Называя образец «западным», мы уходим от социальной сути проблемы. Россия – изначально западная страна, слово «рус» – скандинавское, а христианство Русь приняла до церковного раскола. Да и Византия, от которой приняла, – восток Запада, Римской империи, а прикончила ее как раз по-настоящему восточная империя, Османская.

Свобода, собственность, законность, добровольность, гуманизм, равноправие, самоуправление и гласность, которых Подрабинек обоснованно желает России, не географические понятия. Испанские конкистадоры завоевывали Америку, а русский Ермак Тимофеевич – Сибирь. Различие невелико. Но тогда же, не в могучих феодальных державах, а в провинциальной Голландии или Англии выявились новые отношения, сделавшие их центром мира, странного не только Востоку, но долго и Западу. Эти отношения были иными, чем феодальные. Экономической свободе понадобилась политическая, потребовались гарантии собственности, законность, самоуправление.

А в России правители, поняв требования века, – не дураки, чай, были, – ответили им не новыми отношениями, а напряжением прежних. При Иване Грозном зародилось крепостное право. Петр, привозя с Запада станки, ставил к ним крепостных. Мы возмущены, что в Соединенных Штатах было рабство, но афроамериканцев там и сегодня лишь около 8%. А в России в крепостном состоянии была половина страны, не группы завезенных иностранцев, а половина русских, собственного народа. Александр II лишил помещиков права владеть крепостными, но по отношению к государству люди фактически остались в крепостном состоянии. Ленин и Сталин это крепостничество лишь ожесточили.

Вся Россия знает, что свобода – не статьи Конституции о правах человека, они и в сталинской были красивы. Но забывает, что свобода – это реальная независимость, автономность отдельного человека и всякого объединения людей – партии, предприятия, театра, отдельной территории, национальной общности, социальной группы; и всякой власти от другой, чтобы текущим управлением ведала одна, законы принимала другая, а суд чинила третья, не завися друг от друга. Произвольные проверки людей и организаций, которые позволяет себе наша высшая власть, практикуются в тюрьмах. Там сидят уличенные в нарушении закона. Нарушителей определяют по уликам, предъявленным на рассмотрение суда. А власть, держащая под подозрением всех граждан, проверяя их, как пояснил наш президент, на всякий случай, уже одним этим преступна. По другому поводу сам Подрабинек отлично заметил, что у заключенного нет выбора, он идет туда, куда ведет конвой. А население России – не только в зоне, не только при коммунистах, но и при царях, и под нынешней «вертикалью власти» – это фактически заключенные.

Вот они и говорят: «Путин нас кормит!» Кому же и кормить в тюрьме, как не начальству! Система устроена так, что сами мы прокормиться не можем, и кормит нас государство, которое по вертикали распоряжается всем хозяйством страны – не столь важно, через министерства или через послушных Дерипасок и Абрамовичей. Когда Ходорковский захотел хозяйствовать самостоятельно, ему указали место. А государство может

распоряжаться из рук вон плохо, если хоть на какой-то его товар, какое-то сырье на мировом рынке подскочит цена. При Горбачеве нефть стоила \$10 за баррель, и пришлось заговорить о перемене порядка, а при Путине – \$110, и нужды в здравом смысле нет.

Поэтому дело не в самом по себе выборе модели, а в том, что мешает ей прижиться на практике. 19 августа 1991 года значительная часть России и наиболее наглядно Москва, где на улицы против танков ГКЧП вышел чуть ли не миллион безоружных, продемонстрировала выбор западной, так сказать, модели, и под флагом этого выбора к власти пришел президент Ельцин. А два года спустя за его Конституцию, давшую президенту едва ли не бóльшую власть, чем была у Политбюро и генсека КПСС, проголосовало большинство сторонников «западной» модели. Не подумали, что неограниченную власть над собой нельзя доверить даже самым обаятельным. А эта Конституция и дала Путину опору для еще большего расширения власти. Что же удивляться, что протестовать против его беззаконий выходит в лучшем случае десятая часть того числа, что вышли 19 августа. Девять десятых понимают, что обманулись, и не верят никому.

Дело не просто в модели. В Конституции Соединенных Штатов, за 200 с лишним лет потребовавшей лишь немногих поправок, Джефферсон и его товарищи отлично обозначили пределы каждой ветви власти и власти федерального правительства над штатами. Но Конституция там действует потому, что десятки миллионов американцев готовы ее защищать, знают, что конкретно защищают.

Вот и России важнее всего понять, что реальное единство страны держится не на внутренних войсках и не на ФСБ (КГБ, НКВД, ЧК), а впрямь добровольным согласием жить вместе и с учетом стремлений разных ее частей и слоев. Понять, что и Советский Союз разошелся прежде всего потому, что учета и согласия не было, его не искали, правила Москва, а в Москве – Кремль. Выбрать хорошую модель важно, но на практике она не приживется, если не сломать порочную «вертикаль». Видя нелепость отношений с Северным Кавказом, люди нынче кричат: «Хватит кормить Кавказ!», а им бы предложить выбор: «Либо мы себе в убыток кормим Кавказ (и объяснить, почему это нужно), либо отпустим Кавказ, пусть кормится сам!»

Самодержавие страшно не только произволом, но и тем, что, все видя сверху, оно искажает и даже замалчивает реальные проблемы страны и людей. Главное для России – оглянуться, взглянуть на себя непредвзято, по горизонтали, не как на ведущую силу бесцерковной веры – ленинизма, не как на ведущую силу церковной веры – Православия, а как есть, сознавая ограниченность своих сил и нужду здраво их расходовать, прежде всего на спасение своего населения, на то, чтобы люди в России жили не хуже и не короче, чем в цивилизованных странах, чтобы их голоса не были задавлены, а инициативы задушены. Тогда возможности, которыми наша страна располагает, ее общепризнанные достижения в науке и культуре пойдут ей на пользу, помогут разумно жить, и – не ставя специально такой цели – тогда и будет она принадлежать к цивилизованному миру. Как при Ярославе Мудром.

Опубликовано на сайте:
Imrussia.org/ru/politics/445-nature-and-mode

Есть ли выбор? 7.9.13

Власть у нас не выбирают. Ее захватывают или передают товарищу. С ноября 1917- открыто. После августа 1991 делают вид, что мы выбираем. Не то, что прежде выборов не было. С 1936 были. Выбирали из одного. Можно было быть «за» или «против», но быть «против» - означало у всех на глазах зайти в кабину для голосования, а это могло не сойти с рук. Неявка была исключена, по домам ходили «агитаторы», и упрямство имело последствия. Помогал лишь открепительный талон, его давали уезжавшим на день выборов. И можно было никуда не ходить. Можно было сберечь совесть, но не изменить ситуацию. И власти не были нужны особые фальсификации. Избирателю некуда было деться.

С новыми правилами без фальсификаций и лжи власти не обойтись. Это видят, об этом говорят. А зло, как и раньше, не в одном обмане, но в самом порядке, начиная с того, что большинство выборов проводят в один тур. А где по закону в два, норовят выбить итоги в первом. Чтобы, как прежде, были «за» и «против», а кто против», - известное дело: иностранный агент. Чтобы существовать и действовать, у нас мало разрешившего это закона, Конституции, - требуется еще разрешение действующей власти. Но страну образуют не только узурпаторы с элитой и безмолвствующий народ. Такую видимость создают, чтобы не дать пестрым социальным силам выбрать власть с общего согласия граждан. Потому и выборы не нужны. И нет настоящих партий, нет права на выборах объединяться разным. Либо «Россия без Путина!», либо: «Путин – наше все!». Личности время от времени меняются, культ остается. Лишь бы не дать, даже во время выборов, всплыть социальному многообразию.

Московские выборы – редкая возможность выбирать всерьез. Помимо Собянина, на практике показавшего, чего он хочет, еще по крайней мере трое – Мельников, Митрохин и Навальный – кандидаты серьезные и разные, и первый тур позволит, если, конечно, не будет фальсификаций, увидеть реальную расстановку сил в столице. И те двое из четырех, которые выйдут во второй тур, смогут ориентироваться. Москва, при всех возможных оговорках, - самая зрелое политически место России. Как никак, здесь умер Сталин, и люди давили друг друга, чтобы видеть его мертвым. Здесь был август 1991. Но избирательную кампанию словно нарочно ведут так, чтобы город не воспользовался своими возможностями. Собянин сразу отверг диспуты с другими. Пропагандисты Навального с первых шагов представляют его единственным возможным оппонентом Собянину. Неужто Чуров выболтал замысел?

А подача Навального уже в первом туре, как единственного претендента, не столь невинна. Чем усерднее вбивают в головы, что больше ни у кого шансов нет, тем верней московские выборы сползают к привычному «за» и «против», и человек, собиравшийся отдать голос

Мельникову или Митрохину, думает: «А чего ходить? Дело безнадежное», и не пойдет, то есть, число избирателей сократится. Число ходящих на выборы недаром все сокращается. А если доля избирателей Навального вместе с избирателями Мельникова и Митрохина может составить 50% плюс один голос и гарантировать второй тур, при их неявке, на второй тур шансов не будет.

А победить в первом у него шансов куда меньше. То есть, самые яростные пропагандисты Навального подрывают его позиции. Тут и задумаешься, что сие значит?

Первая мысль – что идет очередной спектакль. Но это не обязательно. Наше руководство больше не называет себя коммунистическим, не поминает Маркса и Ленина, но по-прежнему считает себя всегда и во всем правым, единственным владельцем истины. В этом суть советской идеологии. Она все еще в головах, и чтобы изменить жизнь, надо выявлять ее тенденции, а не прописывать рецепты.

Шендерович воспеваает Навального, попутно сетуя на его «небольшого ума заявление про лезгинку». Но велит не придавать ему значения, - дескать, когда Навальный победит, он лично с ним разберется. Но зачем откладывать? А Боровой, объявляя Навального фашистом, демонстрирует другой вариант все той же идеологии монопольной правоты, не выясняющей природу социального явления, а вешающей ярлык. Навальный воплотил явление не простое, и выборы – случай выяснить, какое именно. А ярлыки и другим подойдут. Шендерович верно заметил, что не слышал, чтобы фашистом звали Собянина, который Боровому, видимо, милей. Но и Собянин не единственный.

Наша политическая жизнь спрятала советские лозунги, но не ушла от тоталитарного духа. Будь он лишь в кремлевском корыте, оно бы опрокинулось еще в девяносто первом, но этот дух и в людях, перенявших власть, и страна с ним живет. Среди кандидатов, может быть, лишь Митрохин, бывший среди тех, кто в 1991 хотел совсем иных перемен, чем происходили, от этого духа свободней, а Навальный, конечно, им пронизан. Но избирательная кампания и должна выявить, в большей ли мере, чем Собянин, или все-таки в меньшей.

Я вовсе не исключаю, что во второй тур Навальный, при всех своих не идеальных качествах, пройдет вместе с еще менее идеальным претендентом, и будет смысл голосовать за Навального. Но надо бы все же в ходе первого тура понять, из чего мы выбираем, и чего можем ждать. Думай мы о выборах всерьез, как об участии своих детей и своей собственной, во второй тур при верном подсчете могли бы пройти совсем другие люди, - и не Навальный, и не Собянин. Будь, опять же, сама избирательная кампания вдумчивей, стань она поводом обсудить, что Москва упустила двадцать два года назад.

ПО НОВОЙ (Империя и национальное государство) 24.9.13

Советский режим наново закрепостил в колхозах крестьян, совершивших революцию, поубивал миллионы людей, учредил ГУЛАГ и отнял даже прежние убогие права. Многим кажется, что событий 1917 года, во всяком случае октябрьских, будь царь или хоть Керенский посмекалистее, могло и не быть. А они были потому,

что власть долго и упрямо отвергала заблаговременные социальные повороты и если на какие-то шла, то очень уж нехотя.

Начиная с Ивана Грозного Русью правила феодальная реакция с крепостным правом. Когда в Европе, если не по Дантону, так по Бонапарту, брали верх буржуазные отношения, можно было оценить ущерб, понесенный Россией от феодальной реакции, и вернуться хотя бы к европейскому феодализму, отменить крепостное право. И Новосильцев, и Кочубей, и Строганов, и Сперанский, и сам царь это понимали. Но победа над Бонапартом отговорила торопиться. Крепостное право отменил не в 1801-м Александр I, а после поражения в Крыму, в 1861-м, Александр II.

Почти за 40 лет перед тем победители Бонапарта вышли на Сенатскую площадь, чтобы упредить крымское поражение. Новый царь – по Шевченко, «неудобозабываемый тормоз» – кого из них повесил, кого отправил на каторгу. А мог после восстания понять, что самодержавие за страной не поспевает, и созвать Государственную думу, пусть бы тоже еще не полноправную. Но Государственную думу учредил не Николай I в 1825 году, а Николай II в 1905-м. А он даже Столыпина, не говоря о Витте, убежденных монархистов, не выносил и считал чуть не революционерами. И ввязался в большую войну, которая Российской отсталой самодержавной империи была не по силам.

Стихийную Февральскую революцию в столице, на третьем году войны оставшейся без хлеба, царь подавить уже не мог – земля под ногами горела. Но и Временное правительство не спешило созывать Учредительное собрание. А Ленин, понимая, что ему «послезавтра поздно» – реформы Учредительного собрания снимут революционную ситуацию! – поспешил захватить власть.

Именуясь рабочей, его партия провела революцию под крестьянскими и антиимперскими лозунгами. Такими были и первые декреты. На выборах большевики собрали около четверти голосов. Для почти неведомой прежде партии это триумф. Но недостаточный, чтобы установить абсолютную власть. Поэтому собрание разогнали, и долго потом в России свободных выборов не было. Крестьян, совершивших революцию, наново закрепостили в колхозах, поубивали миллионы людей, учредили ГУЛАГ, отняли даже прежние убогие права. Так прошло 74 года. Хоть и под другим флагом, мы жили в имперской, самодержавной и, кроме производства оружия, отсталой стране.

В конце семидесятых Советский Союз, норовивший стать сильнее всего взятого вместе мира, настиг жесткий кризис, но в новой революционной ситуации номенклатура, правящий класс, устояла. Страна осталась империей, укороченной, но самодержавной и монопольной. Кажинный раз на этом месте.

Вернуться в Европу после Грозного не давала феодальная реакция, после Александра II – оставленные нерешенными национальная и аграрная проблемы. Ленин, Троцкий и Сталин их разрубили быстро обанкротившимися псевдорешениями и под видом марксистской социалистической утопии обустроили тоталитарную реальность. Говорят, в 1991-м Ельцин перешел к капитализму, к рыночному хозяйству и надо

лишь достроить политические институты. Но Россия стоит все на тех же трех столпах: империя, самодержавие, государственная монополия хозяйствования. На деле она к капитализму не перешла.

Советский марксизм передернул представления об общественном строе. Капиталистический отличается тем, что работать приходится не из-за прямой зависимости от людей или институтов, а от нужды в средствах существования, по добровольному найму. Оплата наемного труда, конечно, не всегда справедлива. Сплошь и рядом происходит открытое Марксом удержание прибавочной стоимости. Но хоть божественной справедливости в рыночных ценах нет, в них есть объективность сиюминутной реальности. Рабочий не отдает свою рабочую силу по обязанности, а свободно ее продает, точнее, на время сдает в аренду капиталисту, покупающему ее на рынке труда, отвечающем состоянию общественных отношений, и потому по ценам все же более справедливым, чем произвол феодалов или номенклатуры. Рынок рабочей силы – отличительный знак капитализма. Всякие другие рынки и товарно-денежные отношения имели место и в античности, а капитализма не было даже в Древнем Риме, где на рынках продавали рабов, но не они – свою рабочую силу.

За 20 с лишним лет российских реформ так и не сложился свободный рынок рабочей силы. В Советском Союзе все трудящиеся работали на одном предприятии, именуемом «Советский Союз», и такой рынок был ни к чему и невозможен. Ныне монополию государства на управление хозяйством не называют государственной собственностью, но она наглядна как государственное руководство так называемыми олигархами, включая коррупцию как форму руководства и недопущение независимых, особенно средних и мелких, предприятий, которые, будь их много, создали бы экономическую стихию, с которой «царям не совладать». Монополия ограничила и создание предприятий, способных привлечь рабочую силу, не находящую спроса в городах с единственным прежде военным заводом. Перемещение рабочей силы, необходимое ее рынку, затруднено не только скудостью жилого строительства, но и множеством уцелевших советских ограничений, начиная с прописки, переименованной в регистрацию. Нет и внятных законов о минимуме оплаты труда и поддержке при безработице, отвечающих нормам, сложившимся к XXIV веку в развитых странах. Ощутимы и национальные противоречия местных и приезжих.

А страна, имеющая более чем достаточно рабочей силы, да еще с низкой производительностью труда, подняв которую до европейской мы сократили бы спрос на рабочую силу в разы, нелегально ввозит мигрантов – и не пополняющих рынок, а удерживаемых в зависимости от тех, кто их ввез как бы нелегально. Нынешние масштабы ввоза возможны лишь при противозаконной протекции властей. Но, оправдывая бесчеловечное обращение с этой дешевой рабочей силой, рассуждают не о незаконном ввозе, а о незаконном въезде. И совсем уже чудовищно обхождение как с незаконными мигрантами с выходцами из автономий, правомочными как граждане России проживать и работать в любой ее части.

Поддержка такого порядка, равнодушие власти к трудящимся – в развитых странах продающим рабочую силу на рынке, а у нас то и дело

попадающим в зависимость, подобную рабству, – показывают, что власть не хочет перейти к капиталистическому общественно-экономическому строю. Вот и не приходится ждать от нее политических перемен, ухода от империализма, самодержавия и монополии государственного руководства хозяйством.

Пора внятно признать, что всестороннему и полноценному развитию России мешает не просто дурной характер или профессиональные навыки очередного правителя, а устройство общества и устройство государства. Общество, члены которого кругом зависят от начальства, не общество, а воинская часть. Федерация, субъектам которой себя не прокормить и приходится жить милостыней патерналистской власти, не федерация. Вертикаль власти, да еще сосредоточенной на вершине в одном человеке, обрекает народ безмолвствовать. За него, не оглядываясь на граждан, власть решает и говорит сама. Или для вида вкладывает людям в уста решения и речи.

Начиная с Грозного царей заботило не так самодержавие внешнее, то есть независимость от хана, как самодержавие внутреннее, подчинение царю, уничтожавшему самовольных аристократов, былых князей, соединившихся в единую Русь, и сильных бояр, которых заменяло служилое дворянство. Но и царская власть не была столь полной, как советская или нынешняя. Лишить имущества наследников князя было все же сложнее, чем потом детей отстреливаемых советских начальников или ныне строптивых «олигархов». А общество состоит из разных социальных групп, разных классов, число которых к тому же растет, а не сокращается до полного единения, как нам внушают. Одни претендуют на тоталитарную власть, другие сознают нужду в демократии, то есть общественном компромиссе разных групп. Равнодушие власти к трудящимся показывают, что власть не хочет перейти к капиталистическому общественно-экономическому строю. Вот и не приходится ждать от нее политических перемен, ухода от империализма, самодержавия и монополии

Есть особенности и у разных территорий, особые интересы у их жителей. Крупные, исторически сложившиеся регионы нуждаются в достаточном просторе самостоятельности, даже в направляемых высшей властью сферах. А при вертикали власти все права отнимает верхушка, по всем пунктам спускающая указания бесправным вертикальным ступеням и горизонтальным просторам. Вертикаль свела на нет даже разделение властей, обратив законодательную и судебную в служанок исполнительной. В результате советам, сперва мыслившимся надеждой демократии, пришлось лишь вторить партийным комитетам, направлявшим исполнительную власть. В Советском Союзе власть на деле была не советская, а комитетская, а советы стали ширмами и техническими инструментами тоталитаризма.

Царь, генсек, президент, олицетворяющий государство, если не только представляют, при всех различиях, – власть недемократическая, нередко тоталитарная. Особенно пагубна она странам разнообразным, как Россия, которой нужна парламентская демократия, да еще многоступенчатая. Смоленщина живет не так, как Дон, и не надо насильствовать ни тех ни других, чтобы ради послушания держать провинцию на уровне ниже столичного. Даже Ленинград не имел своих издательств,

кроме отделений московских, и книги в Питере печатали лишь с разрешения Москвы. А то бы куда больше было в России культурных и научных центров, хоть и меньше покорности. Но ради нее коммунисты жертвовали всем.

Демократия нужна, чтобы всесторонне развивать хозяйство. В 1915 году в книге «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин прозорливо писал о пагубности монополий. Но, совершая революцию в 1917-м, в книге «Государство и революция» он предложил сделать хозяйство всей страны единым синдикатом, чем заложил основу советского монополизма. Этот ленинский монополизм, не поколебленный раздачей хозяйства послушным «олигархам», России надо преодолеть, вернуться к состязательности, конкурентности как залогом развития. Ей мало умеренности и достаточности, она должна улучшить жизнь рядовых людей, их питание и благоустройство, очень еще далекие от того, чтобы винить народ в потребительстве.

Острее всего социальные противоречия России ощутимы в виде национальных. Их потому и не признают социальными. А они – прямое следствие устройства русского государства, фактически ставшего империей уже при Грозном. В новое время возникло немало империй: испанская, британская, французская, португальская, голландская, турецкая. Ныне отношения их метрополий с заморскими колониями стали иными. Одни империи распались, другие, когда выгода от владения колониями стала меньше расходов на их удержание, большую их часть, хоть и с горечью, отпустили мирно. А в Российской, прибиравшей к рукам все новые страны и земли, распался национальный вопрос.

У Российской империи колонии не за морем, а по соседству, и она оформлена как единое государство. Говорят, русский народ должен быть в нем ведущим. Но государство – не русское, а по Конституции – многонациональное, и упорное желание считать его русским лишь обостряет национальный вопрос. В быту русский и покоренные народы обычно взаимно терпимы. Но в областях обитания русских выходцев из колоний часто встречают недружелюбно, хотя в колониях русских терпят. Чтобы отношения изменить, надо не имперскую Россию объявлять русской, а выделить русское национальное государство, только и способное умерить российский империализм, заботиться о русском народе, а не о русских сатрапах в колониях. Современное русское государство будет, конечно, побольше объединившего все русские земли при Василии III. За полтысячелетия многие колонии обрусели. Но и при высоком уровне насильственной ассимиляции не все они стали русскими землями. Им надо выяснить отношения с Россией: кто будет ее автономией, кто образует с ней конфедерацию, кто отделится. Но это решать покоренным народам на их исторических территориях. [А говорят](#): «нет в России сейчас задачи строить “независимое национальное государство”, о котором мечтали итальянские, чешские или венгерские революционеры, стремившиеся освободиться от внешнего владычества». Словно чеченцы, и не они одни, мечтают о другом.

А можно сообразить, что в самостоятельности нуждаются не только чеченцы, но и большинство русских, страдающих хоть не от внешнего владычества, но от владения колониями, которые их кровью и трудом

удерживает имперская власть. Грех забыть, что русских закрепостила не чужая, не монгольская, а русская власть, что Британскую империю крепило развитие капитализма, а Российскую – двойное угнетение собственного народа. И удержание тех, кто не хочет в империи оставаться, требует от русских все новых войн и новых жертв. Казалось бы, в обретении каждым народом – и самым большим, и не столь большим, – самостоятельности заинтересованы все. Сообща стоять за это надо бы всем позиционирующим себя националистами.

Но нам говорят: «Нет и не может быть либерального национализма». И действительно, русский националист – ныне обычно империалист. Проповедуя национализм для своей нации, он отказывает в нем другим. Либерального русского национализма как организованного движения вроде покамест не видать. Но почему его не может быть? Когда движение русских националистов потребует права на самостоятельность и для других – а безмолвно его признают миллионы, – это и будет либеральный, а не имперский, русский национализм. Россия в нем нуждается больше чем в чем бы то ни было, у нее нет другой возможности обезопасить взрывчатку имперских претензий, которая уже взорвала СССР. Пока власть эту взрывчатку поощряет и силы русского народа вместо заботы о себе уходят на удержание империи, кормящей ненасытную власть, угроза гибели России растет.

В мире преобладают государства национальные, а не уродливо скроенные колонизаторами. Известно немало цивилизованных разводов. Ни Чехия, ни Словакия не живут по принципу «Чехия для чехов» и «Словакия для словаков». Правительство Шотландии открыто призывает отделиться от Англии, но в Лондоне не приказывают бомбить Эдинбург. Нет оснований противопоставлять предоставление покоренным народам права на самоопределение равноправие граждан разного происхождения и разной веры или равноправие женщин с мужчинами. И те и другие ценности – непеременимые свойства демократии. Неравенства больше в империях, всегда знающих, кто первый среди равных. В национальном государстве на первом плане социальные проблемы и противоречия, а империи, прикрывая их национальными, уклоняются от их выяснения и разрешения.

Увы, забыто, что движение за самостоятельность Чечни было одним из первых, поддержавших Ельцина в стремлении умерить власть союзного центра над Россией, когда старые чеченские власти поддерживали союзный центр. Добившись самостоятельности, Ельцин отблагодарил чеченцев войной. Это и была первая демонстрация истинного лица новой российской власти, задолго до Путина прояснившая, чего от нее ждать и почему она не делает страну богаче, а живет богатствами ее недр.

[Александр Подрабинек верно пишет](#), что наша власть ведет себя не столько глупо, сколько злонамеренно. Но цели злонамеренности не секретны. Сажая Pussy Riot, выгораживая убийц Магнитского и заводя лагерь для мигрантов, она сеет страх. Люди это видят и как предостережение учитывают. А у иностранцев свои соображения, зависящие не от того, злонамеренно или глупо наши власти себя ведут. Когда Сталин, того, конечно, не желая, обеспечил Гитлеру выход к Волге и Кавказу, положение изменил не только героизм наших солдат, но и то, что

они успели сесть на студебекеры и в дугласы, без которых война могла кончиться иначе. У США и Британии были поводы счесть, что наша победа им полезнее, чем победа Гитлера. И когда Советский Союз рушился изнутри, у президента США Буша тоже был повод его спасать и уговаривать Украину его беречь, на сей раз безуспешно. Заграница не всегда считает нужным (другое дело – умно это с ее стороны или глупо) противостоять злонамеренности или дури нашей тоталитарной власти. Заграничное начальство исходит из своих порядков и законов и потому нередко вынуждено считаться с более актуальными для тамошних жителей нуждами. Наша власть голоса наших людей, пока не доведет до катастрофы, глушит усердней, чем голоса из-за бугра. А при катастрофе кажется, что власть уже сама хочет, как лучше. Но она хочет лучше себе, а не народу и стране.

Страну, с которой прожил жизнь, хочется видеть не тоталитарной империей, а национальным демократическим, свободным, антимонопольным государством, от которого хозяйство, культура, наука, искусство, религия и частная жизнь отделены. Это подняло бы шансы России процветать, как Германия или Британия, почти во всем, кроме средств массового уничтожения, нас опередившие. Способны ли мы не только по силе оружия быть среди первых? Зависит от обстоятельств. Но и от преодоления самообманов, на которые в России падки.

Опубликовано на сайте <http://imrussia/org/ru/society/56>

Культуры времени 18.12.13

В тридцатые годы я испытал памятное культурное потрясение. В кино перед фильмом показали журнал, где вожди партии и государства вышли на мавзолей в шляпах. Шляпу тогда носил гнилой интеллигент, а героем нашего времени был рабочий, обычно в кепке. Сталин шляпу не надел. И шляпы остальных вождей обсуждали. Сосед по коммуналке одобрил: «Появилась культура!» А отец сказал: «Не появилась, а изменилась».

Мне было лет десять, я не очень понимал, о чем они. До того мне казалось, что культура – это сокровищница, и просто надо быть культурным человеком и знать сокровища культуры. А оказалось, культура – не одни сокровища, а всё, что люди делают, как себя ведут, если даже ужасающе. «Бескультурье!», – говорят, не сознавая, что это такая культура. Если вожди надели шляпы, значит, пришла культура носить шляпу.

Когда в Университете мы проходили статью Ленина, где сказано, что в каждой культуре – две культуры, мне понравилось, что не одна, но было странно, что две, а не двенадцать или не двадцать. Я уже понял, до чего культуры разные, а Ленин свел различия к политическим, которые, впрочем, тоже упрощал. Советская школа учила, что мир разделен на рабовладельцев и рабов, и всё в таком роде. А в Афинах и Риме большинство составляли не рабовладельцы и не рабы, а свободные граждане.

Меня учили культуре, знакомили с великими сокровищами и с якобы великими. Но я не поспевал выучиться – культура быстро менялась. Пионервожатая ещё объясняла, что наша страна не такая, как другие, что

это не страна, а союз стран. Что царская власть угнетала все народы, хотя все они имели право на самоопределение вплоть до отделения, как учил нас вождь коммунистов Ленин. А, сбросив помещиков и буржуев, народы Российской империи, имея право на самоопределение, не разошлись, а по призыву Ленина заключили добровольный союз. И когда во всем мире победит коммунизм, – что, сказала она, неизбежно, – в наш союз вступят все страны. Кто-то спросил: «Мы их завоюем?» Она мягко улыбнулась: «Ну, что ты, они войдут добровольно. Ведь лучше быть в союзе, чем воевать!» И спросившему ничего не было.

А нынешний вождь коммунистов Зюганов требует, чтобы призывающих отделиться от России сажали в тюрьму. Ленин помнил, что в Русской империи в исключительном положении были русские господа, а половину простых русских держали в крепостном рабстве, чтобы империя устояла. Он не мог выговорить, что при коммунизме рабство возобновится, что народы не будут равны и некоторые даже поголовно выселят. И надумал заменить империю союзом потому, что был человеком другой культуры. Еще не номенклатурной. Он, конечно, больше всех виноват, что союз стал страшней империи, – но так вышло не оттого, что он не хотел, как лучше, а оттого, что затеял невозможное, – вот и выходило совсем другое. Временами от отчаянья он требовал посадить на день в тюрьму всех коммунистов Москвы. Еще не всерьёз.

Советская жизнь уничтожала неподходящие культуры, не говоря о чуждых. Считалось, что они – плоды дурных влияний. Большевики говорили, что материалистически понимают историю, а на деле понимали её мифологически и надеялись, что идейно-политическое воспитание удержит население в единой культуре. Людей обязывали посещать идеологические семинары, университеты марксизма-ленинизма. Новым поколениям это непонятно. Нынче власти не сетуют, что люди вне политики. А тогда ценили не только морально-политическое единство, но и порождаемую им единую советскую культуру. Но подспудно, нередко наперекор её упорному насаждению, рождались иные. Диссидентство было не только политическим. Был самиздат, и музыкальные группы, и домашние выставки. Некоторые наши музыканты и художники потом прославились в Европе и Америке, а Иосиф Бродский даже получил Нобелевскую премию. Ничего особенного в этом нет. Лишь государственные гонения побуждали нас по таким поводам вспоминать Средние века и преследования еретиков. А в Новое время соседство разных культур – дело обыденное.

Когда Тициан работал в Риме, Микеланджело побывал у него в мастерской. Но восхитившись дарованием, сетовал, что в Венеции не учат хорошо рисовать, а владеет Тициан, со своим ощущением колорита, еще великой флорентийской школой рисования, ему не было бы равных. Между тем, именно иное понимание рисунка, воплощение его красками, сотворение перспективы пространства различием не так освещенности, как цвета, выделяло Тициана уже в «Данае», которую Микеланджело видел, и особенно в последних картинах, хотя бы в эрмитажном «Святом Себастьяне», и отзывалось в позднейшей живописи еще четыреста лет. Не попрекать же гениального Микеланджело, что он чего-то не углядел, не заметил, не догадался, что Тицианово рисование цветом еще всплывёт у Сезанна или Матисса! Куда важней, что в одной и той же Италии

одновременно и равновелико плодоносили не просто разные живописные приемы, но разные понимания живописи, а тем самым и жизни, – разные культуры. Италия ими дорожила.

Возрождение – самая грандиозная и долгая пора «культурного густка», но не единственная. Случались и покороче, но тоже пронзительные, и у нас. Легко вспоминать годы рождения великих русских поэтов XX века: Ахматова – 1889, Пастернак – 1890, Мандельштам – 1891, Цветаева – 1892, Маяковский – 1893, Есенин – 1895. Откуда такая густота? А вспомните их двадцатью примерно годами позднее, когда начиналась их поэзия, и обнаружите, что кроме личных дарований её формировало приближение мировой войны и революции. У символистов, им предшествовавших, было не так густо.

Единственный великий поэт их как бы предвестивший, родился в 1856 году, а в 1909-м, когда Ахматовой было 20, умер. Но к событиям, до которых не дожил, Иннокентий Анненский был по семейным обстоятельствам ближе, чем молодые, дожившие. Он вырос под влиянием брата Николая, одного из создателей народно-социалистической партии (энесов) и его жены Алины, старшей сестры самого крайнего радикала России Петра Ткачева. Не занимаясь революционной деятельностью, он различал окружающую реальность лучше более молодых Брюсова или Блока, озиравших его свысока. Оттого поэзия его конкретней и предметней, что потом и подхватили. Схожая густота рождений поэтов была и в конце XVIII века: Батюшков – 1787, Вяземский – 1792, Рылеев – 1795, Пушкин – 1799, Баратынский – 1800, Одоевский – 1802, Языков – 1803, Тютчев – 1803. А через двадцать лет поднялись декабристы.

Групповые культуры воспаряли не сами из себя и не по царской воле, но предчувствуя перемены или отвечая на них, – и не единогласно, а противоречиво. **Культура дышит не текущей политикой, как внушали наши воспитатели, а всей социальной жизнью общества, к политике не сводимой.** Оттого даже книги одного автора порой принадлежат разным культурам, роман Горького «Мать» – одной, а его «Жизнь Клима Самгина» – другой.

Теперь нам часто внушают, что революции семнадцатого года – обе от интриг и случайностей, и указуют на их плоды, не вдумываясь, отчего они такими уродились. Между тем, явись Декрет о земле и Декларация прав народов России, пусть более сдержанные, в качестве царских указов, да созови царь, хоть по нормам Первой Думы, Учредительное собрание и не разгони его, как разогнал Думу, революций бы не было.

Нам ныне толкуют, что государь император был господин весьма интеллигентный. Как сам он бросил писавшему его портрет Валентину Серову, удивленному тонким замечанием царя: «Вы удивлены потому, что думаете, что я – царь, а я все-таки еще гвардейский полковник». Увы, гвардейские полковники тогда верили, что власть, тормозившая развитие, должна быть вертикалью.

Противоречиями изобилует и практическая сфера культуры, включающая науку. Инновации ядерной физики нам добывала разведка. Едва ли не единственное наше превосходство – водородная бомба, на год опередившая американскую, объяснимо тем, что ее беспартийный создатель, Сахаров, был в мыслях свободнее коллег, и проявил это не только в физике. Вряд ли разведка не замечала, что ход его мыслей не каноничен. Но от тайных военных дел его не сразу отстранили. Значит,

вопреки своей вере в наше единственно правильное учение, хозяева разведки отдавали себе отчет в ценности других учений и культур. Почему же не допускали их у себя, наперед отказывая себе в достижениях, которые потом приходилось красть? Почему после революции культура расширила свободу лишь на первые десять лет?

Мало кого у нас занимают социальные реальности, советской - как бы минувшей, и нынешней - как бы ее сменившей, эпохи. А за этими реальностями, за различием социальных слоев с разными интересами, за различиями народов, сведенных в единое общество, формировались различия классов и культур. Объяснения социальной структуры, какая была до революции или до коллективизации, не помогают понять нынешнюю. Какой она стала к концу семидесятых, какой в 1991-м, что сейчас? Какие общественные классы действуют и противоборствуют? И как? И как меняются культуры?

Власть, не входя в это, печется о всеобщем единстве, все еще охраняемом человеком с ружьем.

Культура по-прежнему – государственный инвентарь. Министерство культуры спускает меньше инструкций, но субсидии дает одним, а не другим, и этим удерживает роль руководящего идейного департамента. **А культура живет не для поручений и задач**, хоть проявляется и в задачах, и в их выполнении. Ни обособленного пространства, ни отдельного времени у культуры не бывает. Она прилагательное, а не существительное. Но без прилагательных язык обходится лишь в командах. А культура – не команда. Всякую культуру и всякое явление в ней принимает лишь часть жителей, миллионный тираж книги считали огромным, стотысячный – большим, хотя в стране было больше двухсот миллионов грамотных жителей. Всякое явление культуры обращено к определенным людям и это самоопределение его ограничивает, полней постигая их особенности. Казалось бы, не натуральная, противоположная природе, культура, где уцелевает, – смелей веселит и пронзительней кричит от боли. **Единственное, чем власть может ей помочь - оставить ей непринужденность**, не сводимую к животным отправлениям и официальным церемониям.

Ленин давал наукам указания. Сталин их даже отменял, не робея перед ключевыми в защите нашей Родины. Но и он порой спохватывался, что есть сферы, где, что ни делай, решение зависит не от него. И терпел Академию наук как заповедник некоторой отвязанности, сознавая, что при его всё опутавшем режиме науке не выжить, а прока от неё хотел.

Карл V, четырьмястами годами раньше нагнувшийся поднять оброненную Тицианом кисть, на ропот придворных отвечал: я могу сделать сколько угодно графов, а другого Тициана – не властен. Сталин не думал, что не властен создать другого Вавилова, и назначил брата погибшего Президентом Академии. Но даже его беспокоило допущение, что он в чём-то, возможно, не властен. Только поэтому советская культура, как он её ни уродовал, не была все же убита поголовно.

Ныне власть и в столь малой мере в себе не сомневается. Команда «Всем стоять!» не так строга, как в пору моей юности, – можно уехать хоть в Беркли, хоть в Оксфорд. И наукой правит не малость недоучившийся священник, а современные образованные менеджеры, читающие журналы и рассудившие, что если смертной казни нет, то и заповедники ни к чему, да еще персональные. Вертикальная позиция всевластия перешибает

облегчения, отвоеванные культурой, а мы все считаем, что культуру губит лишь былая жестокость и гибель талантов, а единомыслие, вводившееся еще Козьмой Прутковым, в расчет не берем. Но недостаточно умерить жестокость и расширить образование.

Школа культуре нужна. Уровень культуры танца в Мариинском балете, слава богу, ещё высок. Но смотреть скучней, хоть и девочки прелестны, и мальчики собой хороши, и техникой владеют. А когда в 1949 году, перебравшись в Питер, я стал туда ходить регулярно, красоток было меньше, техника послабже, новые спектакли редки, но сцена, вопреки всему, что было кругом, дышала, как великая. Что потерялось? Боюсь, в большой мере хуже стало оттого, что изменилась публика, ныне Мариинский театр доступен лишь богатым. Взаимность труппы и зала не ушла, но переакцентировалась больше на мастерство полета, чем на его исполненность душой, чем балет в те безмолвные годы был богаче других искусств.

В балете реальные ценности упали от того, что взлетели цены. Но книжки в соотношении с бытом не так вздорожали, а выходят тиражом в тысячу, хорошо если три. А прежде запросто выходили по десять, по тридцать тысяч, и раскупались, не сосредотачивались в государственных библиотеках. А в перестройку Пастернака, Булгакова, Гроссмана, Солженицына, Рыбакова и других издали чуть не по миллиону, и ведь всё продали, хоть масштабы, и у авторов, и у книг, разные, – то есть, покупали не одни любители. Конечно, в книготорговле есть организационные утраты – не стало книготорга, благодаря которому вы могли свою книжку, мигом исчезнувшую в Питере, обнаружить вдруг в Улан-Удэ или в Перми. Конечно, культуре страшна не только цензура, но и коммерция. Это правда, но не главная, и не только потому, что цензура всё же страшней. В нынешних журналах пишут изящно и легко, не так занудно, как в советские времена, но смысла прибавилось не густо.

Ельцинским реформам больше двадцати лет, а горбачевской свободе скоро тридцать. Перестройка совершилась. Много поменялось. Можно, не рискуя жизнью, бранить знакомым верхушку вертикали, читать какие хочешь книги, ездить куда угодно, подолгу жить за рубежом, да и продовольственные прилавки не пусты, были бы деньги. Но что перестроилось, если прежде на кухне говорили больше, чем ныне на митинге протеста? А ведь расправы, в сравнении даже с брежневским временем, не говоря о сталинском, не ожесточились, даже помягчели.

Отчего же страна всё та же? Или Россия впрямь неизменна? А как изменилась она от Рюрика до последних рюриковичей, Ивана Грозного и царя Федора, за первые свои семьсот пятьдесят примерно лет! Да и последующие четыреста с небольшим не были стабильно-единообразны. Уже первый их век, смута, раскол, Петр, внесли ощутимые перемены. Пускай замедленно, но страна свернула на начертанный Петром и подхваченный Екатериной II путь, обратный первым семи с половиной векам. Тогда, родившись западной и став христианской, страна два с половиной века под монгольским ярмом обращалась в азиатскую, но пришло и освободительное стояние на Угре, которое никакие наши власти не хотят праздновать, и пошел возврат из Азии на запад, итальянцев звали строить в Кремле. И после 1917-го, при всём, что можно тут добавить, возврат продолжался, и рождавшееся в русской живописи, в русском театре Запад подхватывал, и оно было самым западным. Пока к

тридцатым годам не настала национальная катастрофа коллективизации, восстановившая крепостное право в колхозной форме.

После революции руководство крупных театров усидело. Новое искусство хоть и отвергало, но не уничтожало прежнее (даже балет, отнесенный к помещичьей культуре, уцелел), но после коллективизации, где тотчас, а где не сразу, начался упадок культуры, шедший параллельно расширению школ и тиражей писателей, числимых классиками. Даже смерть Сталина такое положение не сильно изменила. Даже в перестройку участь культуры, а с ней и общественного сознания, не вышла на первый план.

Для начала стоило хотя бы понять, почему ликвидация индивидуального бытия крестьянства, составлявшего консервативное большинство населения, шла одновременно с атакой на художественные индивидуальности совсем другой, городской, модернистской культуры, вроде не имеющей с крестьянством прямой связи, не находящей у него отклика. И как отражалось это в сознании, и в теоретическом, и в государственном, и в массовом? И как взаимодействовали развиваемые этими и другими стимулами культуры?

А шел могучий процесс **всеобщей унификации**.

Когда экономическая катастрофа семидесятых, к которой привела унификация, пригрозила гибелью, правящая номенклатура, легко отрекшись от марксистских утопий и ленинского волюнтаризма, даже не попыталась возродить в словах «сотрудничество», «товарищество», «взаимодействие», «союз», «федерация» их собственный смысл, суть которого в равноправии соучастников. Используя унификацию как точку опоры, номенклатура повторяла в обиходе помянутые слова в советском смысле, противоположном присущему им в языке. **Обществу и дальше велели быть синонимом государства, которое не терпит противоречий**, хоть общество как раз – главная его противоположность.

Здесь нет места анализировать социальные причины, побудившие вырядить советское хозяйство буржуазным, а советскую жизнь декорировать под демократическую. В итоге номинальную отмену советской власти свели к возможности публично противопоставлять признание «Путин – наше всё!» и призыв «Россия без Путина!» Словно никто не ощущал, что политического смысла в этом нет, что такой спор сводится к соперничеству групп или личностей. А важно не имя правителя, но объём его власти.

В переводе на русский «авторитаризм» означает «самодержавие», то есть общественное развитие потеряло девяносто шесть лет, прошедших после его свержения. Даже до конституционной монархии не дошли! Не обрели правопорядка, с законами сообразными меж собой, не с одной лишь волей повелителя.

Когда-то продавцов и покупателей звали быть взаимно вежливыми. Но продукты исчезали, продавщица выходила в благотельницы и вежлива не была. Не в одних магазинах, не в одной экономике дело. **Культура жива там, где персональны, индивидуальны ее предпочтения, как в христианстве любой из миллионов спасается отдельно**. Ради этого, по писанию, Иисус и принес себя в жертву, но она не избавила от нужды в личном усилии каждого, пусть сугубо духовном. Культура жива, пока её не лишают самостоятельности. Без неё – дикость, в последние двадцать лет не раз вспыхивавшая. Время ушло на удержание унификации, на

сбережение застоявшегося, хоть нужда считаться с тем, что стандарты не вечны, их подновляла.

Вожди не зря надели шляпы. Культура дает бытовые знаки смены прежнего стандарта. Маяковский гордо доставал советскую паспортину из широких штанин, а двадцать лет спустя, чуть не на съезде партии, наконец, признали, что узкие брюки не означают измену родине. Потом общественной проблемой стали брюки на женщинах. За пределами Москвы и Питера их публично стыдили, не пускали в городской транспорт. То были не просто прихоти моды, так проступали шедшие подспудно перемены стандартов миропонимания – неполитическое, чуть не художественное диссидентство. А оно ощущалось в стихах и в прозе, в музыке, в живописи, раздвигало пределы вкуса, не настаивало на классических примерах там, где от них уцелели лишь чужие воспоминания.

Там где бились сердца, шла жизнь, возрождалось многообразие культур. Не демонстративное изобилие возможностей, в котором постмодернизм ищет спасение от нищеты содержания, а изобилие миропониманий, неизбежное на переломе.

За полтора десятка лет у нас не раз и не два переломом наверстывали очередной застой. После первого, то есть крепостного права, Толстой писал в «Анне Карениной»: «У нас теперь, когда всё это переверотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России». Уже тогда, в 1861-м, переверотилось лишь частично – уцелела община. Потом ее распустил Столыпин, не отважась, однако, на земельную реформу. Потом Ленин сделал два шага вперед – Декрет о земле и Декларацию прав народов России, но Учредительное собрание разогнал, и вышло четыре шага назад. И хоть выиграл гражданскую войну, спасла его не победа, а НЭП, признание того, что без материальной заинтересованности трудящиеся не трудятся. Это делало НЭП неизлечимой душевной травмой для Ленина. Острый практический ум ему говорил, что выхода нет, и он на это шёл, в надежде, что не надолго. А сельское хозяйство ожило настолько, что власть опасалась «смены вех», «буржуазного перерождения», и уже без Ленина провела коллективизацию – как внеэкономическое действие, не ограниченное нуждой поддерживать хозяйственный баланс и, строя социализм, сводить концы с концами. Внеэкономическое хозяйствование, восторжествовавшее в тридцатые годы, и довело до кризиса семидесятых, потребовавшего радикального спасения, которым и казалась Перестройка, при всем своем освободительном духе хозяйство не перестроившая. Так не могло дальше продолжаться. И Ельцин не мог иначе удержать власть номенклатуры, кроме как отречьшись от Ленина.

Но и он больше переверотил быт, чем хозяйство. При нем оно не слишком преуспело, и по-прежнему «вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России». Дело не за тем, чтобы еще раз предъявить Хрущеву, Горбачеву, Ельцину, Путину и другим персональные вины в явных неудачах их личных попыток хоть как-то отойти от тоталитарного ленинско-сталинского порядка с его тоталитарной культурой, а за тем, чтобы признать, что в революционной ситуации девяностых годов правящая номенклатура удержала власть, и революция в России не состоялась. А, чтобы не отставать от других в развитии, России, как и другим, тоже нужен другой, демократический, строй, другое,

соревновательное, хозяйство, другая, многолика и многоголосая, культура.

Мой любимый исторический деятель, граф де Монфор, еще в XIII веке пытался объяснить, что **с высоты трона королю не углядеть страну, надо и баронам говорить, что видят, и рыцарям, и горожанам. Чтобы общую картину давал не один руководящий взор, а сопряжение впечатлений.** Чтобы они звучали в полный голос и учитывались сообразно поданным голосам. Такой социальный компромисс и зовется демократией. Другого значения это слово на практике не имеет, хоть у нас им норовят звать неизвестно что, только бы не настоящую представительную систему. У нас больше ценят отбор и подбор нужных людей, нужных точек зрения и культур. А прекрасный писатель советского времени исчерпывающе сказал: «Без меня народ не полный».

Опубликовано в журнале «Время культуры» №2

Возвращение империи 31.1.14

Незадолго до Нового года ветеран холодной войны Збигнев Бжезинский в газете Финэншиал Таймс объявил, что Россия, не сможет восстановить былую империю. Но доводов в пользу своего предсказания не нашел.

Он, разумеется, прав, утверждая, что «стремление к национальной независимости становится доминирующей политической реальностью». Эта программа, начатая в последней трети XVI века в Нидерландах, прошла в Европе и Америке, дав образцы социального и технического развития. Ныне независимости и развития хочет и весь остальной мир. Это верно. Но уже в 1917 году история противопоставила этой программе тоталитарный империализм.

Бжезинский внушает, что «сегодня Россия не в состоянии силой и жестокостью восстанавливать свою прежнюю империю», что «она слишком слаба, слишком отстала и слишком бедна». Помилуй бог, а разве Советский Союз, в 1922 году ее восстановивший, не был беден? Не отставал во многих сферах науки, культуры и техники? Не был часто слабосилен? Его тоталитарная система, вертикаль власти, привела страну к чудовищным катастрофам, которые замалчивались, - к голоду тридцатых годов, к несообразному разгрому советской армии в первый год Отечественной войны, и, наконец, к распаду.

Но одновременно тоталитарный режим создал невиданные мобилизационные возможности. Он сосредотачивал силы и средства на немногих, важнейших для власти участках, вроде производства водородных бомб и средств их доставки. И весь мир, начиная с Соединенных Штатов, трепетал в ожидании советского удара, и надеялся лишь, что советское руководство сознает, что последует автоматический ответ. Советские вожди, пережившие вторую мировую войну, от удара па Европе и Америке удержались. Но и тогда среди них были сторонники «упреждающего» удара.

Россия воротившаяся

А теперь Россия возрождает мобилизационные приемы. С чего бы иначе при своей бедности ей ныне увеличивать военные расходы сразу в три

раза? А Запад, не задумываясь, продает ей новейшее оружие. И слабая, отсталая и бедная страна наращивает силу удара, и вот он уже нанесен по Грузии. Идеологических деклараций, звучавших при атаках СССР на Венгрию и Чехословакию, не возрождали, но практика тоталитарной идеологии действовала, и бедность России, как довод Бжезинского, Грузию не спасла.

Но тоталитарный режим, и нацистский, и советский, и нынешний российский, опасен не только таким ударом, но самой своей претензией на особое положение в мире, на свои особые права. Ему чуждо понятие взаимности, и когда его особые права не признают или отвечают тем же, он обижается. По нынешнему российскому закону любая организация, получающая финансовую поддержку из-за рубежа, должна признать себя иностранным агентом. А сама Россия содержит за рубежом немало институтов и учреждений, не говоря о политических движениях и режимах. Другой российский закон дал нашим силовым органам право в любой зарубежной стране убивать (при том что в самой России смертная казнь не применяется) лиц, неугодных российской власти, отнюдь не признавая аналогичного права других убивать в России. Еще один, только что принятый российский закон запрещает само обсуждение проблем национального самоопределения, вплоть до отделения, народов Российской Федерации, признав этим, что она составлена против воли этих народов. А сама Россия вооруженным путем способствовала самоопределению Абхазии и Южной Осетии. Конечно, все это делал и Советский Союз, но он действовал тайно или под лицемерными прикрытиями, а нынешний режим – без стеснения официально оформляет противоправные действия, противоречащие предсказанию Бжезинского, о чем тот и не вспоминает.

Украина, Россия и Европа

Украинские события кажутся ему спонтанным проявлением украинского патриотизма. Какая, однако, спонтанность, когда речь идет о трех с лишним столетиях украинской зависимости и подавлении неоднократных попыток из нее вырваться? При заключении Богданом Хмельницким, боровшимся против Польши, союза с Россией украинское крестьянство было свободно, но уже Екатерина II сто лет спустя прикрепила его к земле, закрепостила. Не надо себя обманывать враньем, что тяга к независимости Украины присуща лишь ее католицизированной части. Украина не против России, однако против зависимости от России, против того, чтобы за нее решала Москва. Это страшило не только антисоветчика Бандеру, но еще величайшего украинского поэта Тараса Шевченко, обличавшего Богдана. Потому молодые люди по всей Украине и тянутся к Европе.

В России тоже многие туда тянутся и миллионы уехали, но от Украины она отличается не количественно, а качественно. Бжезинский объясняет имперскую политику Путина его наивностью. Даже пытается ему объяснить, что правители республик неискренни в преданности, ему выказываемой. Но Путиным движет не наивность, а сознание, что тут на его стороне едва ли не большинство русского народа, о чем Бжезинский умалчивает. А русское самосознание верит, что и Украина, и другие

колонии принадлежат России, как покоренные или «свободно присоединившиеся», но с тех пор уже навсегда русские земли.

Русский образ мысли

Российскому государству чужды равноправные отношения, оно либо терпит монгольское иго, либо претендует быть третьим Римом (вторым был Константинополь, падший в 1453 году) и владеть миром. Русский народ так себя ощущает не от каких-то дурных своих качеств, и не следует впадать в русофобию. Эти дурные чувства - плод положения, на которое народ обрекла власть, не просто подавляя, как колониальные народы страны, а взвалив на него тяжесть удержания империи, - сперва закрепостив, а после формального освобождения оставив без земли, без самоуправления и по сей день без действительного представительства в высшей власти. Русский народ, за вычетом самозванных властителей и их элиты, в такой же мере не свободен, как колониальные. Но после Ивана III, покончившего с монгольским игом, потребность в отдельном национальном государстве у русских не удержалась, покорение Поволжья, а потом Урала и Сибири, сделало государство многонациональным, и великодержавный имперский шовинизм вытеснил защитный национализм, складывавшийся под монголами.

Нынче многие говорят о русском национальном государстве, но мыслят им всю многонациональную федерацию, в которой хотят стереть формальные границы бесправных автономий, а если получится, таким же образом наново объединить Советский Союз. Но реальный русский национализм признал бы право национальных автономий на независимость от Москвы и, поддерживал бы с ними добрые отношения, перестав ими распоряжаться. Чтобы и внутри России и внутри этих разных национальных государств люди разных наций и религий, русские и нерусские, могли спокойно жить и быть полноправными гражданами. А государству, устроенному не демократически, в котором народы лишь официально равны, а на деле один – первый, и, стало быть, есть последние, без коренных преобразований социального строя и сознания, демократическим не бывать.

Бжезинскому кажется, что когда уйдет Путин, «Россия, и особенно ее нарождающийся средний класс, поймет, что единственный целесообразный путь – это подлинное превращение в демократическое... государство». Но дело не в одном желании, и помеха этому не один Путин, случайный человек, попавший в президенты по личному доверию Ельцина, которого он и не обманул, а продолжил его дело. Никакого отношения к демократии оно и при Ельцине не имело.

Империя – враг демократии

В России не очень ясно понимают, что такое демократия. Переводя с греческого, говорят, что правление всего народа, а говорить за народ поручают царю, генсеку или президенту. В Афинской демократии народом считали взрослых свободных мужчин, уроженцев Афин. Но ни женщинам, ни выходцам из других городов, изобиловавших в Афинах, ни

вольноотпущенникам, ни, конечно, рабам, места в этой демократии не было. А в современном мире демократическое правление опирается на представительство **всех** социальных классов и групп на **всех** уровнях власти и на какой-то компромисс меж ними. Правление, в котором вся власть сосредоточена в руках одного человека, даже если его избрали честно, не может быть демократическим. В демократических странах власть разделена и по вертикали и по уровням. И на низовом уровне принимают самостоятельные решения, которые высшая власть, если они не противоречат закону, не вправе отменить. Вопреки Бжезинскому, дело не за тем, чтобы тоталитарная власть, все решающая сверху, и окружающая ее «элита», поняли, что русским людям свободное русское государство полезней нынешнего и с ним Россия может впрямь стать одним из ведущих в Европе. И власть, и ее «элита», это вполне понимают, но нынешнее положение им выгодней.

Россия могла бы стать демократией, и, наряду с Германией, ведущей в Европе страной, если бы, как немцы после национал-социализма, русские после имперского социализма тоже отвергли империю и задумались о национальном самосохранении, о том, чтобы не покорять Европу и Америку, а жить с ними в ладу и, подобно им в их лучшие годы, предпочитать заботу о своей стране вмешательству в политику других, а в России учат дорожить не так отечеством, как государством, всю нашу историю попирающим отечество. Иван Грозный, фактический создатель империи и крепостного права, о подданных говорил: «Они мои холопы и должны мне служить», и так было при всех последующих царях и генеральных секретарях. Если Украине, чтобы стать демократией, надо освободиться от России, то России надо освободиться от себя самой, отказаться от претензий на особые права, а это требует иного национального сознания.

Без него мы продолжаем жить при тоталитарном режиме, именуя его административно-командным и убрав с вывески Маркса и Ленина. За четверть века громких российских перемен, революции в России не было, у власти остался все тот же правящий класс, и лишь подновленный вариант все того же тоталитарного строя, - не абсолютный ленинско-сталинский, а пытающийся считать расходы и доходы, как Муссолини или Дэн. И если этого не видит Бжезинский, недавний борец с коммунизмом, приходится думать, что и прежде он больше пугался марксистской утопии, от которой советский строй уже с 1917 года уходил, чем реального тоталитарного режима, который затеял Ленин и достроил Сталин. В отличие от его однопартийца Обамы нашу имитационную демократию он не идеализирует, но забыл, что лишь коренные социальные перемены могли бы привести Россию к реальной демократии. Крушение Советского Союза лишило его противников желанья и дальше видеть мир, как есть. Но эйфория опасна.

Опубликовано по-английски на сайте Open Democracy

Почему и зачем? 11.3.14

Когда русские войска без знаков различия успешно заняли здание Верховного Совета Крымской Автономии Украины, президент России попросил у Совета Федерации разрешения ввести на Украину войска

и, конечно, сразу получил. Не все СМИ, и международные, и даже российские это одобрили. Иные осудили президента. Фактически особо его наперед осудили заверявшие, как Леонид Радзиховский, что ввода войск на Украину не будет, поскольку для Путина это политическая смерть. Но войска в Крыму, а Путин жив и здоров, и на самоубийцу не похож.

Самое время спросить, почему обвиняют его одного? Разве уже в мюнхенской речи, а строго говоря, уже во второй Чеченской войне, он не обозначил позицию, - свою, и России? Разве, сказав, что распад Советского Союза - величайшая катастрофа XX века - не Первая, не Вторая Мировые войны, не русский Октябрь, не русская коллективизация, не события в Германии 1933 или Китае 1949, и, разумеется, не холокост, а мирное освобождение народов, некогда Российской империей покоренных, и Советским Союзом удержанных или, как Прибалтика, наново покоренных в союзе с Гитлером, - Путин не выдал волю возродить СССР, не только свою, и возродить не обязательно миром?

И если теперь он вводит войска, в бывшие советские республики, им движет не душевный порыв. Дескать, нельзя уже полвека терпеть несправедливость – передачу Крыма Украине. А о реальной несправедливости – о выселении крымских татар, в отличие от других народов, так и не получивших, пока Украина не стала независимой, права вернуться, и доселе мыкающихся, кто в Узбекистане, а кто и за границей, не считая погубленных, - ни единого слова.

Нет, он ввел войска не по горячности, не по личной прихоти. Президента поддержал голосами всех присутствовавших Совет Федерации, вдобавок еще призвавший отозвать из Америки посла. При взгляде на суждения членов высокого собрания, клинические симптомы, конечно, видны. Но ведь президента поддерживает не только горстка назначенных сенаторов, а весь правящий класс, прежде звавшийся номенклатурой, это не меньше двух миллионов. А протестуют одиночки – где сотня, где даже полтысячи, народ против войны не выступил. И прежде, чем сводить ее к Путину, надо бы приглядеться, отчего оно так. Путин человек осторожный и не глупый, хоть, к сожалению, серый и прошедший школу КГБ, оставляющую лишь два варианта решения: наш или вражеский.

Это играло свою роль не в данном только случае, а и при расследовании взрывов в Москве и Рязани, и Дубровки, и в неспособности понять, что советские годы, начиная, если не сначала, то, в любом случае, с коллективизации, были для России катастрофой. Но разве один Путин идеализирует СССР? Отбросив советскую идеологию, правящий класс даже скромную работу времен перестройки по освещению кошмаров советской истории свернул. Новые поколения учат про победу, а о причинах войны и отступления до Волги, о цене победы, о том, как жила родина после нее, они не знают, а надо бы знать.

Пропагандистская артподготовка вторжения в Украину внушала, что оно направлено против «бандеровцев», как именуют сторонников независимой Украины, по имени Степана Бандеры, якобы гитлеровца, в 1959 году убитого агентом КГБ. А Бандера, практически никогда в СССР не живший, родился в Австро-Венгрии и, когда после Первой Мировой, она распалась, мечтал создать на освободившихся там украинских землях независимое государство. Но земли захватила Польша, их усердно

полонизировавшая, и украинский революционер Бандера, активно боролся против угнетателей теми же методами, что в свое время русские революционеры, народники и народовольцы. Он тоже занимался террором, и под его руководством был убит польский министр внутренних дел. Не один год Бандера провел в польских тюрьмах, и освобожден лишь в результате нацистско-советского вторжения в Польшу в 1939 году. Он был не прочь, подобно Сталину, дружить с Гитлером, но не ради покорения других народов, а ради создания независимого украинского государства. Против большевиков он был именно потому, что они такой возможности не дали. Но Гитлер тоже ее не дал, и через две недели от начала Отечественной войны отправил Бандеру в заключение, где тот войну и просидел. А когда осенью 1944 терпевшая поражение Германия вновь предложила ему воевать против русских, он опять требовал независимую Украину, Гитлер опять на это не шел, и Бандера опять остался ни с чем.

Бандера - не мой герой. мне отвратителен терроризм, даже персональные убийства, как у народовольцев и Бандеры, не говоря о нынешних массовых убийствах безвинных. К тому же он был антисемит. Но я прожил жизнь в России, и кругом всегда было полно открытых антисемитов, властью не осуждаемых. Недавно Путин назначил руководителем российской пропаганды Дмитрия Киселева, поспешившего сообщить публике, что настоящая фамилия сатирика Иртеньева – Рабинович. Но Путин не осудил Киселева публично, а наградил орденом за заслуги перед Россией. Я не думаю, что Путин антисемит. Но если украинца Бандеру он за антисемитизм осуждает, а русского Киселева поощряет, значит, не в антисемитизме тут дело. Не из-за него Путин послал на Украину солдат. И Бандера тоже не от своего антисемитизма боролся за право украинского народа на независимое государство. Его чествуют как гитлеровца, а он, когда Гитлер в независимости Украины отказал, отказался с ним сотрудничать и сел в тюрьму. Чествуют, как националиста, - а у нас этот ярлык не ставят даже на тех, кто хочет выделить из нынешней России национальное русское государство,- да их, к сожалению, и немного,- а только на тех, кто хочет создать независимое нерусское, - украинское, чеченское и любое другое. Такова правда, и десятки миллионов украинцев, поныне, как продемонстрировал Путин, обязанных жить под приглядом России, не имея независимости, за которую еще в середине XIX века боролось Кирилло-Мефодиевское общество, куда входил и Тарас Шевченко, за это и осужденный, никто не заставит хулить самоотверженно боровшегося Бандеру, даже далекого от идеала государственного деятеля, какой надобен бы сегодня, через полвека после того как мы его убили. И разве Россией все годы правят идеальные герои? Нет антисемитов? .

Ситуации, не только украинская, которые российская власть выдает за требующие введения ее войск, искусственно раздуваются такой же беспардонной ложью, как про Бандеру. Современной России все не отучиться от советской лжи. Наш премьер-министр обвиняет Майдан в убийствах, прекрасно зная, что на Майдане убили семерых солдат, стрелявших в народ и убивших более семидесяти человек. Обличая Бандеру такими приемами, людей настраивают против правительства Турчинова и Яценюка, тогда еще не родившихся. Путин уверяет, что объявление Председателя Рады Турчинова президентом при живом

Януковиче, с которым подписали мирное соглашение, - это насильственный захват власти. А на деле Рада избрала Турчинова лишь временно исполняющим обязанности президента. Кто-то ведь должен их исполнять, а Янукович, подписав соглашение, скрылся неизвестно куда, был даже объявлен в розыск. Объявись он в Киеве, да не верни Турчинов ему должность, было бы о чем говорить, но Янукович лишь через несколько дней объявился в Ростове, в России, в Киев не поехал, но попросил Путина послать туда русские войска. Путин считает, что для президента это нормально и легитимности не лишает. Любопытная, кстати, деталь: Янукович заявил, что с Путиным не встречался, только по телефону говорил, а Путин, что встречались они в эти дни всего один раз. Видимо, лжет все же Янукович. Путин в этой большой беседе с журналистами лгал в основном по военным вопросам: называл, к примеру, российских солдат силами внутреннего сопротивления. А всякий, кому русский язык – родной, уже по произношению отличит русского крымчанина от воронежского или сибирского жителя, особенно, когда речь не об отдельном человеке, а о воинской части. Значит, сам Путин с солдатами не говорил, их не видел, излагает по докладам, показывая, что к встрече с журналистами подготовиться не успел, спешил заверить, что поход на Киев покамест отложен.

Может быть, благодаря известной импровизационности он иные вещи говорил необычайно искренне. На вопрос о будапештской декларации, обязавшей Россию, США и Великобританию, в ответ на уникальный в истории отказ Украины от ядерного оружия, поддерживать нерушимость ее границ, Путин с подкупающей простотой ответил, что на Украине произошла революция, того украинского государства нет, а по поводу нынешнего нового нет никаких деклараций. Вот и весь сказ, открывающий не только уровень юридического образования президента, но сущность нынешней России. Не может ведь такого быть, чтобы в школе КГБ Путину на лекциях не говорили, что в 1917 году в России было даже две революции, что Российской империи не стало, что некоторые ее части, конечно, отделились и Советский Союз заключал и с Польшей, и с Литвой, и с Финляндией отдельные мирные договора, но у четырнадцати иностранных держав, войска которых оказались на нашей территории, никакого права вводить их туда не было, как и у Путина в Украину. Мне трудно поверить, что профессор Собчак не говорил студентам, среди которых были и Путин, и Медведев, и другие нынешние лидеры, о различии между законами, договорами, государственными декларациями и распоряжениями, и правом, как системой принципов, которых не только должны держаться законы и распоряжения, что, к сожалению, тоже бывает у нас не всегда, но действующих когда истекают договора, отменяют законы и меняются обстоятельства, а все равно множество поступков совершать не положено. Правовому, разумеется, государству.

На фоне этого, как бы теоретического заявления, обещание главнокомандующего армией России Путина о том, что вступая на Украину русские солдаты выставят перед собой женщин и детей, демонстрирующее его личную человечность и ожидаемую им от российской армии, как-то даже меньше впечатляют. Не так страшно, что президент плох, как то, что государство у нас не правовое, что изменения в нем не принципиальные, хоть западная печать и радиостанции двадцать с лишним лет внушают, что принципиальные, что законы ему не

писаны, и не потому, что им правят дураки, а совсем напротив, наши оставляют в дураках конкурентов. Политика, начатая Ельциным и продолжаемая Путиным иная, чем у Сталина-Брежнева. Те жили ленинской идеей расширения своей зоны. И хоть случались неудачи с Югославией и Китаем, зона все же расширялась. Жила бедно, но тратя большие природные богатства на подготовку к войне, и пусть не победить, но нанести смертельный удар могла. Наш строй называли коммунизмом, он прикрывался этой утопией. А кризис настал потому, что уже не то, что для жизни, а для гонки вооружений, средств уже не хватало. Секретарь Свердловского Обкома Ельцин отбросил советскую идеологию не потому, что разочаровался, а потому что книжные идеалы утопии перестали сопрягаться с номенклатурным тоталитаризмом, и Ельцин, приблизил его к итальянскому, еще не прямо к немецкому, варианту, и передал продолжателю.

Новый тоталитарный лидер, - что означает не просто злого диктатора, а выразителя общей воли захвативших власть, - не черней остальных. Но уже Ельцин и особенно Путин, получив с небес цены на нефть, стал играть не одной рукой, а сразу двумя. Расширив экономические контакты, он добился многого и мог бы даже большего, если бы не имперское, не правовое сознание. Но и прежней линией Путин не пренебрег. Прет вперед, пока западные страны, думая, что это у них тактика, отступают, не загадывая, что грозит им непосредственно. Нынче Обама для приличия приходится пугать Путина дорогой ценой, которую придется платить. Но платить-то не Путину Платить будет Россия, а ее правителям ее никогда не было жалко. Да они и не спешат и осмотрительно готовят очередное расширение сократившейся зоны, все более дерзкое. Путин взвешивает, в какой мере две линии совместимы, и кто-нибудь из «Бритиш петролеум», неплохо в России зарабатывавший, уверяет, что вполне. И Россия готова взять не сразу все, что хочется, а частично, лишь бы поставить ногу. Потому и влечет «финляндизация», то есть согласие на относительную независимость своих граждан ценой признания всей страной зависимости от России в политике и экономике.

Отсюда же и речи о расширении автономии Крыма. Тут что ни скажут, все вранье. В Крыму, действительно, много русских. Крым, Коктебель, Алупка, это, может быть, лучшие места на свете, и в СССР многие хотели там жить, особенно, когда выселили татар и место освободилось. Но Автономия там была именно татарская, а когда выселили – стала Крымская область. Украина, в отличие от РСФСР, единогласно штамповавшей анти-татарские законы, облегчила возврат, но недостаточно. Надо бы помочь, хоть не украинцы их выселяли, тогда и Автономию можно возродить. А русских и русскоязычных много не только в Крыму, а по всей Украине. В Киеве до войны русские вместе с евреями, тоже русскоязычными, составляли большинство, но автономии не имели. В Питере еще в тридцатые было полно немцев, нередко на улицах говорили по-немецки, но автономии не было. Нет и повода вводить да еще расширять Крымскую автономию. Разве только, чтобы снова выжать татар, как уже призывают некоторые русские. Крымская автономия – это ширма, чтобы установить на всей Украине русскую автономию или объявить Украину государством двух народов под присмотром России. Так и надо говорить. Поэтому расширение русскоязычной автономии в Крыму – это акт агрессии России. А права русских, как, кстати и еврейских, и

молдавских и кавказских и всяких других граждан в Украине, как и в России, должны быть абсолютно обеспечены. Можно будет сравнить, где это лучше получается. Во всяком случае, покамест на Украине русских не ущемляют, и Путин примеры привести не мог.

Надо признать, уже нападая на Грузию Россия открыла свое уцелевшее советское лицо. Проглотили. Сочли частным случаем. Агрессия против Украины показала, что не частный. Англоязычные газеты спрашивают: «Что же, нам из-за Украины воевать?», хоть это не более странно, чем воевать из-за Ирака или Кореи. Но спешить с войной никогда не надо, надо просто помнить, что в противостоянии агрессии Советского Союза, захватившего пол-Европы, западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты, и при Трумэне, и при Кеннеди, и при Рейгане, находили способы дать отпор. В холодной войне нет ничего хорошего, и начинать ее первыми тоже не надо. Но, к сожалению, есть вещи хуже, чем взаимная холодная война. Это - предварительная капитуляция, односторонняя холодная война, которую Россия начала мюнхенской речью Путина и оголтелой анти-американской пропагандой, далеко обошедшей времена холодной войны. Да и в 1946, холодную войну начал Сталин, не допустивший ни в одной из освобожденных от Гитлера стран свободных выборов. Ныне у России на Украине та же цель, но Украиной не ограниченная. Если смириться с финляндизацией Украины и русской автономией Крыма, за ними последуют Прибалтика, Польша, президент которой случайно погиб в России, и до остальной Европы недалече.

В происходящем нет ничего удивительного. Если вы этого не усвоили, когда Клинтон в Стамбуле выгораживал Ельцина, вторично убивавшего Чечню, когда Буш, заглянув Путину в глаза, обретал душевный покой, когда Обама ни о чем, кроме «перезагрузки», слышать не хотел, призадумайтесь хоть сейчас. Украина - еще только вторая ступенька возрождения советской претензии на мировое господство, хоть Путин сдержанней Хрущева и не объявляет западным коллегам: «Мы вас похороним!» Но не надо строить иллюзий, - сознательно или бессознательно, стремится он к этому. А что из давнего замысла получится, зависит от всех нас, и сегодня, прежде всего, от украинского народа, совершающего в этом веке вторую национально-освободительную революцию. Видимо, не вмоготу. Устоять перед Россией, отдавшейся Путину, иной возможности, кроме сопротивления, у него, возможно, нет. Европа готова сдаваться, американцы что-то говорят, но не делают ничего. Тут ясно еще не все. Но что восторжествует в России, в случае поражения Украины, да уже и сегодня, ясно. И давно поименовано по-русски: обыкновенный фашизм.

Опубликовано на сайте

<http://imrussia.org/ru/russia-and-the-world/688>

Поступь Советского Союза 10.4.14

В середине марта Д.Киселев сказал, что мы обратим Соединенные Штаты в радиоактивную пыль. Неделями раньше похоже высказался Рогозин. Едва ли они рискнули так говорить, не совещаясь с тем, кто нажмет кнопку. Но Соединенные Штаты тоже могут обратить Россию в радиоактивную пыль. Не думаю, что Путин решил ею

пожертвовать. Он наверняка знает, что при гарантированном взаимном уничтожении победителя не будет. Когда холодная война стихла, ему было за тридцать, вполне взрослый. Или велел Киселеву и Рогозину брать Америку на испуг? При ее способности ответить - глупо. Кого они пугают?

Люди наивные думают, что в новую эпоху нас влечет Крым. Более серьезные, что Украина. А захват и предстоящая война – выражают внутренние дела России. Власти ее не удержать. А в новой холодной войне мерещится шанс.

Крымская легенда.

О Крыме удобно заявлять, что мы его освободили, возвратили, спасли русских. Слушатели ликуют. Но вранья слишком много. Путин сказал, что Крым - земля исконно русская, хоть знает, что православие в Крыму принял Владимир, князь киевский. А «Повесть временных лет» и другие памятники той поры на русский приходится переводить, они написаны на древнем языке, общем предке украинского и русского. Но ни Киев – мать городов русских, ни его удачная дочь, великороска Москва, Крымом не владели, и в состав Российской империи он вошел лишь в 1783 году, когда в Петербурге правила Екатерине II. Но и тогда не стал русским, хоть туда уже перебирались. Жили там разные народы, и советская власть признала право самого большого из них, крымских татар, на автономную республику. Издавна там жили греки, и еще болгары, и армяне, и караимы, и евреи и русских прибавилось. Меж собой они под русской властью объяснялись по-русски, приезжий мог решить, что большинство там русские. Но так стало гораздо позже.

К 1944 году евреев, понятно, не осталось, да и караимов убавилось. Работали немецкие нацисты. Остальных выселили советские. Крымских татар, - якобы за пособничество немцам, - поголовно. Автономную республику переименовали в область, и заселили русскими. Они въезжали в опустевшие татарские дома, иные, чем в России. Однажды в Алушке мне на это сетовал приезжий. Время было помягче, я умиротворяющее отвечал: «Ну, если это единственное, что вас стесняет...». Русский человек обычно умен и соображает больше, чем говорит. А этот даже и сказал: «Вы поймите, их же никто обратно не пустит. Не я так решил». В отличие от других выселенных народов крымских татар «реабилитировали» не после XX съезда, а лишь в 1967 году и лишь формально. На Кавказе я видел поселок, построенный для балкарцев у подножья горы, на которой стояли разрушенные дома, откуда выселяли при изгнании. А для крымских татар не то что не строили, а самый возврат затрудняли. Лишь в независимой Украине стало полегче. При разводе СССР Ельцин об этом нераскаянном геноциде не вспомнил, не предложил помощи не сумевшим вернуться, пусть не в захваченные русскими дома, но хотя бы на Родину. При Аденаузере и Эрхарде Федеративная Германия, не такая еще тогда богатая, помня о холокосте, помогала Израилю, а Россия крымским татарам не помогала, и тамошние русские уже поговаривают, что надо бы татар опять выселить, и теперь, когда Россия забрала Крым, те думают, как быть. А Путин звонит Джимилиеву, будто сам лично не при чем.

Врут не только, чтобы задним числом выгородить советскую власть, но и главным образом для удобства нынешней. Каких только нелепостей

не городят, объясняя, что Хрущев подарил Крым Украине. А он не мог ей ничего дарить, поскольку самостоятельность Украины была формальной. Он взвалил на Украину снабжение Крыма водой и электричеством. Подарил обязанности. Как там было без воды и электричества, теперь, возможно вспомнят. Но нельзя забыть, что советский Крым был сделан русским насильно, путем особо злостного лишения его основного народа права на возврат. А обойдись власть с татарами, как с теми же балкарцами, помоги вернуться, восстанови республику татар Крыма, может, и не держались бы они за Украину. Может, и в Россию бы вернулись, посчитав, что надругался над ними не русский народ, а советская власть. Но Путин делает вид, что его власть не советская, а отношение не изменилось, и чувство недоверия к русской власти не проходит. А Путину и его элите не реальный Крым нужен, но легенда о своей земле, которую отняли, а он вернул. На фоне таких легенд легче захватить Украину, которой Крым навязали, чтобы она его спасала. Россия историческую справедливость там не восстанавливает, а попирает.

Украинская история

Об Украине в Москве заявляют, что она – несостоявшееся государство. В заявлениях звучит самодовольство. Это ведь мы не даем ей состояться. Путин не первый, не будем все валить на него, есть богатая традиция. Украинцы и русские были братскими народами. Но в пору феодальной раздробленности произошло монгольское нашествие, надломившее, если не сломавшее братство. Нашествие в первой половине XIII века, особенно тяжким оказалось для нынешних украинских, старых Киевских земель, к тому времени уже сто лет раздробленных. Более новые, ныне русские, северо-восточные города, Ростов, Суздаль, Владимир, хоть тоже нашествия не избежали, пострадали меньше. С той поры, с XII-XIII веков, и начинается формирование отдельного украинского и отдельного русского народов. Младший русский был удачливей, в 1381 нанес удар покорителям в Куликовской битве, а после ноябрьского Стояния на Угре в 1480 Московская Русь стала независимой. А старые украинские земли, и киевские, и черниговские, и галицко-волыньские сблизилась, а в XIV веке объединились с Великим княжеством Литовским, и с ним вошли потом в Речь Посполиту, в Польшу, где им пришлось хуже, чем в союзе с Литвой.

Лишь в середине XVII века Богдан Хмельницкий попросил присоединить Украину к Российскому царству, нарушившему потом все обещания, которые сперва дало. Полтысячелетия раздельного существования не стерлись. И дальнейшие триста лет двух народов в одном государстве не стерли различия, Власти лишали украинцев прежних вольностей, Екатерина их закрепостила. Это тоже оставило след, и право украинцев на отдельное, неподчиненное существование бесспорно. Отрицая различие народов, можно лишь усугубить неприязнь к России, что наши власти делают успешно. Но не зря возникло в XIX веке Кирило-Мефодиевское общество, не зря в 1917 году шла борьба за независимость Украины. Даже среди украинских коммунистов многие, позднее расстрелянные, хотели видеть советскую Украину украинской. А нас, по Солженицыну, учат, что русские и украинцы – один народ. Но итальянцы и французы – не один, хоть Франция у Италии переняла не меньше, чем Москва в Киеве. Сербы с хорватами, имея общий язык, - два

народа. А у русских с украинцами и языки разные. Ничего не поделаться. Может, украинцы в чем не правы, но пусть сами и разбираются. А навязывать им советы, указания и приказания, мы не вправе. На то и суверенитет.

Русская правда

Это не только крымские и украинские факты и тревоги - это глобальный сюжет. На прямой вопрос: «Хотите ли вы войны?» наши начальники отвечают, что не хотят. И не лгут: они хотят не войны, а беспрекословного подчинения. Но без ввода войск им не подчиняются. Чернышевский сказал, что Россия - страна рабов. Лермонтов раньше и точнее сказал: «страна рабов, страна господ». Господские повадки России беспощадней и острее рабских. Тяга к господству сильнее, чем к водке. Вера, что к успеху ведет не забота, не долг, не заинтересованность, а приказ сверху, в России незыблема.

При советской власти первенствовала партийность, власть единственной партии, - прежде такую власть звали самодержавие. Во всем правильной была ленинская идеология, - прежде такую идеологию звали православие. Нерушимо было единство всех во всем, - прежде такое единство звали народность. Когда Ельцин отбросил партию и идеологию, остались самодержавие, православие и народность. Так страна и живет. А зовете вы господ наркомаами, министрами или олигархами, товарищами или прямо господами, сути не меняет. Но, чтобы господствовать в Крыму, или в Украине или еще где, крепким должно быть господство над самой Россией. И власть доперла, смекнула, усвоила, что, вырядив коммунизм гайдари-путинизмом, она хозяйство не наладила, и господство над миром не укрепила. Ныне она начала новый счет, новую эпоху.

Есть, правда, разница, откуда считать хозяйствование неудачным. Можно - с конца прошлого года, когда рубль дешевел, цены поднимались, а покупатели газа искали другие источники энергии. Можно - с наших особых трудностей по выходу из недавнего мирового кризиса. Но рубеж был проведен не в 1991, а в 1917, до Октября. Ленин тогда написал самую значительную свою книгу «Государство и революция», поныне определяющую нашу жизнь.

Прагматик Ленин отчетливей, чем где-либо, поставил там на место утописта Маркса. Хоть и тот не торопил государство отмирать, но как философ и частное лицо, не мог не видеть, что революции с государствами не ладят. А Ленин в шалаше мыслил, как гений полит-технологии, и низвергая одно государство, конструировал другое. Намечал его хозяином синдиката, объединяющего все хозяйство страны в единое, под единым руководством. Двенадцать лет спустя план выполнили полностью. По нему жили при Сталине, Хрущеве, Брежневе. Просчеты легко объяснялись попутными событиями, насилием коллективизации, сменой руководящих вредителей, потерями войны, «волюнтаризмом» Хрущева, вздумавшего что-то поправить. Но и в лучшие советские годы, в семидесятые, уняв чешских смутьянов, советский синдикат, подкармливаемый продажей ценных ископаемых, свести концы с концами не мог.

Экономисты Ельцина ввели капитализм, но забыли распустить единый синдикат и не вспомнили, что рынок - это стихия, а «с божией стихией

царям не совладать». Они хотели быть и дома, и замужем, держать все поводки в одной руке, но ждуть от ведомых разумной саморегуляции. Потому гайдари-чубайсовские «реформы» девяностых и не вызвали инициатив, вспыхнувших в 1921 при провозглашении НЭПа. Объявились лишь Потанины да Абрамовичи, так называемые олигархи, готовые к услугам. Производственно-рыночного рывка страна не совершила. Жила продажей вздорожавшего сырья. Номенклатура и хотела беспроектного для себя капитализма, чтобы не было законности и экономической свободы, при которых можно проиграть. А так - форма западная, а что делать, решает власть.

Ничего удивительного, что настроение людей радикально изменилось. 19 августа 1991 года на заставленные танками московские улицы вышло около миллиона безоружных граждан, вполне сознававших, что могут погибнуть, но очень уж не хотевших порядка, существовавшего в СССР, слабую надежду избавиться от которого, при всех оговорках, все же подал Горбачев и, пусть даже с его согласия, отнимал заместивший его ГКЧП. А и малой кучки, приветствовавшей танкистов, было не видать. Чего же ждуть, если те счастливые дни оказались грубым обманом, как некогда и 25 октября 1917?

В 1917 была революция, и хоть видимость изменилась, - важные лица были не великие князья, а члены политбюро. А в 1991 и номенклатуру не так меняли, как передвигали, да заводы и фабрики стали не государственными, а собственностью Дерипаски или Прохорова. Обыкновенный человек остался ни с чем. И поверив, что обещанный капитализм таков, и ничего от него не ожидая, вспоминал СССР, где давали прожиточный минимум, а требовали политического безмолвия да иногда участия в показухе. К тому же, люди толком не знали, как в СССР велось хозяйство. О кризисе конца семидесятых в газетах не писали. А родившимся позднее, кажется, что СССР мог и дальше быть по-прежнему сверхдержавой. При всем различии побуждений – растущего бессилия власти в хозяйстве и жажды, вопреки ему усидеть, и растущей массовой бедности, - власть и масса клонились к реставрации, которую воплотил Путин. Началась новая эпоха.

Крым и Украина как декларация намерений России

Советский тоталитаризм противостоял буржуазной демократии, так сказать, на идейных позициях 1848 года, словно о современном капитализме и уровне жизни рабочих в Европе знать не знал. Теперь пошла борьба не идей, а сторон: «наших» и «вражеских», не согласных подчиняться. Потому вторжение в Крым и угрозы Украине, как декларации новой холодной войны, не идеологизированы. Они просто оглашают право русских делать за рубежом, что хотят, и свободу России от правовых и моральных обязательств. Путин не счел себя связанным Будапештским меморандумом, поскольку на Украине была революция. Украина по меморандуму передала России свое ядерное оружие, в обмен на обязательство России, Британии и США обеспечить безопасность ее границ. Сообща нарушив это обязательство, Путин, Обама и Камерон, показали миру, что гарантиям верить нельзя и всем, кто может, надо заводить ядерное оружие. Все договора о воздержании обесценены. До чего это доведет, понятно каждому.

Ссылаясь на ту же украинскую революцию Путин объявил власть Украины самозваной, словно ему не доложили, что в ответ на революцию законный парламент, избранный при прежней власти, как у нас в Феврале, сформировал нынешнее Временное правительство. Правда, украинский президент не отрекся от власти, как честно сделал царь, а бежал за рубеж. Еще Путин провозгласил свое право защищать русских в любом месте планеты и подобно Крыму их присоединять по праву самоопределения. Между тем, право на самоопределение имеют лишь коренные жители. Проживание множества таджиков на московской улице не дает им права требовать ее присоединения к Таджикистану. Не будем уж углубляться в подозрения, которые крымскими демонстрациями Путин навлек на миллионы честных русских людей, живущих за границей и при всей своей любви к России, русской культуре и языку, не намеренных предавать страны, в которых они или их родители поселились, к чему Россия их фактически толкает. Советская власть внушала миру, что в благоустроенном Гулаге коммунизм станет счастьем всего человечества, во что, - пока не видели природы, - люди могли верить. Нынешняя власть без всяких «..измов» говорит, что Россия другим не чета, имеет особые права, и все должны ей подчиняться. Не «Германия **превыше всего**», как писал в XIX веке Гофман фон Фаллерслебен, считая, что объединение Германии важнее других дел, а Россия **превыше всех**, всех стран и народов.

Событиями в Крыму и на Украине стали таким заявлением. При всем их трагизме, наивно счесть их лишь местными. Россия может захватить Луганск, Донецк и Одессу, может Киев и Львов, а может даже вернуть Крым, удержав Севастополь, не напрасно она присвоила их, как два отдельных субъекта. Россия сделает все, что проглотит остальной мир. То есть, в меру понимания миром опасности новой, а точнее сказать, старой позиции Москвы и СССР. Но не менее важно видеть, что эта новая позиция преобразует Россию. Вспоминают дела нацистов в остальном мире. Только и слышать: аншлюс, Мюнхен, Обаму равняют с Чемберленом, Путина с Гитлером, и все верно. Но мало кто вспоминает, как двенадцать лет нацизма уродовали Германию, и какой трудный очистительный процесс проводили Аденауэр, и Вилли Брандт, и Карл Ясперс, и другие, возрождая ее западную часть. А в восточной нацистское крепче застряло потому, что коммунистическое, его сменившее, очень уж на него походило. С тем и объединились!

Россия после семидесяти лет коммунизма, если и начинала при Горбачеве очистительный процесс, свела его на нет, «вставанием с колен», на которые не становилась, в отличие от Вилли Брандта, сделавшего это перед памятником погибшим в варшавском гетто. Преступления советского времени у нас поныне норовят прикрыть полетами в космос. Правящий класс надеется продолжить прошлое. А оно прервалось не по недоразумению. При Брежнев, кроме оружия, в стране недоставало всего, но партия, ведшая народ к светлому будущему по крови афганцев и прочих, кормила величием. Ельцин утопию отбросил и допустил условную частную собственность, а власти удержал побольше, чем генсек, и режим был тоталитарным, хоть стыдливо звался авторитарным. И кровь все текла, и в Чечне, и в Грузии, и уже на Украине.

Беда не в том, что члены Советского Союза развелись, а в том, что развод совершили втайне от семей, обнажая трагедию лишь там, где

доходило до введения войск: в Тбилиси били саперными лопатками, в Вильнюсе стреляли. А в России, хоть все, кому положено, Беловежское соглашение утвердили, но не подумали, что в ней самой немало народов, достаточно больших, чтобы желать отдельной жизни. Даже о русском народе не подумали, не объединили, пусть в составе федерации, русские края и области в отдельную Русскую республику, имеющую самостоятельный голос. И Россия все не определится, то ли она урезанный Советский Союз, то ли вся целиком, с чеченцами и татарами, с чувашами и бурятами, - национальное русское государство, в котором вспомнить, что ты – не русский, стало уголовным деянием. Путин заявил, что Украина из Союза вышла неверно, а выходили вместе, значит и Россия вышла неверно, что же Президент, бог весть в какой раз занявший это место, раньше не беспокоился? Да потому, что и раньше и теперь он убежден, что республики не из Союза вышли, а от России ушли. И воссоединяет. А другие, начиная с украинцев, не против русских, но против русского господства.

Когда страшен серый волк?

Можно показать, что для России возврат в СССР смертелен, что само существование России в виде РСФСР мешало ей наладить здоровое хозяйство. Об этом пишут многие, но упускают, что вцепившуюся во власть подновленную номенклатуру беспокоит не положение и будущее русского народа и, тем более, других, а возможность и дальше держать власть. Для этого лучше всего, как в СССР, поддерживать мобилизационно-патриотический дух и постоянную, хоть и мифическую угрозу. Войну с Грузией затевали для этого, но быстрая капитуляция запада сорвала мобилизацию России. Крымскую легенду сыграли лучше, а захват Украины покажет, что боевой дух, с которым входили в Афганистан, не пропал. Без него население от реальности не уведешь.

Реальность, которую пора признать, состоит в том, что, желая быть развитой страной, Россия не может и дальше жить по ленинской резолюции о единстве партии. Насильному единству, соорудившему в Египте пирамиды, с усложнением хозяйства и общества приходится переходить к добровольному согласованию разных мнений. У нас их голоса плохо слышны и на выборах, и в текущей жизни. Территории, населенные разными народами, у нас формально называют автономиями, но своих президентов они избрать не вправе, их ставит президент России. А и отдельно живущий народ не един, в нем есть научные работники, и промышленные рабочие, и сельско-хозяйственные, и предприниматели, и офицеры, и чиновники, и другие общественные классы, имеющие каждый – свои интересы, в одном совпадающие, в другом не совпадающие. В каждом обществе, не исключая российского, идет не только межнациональная, но еще активнее, классовая борьба. И чтобы общество было продуктивно, разные голоса должны звучать хотя бы в представительных органах власти, и в ходе борьбы искать компромиссы, позволяющие жить вместе. Жизнь это единство и борьба, а не только единство или только борьба. А у нас начальство решает, кого люди вправе избирать. За это советская власть стояла еще тверже и решительней, чем против частной собственности. Интересы общества, по убеждению ее вождей, начиная с Ленина, лучше выразит особая часть,

общества, нависшая над ним коммунистическая партия, Генеральный Секретарь, Президент, вертикаль власти, не нуждающаяся в разных голосах общества, приходящих к компромиссам, в которых и состоит демократия. Демократия - это горизонталь, решающие разные вопросы на разных уровнях, и вертикали не сливающиеся в одну: править должны одни, законы писать - другие, а судить - третьи. Иначе вертикаль – лишь самодержавие. Абсолютизм. Диктатура.

Но где народ безмолвствует, там и господа, отключившие обратную связь, реальности не видят. Отсюда все беды России, и то, что ее население сокращается, и развитие замедляется, и промышленность отстает, и культура скудеет, и то, что все больше поддаваясь шовинистическому угару, она все упорней лишает русский народ его отдельного голоса и все чаще от его имени осаживает другие народы, насаждая русофобию.

Правящий класс сознает, что без крупных социальных перемен России не выжить, и столь же ясно видит, что в этих переменных ему места нет, его и надо «ликвидировать, как класс», никого не убивая. А им не хочется уходить, и они восстанавливают культ приказа, культ страха, постоянно внушают, что мы окружены врагами, и НАТО захватил наши бывшие республики и союзников по Варшавскому пакту. А знают, что те молили принять их поскорей, опасаясь нас.

Логика Америки ясна: России выгодней союз с ней и с Европой, чем с Китаем. Здесь - ведущая роль, впереди Германии, а там - услужать, да и людей в Китае в двенадцать раз больше. Вроде, так. Но в России глядят на другое: как легче удержать власть дома, и в каком союзе будет больше господства. Не Россия, а власть решает, как России жить.

Наша власть в себе не уверена, и нарушает нормы затем, что дома ей нужен упреждающий зажим, который успешнее в атмосфере войны. Но не горячей. Не бойтесь Киселева и Рогозина. У Путина, прежде, чем нажать кнопку, хватит времени понять, что кончать с собой нет смысла. Война ему нужна для внутреннего пользования. Затем и двигает войска за рубеж. Где нет сопротивления, идет вперед. Где оно неизбежно, зажим не остановит, а войска выведет. Но при захвате Крыма Запад развел руками, а при подтягивании войск к Украине грозил пальчиком. Говорят, сопротивляться еще нет нужды: от Симферополя до Парижа далеко. Но и от Саара до Волги было не близко. Потом еще сорок лет сопротивлялись, благодаря чему выжил мир, и Россия тоже. Сопротивление опасно откладывать. Кто не хочет погибнуть, его оказывает.

Опубликовано по-русски <http://imrussia.org/ru/politics/736-russias-soviet-tread> и по-английски <http://imrussia.org/en/politics/736-russias-soviet-tread>

на сайте Института Современной России.

Без взаимности 2.5.14

Еще говорили, что русских солдат в Крыму нет, что это «силы местной самообороны», еще официально не признали, что это наша армия, а госпожа Меркель уже намекала, что президент России, дескать, не в своем уме. А он в своем, традиционном. Ведет себя, как Ленин, пославший армию свалить грузинских социал-

демократов, как Сталин, не давший независимости полякам, как Хрущев, ставивший ракеты на Кубе, как Брежнев, введший войска в Афганистан. А спросят по какому праву, так Чуркин объяснил ООН, что разрешил Совет федерации. И если никто не ответил, что Совет российской федерации вправе двигать войска лишь по территории России, кто ж виноват?

В крымскую кампанию возник анекдот: "Сын спрашивает: папа, Крым – Россия? А отец отвечает: Конечно, сынок! Всюду Россия!" Для русского начальства – всюду. Не сочтите только, что это национальная черта русских. Это черта империи, которая, чтобы ею быть, еще в середине XIX века держала половину русских в крепостном состоянии, не полегчавшем в колхозах. Дворянство и номенклатура, командуя русскими, учились командовать миром. Ленин говорил: Владивосток далеко, но это город нашенький! А империалист Дизраэли или Черчилль едва ли сказали бы так про Чикаго. Британия тоже империя, и тоже жесткая, но от нее колонии откалывались. Что с возу упало, то пропало. А Россия с воза упасть не дает.

После войны она прибрала к рукам, что могла, не только в Европе, но и в Азии, и в Африке, и в Южной Америке. Влетало в копеечку. Но порой Запад встревал, и Россия считалась. При блокаде Берлина на вопрос, не порушат ли русские воздушный мост, Даллес ответил: «Сталин понимает, что один сбитый самолет означает мировую войну!» Не все там было просто, бывали аварии, но русские ни один самолет не сбили. Наши начальники балансировали на грани войны. Когда им четко объясняли, увозили ракеты с Кубы. Но это не удерживало от новых рисков, от вступления в Афганистан. Американцы не хотели войны, веря, что в мирном соревновании победят. У русских такой веры не было, но и они после Сталина большой войны не хотели. Хотели, при разрядке, отхватывать по куску. Но сорок лет мира, именуемые холодной войной, подтвердили ясное наперед: односторонне развитой стране с населением меньше трехсот миллионов даже при тоталитарном режиме непосильна гонка вооружений с развитыми странами, где восемьсот миллионов жителей. СССР на ней надорвался.

От непонимания этого и недоумение, охватившее не одну Меркель, и страх, не началась ли большая война. Но Путин не самоубийца. А смелее Брежнева или Сталина он потому, что за двадцать три года Запад себе внушил, что в СССР сменился общественный строй, и новая Россия – совсем другая. А смена общественного строя состоит в том, что убрали портреты Маркса. (Мавзолей с его содержимым, впрочем, оставили.) И во главе ужавшегося государства вместо Секретаря Ставропольского Обкома встал Секретарь Свердловского, потом передавший место профессионалу из КГБ. И правит все тот же класс, одевшийся, то ли на нынешний китайский, то ли на довоенный итальянский лад. Но Буши и Обамы, Блэры и Камероны, Саркози и Оланды, Шредеры и Меркели, сочли что это совсем другое дело, и завели с этим режимом отношения. Ему шлют не только хлеб в обмен на сырье, как прежде, а высокую технику и вооружение. С чего же при такой поддержке Путину робеть? Грозят санкциями? Не позволят некоторым русским дамам покупать на западе белье и стричься? Этого Путину бояться? Можно, конечно, показать, что его политика для России гибельна, что ничем хорошим она не кончится, и

доказать много азбучных истин. Но Путина волнует не Россия, не ее будущее, его дело – удержать власть правящего класса.

Проблема в том, что тоталитарный режим и его правящий класс по своей природе обречены на отставание. Это показали история и развод СССР. А правящий класс клеймит Горбачева и верит, что, набравшись новой техники, СССР воскреснет. К тому же, Западом правят слабаки, а сила солому ломит. Кто смел, тот и съел. Этой логике легко дать справедливые обличительные определения. Но российское хозяйство, боюсь, уже таково, что кроме бандитизма власти надеяться не на что.

За двадцать с лишним лет, потерянных для перемен, режим стал опасней советского. Но не только по вине Ельцина и Путина. Запад, чересчур потакал дружбе без взаимности. Неограниченное доверие, дало России слишком много послаблений, укрепивших ее в мысли, что ей законы не писаны. И росла вера в особенное право взять Крым, взять Киев, Варшаву, Берлин, и не поймешь, какой шаг станет роковым. А нужны не жалкие санкции, а новое начало отношений Запада с Россией - с нуля. Если Россия не перестанет претендовать на особые права, значит интерес к Западу, увлекавший с Петра, (не говоря уж про московские соборы, построенные итальянцами), у нее пропал, и надо, как раньше, жить врозь. Добро не нарастет, но безопасность дороже денег.

Иллюзии и разум Джорджа Кеннана 4.6.14

Трудно назвать человека, которому больше, чем Джорджу Кеннану человечество обязано тем, что после Второй Мировой войны не начало третью, что Европа цела, что в Варшавский союз так и не вошли «народно-демократические» Англия, Франция, Италия, Испания и вся Германия целиком. Кеннан известен, как видный вдохновитель сорокалетней «холодной войны», то есть, поскольку «холодная война» заменила собой «горячую», защитник мира, а для немалой части планеты еще и свободы. Он даже Советский Союз побудил как-то взвешивать свои силы, считаться с реальностью.

Выдающийся разум Кеннана, меньше полугода усидевшего послом в Москве, выброшенного Сталиным со скандалом и более высокого поста не занявшего, определил политику Америки и всего Запада на сорок лет вперед. Он проявил редкое для западного человека понимание советской ситуации еще в известной «длинной телеграмме», где настаивал: «в наших силах решить эту проблему, не прибегая к общему военному конфликту». Никто уже не помнит, что в 1946, 1947, 1948 годах ненавистные Москве США обладали ядерным оружием, а СССР еще нет, и если при таком преимуществе они войны не начали, значит, вопреки советской и нынешней пропаганде, не хотели. Это и была политика Кеннана, звавшего ее – «сдерживание». Она сильно отличалась от других вариантов и, в частности, от «освобождения» Джона Фостера Даллеса, возглавившего внешнюю политику Эйзенхауэра. Кеннан не отрицал, что Америка вынуждена быть сильной, но, понимая природу СССР, заглотившего после победы над Гитлером полдюжины независимых европейских стран, считал, что тому, кто «достаточно силен и ясно

показывает готовность использовать свою силу», редко приходится ее применять.

Он прожил больше ста лет, и смог увидеть совсем не дурной результат своей работы. Но его переоценил. И когда Советский Союз уменьшился и, назвавшись Россией, вернулся к прежним тонам, и кто-то робко призвал к «сдерживанию», его автор Джордж Кеннан объявил: «Наши разногласия во время холодной войны были с советским коммунистическим режимом. А теперь мы поворачиваемся спиной к тем самым людям, которые совершили величайшую в истории бескровную революцию, чтобы свергнуть этот советский режим». Будь это личная иллюзия Кеннана, было бы даже неловко ему пенять. Кому не хочется видеть свою впрямь сложную и трудную работу еще более удачной, чем получилось. Но эта иллюзия охватила людей сильно моложе Кеннана, в годы его успеха еще не родившихся. Между тем, Путин и Марин Ле Пэн возвращают прошлое, и не ясно, можно ли надеяться, что будущее не так страшно, как то, от которого Кеннан спас. Чтобы понять, – надо помнить прошлое.

Что надо помнить? В «длинной телеграмме» Кеннан заметил, что «советские цели всегда официально прикрывались той марксизма». Он понимал, что марксизм пристойней советской власти. Коммунизм Маркса был утопией, включавшей и отказ от ценностных отношений, и время труда, как меру вклада каждого, и веру в создание ценности лишь физическим трудом и мессианскую функцию пролетариата и многое другое. Разрешить реальные противоречия капитализма утопия Маркса не могла уже потому, что капитализм при нем, и, тем более, за полтора столетия после него, сильно менялся и основоположник, в 1848 году звавшийся к пролетарской революции, этих перемен просто не мог предвидеть. Но признававший прогрессивность капитализма, исходивший из того, что преобразование общества возможно лишь на почве его успехов, марксизм смотрелся продолжением Просвещения, почему его той и дорожили считавшие себя марксистами практики, начиная с Ленина.

А их практика выдавала другое мировоззрение. По Марксу экономическое развитие определяет общественный строй и формы власти, а по Ленину главное – взять власть, а экономическое развитие можно наверстать. Он надеялся, что на его власти экономический уровень страны не скажется, воля пересилит. Маркс считал, что рабочий класс – носитель коммунизма, а Ленин, что «социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне, ... исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т.п». Социализм рабочим надо внушить! Заставить в него верить! Таких расхождений с марксизмом в ленинизме полно.

Пересматривая эти и другие краеугольные положения утопии Маркса, Ленин, конечно, думал, что остается марксистом. Но странно, что Кеннан, боровшийся против советского коммунистического режима, понимая, что марксизм – его тога, не вдумался в его ленинскую суть. А Ленин, хоть тоже в перспективе тянулся к утопии, был силен, прежде всего, практикой, политехнологией, которой и утверждал свою, отличную от марксистской, теорию. Но его критики, избличая его расхождения с

утопией Маркса, больше бранили его, да и Сталина, как раз за конкретную практику, не проясняя, какое вело к ней мировоззрения, даром, что Ленин, действительно, создал новый общественный строй.

Строй называли советским, по советам, осуществлявшим власть в революционные дни, которая все больше, – с тридцатых годов целиком, – сосредотачивалась в комитетах коммунистической партии, деятели которой, номенклатура, составили правящий класс общества, числимого бесклассовым. Этот строй, к всевластию которого население имело лишь ритуальное отношение, верней бы звать комитетским. Слово «советский» тоже было тогой. А честное название показывало бы, что комитеты коммунистов, в январе 1918 узурпировав власть и не деля ее ни с кем, лишь между собой, именем государства распоряжались и населением и хозяйством, объединенным по Ленину в единый синдикат. Этот строй они звали социализмом, Брежнев уточнил: «реальным социализмом». Он и впрямь мало походил на утопический социализм Маркса, и государство, осуществлявшее волю партии, отнюдь не отмирало по Марксу, а все строже командовало. Страной правила не утопия социализма, а реальный тоталитарный социализм, ходивший в тоге марксизма в тоге советов, все менее ему подходящих.

И в ту же эпоху, вовсе не опираясь на марксистскую утопию и даже ее отвергая, возникали схожие социализмы - пять лет спустя в Италии, пятнадцать лет спустя в Германии, а после Второй Мировой еще во многих странах. Конечно, русский коммунизм, итальянский фашизм (от *fascio* – пучок, символ единства) и немецкий нацизм имели свои особенности. Нацизм дышал шовинизмом изначально, фашизм впадал в него медленней, а коммунизм еще медленней. Коммунизм долго противился частной собственности, а фашизм и нацизм ее допускали, но все это были социалистические рабочие партии. К признания частной собственности пришел и марксистский китайский коммунизм. Но и русские коммунисты в 1991 допустили ее без надрыва, поскольку, как и в Италии, и в Германии, и в Китае, отнюдь не выпустили эту частную собственность из под пригляда и команды государства. Кеннан это видел и понимал. Он писал: «В основе советского мировоззрения лежит идея о том, что не существует компромисса между государствами–соперниками и что конструктивная деятельность может начаться только тогда, когда коммунистическая власть станет доминирующей». Так было не только во внешних, но еще больше во внутренних отношениях. Тоталитарная власть (не только в России) на том и стоит, что не выносит компромисса, что власть должна доминировать. Советская власть и началась по существу не в 1917, а в январе 1918, разгоном Учредительного собрания, утверждением бескомпромиссности и доминирования комитетской власти над хозяйством, обществом и личной жизнью, над всем и вся. Тут и началась эпоха тоталитаризма.

Нацистский тоталитаризм не устоял перед советским, их запоздалую дружбу расстроило взаимное недоверие, а западные демократии, уже воевавшие тогда с Германией, здраво предпочли помочь разгромленной советской стороне выстоять и перейти в победное наступление. Германия узнала политическое и военное поражение, была разделена, но выиграла, поскольку перестала быть тоталитарной. Русский тоталитаризм устоял, Россия осталась тоталитарной даже после смерти Сталина. Но ей пришлось перестраиваться.

Видимо, эту перестройку сверху Кеннан и принял за революцию, хоть она претендовала быть именно что лишь перестройкой. Горбачев, избранный главой партии в 1985, в пору кризиса, углублявшегося с конца семидесятых, пытался улучшить положение, смягчив политическую атмосферу. Провозгласили гласность, как некоторую свободу слова и печати, допустили общение граждан с иностранцами и более свободный выезд за рубеж. Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, пытались привести номенклатуру коммунистической партии к компромиссу с населением. А в хозяйстве ограничились слабой рационализацией, сокращением совсем уже нелепых расходов, но не шли на серьезные хозяйственные перемены, без которых из кризиса, созданного гонкой вооружений, выхода не было. Разумные шаги повисали в воздухе, и росла угроза возврата к прежнему. Она проявилась, как Государственный Комитет чрезвычайного положения, всерьез или для вида отстранивший Горбачева, что вызвало неожиданную реакцию.

На улицы Москвы, куда ввели танки, против них вышел чуть не миллион человек. В крупных городах, куда войск не вводили, на улицы выходили тысячи людей. Это была грандиозная народная демонстрация против возврата прежних порядков. Танки пришлось увести, устраивать в столице кровавое побоище руководители ГКЧП побоялись. Но примечательно, что их военный руководитель генерал Варенников, нарочито потребовавший открытого суда над собой, был судом оправдан, то есть, действия ГКЧП, которыми он практически руководил, не были сочтены преступными. Высшая власть СССР переняли люди из аппарата РСФСР, но из все той же номенклатуры. Быть может, это Кеннан счел революцией? Но успешная революция приводит к власти другие общественные силы и классы, а не сохраняет прежние, не просто Секретаря Ставропольского Обкома сменяет Секретарь Свердловского.

Единственное, что было в 1991 году существенно, - резко уменьшился Советский Союз. Национальные противоречия, захватывавшие уже не только простых людей, но номенклатуру республик, после поражения ГКЧП, ослабившего центр, обострили в республиках стремление к самостоятельности и разводу. Советская империя хоть и не рухнула, но урезалась до РСФСР. И если в Эстонии или в Литве реально изменились порядки, если в Грузии и Украине активизировалась борьба за их изменение, то в России продолжалась перестройка, но не политическая, как хотел Горбачев, надеявшийся, подсластив, удержать Советский Союз и власть коммунистической партии, а административно-хозяйственная. Формально была даже допущена частная собственность. Но так ловко, что активно действовать не сумел ни мелкий, ни средний собственник, лишь олигархи, новоиспеченные магнаты, которым странным образом в больших масштабах передавали государственную собственность, беспощадно ограничивая, как показал случай Ходорковского, их самостоятельность, ни на миг не выпуская из под контроля. Органы власти опять, как в былое время, по вертикали подчинены вышестоящим, а избирательная система, - как в бывшей ГДР: выбираем не из одного кандидата, а из нескольких от угодных власти псевдо-партий. Да еще тоги пришлось сменить, - марксизм не в ходу, и тогой стал отказ от марксизма, а другая тога - не советы, а православие. Хотят показать, что коммунизм кончился. Как мог верить этому Кеннан, давно понимавший, что марксистский коммунизм - тога ?

Ныне комитеты – кучки бюрократов, но власть, именуемая Путин, у них. Свобода слова и печати скукожилась, и без конкурентной полемики пропаганда – уже прямая ложь. Советник президента Глазьев заявляет, что в России нет двойного гражданства, а статья 62 Конституции говорит, что оно разрешено, даже не оговаривая, что о нем надо уведомить, – порядок получения российских документов таков, что не уведомить невозможно. Выборы не только фальсифицированы, но до участия в них не допускают даже лиц, способных не то что победить, но хоть отвлечь часть голосов и вынудить ко второму туру, как не допустили Явлинского к последним президентским. Хозяйство сводится к сырьевым поставкам да опять гонке военной промышленности. Национальные противоречия обостряются, коммунистические лозунги советской империи вытесняют русский шовинизм и претензия России на особые права в поддержании мирового порядка. А реальные права широких слоев русского народа по-прежнему в пренебрежении. Татарская республика, пусть во многом номинальная, все же есть, а русской республики в составе России нет, и голоса русского народа не слышны. И возрождены претензии на военное вмешательство во внутренние дела вышедших из СССР республик и других стран. Верховенство России не ограничилось введением закона о ее праве убивать нежелательных лиц на чужой территории, до какого ни одна страна не додумалась. Опять расправляются с неудобными народами, и не только в формально «своих границах», как было с Чечней, но и в ставших суверенными странах, как Грузия и Украина. До грузинской и украинской авантюры Кеннан не дожил, Неужто они не помешали бы ему считать, что в России произошла революция, да еще и бескровная?

А ситуация стала опасней, чем в годы его работы. Он подсказал президенту Трумену, что не стоит затевать с Советским Союзом новую большую войну, а надо дать ему, его народу, самому ощутить и осознать абсурд самоуничтожения, которое осуществлял Сталин, но отнюдь не признавать за ней особых прав на разбой. Сдерживание взяло верх. Сорвали попытку Сталина установить берлинскую блокаду, сорвали попытку Хрущева установить ракеты на Кубе. А захваты Путиным кусков Грузии и Украины не сорвали, все рассуждали, что поможет – война или проповедь. А счастья не сулят ни война, ни проповедь. Понимая это, Кеннан звал к сдерживанию. Четкое практическое разъяснение российскому правящему классу, что у него не будет шансов поддерживать с остальным миром одновременно дружеские отношения в одних сферах, и вражеские – в других.

«Мир неделим», это не только про мир – территорию планеты, но и про мир – отсутствие войны. Современные западные политики уже не понимают, что позор нарушения будапештского меморандума запятнал не только Путина, как инициатора, но и Обаму с Камероном, его не сдержавших. Уже никто не откажется от ядерного оружия за обещания защиты.

Склонность валить трудные коллизии на злоумышленников воскресает. В дни захвата Украины Путина равняли с Гитлером, указывая на прямое сходство. Конечно, критики, начиная с принца Чарльза, правы. Но упускают главное: не Путин завел в России тоталитарный порядок, он установлен в январе 1918 года, и лишь остро его ощущая, Россия способна измениться, совершить революцию,

кровавую или бескровную, и даже просто провести подлинные реформы. То-то и оно, что после 1917 года в России не было ни революции, ни демократических реформ, что российские хулители Путина сладко вспоминают умного и обаятельного Ельцина, сорвавшего революцию и реформы, и вручившего власть Путину из КГБ. На старости лет Джордж Кеннан это проглядел. А смолоду понимал подобные ситуации острее и лучше других различал, как их разрешать. Но опыт его молодости, когда, освободив Европу от одного тоталитарного режима, было горько сдаться другому тоталитарному, мог бы вернуть здравый смысл и спасти мир.

Имена и значения 10.6.14

Путин объявил, что название города -- дело горожан, и нет ничего проще, чем его сменить, если разонравилось. Сменить нынешнее «Волгоград», которое город носит 54 года на предыдущее «Сталинград», которое носил 38 лет. Но Путин не вспомнил, откуда у города эти имена. А Сталинградом он стал потому, что не одному Сталину, а многим советским вождям такое льстило, они считали это уместным. Ленин тут еще не при чем, прежняя столица Петроград стала Ленинградом, а губернский Симбирск Ульяновском после его смерти, в честь покойного. Но Троцкий был вторым человеком, когда в 1923 году Гатчину переименовали в Троцк. Смешно и глупо, но Гатчина – пригород Питера, мало кто в России это заметил. А эпидемия начальственных переименований доросла в 1931 году до того, что долго бывший в русской истории столь же важным, как Москва, город Тверь называли Калинин, по имени не очень влиятельного начальника, даже свою жену не спасшего от ареста, но номинально занимавшего королевское место Председателя Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК). Еще глупей и еще смешней.

Присвоение городам имени Сталина началось в 1924, после смерти Ленина, когда главного не стало, но Сталин надеялся обойти других. Сначала Юзовку, центр Донбасса, называли «Сталин», потом уточнили «Сталино». Нынче это Донецк, и бог знает, потребует ли Бородай восстановить Сталино, но, хоть уже тогда, выстроенный англичанином Юзом город был не маленький, этого показалось недостаточно. И в 1925 году называли Сталинградом старый, в XVI веке возникший, Царицын. Звали его по тамошней реке Царице, и прожил он под этим именем больше трехсот лет. Сталин в ту пору особых подвигов не совершал, и пышных юбилеев тоже не было. Но в 1924 году Екатеринбург называли Свердловском. Из названий городов составляли иконостас революции, в котором и Сталину, члену Политбюро, отвели видное место.

Но после его смерти власти все трудней становилось повторять, что при нем все было правильно, и его повсеместное имя стали постепенно убирать. Сталинград, Сталино, Сталинабад и мелкие селения сменили имена не сразу после «разоблачения культа личности», а лишь в 1961 году. Вели дискуссии. Вспоминали застрявшую в умах пропаганду. Чаще всего, что Сталинград, дескать, – символ победы, связанной с именем Сталина, и находили в совпадении имени вождя и названии места одного из важнейших сражений мистический смысл. А невозможно сказать, что Прохоровка, где Советская Армия не только устояла, но в грандиозном

сражении вынудила гитлеровцев отступать, была менее важна, хоть пропаганда ее поминала меньше, поскольку Сталина звали не Прохор. Великую победу СССР определил не один присвоивший ее Сталин, который не был ее Бонапартом, и даже не один Жуков, единственный из многих удостоенный памятника в центре Москвы, но, не говоря о миллионах пожертвовавших жизнями, многие маршалы, конструкторы, организаторы, не исключая иностранцев, поставлявших самолеты, грузовики и оружие, без которых неизвестно когда и чем дело бы кончилось.

Между тем, решающая личная роль Сталина очевидна в великом поражении СССР в начале войны, когда наша не самая плохая армия была разгромлена и потеряла чуть не четыре миллиона в первые месяцы. То было не поражение страны, а, прежде всего, поражение Сталина, - и политика, и дипломата, и фактического шефа органов безопасности, и палача армии в предвоенные годы. Победа побудила забыть о поражении, и дурная память формирует внутреннюю и внешнюю политику со дня Победы по сей день. А несомненный успех Сталина был в том, что он удержал тоталитарный режим и предопределил дальнейшую жизнь страны, приведшую к разводу СССР. Конечно, происходившее при Сталине не его личное изобретение, он не скромничал, говоря, что лишь продолжает дело Ленина. Так оно и было. Никакого другого продолжения оно иметь не могло. И Путин продолжает дело Сталина, и никакого другого продолжения оно иметь не может, только что совершается все откровенней, без утопических масок, пусть даже искренне некогда надетых. Проблема лишь в том, способна ли это выдержать Россия, или за стремление ее начальства заставить всех ему подчиняться ей придется платить своим вымиранием. Жизнь определяют не культы личностей, Сталина или Путина, а начатый в январе 1918 года тоталитарный режим. Споры о Сталине это споры о том поддерживать режим и дальше, или все-таки оглянуться на Россию и остановиться. Можно, конечно, перепоручить решение вопроса, как России жить дальше, жителям Волгограда. Но надо понимать, что возвращающие к имени Сталина возрождают его режим. Путин не против. Остается выбрать остальным.

Не Путин единый 23.7.14

Слов нет, независимое, всестороннее, объективное и прочая исследование происшедшего с малазийским самолетом желательно, уточнения драгоценны, помехи расследованию – преступны. Но этоне означает, что мы пребываем в неведении. Мы точно знаем неопровержимое. Информация, даже научная, редко бывает исчерпывающей, но достоверна. Пифагоровы штаны на все стороны равны. Не оспоришь. А в деле Чикатило, хоть до истины добрались и за множественные насилия и убийства его по закону расстреляли, сперва его преступления приписали другому, невиновному, и того тоже расстреляли. И в мае 1945 сообщали, что Гитлер с Евой Браун, оформив брак, покончили с собой. Но потом много раз сообщали, что Гитлер прячется в Южной Америке. А потом, что в старости где-то там умер. В политике сильные пристрастия порождают фальшивки. И кажется, что средства массовой информации – лишь средства массовой пропаганды, и все вранье.. А не всё. Есть и правда.

На сей раз достоверно известно с избытком. Однако темнит не только телевидение, но и ведущие политики. Делают вид, что общеизвестного не знают. Обама, Меркель, Олланд, Камерон и прочие рассуждали, чем ответят, если Путин рискнет ввести на Украину войска. А умный Путин почти три месяца назад без шума ввел не регулярные части, а группы спецназа, служащие не по призыву, а по контракту, добровольно. Признай политики вслух, что войска в Украину введены, что там идет война, иностранные самолеты там бы не летали. Уцелели бы триста человек.

Политики все не решили, войска ли это? И чьи? Говорят: «сепаратисты» и даже, по примеру Путина, «ополченцы». А они в большинстве не то, что русские, а жители России, даже ее столицы, как Бородай, смолоду известный участник «Памяти», одного из первых легальных объединений русских фашистов, поощрявшегося еще Первым Секретарем Московского Горкома Б.Н. Ельциным. Командующий Гиркин тоже человек известный, чин полковника КГБ давали не за так. Сам Путин имел лишь подполковника. И воюющие за рубежом граждане другого государства, официально признавшего независимость Украины двадцать три года назад, - не ополченцы, не сепаратисты, а интервенты.

Резоны западных деятелей, фактически поддерживающих стремление нашей номенклатуры вернуть советское влияние, - сюжет особый. Глупость бывает чистосердечна и проявляется не только по получению наличности. Лет семьдесят назад западные союзники наладили сотрудничество с проигравшей войну Германией, и двадцать с лишним лет назад по инерции снова сработала великая надежда: от холодной войны с Россией тоже перейти к сотрудничеству. Россия, что ни говори евразийцы от Трубецкого до Гумилева и от Гумилева до Путина, - страна европейская не только географически, но и политически, технологически и идеологически, - ни Византия, откуда Россия брали христианство, ни Германия, откуда марксизм, страны не азиатские. Рублев, Пушкин, Чайковский, и другие русские гении - европейские. Одна лишь ошибка вышла: Западе упустил, что в Германии в 1945 тоталитарный строй сменился, а в России в 1991 лишь видоизменился, - и мало, что не поняли сразу, - не понимают до сих пор. Кабы понимали, признали бы, что в гибели малазийского лайнера виноват не один Путин, но еще больше президент США Буш-старший, специально летавший в Киев добиваться, чтобы Украина отказалась от ядерного оружия, не получив абсолютных гарантий неприкосновенности. Считаю США и Великобритания, обещавший ей неприкосновенность Будапештский меморандум, обязательным к исполнению, уцелели бы триста человек, и еще сотни убитых в Украине.

На одного Путина беду не свалишь. Он не давал повода ждать иного. Не скрывал, что чекист, что коммунист. Уже в первый раз он был не так избран президентом, как назначен. Назначив его премьером, Ельцин ушел в отставку, чтобы, автоматически став временным президентом, Путин мог самолично руководить своим избранием навсегда. А людей засылали, оружие посылали, инструкторов, перевороты устраивали, все его предшественники. Почему же ему нельзя? А что с малазийцами накладка, он Обаму известил.

Путин - человек очень не глупый, и, если не предъявлять кадровику КГБ нравственные претензии, видно, что в любой ситуации он легко

ориентируется, быстро соображает, бьет без промаха. К сожалению, общая серость мешает ему различать ситуации по качеству и, особенно, предвидеть, как они могут обернуться. Тайная интервенция прошла гладко. Он убедил мир, что москвичи в Донбассе – это местные русские, обиженные Украиной. Но поди удержи армейскую дисциплину у вооруженных добровольцев! Им дали Бук сбивать украинские самолеты, но ожидать, что они разберутся, какой украинский, какой вдруг малазийский, - было чересчур. Об этом бы думать не Гиркину, а Путину, но они коллеги и думают одинаково. Есть, конечно, сомнения: запускали ракету люди Борода и Гиркина, или все же специалисты. Но Путин, естественно, не хочет марать русскую армию, которую разумно остерегся вводить официально. План был тонкий, но скудость понятий о ценностях мешала предвидеть. А гибель европейцев, - не украинцев и не русских, - изменила ситуацию. Европейцы увидели то, чего, как и Путин, не ждали. Но он - лишь накладку, которую боится признать своей, а они – что в нынешней России человеческая жизнь сильно дешевле, чем изображала великая русская литература. У отождествляющих Россию с русской властью это изменит восприятие России сильнее, чем кажется.

В ходе происходившего Путина стали равнять с Гитлером. Не ошибочно, но отвлекшись от того, что Гитлер, начавший как реваншист, и вторую войну проиграл, и зла Германии принес больше, чем проигравшие первую Вильгельм II и Гинденбург. Его куда естественней равнять со Сталиным, вслед за победителем Лениным, тоже победившим, ухватившим пол-Европы, и, хоть остальное выскочило, затеянная им и продолженная Хрущевым и Брежневым холодная война не военным поражением кончилась. Но выяснилось, что СССР бедствовал и распался, и Россия бедствует и спасается нефтью, оттого, что видит счастье лишь в военных победах. А они - плоды побед на других полях, которые русская власть усердно вытаптывает. Путину и его коудлу, от Матвиенки до Глазьева, это уразуметь мешает привычка к человеку с ружьем.

«Всякая власть портит, абсолютная –портит абсолютно». Привычка к ней убивает самоконтроль. Не то, что Путин начал, как демократ. Но его сознание выглядело оборонным. Война с Грузией видимость сорвала, с Украиной – стерла. Не стало препон засылке добровольных интервентов в Латвию или Польшу. Они-то надеялись, быстрее вступив в НАТО, уйти от давления Москвы. Но у канцлера Германии, выросшей в ГДР, нашлась причина уступать России: тамошние нефть и газ дешевле. А холодная война стоила дорого. Что тут возразишь, кроме того, что Европа и Америка тогда все же выжили. А ныне, видать, мало кого волнует, чтобы они уцелели. Оттого и не уцелели триста человек в малазийском самолете.

Упущенное спасение 24.9.14

Сюжет легче понять, если смотреть с начала. Не от засылки в Украину Борода и Гиркина и обильного вторжения русских войск, а с рождения в Питере в 1917 году тоталитарного режима, первого в мире. Слова «тоталитарный» еще не было, а режим уже появился. Осудили буржуазные бредни о свободе, о разных там позициях, интересах, взглядах, парламенте и праве голоса. Идеалом объявили «единство». Власть захватила партия особого склада. Как всякая, она

представляла часть граждан, но требовала, чтобы ее приказы и призывы исполняли все поголовно, и блюли единство, как ее диктатуру, названную диктатурой пролетариата. На съезде в 1921 она приняла резолюцию «О единстве партии». Цензура и Гулаг крепили диктатуру коммунистов и единство населения, полностью вписанного в «блок коммунистов и беспартийных».

В 1922, в Италии другая социалистическая партия, ради такого же всеобщего единства, прямо назвалась фашистской, (от итальянского *fascio* – пучок, символ единства). Органом единства стало государство: «Все в государстве, ничего вне государства». Фашисты, тоже монополюльно руководя своим диктаторским государством, пеклись о всеобщем единстве, то есть, тоже о том, чтобы несогласные помалкивали.

В 1933 в Германии власть взяла нацистская, национал-социалистическая рабочая партия. Она тоже ввела диктатуру под флагом единства, напирая на национальное. Иностранцам мало было помалкивать, их унижали, иные народы поголовно уничтожали. Шовинизм итальянских фашистов рос по мере углубления союза с немецкими нацистами. Русские коммунисты в 1917, в многонациональной империи, выступали как интернационалисты, но уже с тридцатых шовинизм оживал подспудно, а после Отечественной войны разоткровенничался.

Тоталитаризм (коммунизм, фашизм, нацизм, социализм с китайской спецификой, исламский социализм и прочие) – это XX век. Прежде социальные противоречия были проще: феодалы и буржуи, отстаивая свои классовые интересы, были вынуждены как-то считаться с рабочими и крестьянами. Интерес своей страны, национальный интерес, еще не свели к интересу правящих классов. Тоталитаризм это соотношение изменил. Развитие капитализма усложнило социальные противоречия. Включение все новых, зависимых или колониальных народов в общее развитие обострило национальные проблемы. Ширилось мнение, что разрешить те и другие можно только силой.

Россия ощущала недовольство крестьян безземелием, Германия – ущемление Версальским договором, сказавшееся при мировом кризисе. Но выраставшие на этом протестные силовые движения и учиняемые ими режимы стали иными, чем прежде. Тогда ломали старое государство, ради хотя бы экономической свободы, а теперь требовали всеобщего единения и подчинения, – дескать, общее благоденствие наступит лишь при нем. Обращаясь в новый правящий класс, протестное движение единства силовым путем устанавливало абсолютную, тоталитарную власть, лишавшую отдельного человека и тени самостоятельности. Коммунисты от Декрета о земле перешли к коллективизации и, закрепостив крестьян, отняли землю, меняя при этом и состав своей партии. Нацисты в ответ на проигрыш Первой Мировой начали Вторую.

Тоталитарные режимы выглядели разными, опирались на разные теории. Внутри Италии друг другу противостояли коммунисты и фашисты, внутри Германии – коммунисты и нацисты, сперва они враждовали всюду в мире. Но в 1939 коммунистический СССР и нацистская Германия заключили договор о ненападении, а в 1940 – о дружбе. В войне против капиталистических демократий Англии и Франции советские коммунисты помогали нацистам не только нефтью. Само единение на первый взгляд разных антикапиталистических движений, их дружный раздел Польши и смена тона коммунистических газет в текстах о нацизме выдали родство.

Но взаимное недоверие тоталитарных вождей пересилило взаимовлечение – Германия напала на СССР, однако Англия и США поддержали СССР и объединенными усилиями ее разгромили. СССР, понесший наибольшие потери, выступал как главный победитель и в награду взял освобожденные им от немецкой оккупации страны.

Тут союзники разошлись, и началась холодная война. Мир, как в 1939, распался на демократический и тоталитарный.

Раскололся на два лагеря. Но в 1939 – менее чем на два года, а тут на сорок лет – до перестройки. Ядерное оружие удержало от немедленной взаимо-истребительной войны, и тоталитаризм, как диктатура единства, ощутил себя полней, его разные виды уже не были непримиримы. В нем признали особый общественный строй. В 1951 году вышла книга Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма».

При первом расколе мира тоталитаризм выступал против демократии и капитализма в виде нацизма и фашизма и проиграл. При втором – в виде коммунизма. Но со своим внеэкономическим хозяйствованием надорвался. Ради спасения коммунизма, Горбачев объявил перестройку. Ельцин, чтобы сберечь тоталитарную власть пошел даже на роспуск СССР и демонстративный отказ от коммунизма. Да и новая Конституция, давшая Президенту неограниченную власть, тоталитаризм сберегла. А подскок мировых цен на нефть и газ создал иллюзию выхода из экономической катастрофы и даже уподобления России западным странам. Россия, показалась им новой, и, сочтя, что коммунизм проиграл борьбу за покорение мира, а СССР – холодную войну, они, не без выгоды для себя, стали ей помогать.

Между тем, коммунизм проиграл задолго до распада СССР. Марксистский – еще в 1917 году, поскольку, будучи утопией, был неосуществим, да и потому, что развитие капитализма пошло на практике иначе, чем ожидал Маркс. А ленинский коммунизм, взяв у марксистского словарь, но не содержание, пытался лишь дурное самодержавие Романовых заменить хорошим, коммунистическим. Но самодержавие не может быть хорошим, даже побеждая. Мышление Ленина, внушенное русским народническим движением, разошлось с марксистским и в теории, и на практике. Режим, установившийся после разгона Учредительного собрания в январе 1918, без попытки, если были сомнения, провести новые выборы, от утопии Маркса был далек, что Ленину безуспешно объясняли такие западные коммунисты, как Роза Люксембург. А окончательно Советский Союз ушел от коммунистического идеала при начатой в 1929 коллективизации, сделавшей крестьян колхозными крепостными. Коммунизм стал лишь виньеткой на идеологии тоталитаризма. Но западное сознание пренебрегло тем, что коммунизм – не единственная форма тоталитаризма, и Ельцин отбросил лишь первую его декорацию, и вписал в Конституцию тоталитарный режим иной формы.

А Советский Союз холодную войну не проиграл, хоть по устройству своего хозяйства и других сфер жизни ее не выдержал. Но за вычетом краткого периода, когда США, имея ядерное оружие, им не воспользовались, при том что СССР его еще не имел, державы равно могли уничтожить друг друга, как могут поныне. Не велики и перемены в союзных, кроме Прибалтики, республиках, отделившихся от России больше демонстративно, чем экономически и политически. А если военная

мощь России и меньше, чем у СССР, то Евросоюз, США и НАТО военную мощь тоже сократили. Хоть и не границы, но позу СССР Россия удержала. Холодную войну скорее проиграли США, прежде – защита и опора Европы и всех демократий мира. А ныне, в них не нуждаясь, ими пренебрегают, хоть Европе Россия страшней, чем Америке. Трудно согласиться и с тем, что холодная война окончена, хоть западные страны этого хотят. А и в первый раз не они ее начали, и ныне угодничают России в надежде, что не начнет опять. Между тем номенклатура взяла курс на реставрацию СССР и Варшавского договора еще до Путина.

Ни русская, ни западная общественность, не признает наш государственный строй тоталитарным, и помалкивает, какого, если не коммунистического, он рода. А под маской коммунизма в СССР уже с тридцатых годов правили диктатура, бесправие. колхозное крепостничество, Гулаг, нищета миллионов, привилегии номенклатуры, неравенство народов. Был обыкновенный фашизм. А геноцид, выселения крымских татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, и дело врачей – уже не просто фашизм, а настоящий нацизм. Это видели все, кто смотрел. Когда Ельцин снял маску Секретаря Обкома, фашизм не испарился, хоть что-то изменилось, что-то временно даже смягчилось, что-то ожесточилось. Говорят, в России не может быть фашизма потому, что она победила его на войне. Но на войне Россия, сама фашистская, победила нацистскую Германию. При Ельцине она не пережила катарсиса освобождения от коммунистического фашизма, лишь сменила плакаты и вывески. А потерпевшая поражение Германия с помощью Карла Ясперса, Людвиг Эрхарда, Вилли Брандта, каких у нас не было, преодолевала нацизм, у нас тем временем выроставший. Об общественном порядке надо судить не по лозунгам, а по практике, по людям и принципам. И наша страна остается фашистской и нацистской, но более откровенной, не прячущейся за утопический идеал.

Подновившаяся номенклатура удержала власть, и думать не хочет, отчего в восьмидесятые ей грозило крушение. Угрозу сводят к промахам, валят на Горбачева, даже на Брежнева. Нынешние правители все еще убеждены, что Россия сама по себе, без постоянного взаимодействия с развитой частью мира, способна быть на том же, и даже более высоком уровне развития, чем они, и с развитым миром не считаться. Они живут утраченным. Их идеалы в прошлом, лишь бы порядок был. Как феодальные монархи, считавшие, что разумные решения могут быть закрытыми, не понимали, зачем новому обществу эти пустые говорильни, представительные органы, так и тоталитарной власти трудно понять, что после научно-технической революции вертикаль власти – это абсурд, а законодательной и судебной власти надо обособиться от исполнительной, которую, чтобы ненароком не сгубила страну и жизнь, отрезвлять правовыми границами. И повседневно важные решения принимать внизу, на каждой делянке, с пользой для нее, а наверху лишь устраивающие всех.

Непонимание, что без этого – тупик, не личная глупость, Путин – не идиот, наверху дураков нет, – а социальный предел самосознания. Внеэкономическое хозяйствование тормозит производство страны, делая исключения лишь военному. И обеспечивает правящему классу благоденствие независимо от общего и личных вкладов в хозяйство. Кажется, что порядок. От капитализма, не свободного от пороков, но

других, тоталитаризм отличается уверенностью, что ему все сойдет, и можно решать судьбы мира, как писал Маяковский, «в кругу своих братишек». А капиталисту надо внести проверяемый рынком реальный вклад в производство. Оттого там и другое состояние общества, не благодатное, но дающее отстоять свои права.

А при тоталитаризме нет прав – есть милости, нет общества, ибо милости персональны, и нет общественного мнения. Выборы и опросы там лишь отчасти адекватны отношениям народа и власти. Ленин мыслил затеянную им революцию в одной стране началом мыслившейся Марксом мировой. Говорил, что после революции в развитых странах наша вновь станет отсталой и будет учиться у начавших позже. Но и тут пошло иначе. У захваченной Чехословакии Россия не училась, а ее учила, и результат известен. Внутри страны за утопией прятали фашизм, на мировой сцене – империализм. Уже не советский, а великодержавный русский. Русский мир рисуют вершиной человечества, простирая его на территории, где проживают русские меньшинства, и причисляют к русским всех говорящих по-русски, как особую категорию русскоязычных, да еще с непременным православием. Теперь, вместо благодати коммунизма, знаменем российского империализма стало превосходство русского мира. Советский Союз и Варшавский договор возрождают под этим знаменем!

Русский мир, – наряду с итальянским, германским, англо-саксонским, французским, испанским, – важная часть единой европейской культуры, простершейся и на Северную и на Южную Америку. Но и он, и другие, так давно и глубоко переплетены, их взаимовлияния так сильны, что выступления с особыми претензиями, уверения в первенстве, особой ценности одного, первого среди равных, выдают политический смысл все того же фашизма. Ссылки на жителей русского происхождения в чужих краях, как на передовой отряд русского мира, дышат открытым расизмом. А самому русскому миру свойственно не так единство, как многообразие, он часто ближе аналогичным чужестранным, чем иным отечественным сферам, как великий русский балет – итальянскому и особенно французскому, русская поэзия – немецкой, а Шекспир значит для русского театра не меньше, чем Островский.

У русской культуры, как и у других европейских, нет общих, специфически русских качеств, присущих всем ее проявлениям. Тем более нелепы усилия подавать такие качества, как общие свойства русского народа, весьма разнообразного. О России говорят, то возвышая русский народ за неведомые духовные воспарения, то сваливая на него бесчинства русской власти. Но народ – это разные люди, в схожих обстоятельствах проявляющие разные свойства: кто привлекательные, кто дурные. Едва ли не единственная, впрямь особенная черта русской истории – особая жестокость высших сословий к собственному народу. Испанцы и португальцы, англичане и шотландцы, французы и голландцы, тоже захватывали чужие земли и обращали в рабство покоренных. И тоже были захватчиками, насильниками, грабителями. Но их государства, ради успеха дела, не обращали в рабство собственные народы, – только Россия. Крепостные составляли половину русских.

Российская реакция освободила крестьян лишь после военного разгрома своей храброй, но технически отсталой армии. И не отдала им землю, не освободила от пут общины. Немудрено, что чеховский старик звал волю – несчастьем. Даже когда революция стала неотвратима,

власть, тормозя созыв Учредительного собрания и аграрную реформу, толкала крестьян к большевикам, двенадцать лет спустя наладившим крепостничество в колхозах. В конце семидесятых бесплодие власти обнажилось, но когда ее вчерашние сыны, как Ельцин, завели вроде другую власть, она вышла такой же.

Словесный отказ от коммунистического ярлыка не делает тоталитарный режим демократическим, но это не повод обличать народ, отдающий голоса за тоталитаризм. За Сталина голосовали 99.9%, хотя добрая половина избирателей пострадала от коллективизации. В России народ власти не верит, понимает, что она обманет, но не спорит, зная, какова расправа, и терпит, авось обойдется. И прежде, чем за это русский народ осуждать, стоит вспомнить, какая его часть погибла, сбежала, спилась, не родилась. Не то, что русские – святые, Чеченская война и крики «Крым наш!» о крае, отнятом у татар, истребленных и выселенных, – позор России. Но и большинство русских – жертвы тоталитаризма, сперва советского, а ныне выдавшего себя за антисоветский.

Первое, что необходимо, чтобы понять Россию умом, – различать власть и народ. Не сбиваться на огульную брань стомиллионного народа за преступления совершаемые его многотысячной властью, велит не только элементарное чувство справедливости, но и то, что власть сознательно сваливает свои преступления на русский народ и возбуждает в попираемых – в чеченцах, грузинах, украинцах, литовцах, поляках и других – русофобию. Таким способом русскому народу внушают, что без этой преступной власти он обречен. Но не дают ему самостоятельного голоса, – ни в СССР, ни в нынешней России, огромных империях, где показной самостоятельностью наделяли все народы, кроме русского. А края и области, заселенные по преимуществу русскими, не объединят в самостоятельную республику, не командуемую другими, но распоряжающуюся собой. Боятся, что народ предпочтет самостоятельность своему подневольному положению крепостных и пушечного мяса империи его имени.

Переименование Российской империи в Советский Союз и дальнейшая жизнь не раз показывали, что нашей уникальной империи, с шовинизмом ее ненасытных бояр, дворян и прочей номенклатуры, со времен Ивана Грозного закрепостивших русский народ, лишив его элементарных прав ради своей выгоды, есть лишь одна реальная альтернатива, – восстановить русское национальное государство, отделившееся от своих колоний. У нас не хотят видеть разницу меж имперским шовинизмом, жаждущим покорить мир, и защитным национализмом, отступающим от захватов ради устройства своего дома. То и дело одно нарочито выдают за другое, а это вещи несовместные. Германия, тоже трижды строила империю, установила зловещий тоталитарный режим, терпела поражения, теряла миллионы людей, а отрекшись от Третьего Рейха за полвека с небольшим стала первой державой Европы, какой военным путем стать не могла. Для России этот опыт – важнейшее знание из истории XX века. Наша страна, пойдя она тем же путем, была бы среди первых во всех отношениях, не только в готовности и способности убивать.

Тоталитаризм, правый он или левый, невозможен там, где есть свобода, выбор, соревнование, конкуренция. Ему, чтобы выжить, надо диктаторски насаждать единство. Право на выбор ему смертельно. Игорь

Гиркин, приметная фигура российской агрессии в Украине, на вопрос, не примет ли он в России участие в выборах, отвечал: «Я вообще, не верю в выборы, как таковые». Зло не в том, что свобода слова позволяет проповедовать такие убеждения, -- легко показать их вздорность, а в том, что их носителям вручают оружие и засылают военным министром или премьером искусственно созданной республики в страну как раз и желаемую совершить свой выбор, Беда не в том, что Гиркин и Бородай – русские нацисты, а что они – первые герои и любимцы российских имперских государственных служб.

Обидно, что Россия упустила спасение, маячившее в первых речах Горбачева. Кто знает, скоро ли другой шанс. Еще обидней, что западные политики проглядели, что в СССР происходило и какие отношения возможны с Россией, его подменившей. Никто не выяснял, готова ли она не только спрятать коммунистические лозунги, но соблюдать нормы, принятые остальными в отношениях меж собой. Никто не думал, как быть, когда с приятными улыбками она заведомо их не соблюдает. Россия, по старой православной традиции претендует на особые права. И другим стоит взвесить, приемлемы ли ее претензии. Например, издание закона о ее праве убивать неугодных на чужих территориях, – праве на терроризм? При холодной войне его не считали законным, взаимоотношения регламентировались точней. А ныне непонятно, почему Россия без санкции ООН, объявляет себя миротворцем, переходит границы других стран, вводит войска? Последствия таких неясностей непредвосхитимы и непоправимы. Люди гадают, не грянет ли холодная война. А при пониженном у Путина чувстве опасности он, глядишь, нанесет такой удар, что и Обаме не уклониться от ответа. Это стоит учесть. Хотя бы из русского патриотизма. И из других.

Старая ошибка 2.10.14

«Новая газета», едва ли не единственная числимая в России либеральной, опубликовала статью В.Пастухова о русско-украинской войне, выбивающуюся из потока. Одни войну приветствуют и вопят «Крымнаш!» Другие равняют Путина с Гитлером. А Пастухов на войну досадует, но цель ее оправдывает. Более того, призывает помочь Путину выйти из положения, в которое он завел Россию.

Утверждая, что начав войну, Путин принял «исторический вызов Запада», Пастухов вторит прямой лжи пропаганды. Запад не только не дал повода воевать, но сидит, что называется, с полными штанами, не смея признать, что действия Путина изъяли Россию из международного сообщества. Запад поддерживает с ней отношения, лишь не давая нескольким чиновникам прошвырнуться по Пятой Авеню. Какой тут вызов, да еще исторический? Забыто, что такое вызов, кто его бросал, – Хрущев, ставя ракеты на Кубе, или Кеннеди, требуя их убрать.

А что Россия за двадцать три года с формального развода СССР не научилась жить своими силами и хочет, как прежде, использовать в своих интересах и Украину, и Латвию, и Польшу, и ГДР, и другие территории в Европе и Азии, конечно, правда. Но после развода они на это согласны, лишь с взаимной выгодой. Развод был по форме, Верховные Советы голосовали. Но Россия уперлась и не дает Украине жить отдельной жизнью.

Запад не понял, что развод СССР не тем одним вызван, что Ельцин хотел выпихнуть Горбачева и сесть на первое место. Время разводиться пробило в 1917 году, если не после Февраля, то после Октября и зачитанной тогда вождем революции Лениным «Декларации прав народов России». Но ленинская Красная Армия отбирала власть у возникавших национальных правительств, начав с грузинских социал-демократов. А в 1922 Ленин, уже не вождь революции, а основатель первого в мире тоталитарного государства, создал советскую империю, СССР. Все народы, начиная с русского, испытывали тяжесть ее режима, но другие еще и национальное угнетение. Украинцы заняли, обогнав русских, первое место по числу заключенных в советских лагерях. Выйдя из Союза, все обустроивались отдельно: Эстония – успешно, Украина – менее успешно, и качка от Кравчука до Ющенко и от Януковича до Порошенко, выдавала сопротивление воли к свободе и российской узды. Пастухов об этом молчит.

Признавая, что Путин натянул узду грубо, он зовет верить, что тот хотел, как лучше, поскольку послушание Украины в национальных интересах России. То есть, сорокамиллионный народ, даже законно оформив независимость, права на нее не имеет. Сильные державы часто вынуждают страны, от которых в чем-то зависят, к еще большей зависимости от себя. Это дело легальное, покамест другая страна, ее народ, парламент и правительство, согласны, что это в их интересах. Но без взаимности мнения Путина и Гиркина – частные мнения.

Выяснить мнение народное есть много способов, но они надежны лишь при отсутствии иностранных солдат, а иначе, как референдум в Крыму или создание Луганской и Донецкой республик, преступны. Но дело не за тем, чтобы клеймить Путина с Гиркиным. Боец спецназа Гиркин исполнял приказ. Но Путин его отдал, и важно не только зачем и по праву ли отдал, важнее понять – почему? Сравнение его с Гитлером вроде ситуацию проясняет, но ведь и коммунистический режим был тоталитарным. Да и далеко Путину до Гитлера, который, будучи человеком с улицы, на последних до войны свободных выборах в Германии набрал большинство, хоть и относительное – больше трети голосов. Ленин даже после великих декретов собрал лишь четверть голосов. А как голосуют за людей назначенных и занявших посты, мы, советские люди, видали не раз и не два. Пастухов сам пишет, что Путин даже не Сталин. Он лишь сплотил прежние силы и стал их модератором. В его руках более страшное оружие, но политически он ущербней, и у Гитлера лишь учится. Тот, как и Ленин, возлагал надежды на тоталитаризм. Минувшие три четверти века показали, что это – либо всеобщая гибель, либо тупик. Но русская номенклатура, особенно ее кагебешная часть, не в силах принять реальность и сойти со сцены, перейти на роли поскромней.

Итак, согласно Пастухову, Путин, хоть и неправильно, но отстаивает национальные интересы России. Однако, он готов признать, что «Путин выбрал вариант..., выгодный не столько России, сколько правящему режиму». То есть, более выгодный режиму. Но это лишь часть беды. А беда в том, что он выбрал вариант, выгодный режиму, но пагубный для России. Вот о чем речь! Проблема, которую Россия за почти четверть века не могла решить и лишь глушила нефтегазовым наркотиком, в том и состоит, что социальная структура все еще номенклатурная. Наша власть отступилась от ее преодоления, когда от

идеологии марксизма-ленинизма отказалась, а экономических и политических реформ, которые из такого отказа вытекали, не произвела, подменила их гайдари-чубайсовскими. Путин лично усмирять Чечню, показав свое понимание русских национальных интересов. Но главный плод той войны – рост русофобства на остальных территориях России и СССР, как ныне плод войны на Украине – его рост в Восточной Европе и соседних странах. А возможно ли в тесноте XXI века хотя бы отчасти защищать национальные интересы России, насаждая русофобство? Правомерно ли борцов за интересы правящего класса звать националистами, а не империалистами и шовинистами. Им Путин и служит модератором. Реальные националисты не хотят, чтобы русских слали на войну ради правящего класса. А национальный интерес России в том, чтобы отказаться от тоталитарного режима, советский он или не советский. Снять с него гирлянду марксизма не значило его изменить. Тоталитарные режимы без марксизма на вывеске – тот же гитлеровский – не лучше.

Россия учит Украину провести федерализацию, расширить местное самоуправление и много чему еще, что самой России пошло бы на пользу, но она собственных советов не слышит, а диктует их тем, кто в своих делах разберется, если не будут мешать. В девяностые годы Россия уклонилась от реального реформирования советского строя, его политической жизни и хозяйства. Требовать этого от Путина, назначенного Президентом, чтобы такого не допускал, смешно. Для него национальный интерес России – это нынешний режим и пост Президента. Ради него, не то, что до Киева, он до Варшавы, и даже до Парижа дойдет, если не остановить. С тех пор, как в Москве взрывали дома, в этом нет сомнений. Ново лишь упорство, с которым Пастухов закрывает себе и читателям глаза на глубину противоречия интересов правящего класса России ее национальным интересам.

Возможности выхода 17.2.15

С начала ушедшего года только и речи, что: «Он сошел с ума!» А Президент России отнюдь не несет ложку к уху. И кто бы что ни говорил, хоть сама Меркель, я убежден, что он психически здоров. И курбеты, из-за которых сыр-бор, – не личные. Так мыслит российский правящий класс. Это не вой одинокого волка, а дыхание российской элиты, то бишь, номенклатуры, ликующей, что Крым наш. Говорят, правда, не так ликующей, как опасющейся возразить. Опасения понятны, дело рисковое. Но правящему классу иначе не устоять. Говорят, Путина заботит лишь личная власть, а он искренне отстаивает тоталитарное классовое господство.

Сталина посмертно бранили, словно пагубна была его личность, а не ее культ. Но зло не в дурном характере, а в неограниченности власти. Удивление Меркель понятно. У нее за спиной схожая ситуация. Ее страна, до мая 1945 тоже была тоталитарным чудищем, да еще войну проиграла. Но после краха советского аналога Германия объединилась. Задолго до Меркель стала мирным национальным государством, – уже не агрессивным завоевателем, а экономически процветающей опорой других национальных государств Евросоюза. Вот бы и России отказаться от вечной войны, отпустить колониальные земли и создать богатое

национальное демократическое государство. Россия тоже способна быть свободной, иметь свободную экономику и процветать. Ошибка Меркель в предположении, будто советское руководство захотело такого уже при Хрущеве и Косыгине, тем паче при Горбачеве.

Но счет начался не 19 августа 1991, даже не в 1929 или в 1917. После Ивана Грозного до 1861 года половину русских держали в крепостном рабстве, а после коллективизации закрепили в колхозах. Европа не знала порабощений и продаж на вывод единокровцев и единокровцев, в диких масштабах имевших место в России. Традицию порабощения населения продолжил социализм. Она несла невыносимые испытания и гибель несообразного числа людей. Ни в одной европейской стране правящий класс не был столь беспощаден, как в России, к собственному населению. Не потому ли у нас тоталитаризм явился раньше, чем в Германии, правил дольше и врос глубже? За почти семьдесят четыре года русский коммунизм красноречиво себя проявил. Разогнав Учредительное собрание, большевики удержали власть в своих партийных комитетах и установили первый в истории тоталитарный строй, вертикаль безоговорочного повиновения, далекую от марксистской утопии. Дореволюционных партийцев-подпольщиков, засомневавшихся в сообразности такой реальности их надеждам, оттесняли от власти, а в тридцатые в большинстве физически уничтожили.

Теоретически ленинская революция свергала капитализм, лишь начавший в России утвердаться. Обещала, что при социализме рабочий класс сможет сам вести производство, не отдавая прибавочную стоимость буржуям. Но партийная номенклатура, возглавившая от лица рабочего класса производство, стала ее коллективно изымать почище буржуев. Обновилась форма неравенства. Капитализм держится компромиссами, а социализм – безмерным принуждением, капитализм производит товары для продажи, а социализм – для снабжения. Капиталист, как отдельный, частный владелец, может прогореть, социалистические руководители на нелепых расходах не прогорают, а пострадавших в счет не берут. Даже феодализм, обирая зависимых крестьян, защищал их от поборов соседа, жил «по воле лорда и по обычаю манора». А где крестьяне не в силах отстоять «обычай манора» и «воля лорда» становится безграничной, феодализм обращается феодальной реакцией с крепостничеством, как вышло в России.

Эта социальная деформация оставила глубокий след на стране. Если на западе Европы к падению феодализма толкали внутренние противоречия, то в России феодальная реакция отменила крепостное право лишь после военного поражения, и трудно преобразовала свое хозяйство в буржуазное. Не получив при личном освобождении земли, крестьянство не везде могло, как европейское, стать мелкой буржуазией, огромная его часть нищала, но наемные рабочие места обретала не быстро. После освобождения крестьяне остались в тяжком положении, и народнические движения, начавшие с борьбы за землю и волю, не видя реальных путей их обрести, клонились отвечать несправедливой власти заговорами и террором. А разделить помещичью землю мирно русская феодальная власть не могла по природе. Лишь конец XIX века отмечен активизацией буржуазии и явлением буржуазных и социал-демократических партий. В этих условиях и возникло невиданное

революционное движение, соединившее европейский марксизм и русское народолюбие, – ленинизм, большевизм.

Он изначально отрекся от эволюционной социологии Маркса, предполагавшей революционную смену общественных формаций на определенных уровнях их развития. Ленин, вслед за народниками, исходил из возможности произвольно установить желанные социальные отношения, и его опорой, как и у народников, стала политическая технология, методика борьбы за власть. Если по Марксу политическая деятельность определяется общественным процессом производственных отношений, то по Ленину, декретируя производственные отношения, власть определяет общественные процессы. Он считал, что декларации Февраля и Октября об отмене феодальных норм Российской державы равнозначны реальной буржуазной революции, и послеоктябрьскую Россию считал постбуржуазной, хоть ее хозяйство осталось полуфеодальным. И форма, предписанная ему Лениным летом 1917 года в книге «Государство и революция», – единый общегосударственный хозяйственный концерн, оказалась феодальной, включавшей военный коммунизм, продразверстку и коллективизацию, осуществленную уже Сталиным.

В ту пору и в других странах появлялись рабочие и социалистические движения, типологически близкие русскому примеру, хоть и под другими лозунгами. В Италии лидер социалистов Муссолини, звал свой тоталитаризм фашизмом, то есть движением за единство, а в Германии Гитлер, партия которого звалась тоже рабочей и тоже социалистической, хоть совсем не была марксистской, звал свое движение национал-социализмом, нацизмом. Единство власти, ее сосредоточение в одних руках вожди партий нового типа, Ленин, Муссолини и Гитлер, ценили превыше всего, хоть и сохраняя свои оттенки. Ленин понимал его как единство руководящей партии, а Муссолини учил: «Все в государстве, ничего вне государства». Числившемуся марксистом Ленину приходилось оговаривать, что «когда будет социализм, не будет государства». Но в 1922 году, как раз когда Муссолини взял власть, Ленин, создав Советский Союз, не колеблясь назвал составившие его государства (республики) социалистическими. Даже на словах различие не было слишком прочным. И все же русские большевики, как крайне левые, и итальянские фашисты, не говоря о немецких нацистах, как крайне правые, многим казались несовместимыми противоположностями. Даже сто лет спустя, когда, как ныне не только в Греции, крайне левые и крайне правые вступают в союзы и создают единые правительства, еще не возобладало понимание того, что важно совпадение общих позиций правых и левых краев, а их различия второстепенны и часто лишь временны.

Эти второстепенные различия часто подпирают тем, что Германия и Италия проиграли вторую мировую войну, а СССР ее выиграл. И замалчивая свой недолгий союз с США и их решающую помощь, он свою победу выдавал за свое отличие от побитых тоталитаризмов, даром, что общее с ними уже под старым именем проявлялось все полней. Начало XX века считалось противоборством отживавшего капитализма с прогрессивным коммунизмом, но за сто лет стало видно, что на деле это противоборство все более способного к компромиссу капитализма и беспрекословного тоталитаризма разных родов.

Понимание капитализма Марксом более ста пятидесяти лет назад, естественно, не включало многих его свойств, развившихся позднее. К тому же, Ленин порвал с марксовым пониманием перехода к социализму и коммунизму, как итога капиталистического развития. Потому итоги насильственного строительства социализма в отсталой России оказались совсем иными, чем в утопии основоположника. Потому они, хоть иначе толковались, оказались схожи с формами фашистской Италии и нацистской Германией, введенными ими в надежде вырваться вперед. И те, и другие, строили единообразный, тоталитарный режим, одними названный коммунизмом, другими фашизмом или нацизмом. Оpozнание их единой природы шло медленно, всего наглядней она проступала при заключении советско-германских договоров 1939-1940 годов, о чем свидетельствует советская печать тех лет. Свое социальное родство с фашизмом «реальный» социализм осознал не вдруг 19 августа 1991. То был долгий процесс советской истории. А 19 августа номенклатура, перед лицом непосильных задач, отреклась от марксистской утопии даже в ленинской ее трактовке, открыто раздавила Чечню, поверившую призыву Ельцина: «берите столько суверенитета, сколько проглотите», и провозгласила возврат к капитализму, к которому, однако, не вернулась.

Блистательный Буртин тогда же назвал провозглашенный капитализм «номенклатурным». Советский тоталитаризм, хозяйством которого, теперь поименованного частным, правилом коррумпированное государство, лишь переделался. У российской власти тех лет не было реального стремления всерьез допустить капитализм, как возомнили западные лидеры. Выбросив в 1991 портреты Маркса и его утопию, Ельцин лишь снял советскую маску, под которой страна жила три четверти века, а под маской был фашизм, ставший теперь откровенным. Власть над таким режимом Ельцин не случайно доверил кагэбэшнику Путину, которому повезло, – взлетели мировые цены на нефть, и Россия обрела подкормку. До этого грабили население, конфискуя сбережения в сберкассах, и расширяя права так называемых олигархов, не бескорыстно поощряемых властями. Советскую традицию государственного руководства хозяйством Путин удержал, и некоторыми поправками даже укрепил.

И вот его ныне винят в том, что якобы ни с того, ни с сего, он изменился, противостоял миру, и стал пилить сук, на котором, выйдя из СССР, номенклатура почти четверть века благоденствовала. Но не Путин виноват, что хозяйственная система, которую он восстановил, не отвечает нуждам современного развития. Так ее устроили Ленин и Сталин. И что Россия за нее держится, виноват не он один. К ее возрождению вели уже первые помощники Ельцина в экономике Гайдар и Чубайс, до того старавшиеся совершенствовать советскую систему. Они призывали к рыночному хозяйству. Но не уточняли, что оно плодотворно лишь в силу конкурентности, то есть, при соревновании независимых друг от друга производств. Уже Ленин это понимал и звал к соревнованию, – но, к сожалению, его тоталитарное сознание не имело объективных критериев соревнования. Все решала партия и он лично. Но и ныне государство иного не допускает. А рынок ориентируется не на партию и государство, а на покупку и продажу, делающие рынок критерием соревнования, каким он не был у Ленина и Сталина и не стал у Ельцина с Гайдаром, Чубайсом и Путиным. Это не личная вина Владимира Владимировича. Так устроили до него. Советскому тоталитаризму

придали некую гибкость, но другие качества остались при нем, -- централизация, характер экономической структуры, по-прежнему несообразные расходы на вооружение, и отсутствие конкурентности в политической жизни. Все это, да еще при падении цен на нефть, ведет к экономическому отставанию, и увидав на опыте минувшего двадцатилетия, что переход к капитализму для большинства нынешнего правящего класса губителен, этот класс предпочел вернуться к воинственной позиции СССР, сперва на грузинской почве, потом на украинской.

Это, конечно, отчаянный шаг, и наивно думать, что он совершается бессознательно, что это безумие отдельного человека, а не классовая позиция. Опасно не то, что Россия может проиграть на украинском поле боя, -- соотношение вооруженных сил не таково, но если она выиграет, то, более слабая, чем был Советский Союз, сразу станет более опасной. Мир убедится, что в машине нет тормозов, позволяющих остановиться, не переходить черту, и ее надо останавливать. И заметит, что речь уже не о Чечне, формально входившей в РСФСР, даже не только о вышедших из СССР Грузии и Украине с Крымом, но уже и о Греции, и вообще, о Европе и об обращении США в радиоактивную пыль. И в социальные проблемы вольются национальные, как во Второй Мировой, а как разрешала их Россия, переселявшая целые народы, в том числе опять гонимых ныне крымских татар, не забыто. По случаю годовщины Холокоста Путин говорил, что такие преступления не должны повторяться. Но даже не помянул тогда же предпринятую попытку повторить его в СССР -- активный государственный антисемитизм во всех формах, от уничтожения книги Гроссмана и Эренбурга о Холокосте до Дела врачей и событий, остановленных смертью Сталина. А это умолчание говорит, что повторение Холокоста осуждается явно не с той уверенностью, что он сам, хотя повторение готовила русская власть непосредственно.

Национальные проблемы СССР для революционных последователей Маркса оказались странными и неожиданными. Маркс не только сам был интернационалистом, но и революцию мыслил, как общую для всех, одновременно происходящую во всех развитых странах. Ленин, ратовавший за революцию в одной, отдельно взятой стране, порвал тут с марксизмом, но шовинистом не стал и даже говорил, что при позднейшей победе пролетарской революции в развитых странах Россия, победившая первой, уступит им свою руководящую роль. Но, совершив революцию в империи, большевики не были склонны дать колониальным народам право на самоопределение. В Грузию, социал-демократическое правительство которой провозгласило независимость, ввели Красную Армию. Ее вводили и в республики Средней Азии, не говоря о Прибалтийских, куда ввели по договору с гитлеровской Германией. Задача удержать наследство Российской империи мыслилась как подчинение возникавших республик центру в Москве. Даже мировая коммунистическая революция по Марксу мыслилась как покорение мира Советской империей. Росли различия в положении разных народов, зависимых от нее. Москва подавляла оружием стремление Чехословакии, более развитой, чем Российская империя, следовать адекватным хозяйственным законам, а не внеэкономическому примеру СССР. Взаимоотношения народов выражал лозунг: «Россия -- первая среди равных». Не удивительно, что повседневно практикуемый он вел к ответной русофобии, чувству глубоко

ложному. Ложному не потому, что оно беспричинно, но потому, что такому же гнету тех же русских угнетателей в СССР подвергалась и добрая половина русских. Не удивительно, что правящий класс России, дворянство или номенклатура, обходясь так с собственным народом, побуждает другие держаться подальше, что для самой России губительно.

Распадавшийся СССР избежал гражданской войны лишь тем, что официально развелся, после чего несколько лет военную силу применял, удерживая территории входившие лишь в РСФСР, как Чечня. Но Россия, все больше отстававшая от Европы, захотела вернуть освободившиеся союзные республик, что без войны не выходило. В Грузии она прошла легче потому, что, по дурости западных держав, русским там наперед дали положение миротворцев. Войну с Украиной Россия повела более дерзко, бесстыже отрицая присутствие почти десяти тысяч русского спецназа на востоке, не говоря о Крыме где русские войска присутствовали в изобилии. Вопрос о том, примирятся ли западные державы с российским захватом Украины, быть может, один из главнейших для будущего этих держав, и выяснения того, могут ли еще существовать независимые государства, не обладающие оружием массового уничтожения, от которого, кстати, Украина добровольно отказалась, положившись на Будапештскую декларацию России, США и Великобритании. Покамест Запад позорно капитулирует. Но не менее важно выяснить, что будет с Россией, что ее ждет при восстановлении советского порядка, пусть даже опершегося не на Маркса и Ленина, а на Потанина и Абрамовича. И даже на Меркель и Олланда. Включая не одни социальные, но и национальные проблемы.

Современное сознание, хоть и с трудом, все же признало, что разные расы и народы биологически равноценны. Присутствие в европейских университетах приезжих из разных концов земли не только, как студентов, но и как профессоров, – тому прямое подтверждение. Но равенство потенциальных возможностей рас и народов не означает, что они развивались одинаково и результаты их стран одинаковы. Во всяком случае, очевидны различия народов и стран в научно-техническом развитии, обусловленные не только личными способностями людей, а социально-историческими обстоятельствами. В Новое время активнее развивались итальянские и германские государства, за ними Франция и Англия, поздней Россия и Соединенные Штаты и, уже в XX веке, Япония, а в наши дни в этом кругу развитых вроде уже и Китай, и Индия и другие. Одно из важнейших условий такого развития – равноправие и взаимная открытость стран и народов, то есть, оно напрямую зависит от политической природы режимов. Порой колонизатор развивает колонии, порой он не дает им развиваться. Разрыв с очагами развития ведет к отставанию, какого не компенсируют даже агенты секретных служб, способные выкрасть любое оружие, но не ведущий к нему образ мыслей. Если Советскому Союзу, сосредоточившему все силы государства на военных преимуществах, при всей его несравненной разведке, не удалось качественно обскать остальных, то во многом потому, что научная жизнь в СССР с тридцатых годов ориентировалась на отрыв от общих очагов. Тоталитарный политический строй преобразил революционный СССР в глубоко реакционную, если не мракобесную страну, особенно в биологических и гуманитарных сферах.

Стремление к примату своего понимания хода вещей парадоксально выражается в России ростом ксенофобии и особенно антиамериканизма. Доходит до анекдотических уверений, что даже на наше политическое сознание, то есть, на понимание собственных интересов, влияют извне, и лишь потому не сложился у нас капитализм, что мешали Соединенные Штаты, жаждущие погубить Россию. На деле, однако, Соединенные Штаты, когда Советская власть признала, что жить на прежний лад не в силах, больше других пытались помочь Советскому Союзу и России хозяйствовать по-иному, допустить частное, отдельное от государства, производство, поскольку заинтересованы в расширении числа участников и объемов производства в мире. Не они, а российские власти предпочли хозяйство, подконтрольное государству и его воле, хозяйству, которому государство от имени общества лишь устанавливает осмысленные правила соревнования в стихийном развитии, не указывая наперед, кому медаль.

Советская идеология не верила в объективный ход вещей и сводила происходящее к воле добрых, коммунистических, или злых, буржуазных, агентов. Явления и события поныне объясняют интригами политических противников. Но отрицание реальности, и при лучших намерениях, ведет к обратным результатам, как у нас и выходит. Нуждаясь в буржуазной революции еще в 1861 году, если не раньше, Россия ее не совершила ни в 1917, ни в 1991. Корни происшедшего понятны уже по главному расхождению Маркса и Ленина. Маркс утверждал, что подобно тому, как в феодальном обществе развитие буржуазных начал формирует новые отношения, не вмещающиеся потом в рамки феодальных, так и после свергнутой феодализм революции, дальнейшее развитие, не вмещается в рамки общества, ставшего буржуазным, и ведет к коммунистической революции. А для Ленина главной была инициатива революционеров. При всей неосуществимости, при всех заблуждениях и упущениях, утопия Маркса – все же попытка научного анализа социальной реальности. А учение Ленина – осуществилось, но привело вовсе не к обещанному.

Ленин преобразил марксизм в не экономическое учение. Не случайно нужда установить НЭП была для него неожиданной, -- до последнего вздоха он не мог с ней смириться, и, поняв, какой порядок установил, призывал ввести в ЦК сотню «сверхпроверенных» рабочих. А если помнить, что коллективизация, ликвидация русского крестьянства, как класса, произведенная Сталиным по ленинскому предначертанию, -- важнейшая часть ленинского проекта, что интеллигенцию он оценил, как класс, словами: «Это говно!», хоть это, между прочим, – умственный пролетариат, другой, наряду с рабочим, трудящийся класс капиталистического общества, понимаешь, что, искренне озабоченный неустройством заводских рабочих, он столь же искренне считал возможным строить общество, не считаясь с другими его составляющими. А нам указывают, что это делает Путин. Да, идеологически почва сознания Путина в основе своей – ленинская. Но он, хоть и менее одарен, честнее Ленина. Он признает, что его позиция глубоко консервативна. Лишь не рискует признать, что глубоко консервативными, были самодержавные позиции революционеров Ленина и Сталина. Нынешняя трагедия России в том, что она не перестала быть глубоко реакционной, хотя старалась еще двести лет назад.

Наивно делать вид, что нынешний день не связан со столетним хозяйственным и общественным строем, даже просто с числом расстрелянных, погибших в лагерях, высланных, лишенных возможности учиться и работать по призванию. По самоистреблению наша страна долго держала первое место в Европе, обогнав Германию. И все ради сохранения власти номенклатуры, удерживающей хозяйство под властью государства. В результате уже к 2014 году, когда наши вооруженные силы только взялись за Украину, наше хозяйство задолжало Западу чуть не 800 миллиардов долларов, примерно столько же, сколько государство скопило из нефтегазовых валютных потоков. То есть, хотя они были обильнее, чем ныне, жить своим псевдо-экономическим хозяйством страна не могла.

Мюнхенскую речь Путин произнес еще в 2007 году, когда Россия была куда слабее СССР, и Западу не трудно было ее предостеречь от поворота к конфронтации. Можно было четко разъяснить, что Россия, как и любое государство, не может рассчитывать на особые права в отношениях с другими, и всеобщий мир держится на взаимности и равноправии. Но не только гибкие Саркози и Блэр, не говоря о Шредере, но и американские президенты Буш и Обама, даром что из разных партий, потакали российской агрессивности. Если западные лидеры не видели, что происходит в России, не понимали, что ее правящий класс не только не меняет общественный строй, а напротив, сменив вывеску, пытается рационализировать и укрепить прежний, смешно винить в этом Путина.

Конечно, шансов удержать советскую систему, как опору ведущей сверхдержавы, у правящего класса и ныне не много. В 1991 году у России были куда лучшие возможности развития, к несчастью, упущенные. Но взявшая власть ельцинская элита боялась не реставрации коммунизма, к которому была весьма лояльна, а реального либерализма и демократии, реального капитализма, при котором далеко не вся она могла без казенной вертикали устоять. А было, что терять. Поэтому демократические оппозиционные голоса, противостоявшие и коммунистам, и псевдо-реформаторам, зазвучавшие было при Горбачеве, после 1993 заглохли. Даже умеренную социал-либеральную партию Явлинского ельцинская власть и почитатели советской преследовали дружно. В Москве не зря надеялись, что Запад этими мелочами пренебрежет и ради выгод своих фирм отступит. Он и отступает, и будет отступать, но ведь дойдет до стран, выскользнувших из-под советской оккупации, открыто согласиться с возвратом к которой, как сегодня с покорением Украины, Западу будет сложнее. Если Путин в чем и просчитался, то в демонстративности захвата Крыма и выведении откровенно тоталитарных фигур вроде Гиркина и Бородаев, легко узнаваемых теми, кто помнит былое.

Кризис государственного крепостничества тлеет давно, двести лет назад от него не увели декабристы, полтора столетия назад царь Освободитель вывел неудачно, сто лет назад опять сорвалось. За сто лет в России был военный коммунизм, коллективизация, большой террор, война, подготовка к новой войне, минутная оттепель, опять холодная война и Афган. Потом Горбачев с перестройкой, Ельцин с отменой марксизма, Гайдар, Чечня и Путин, но советская фашизоидная номенклатура преобразиться не может, а конкурентов на трибуну не пускает. Выступление Д.Киселева, грозящего обратить Соединенные

Штаты в радиоактивную пыль открыло новую эпоху. Не то что Хрущеву, Брежневу и Андропову эта мечта была чужда. Но они сознавали, что реализуясь она вызовет немедленный ответ, и хоть Америка погибнет, но и Советский Союз тоже. Хрущев ставил на Кубу ракеты, чтобы упредить ответ, но когда ему объяснили, что к чему, убрал. Советские люди терпели, «лишь бы не было войны».

Вернув уничтожение Америки в повестку дня, мы объявили, что не боимся войны. Не хотят? Пусть берут нас на иждивение! Кроме Грузии и Украины, мы все громче грозим Прибалтике, да и Польше. Мы летаем над Европой с ядерными бомбами, наш флот окружает Америку. Другой возможности беречь нынешний строй у России нет. Развивать экономику, как Путин мог видеть, он не способен. Разве цены на нефть взлетят, что навряд.

Понятно, что Путин, рассуждает иначе, чем Хрущев, Брежнев и Андропов. Они думали, что режим устоит, а СССР затрепал. И Путин готов на все, чтобы режим спасти, тем более, что иначе ему тоже придется уйти, -- зачем Путину Россия без Путина? Но смена политики подняла его рейтинг до 75%. Выходит, народ согласен на войну, готов к коллективному самоубийству, лишь бы не стало Америки.

Немцы в 1945 поняли, что перестали быть рейхом, что надо жить иначе, и стали самой успешной страной Европы. А нас никто даже не победил, мы и холодную войну не проиграли. Но Россия надорвалась. Это не лучше проигрыша. Нам тоже пора понять, что надо жить иначе, быть не империей, а успешной страной. Казалось бы, русские не глупей немцев. Но 75% обидно, что империя уменьшилась, что наш рейх не тот. И мы шлем русских солдат умирать в Украине, как раньше в Афгане. Оттого и не живем свободней и успешней.

Тем и пугает будущее. Кажется, что Россию спасет лишь революция. Но революция – это катастрофа, она способна беспощадно уничтожить отживший строй, но не создать лучший. Его приносят другие люди. Новую Францию создал не Дантон, не Робеспьер, а Бонапарт. И хоть роль Кромвеля в новой Англии велика, страна стала новой лишь после Славной революции. В нынешней России обезумел не просто Путин, а правящий класс. Страна, всем значимым, что создала, связанная с Европой, перестала себя сознавать, путается, быть ли евразийской тоталитарной империей или «русским миром», или, не захватывая, а отпуская колонии, все же стать, как нынешняя Германия, национальным демократическим государством. Все реже мы видим русских националистов, способных вернуться к status quo до захвата Крыма, предоставив Украину самой себе, и все чаще русских великодержавных шовинистов, покорителей планеты, живущих мечтой Д. Киселева и его вдохновителя обратить Америку в радиоактивную пыль, не оставив и отечеству другой участи.

Страна победившего терроризма 1.3.15

Немцова убил террорист. Террористов нынче много, и спорят, какой. Даже исламских вспомнили. Но споры, уместные, будь он убит на Петровке, на даче или в подворотне, перечеркнуты местом убийства. Семьдесят лет назад я прожил год против этого злополучного места, в гостинице «Новомосковская», и регулярно

ходил через Красную площадь к Университету. И всегда ощущал, что каждый мой шаг, как на ладони. А видео-камер еще не было.

Отсюда, конечно, не следует, что при нынешней технике туда не подойти. Очень даже можно подойти, и даже сделать семь выстрелов подряд кому-то в спину. Но уйти от спецслужб не выйдет. Если они не продались ЦРУ. На мосту уже не свернуть, не развернуться, выскочишь из машины -- заметят, а с машиной возьмут на том берегу. Но вот не взяли, и не от верности ЦРУ. Этому нет объяснения, кроме того, что террорист и спец-служащие, - сослуживцы, и начальник у них общий. Через двое суток сообразили вбросить информацию, что камеры не работали из-за ремонта, которую тут же опровергли. Понимай, как знаешь. Еще, небось, что найдут.

Иные говорят, власти эта смерть невыгодна. В каких-то отношениях, может, и невыгодна. Но посылая Гиркина в Славянск, брать перед тем Крым тоже было невыгодно. Меркель с Олландом на санкции еще бы не пошли, доллар бы стоил не 60р, а по-прежнему тридцать, и другие цены растут. Но мысль, что «крымнаш» дороже денег. Все воротим и более того! Наша власть, не выгоду ищет, не стоит за ценой.

Бориса Немцова жаль потому, что до такой степени обаятельного, чуткого, доброго, до наивности честного и просто приличного человека в нашей политике сто лет не было. Ужасно жаль уже потому, что его любило – нельзя было не любить, - столько женщин, и ни одна, расставшись, не ощущала ненависти, только любовь. Но горько и больно еще и потому, что власть продемонстрировала, что может запросто убить лучшего из нас, -- и сойдет! Политическая женщина Меркель все равно не признает, что Россия в Украине -- воюющая сторона. А людей ей жаль, просила не убивать Надю Савченко, и за Бориса бы попросила, скажи кто вперед.

Современному сознанию не углядеть, что происходит. Советский Союз обанкротился, перетратил деньги на оружие, пришлось выкручиваться, искать помощи. Дело понятное. Тем паче, что буржуи, как указал Ленин, всегда готовы продать нам веревку, на которой мы их повесим. Не без выгоды для себя, но помогли. А нам говорят, что в России была революция. Помилуй бог, какая революция, когда у власти все те же террористы, что в январе 1918 года, разогнали Учредительное собрание, а власть удержали. Они еще тогда установили, что оппозиция, инакомыслие, запрещены, и в единственной партии -- единство. Без государственного терроризма порядок было не навести. Чуть не миллион пришлось расстрелять. А теперь одного человека убили, ну, раньше Старовойтову, еще трех- четырех, а хулят власть, которая поддерживает порядок.

Расхождение с Путиным, за которое Немцов поплатился, не было теоретически оформлено. Оба не теоретики. Оба взлетели вверх с благословения Ельцина, оценившего их способности поддерживать практический порядок. Но они по-разному его понимали. Едва ли Немцов был умней Путина, хоть интеллигентнее, Различием было то, что Немцов учился физике, бывшей у нас на приличном уровне, а Путин овладел юридической наукой, которая наукой в СССР не была. Немцов понял, что компьютер и интернет с крепостным правом не сопрягаются, и надо считаться с нуждами развития, а для Путина, смолоду стремившегося служить в КГБ, стать государственным террористом, это не было важно.

Он мог выпутаться из авантюры, в которую влез, не только позорной, но пагубной для России, назначив Немцова премьером и поручив это ему. Такой возможности уже нет. Порядок хотят ожесточить.

Можно, конечно, заметить, что Ленин учредил военный коммунизм с продрозверсткой, а оказался вынужден отступить к НЭПу, что приводило его в отчаянье. Сталин, исполнив ленинский завет, провел коллективизацию, провел великий террор, а оказался вынужден отступать до Волги и даже дальше, откуда вернуться без помощи Америки шансов не имел. Брежнев раздавил Чехословакию, но угодил в кризис семидесятых, из которого ни он, ни Горбачев, ни Ельцин так и не вышли. Можно ли ждать иного для Путина, при взлетевших нефтяных ценах имевшего возможность превратить Россию в одну из самых развитых стран мира, но выбравшего путь, предусматривающий ликвидацию Немцова? Уж не будем загадывать, не сорвется ли покер, который он ведет с Западом в мировую войну. Но иначе номенклатуре не выжить, даже отрекшись от марксизма и прикинувшись буржуазией. Что еще правящему классу делать в ситуации безвыходного кризиса, как не взвинчивать и пугать население, мобилизуя его на борьбу с угрозами, растущими от того, что хоть Россия для Кремля – точка опоры, он ничего, кроме позора, с ней не делит. Вот мы и оплакиваем Немцова.

III

7.3.15 Незнаменитая война

Вторжение России Путина в Украину равняют с вторжением Германии Гитлера в Чехословакию. Может, украинцам, чехам или американцам этого довольно. Но в России есть более точное сравнение, которое не вспоминают. 1 декабря 1939 года в Териоки (ныне Зеленогорске) в присутствии советской армии, в ноябре вторгшейся в Финляндию, провозгласили Финляндскую демократическую республику, как в 2014 Донецкую и Луганскую. Большой кровью наша великая держава Финляндию победила. Отобрала большие территории. Но полный захват вел к войне с Англией, а, может, и с Америкой, и Финляндскую республику упразднили. Но Финляндия со страха потянулась к Германии, с которой мы еще дружили. А когда Германия на нас напала, пошла с ней.

Легко сообразить, что не вторгайся мы туда, Финляндия осталась бы нейтральной, Ленинград не попал бы в блокаду, и сотни тысяч наших земляков, знакомых, близких, не умерли голодной смертью. Но финскую войну не вспоминают. Разве Твардовский в 1943 году написал об убитом в **Финляндии** в 1940 парнишке: «Как будто это я лежу, Примерзший, маленький, убитый На той войне незнаменитой». Блокаду помнят. На Пискаревском кладбище возведено огромное памятное сооружение со скорбным текстом Ольги Берггольц. В гибели наших людей винят лишь Гитлера, не единственного виновника. А о вине Сталина, затеявшего финскую войну нет и слова. Словно не он агрессивной войной и старанием захватить чужую страну, сделал ее врагом. Словно рисковал не своим населением. А даже Гитлер своим населением так сильно не рисковал. Впрочем, тогда никто не сомневался, что СССР воюет в Финляндии. А

ныне Меркель и Олланд внушают миру, что Россия не участвует в войне.

Увы, и семьдесят пять лет спустя наша страна не признает свою государственную вину, почему Путин так легко и начал новую безответственную войну с неведомыми последствиями

10.3.15

Новосибирское дело

Слава богу, дело против новосибирского «Тангейзера», позорившее Россию, прекратили в виду отсутствия состава правонарушения. Признали, что театр не оскорбил чувства верующих. Но если дело рассматривали, значит допускали, что оперный спектакль мог бы оскорбить чувства верующих, не обязанных на него ходить. Видимо, сперва не вполне было ясно, возможно ли такое, и что значит, оскорблять чувства.

Беру однотомика великого национального поэта, а там вещичка, чувства явно оскорбляющая, объявляющая, что Мать Божья в один день грешила с тремя клиентами. Но посмертный суд разве что памятники поэту уберет или из школьных программ его изымет. Выходит, мертвым смеяться можно, только живым нельзя. Или Пушкина запретят? Но живых много, они разные, верят разным богам и разным вождям, и выходит, лучше всего помалкивать.

Не оскорблять чувства означает не врываться в церковь с криками «Бога нет!» и там не плясать, за что кстати, тоже положено не два года лагеря, а штраф в 1000 рублей. Но и в театр нечего врываться, у неверующих и инаковерующих есть право ставить спектакли и даже танцевать, лишь бы на, так сказать, своей территории, не мешая другим. Митрополиту, жалующемуся на безверие в театре, надо сразу говорить: есть такое право – не верить. И точно так же неверующим, требующим, чтобы в районе, где живут десятки тысяч мусульман, не было мечети, сказать: есть такое право верить. Мы не обязаны разделять никакую веру и выполнять требования верующих. Надо просто признать, что права есть и у тех и у других. Но в нашей стране права всегда у одних, до революции только у верующих, потом только у неверующих, и вот снова только у верующих. А что же Конституционный суд?

14.3.15

Без существенных перемен

Со смерти Сталина прошло шестьдесят два года, - дата не круглая, но от годовщины уже полторы недели, а на сайтах еще опросы: нужен России ныне Сталин? Чуть не половине нужен.

Шестьдесят два года со дня смерти Николая I – тоже не светлой личности, -- исполнилось в феврале 1917 года. Но студентом листая газеты той поры, я не встречал суждений, что он России еще нужен. Жизнь с 1855 до 1917 разительно изменилась. При Николае было крепостное право и не было парламента, а перед революцией крепостного права давно не было, а парламент был. Государственная Дума была с неравным представительством. Но выборы проводили честно. Правые преобладали, но в Думе были не только кадеты, но и эсеры, и меньшевики, и большевики, - разные политические партии. Не только «системные», но и совсем внесистемные. К 1917 году страна была явно другой, чем в 1855, хотя победных революций еще не было.

А за такое же время со смерти Сталина в 1953 изменилось куда меньше, хоть уверяют, что в 1991 была революция и теперь у нас, дескать, капитализм. Конечно, отпали союзные республики, формально отвергнута идеология, дозволили читать, что хочешь, даже выезжать за границу. Но правит сталинская вертикаль власти, сосредоточенная в центре и в одном лице. В Государственной Думе только крайне правые и правые, все еще называющие себя левыми, а всамделишных левых, то есть, сторонников свободы, как не было, так и нет.

Техника с 1953 до 2015 обновилась не слабей, чем с 1855 до 1917, но общественная жизнь куда слабей. А хозяйство по-прежнему подконтрольно государству. Его зовут рыночным, но Сечин с Ходорковским не на рынке соперничали. Конкуренции у нас нет, ни экономической, ни политической. Этого достаточно, чтобы не воображать, будто Сталин умер.

23.3.15 Спасенье от фальсификаций

В преддверии дня Победы Путина и Лаврова беспокоит фальсификация истории Второй мировой войны. Но рожденным после нее, знающим о ней лишь из пропагандистских советских изданий, им не различить правду и ложь. А наша страна в этой войне участвовала с первого дня до последнего, и в разных до противоположности ролях. Сперва, как союзница гитлеровской Германии, ей помогала, и самолеты, бомбившие Лондон, заправляли советским бензином. Заключила с Гитлером договор не только о ненападении, но и о дружбе. С чего коммунисты подружились с нацистами? Да с того, что боялись воевать на два фронта, а тогда советская власть вела жестокую борьбу с советским народом. Говорили, что с врагами народа, с троцкистско-бухаринской бандой, и можно бы верить, казни они десятков, ну, сотню, ну, несколько сот. Но в Гулаге по Хрущеву было 17 миллионов, а по Солженицыну 60. Каждый десятый, если не каждый третий в стране. Не враги народа, а народ.

Конечно, друг Гитлер не упустил случая, и за полтора года захватил запад страны, взял в блокаду Ленинград, подошел к Москве. Миллионы наших солдат погибли, миллионы оказались в плену. Маршалы и генералы, которыми Сталин заменил расстрелянных, в отличие от немцев и американцев, солдат не берегли. Многие и сами предпочитали погибнуть в бою с нацистами, чем в Гулаге. Погибли миллионы мирных жителей. Но после Сталинграда и Прохоровки Гитлер войну проиграл.

Это не значит, что мы победили его в одиночку. Едва ли бы мы победили без помощи Америки и Англии оружием и едой. Но утрат в этой войне наша страна понесла больше всех. И в победу внесла самый большой человеческий вклад. Это не зачеркнуть, как и нашу помощь Гитлеру, дружбу с ним и захват почти на полвека стран, от него освобожденных. Наша власть шумит о вражеской фальсификации, чтобы оправдать свой отказ различать в этой войне подлость советской власти и подвиг советского народа. Они сосуществовали, часто шли рука об руку, порой трудно различить, где одно, а где другое. Но жившие тогда это различие каждодневно видели. Оно было зримым. А Путин и Лавров уверяют, что наша страна занимала лишь героическую позицию, а партия, в которой

они состояли, и КГБ, в котором служили, ни в чем не виновны. Они прикрывают подлость своих предшественников подвигом оставшихся под фанерными монументами, принадлежащими истории, а не пропаганде.

27.4.15 Хуже не будет

5 марта 1953 года мы с матерью поссорились. Сталин умер, и выходило, что жизнь еще продлится. А она твердила: «Будет хуже! Он сдерживал этих нацистов (имелись в виду ЦК КПСС, Советское правительство и Комитет Государственной безопасности СССР), теперь они распояшутся». А я, конечно, отвечал: «И слава богу! Займутся друг другом, а не тобой».

Дозволенные ныне мнения о надлежащем России пути разнообразнее, но тоже свелись к одному. Наряду с певцами президентского -- Чечня-Грузия-Украина, далее везде, его защищают люди, слывающие чуть не оппозицией. Александр Лебедев, владелец лондонской «Индепендент», говорит, что за спиной Путина действуют какие-то темные силы, а президент – главная надежда их остановить, и надо прекратить нападки на Путина, ведь – «это не Мугабе, это еще не Северная Корея». Лебедева возмущают сравнения Путина с Гитлером и он равняет его с Гинденбургом, видимо, забыв, кто назначил Гитлера рейхсканцлером.

Владимир Пастухов относится к Путину критичней и конкретизует «темные силы» стоящие за ним. Так и говорит: «В украинскую войну вошел один народ, а вышел из нее совершенно другой.. Раньше обыватель этот режим терпел, теперь он стал его вожделеть». Ясно, что не в Путине зло. «Он теперь может идти с этим вновь обращенным народом в исторический тупик вместе хоть до самого конца, до самого Судного дня. Но стоит ему попытаться вильнуть в сторону и как-то вывести себя и страну из штопора, народ оторвет режиму голову». Еще сказано: «Главная угроза режиму исходит теперь вовсе не слева, не от либералов или демократов, а справа, от «черной сотни». ... «поддержка Путина «черной сотней» условна – ... стоит ему оступиться, как они опустят большой палец вниз». Выходит, как у Лебедева: Путин - «еще не Северная Корея», и без него будет куда хуже.

А отчего при нем стало плохо, ни тот, ни другой, не сказали. Пастухов, правда, признает, что, начав войну, Путин допустил ошибку, но отчего допустил, не говорит. А тут бы и сказать, служит он «сотне», то есть, «элите», или ею руководит? Пастухов говорит о «черной сотне», хоть есть и «коричневая», и даже «красная». Он убежден, что «любое неототалитарное государство либо потерпит сокрушительное поражение в войне (как гитлеровская Германия), либо вынуждено будет войти в режим «мирного сосуществования» (как СССР)». Да только ведь то были войны не ядерные, а Путин, чтобы отнять или вернуть Крым, готов на ядерную войну, как сам рассказал в юбилейном кино. Это и есть его новое слово.

В пору холодной войны по самым разным поводам повторяли: «Лишь бы не было войны!» Боялись. Путин смелей Брежнева, и его заявления о готовности применить ядерное оружие, если кто рискнет не соглашаться с Москвой, уводят наших сограждан от стремления к миру. Целый год он это успешно делает, а ядерный чемоданчик при нем. Поскольку в такой войне Россия погибнет, вряд ли даже «черная сотня» придумает что-то хуже.

3.4.15 Переворот

Вот и государственный переворот, хоть не тот, какой предрекали, когда Путин выпал из поля зрения. Иные узрели его еще в истории Пусси Райот и «двушечке» Маше и Наде. Но у беспощадности к молодым женщинам и назначения им вместо положенного штрафа в тысячу рублей тюремного срока, скорей психологические, чем политические резоны.

Другое дело – увольнение директора театра по жалобе митрополита. Конституция 1993 года среди прочего отменила такую обыденную при моей жизни процедуру, как приемка спектакля, цензуру не пьесы, а постановки. Уже больше двадцати лет, что поставили, то и показывают, По статье 13 «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». А «общественные объединения равны перед законом». Театр и храм тоже.

При идеологическом многообразии надлежит соблюдать правила общежития. Как говорят, «не оскорблять чувства». Но верующего оскорбляет само допущение, что бога нет. А неверующего -- государственные акты с религиозной обрядностью. Оскорбляют и преимущества одной веры перед другой. Иудеев и буддистов в России немного, но религиозные права тех и других признаны, и это хорошо. А с миллионами христиан-протестантов дело хуже. Их именуют сектантами и не считают их веру равной другим. А множество людей в России, если не большинство, в Бога-то верит, и в Христа и в Богородицу, но в то, что у Гундяева, Чаплина и у церкви в целом, к ним есть ход, не верит ни на грош. Так пусть каждый проповедует свою веру, но преимущества православия пусть предоставят в церкви, католичеству в костеле, мусульманству в мечети. А во всех других местах у их проповедей, как и у проповеди неверия, равные права. По статье 14 «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Так сулила Конституция.

Религия потому и вера, а все же не закон, что ей каждый доверяет лично, и от доверчивости страдает сам. Я сдуру поверил, что новосибирский суд, признав, что в «Тангейзере» нет правонарушений, спас людей от агрессии митрополита Тихона. А министр Медынский, уволив директора театра, показал, что дело не в Тихоне, но государство у нас опять идеологическое, только не марксистско-ленинское, а православное. Спасибо за науку. Но хрен редьки не слаще.

18.4.15

Путин требует не уравнивать сталинизм и нацизм. Уравнивать впрямь не стоит. Различия есть. К тому же, «сталинизм» -- понятие не столь широкое, как нацизм. Что такое сталинизм? Сталинское время? Сталинская диктатура? Но сталинизмом ее назвали, чтобы, валя на Сталина начатое сперва и длившееся потом, выгородить советскую власть. Но как ни плоха личность Сталина, его дела были не личные. Отчего же не сопоставить российский советский социализм с германским национал-социализмом, не разобраться, что различно, а что идентично в режимах, как никак, свои чувства друг к другу зафиксировавших специальным договором о дружбе,.

Различна, прежде всего, продолжительность. Немецкий режим длился двенадцать лет, шесть из которых воевал, а российскому через год сто

лет. Гитлеровская Германия начала, объявив немцев высшей расой, а Сталин назвал русских самой выдающейся нацией больше, чем через дважды по двенадцать лет после Октября. И тогда же стал депортировать целые народы. Слова были разные, знамена – разные, вдохновители – разные. В Германии режим открылся сразу, у нас -- постепенно, но меняясь до неузнаваемости. Русская революция поощряла левое искусство, гитлеровцы его поносили. При Сталине общее видней, хоть он не копировал, но оба режима – тоталитарные, держатся на вертикали власти, отсюда и непреднамеренное сходство. Сознательным оно стало, когда победители учились у побежденных. Кромвель в Англии и Бонапарт во Франции тоже не схожи, но оба вели к капитализму. Ленин с Гитлером хотели разного, но оба учредили тоталитаризм. Бедняга Маркс такого не предусмотрел.

Близость нашего и немецкого социализмов отвергают именем Холокоста. Дескать, нацисты сгубили шесть миллионов, а коммунисты лишь развели антисемитизм. Нельзя это равнять. Словно «дело врачей» не имело бы последствий. Костырченко, Медведевы и другие твердят, что у Сталина их и в мыслях не было. Может, печи бы не строил, спешил, но почему не бросить людей на снег, -- половина перемерет сразу, а другая потом, как крымские татары или чеченцы, которых был миллион, а евреев, без убитых оккупантами осталось не сильно больше? Не одних евреев хотят уничтожить поголовно, они лишь первые в списке, в котором и крымские татары, и цыгане, и чеченцы, и балкарцы, и калмыки, и другие, до кого еще дойдет.

Что решили вожди на позднем обеде у Сталина, я знать не мог. Но знал, что у нашего управдома тогда запросили список прописанных в доме евреев. Неужто Путин такого не слышал?

26.4.15

Два из четырех законов, принятых Радой - о запрете пропаганды коммунистического и нацистского режимов и о признании ОУН-УПА сторонницей независимости Украины (скажем сразу, не вполне сообразные друг с другом), бранят особо. Якобы за несовместимость со свободой слова и мнений, толкуемой критиками тоже не очень сообразно с реальностью.

Демократическое общество признает свободу слова и мнений неограниченной. Но лишь пока речь о словах и мнениях, не ведущих к преступным действиям непосредственно. Трактат графа Гобино «О неравенстве человеческих рас», оцутимо повлиявший на идеологию нацизма, как и труды Маркса, посулившего коммунизм, можно получить в любой солидной библиотеке мира, и так должно быть, при всем различии оценок. В Украине не запрещено их пропагандировать. Не запрещены и сочинения Ленина. Но с их пропагандой все же есть неудобство, ведь Ленин не только мыслитель, а и глава тоталитарного режима, и, к примеру, говорил: «Чем больше мы по этому поводу убьем священников, тем лучше!». И убивали. Надо ли пропагандировать это мнение?

Демократическое общество, защищает свободу слова, но доходя до свободы призывать к убийствам, свободы клеветы и диффамации, проявляет осторожность. За них предусмотрены наказания. В правовом государстве суд в силах установить, где высказанное мнение вело к

тяжким практическим последствиям. Ссылки на свободу слова в защиту коммунистических и нацистских режимов нелепы не только потому, что такие режимы сами не допускают свободы слова, но еще больше потому, что это режимы не правовые, и суд при них кругом зависит от административной власти. В СССР множество явлений определялось не законами, а информацией, говорили: «Есть такое мнение!» Было мнение, что в вузы, да по возможности и на хорошую работу, не надо брать евреев, и мнение, что в Москве, Ленинграде, Киеве и других важных городах не надо сдавать жилье чеченцам и крымским татарам, и сотни таких «мнений» правили советской жизнью. Запретить пропаганду коммунистического и нацистского режимов как раз и означает от «свободы мнений» чинящего произвол начальства перейти к свободе мнений каждого гражданина и к их демократическому общественному сопоставлению. Затем и надо в странах, избавившихся от коммунистического и нацистского режимов, не допускавших свободы чужих слов и мнений, запрещать их пропаганду и возрождение. Рада дополнительно уточнила этот закон, что ему на пользу.

К сожалению, в законе об ОУН-УПА Рада не столь точна. и отвлеклась от несовместимости свободы с тоталитаризмом. Бойцы ОУН-УПА впрямь хотели независимости Украины, будет справедливо признать за ними такой статус и избавить от ущемлений. Но благие намерения не всегда ведут к добрым делам. Бандера не зря не хотел воевать в союзе с нацистами, пока те не признают независимость Украины, за что Гитлер его и посадил. Но многие отряды ОУН-УПА воевали с нацистами рука об руку, что к независимости привести не могло. Не боящиеся сравнений помнят, что советская армия в 1939 году рука об руку с нацистами губила независимость Польши тоже как бы для блага Украины, – ее объединяла. Неужто бывшие бойцы ОУН-УПА числят это добрым делом? Или признали, что агрессия в союзе с тоталитарным режимом, нацистским или коммунистическим, заведомо преступна, сколь бы благими ни были чувства воюющих бойцов, и стоит оговорить это в законе?

А претензии к запрету тоталитарных режимов местами даже смешны. Его осуждают, ссылаясь на то, что в первые советские годы украинская культура расцвела, а при Горбачеве возникло движение «Рух». Словно коммунисты не владели гигантской и разнообразной страной, и ее достижения и их преступления не могли совпадать по времени. При Сталине в Большом театре одновременно танцевали две из самых великих в истории хореографии балерины – Марина Семенова и Галина Уланова. Но и они не заслоняют диких преступлений, совершенных тогда коммунистической партией, советским государством и лично товарищем Сталиным, любившим балет.

8.5.15

Вечером этого дня я стоял на Манежной среди множества людей, конца которым было не видать ни на Тверской, ни на Красной, ни в одну сторону, на Лубянке, ни в другую, на Волхонке. Стояли густо, но не касаясь друг друга, не были толпой. Противовоздушные прожектора воздвигли вокруг Манежной световые колонны. Но роскошная импровизация торжественного зала, не внесла торжества. Преобладали два чувства. Отсрочка личной гибели. И разом открывшаяся безмерность числа

пропавших навеки, - миллионы безвестных, и сотни знакомых и близких. Слово «скорбь» беспомощно это передать. Ни одна страна в мире не потеряла за войну столько людей, не понесла таких жертв, как наша. Сталин догадался, пока живы люди, знающие это чувство, не затевать ежегодных ликований. День победы долго был рабочим, без военных парадов. Парады ввел уже Брежнев при новом поколении.

Усиленно врут, что наш социализм один на один разбил немецкий порядок, который мы не смели называть по имени, национал-социализмом. Случается даже слышать, что на нас напала не одна Германия, а весь Запад, и мы победили Запад. А России, чтобы кончить войну, надо знать правду о войне. Но власть празднует победу так громко, что правды не слышать. В 1882 году со дня тоже судьбоносной победы над Бонапартом тоже исполнилось семьдесят лет. Время шло еще медленно. Но жизнь ставила большие вопросы, а ссылки на 1812 год решить их не могли. Ныне вопросы еще острее, но власть семьдесят лет не отвечает. Верит что можно отовратиться.

Умалчивает, что СССР воевал за обе стороны. Третью войны, как друг Германии, делящий с ней Польшу. Официально Гитлер напал на нас вероломно,-- не будь вероломен, глядишь, дружили бы и дальше. Он взял миллионы пленных, Белоруссию и Украину, вышел к Волге и Кавказу. Но помощь союзников изменила положение. А что без «Дуглас»ов, «Студебеккер»ов и «тушенки» нам бы не победить, тоже умалчивают. Британия и США людей потеряли меньше нашего, хоть и много, но мы триумфально победили вероломного друга благодаря им. Мы говорим, что освободили Европу, почему и держали там оккупационные войска. Это понятно в Германии, даже в Венгрии и Румынии, шедших за Гитлером. Но почему же в Польше и Чехословакии? Мы твердим, что их освободили, хотя тут же их захватили, преобразив войну в холодную. И уже хотим обратить в радиоактивную пыль Соединенные Штаты, не думая, что останется тогда от нашей страны. А чтобы война кончилась, надо помнить всю правду. Не только великие подвиги, но и плоды расчетов сделать мир своим. Немецким. Или русским.

10.5.15

Казалось, британские выборы бестолковы и безнадежны. Спасла мудрость избирателя, словно не смотревшего телевизор. Он провалил Найджела Фараджа, вождя крайне правых, и одновременно Эда Боулса, второго человека лейбористов, ихнего спеца по экономике. Эд Миллибэнд, хоть в парламент и прошел, из-за провала партии, возрождающей былую левизну, отказался от лидерства. Провалился и Джордж Геллоуэй, несший разом крайне левый и крайне правый вздор, и числимый за это эксцентриком. Обычно смешения крайностей левого и правого теперь не замечают, а их породило не только судьбоносное решение большинства нынешних избирателей, а политическая природа. Британия живет не противостоянием плебеев-фабрикантов родовитым землевладельцам, как в конце XVIII века, или массы людей наемного физического труда богачам-фабрикантам, как в начале XX. Тогда слова «левый» и «правый» имели смысл. Но мир стал другим, с компьютером еще более другим, а послушать политиков. – он все тот же.

Скажут, английские избиратели лучше русских. А там просто выборы проводят лучше. Мы бы тоже разобрались.

P.S. (ответ Тане Жаковской) Всякая избирательная система чем-то несправедлива. Так называемая «пропорциональная» тем что собирает сторонников по всей стране и большинство диктует всей стране. Тогда зеленые со своими 4% подавших голоса за них, получили бы не одно, а 26 мест, UKIP со своими почти 13% - не одно, а 84 места, а шотландская SNP со своими 4.8% получила бы не 56, а всего 31 место, Конечно, в парламент от Шотландии вошли бы и лейбористы, и другие, ныне оставшиеся в пропавшем меньшинстве, и шотландцы в целом мест 50 и даже больше бы получили. Но я не уверен, что это было бы лучше. Нынешняя британская система исходит из примата местности, из автономии отдельных территорий, и каждая посылает своего человека. Единственное, что может ее уточнить, это второй тур голосования, но при том, что часто у победителя явное преимущество, даже это не обязательно. Во всяком случае, депутаты, хоть и принадлежат к своим партиям, зависят от местных избирателей и это понимают и помнят. И это плодотворней присутствия в парламенте 84 юкиповцев. Тут совсем другая опасность. Она в том, что SNP будет за всю Шотландию требовать льгот по своей бедности, и консерваторы отдадут им все налоги, но и средства на социальную помощь и другие национальные нужды SNP придется искать самой, и Шотландия станет еще бедней.

27.5.15

В дни юбилея Бродского, вспоминая Иосифа, его громкое чтение и разговоры с ним, я с некоторым ужасом узнал, что некогда происшедшее значения не имеет, дело прошлое, скоро музей откроют, даже улицу, будто бы, назовут его именем, а, будь он жив, был бы на Родине почтенным человеком, вошел бы, скажем, в редколлегию журнала «Звезда». И вроде нет ничего плохого в том, что многие так думают. Единственный, чье мнение не учтено, -- сам Иосиф.

Из нашей страны были насильственно выдворены два нобелевских лауреата по литературе, Бродский в 1972, Солженицын в 1974, Солженицын в 1994 году, после отмены идеологии, вернулся, а Бродский оставался за рубежом до самой смерти в 1996 году. А против советского порядка Солженицын выступал куда резче и громче Бродского, не то что, как утверждают ныне иные, чуждого гражданских мотивов, но все же не столь упорно их выражавшего, и возражавшего, главным образом, против несвободы жизни и, особенно, поэзии. Солженицын, хоть и не без критики в деталях, принял происшедшие в стране перемены, дружески принимал у себя дома Путина. А Бродский за оставшиеся ему после возврата Солженицына два года, и погостить не приехал. Это не понять иначе, как отказ шесть косметические перемены подлинными.

Можно объяснять это по-разному, но факт остается фактом, и значимость разномыслия выходит за пределы различия двух человек. Наша страна все еще не хочет знать, что, как всякое общество, она пестра и противоречива, и зря верит, что без обнажения своих противоречий обойдется, и все образуется, если рейтинг президента 85%, а прочие не в счет. Советский Союз долго был примером единства без всяких противоречий. А в 1991 году прояснилось, куда оно ведет. Не повторить

его судьбу России поможет не так начальство, владеющее всей истиной, как свободные обмены разными суждениями, не так претензии вертикали к людям внизу, как недоверие людей к пустым посулам сверху. Поможет мужественная ясность сознания, которую, никому не поддавшись, проявил Иосиф

Отчего так? 15.7.15

Развод Советского Союза объявили геополитической катастрофой. На международном положении он, конечно, сказался. Вопреки байкам о победе Соединенных Штатов в холодной войне, они, оставшись единственной сверхдержавой, у которой уже не искали спасения от советской угрозы, стали не столь влиятельны. Укрепились объединенная Германия и Евросоюз, куда спешили входить, боясь возврата советской оккупации. Изменилось положение в Азии, Африке и Латинской Америке. Но все это следствия, а не причины советского развода. Причины – социальные. Это не так геополитическая, как социальная катастрофа.

Семьдесят четыре года в России, в колониях Российской империи и в покоренных странах, под флагом Советского Союза и Варшавского договора, торжествовал тоталитарный социализм, «первая стадия коммунизма». Его творец Ленин говорил, что, упраздняя капитализм, реализует замысел Маркса, родившегося за сто лет до того. Маркс жестко обличал капитализм, выросший из идей Просвещения и буржуазных революций, и верил, что рабочий класс, став большинством населения развитых стран, совершит пролетарскую революцию и приведет к коммунизму.

Не то, что Маркс зря придирился, но он застал капитализм на довольно ранней стадии, и, -- выдающийся исследователь, однако не пророк, -- не мог оценить некоторые важные стороны проблемы, тогда еще не очевидные. Машина, уже служившая производству, и создавший ее умственный труд еще были экономически менее весомы, чем физический труд наемных рабочих, и Маркс счел источником ценности продукта производства лишь физический, но не умственный труд. Опять же, природное сырье казалось тогда общедоступным, и Маркс считал, что ценность ему придает лишь физический труд, пошедший на его добычу. Это мешало оценить экономическую значимость самих природных ресурсов, и, в частности, природу земельной ренты. И то, и другое, уводило от реальности.

Ленин, считавший себя марксистом, рвал с ней еще резче. Маркс ждал перехода к коммунизму как итога развития капитализма, на высших его ступенях, а Ленин больше шансов видел в отсталых странах, где «легче взять власть». Маркс ждал революции во всех развитых странах разом, а Ленин – в одной «отдельно взятой» отсталой. Маркс, исходя из французских просветителей, немецких философов и английских политэкономов, рассматривал движение от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, как единый процесс развития, а Ленин опиравшийся на русскую практику революционеров-народников и их теоретика П.Н.Ткачева, надеялся перейти от российского феодализма к социализму, обойдя капитализм, не сильно в России развитый. Отсюда и его волюнтаризм. Смолоду Маркс и Энгельс тоже отдали дань волюнтаризму, но, – в чем и состоит их заслуга, – осознали экономическую почву развития демократии.

А Ленин установил тоталитаризм, разогнал Учредительное Собрание, и реальных выборов в СССР больше не было. Это все-таки не от Маркса, а от Ткачева, для которого мнение народное ничего не значило. Важна была лишь руководящая воля правящего класса, которым и стала ленинская партия. Худо не то, что ее стремления изначально были дурны. Они порой бывали и благими, -- взяв власть коммунисты отменяли квартирную плату и даже плату за проезд в трамвае. Но они лишили людей права индивидуально определять свое место и роль в производстве и жизни, какое, при всей ограниченности, было в капитализме. Власть взяла на себя «разверстку» всего, что считала нужным, пресекая все другое, упраздняя экономические отношения. Разорение хозяйства вынудило ее перейти к Новой экономической политике (НЭПу), временно допустив частное производство и торговлю, особенно, в сельском хозяйстве. Но опасаясь, что и ограниченные экономические отношения подорвут их замыслы, коммунисты, уже без Ленина, но по его заветам, под водительством Сталина, в 1929 году провели коллективизацию, упразднив частное производство даже в виде семейного крестьянского хозяйства.

Советский Союз утверждал, что выражает общие интересы граждан и их социальное единство, воплощенное в общем производстве, ведущемся государством и руководимом партией, как завещал Ленин в предопределившей советский порядок работе «Государство и революция». Ни одна другая страна, твердившая о социальном единстве, не блюла его так строго, как Россия. Фашистская (то есть, единая) Италия, и национал-социалистическая Германия, допускали буржуазные отношения, контролируемые и регулируемые государством. Поздней на схожих началах их допустил и коммунистический Китай. Советские коммунисты подчинили единству всю жизнь.

На практике это означало централизованное руководство всеми ее сферами, не только промышленностью и сельским хозяйством, но от здравоохранения и образования до науки, искусства и религии. Не говоря об идейных плодах такой советской жизни, важно, что и развитие материальных определялось там не нуждами и требованиями граждан, не их спросом, но решениями положенного уровня вертикали власти. Единство руководства исключило конкуренцию, соревнование,-- главную антитезу тоталитаризму, что и повело к неизбежному отставанию, как техническому, так и организационному, обрекая тоталитарное государство, при явных достижениях во внешней конкуренции, особенно в оружии, на бессилие в гармоничности развития, потребности которой, наперед не предвосхитимы. Ленин, понимая и не раз подчеркивая важность соревнования для развития, не брал в расчет, что судить такое соревнование способна лишь сама объективная реальность, но не проводящие его партийные комитеты и власти.

Коммунисты возражают, что конкуренция, реальное соревнование, отдельных ли рабочих и изобретателей, или целых предприятий, приносит выигрыш одним и проигрыш другим, и это ведет к неравенству средств существования, даже к нищете. Но наивно верить, что их тоталитарная власть предоставляет средства существования справедливей, не говоря, что отказ от конкуренции, то есть, от общего выигрыша, неминуемо ведет к общему сокращению достатка. Потому при тоталитаризме в СССР и было трудней жить, чем в буржуазных странах, зарплаты ниже и

социальная помощь скудней. Ведь лишь при свободе можно объективно, а не произвольно, определить необходимую нуждающимся социальную помощь.

Судьба русского народа и других, насильно удержанных в составе Советского Союза, была трагична не только от прямых злодейств Ленина, Сталина и прочих товарищей, но и потому, что людей лишили права сообразовываться со своими взглядами, своей нравственностью, под угрозой гибели уничтожили возможность не уступать свои решающие права коммунистической партии, всегда во всем уверенной в своей заведомой правоте, и потому обернувшейся преступной бандой.

Она не раз меняла приемы своего командного правления. Уже Сталин, передал текущее руководство от советских органов партийным, его изменял Хрущев, потом Косыгин, но никто из них не преступил монополию руководства развитием, а она его и тормозила. И объявленная Горбачевым перестройка не могла преодолеть кризис конца семидесятых, с которым не совладали Брежнев, Андропов и Черненко, потому, что тоже не отказалась от советского монополизма, то есть, тоталитаризма. Перестройка лишь сократила экономически неподъемное производство и либерализовала идейную жизнь, удерживая советский общественный строй, в рамках которого кризис рос.

После неудачной попытки ГКЧП, объединявшего высшее руководство КПСС и государства, поддавить горбачевское свободомыслие, Ельцин, как новый лидер Советского Союза, ужавшегося при разводе до размеров РСФСР, официально отменил коммунизм, как идеологию и хозяйственную систему, и дозволил частную собственность и частное производство. Общественный строй официально числили капиталистическим. Объявились олигархи. Но властью они владели лишь став должностными лицами, как Абрамович губернатором Чукотки, Потанин – замом премьер-министра или Березовский – замом секретаря Совета безопасности. А, как предприниматели, они кругом зависели от государства. Пример Ходорковского показал, сколь ничтожна их самостоятельность.

Ограниченным осталось и производство. Едва умерив после 1993 года его стремительное падение, Россия в 1998 пережила дефолт, второе сокративший стоимость рубля. Ельцин, в СССР оппонировавший Горбачеву с либеральной стороны, в России все более возлагал надежды на силовых премьеров, выходцев из КГБ, сперва более гибких Примакова и Степашина, потом Путина, которого и сделал преемником.

Неверно думать, что курс на открытую реставрацию тоталитарного порядка, после августа 1991 отнюдь не умершего, Ельцин начал лишь назначением Путина. Его обозначили уже Примаков и Степашин. Но еще до дефолта и их премьерств, знаком реставрации было жестокое подавление Чечни, претендовавшей на реальную автономию. Ельцин лишь изменил советскую форму тоталитаризма, и новая открыла правящему классу дополнительные возможности. Строго говоря, советский тоталитарный строй отличался от других, фашистских порядков преимущественно своим марксистским масхалатом. Его-то Ельцин и сбросил.

Уже в советской системе распоряжение государства производством не сводилось к организационным и техническим командам, но придание производству независимого, псевдо-буржуазного вида, расширяло возможности государственных лиц, дозволяющих действия

предпринимателей. Получаемые ими взятки в общей форме критикуют, как коррупцию, но они практически стали в России условием предпринимательства на всех уровнях. Коррупция -- не грех нынешнего хозяйствования, а его важнейшее свойство.

Нет смысла гадать, в какой мере власть полагалась на это и другие свойств ельцинского режима, продленного Путиным, поскольку при нем она обрела неожиданную поддержку. В результате резкого десятилетнего подскока цен мировых рынков на газ и нефть, Россия и ее правящий класс ощутимо улучшили свое положение. Уже казалось не существенным продолжатся ли кризисы или даже возобновится советский застой. Та пора, однако, кончилась. Рубль упал вдвое, цены на нефть тоже, возможности России тоже, а за благополучный период ни в техническом, ни в промышленном развитии существенных сдвигов не произошло и, возобновив, вопреки здравому смыслу, гонку вооружений, Россия отхватила Крым, влезла в Украину и грозит ядерной войной, шансы на которую зависят от готовности тех, кому грозим, к ответному удару.

Есть, однако, смысл подумать, что это значило и значит. Кризис, вызванный гонкой вооружений в конце семидесятых обозначил объективный предел ленинской воли, а, тем самым, советского строя. Это не опровергало мысль Маркса о зависимости общественных отношений от хозяйственных, но показало, что этой зависимости недостаточно, чтобы в полуфеодальной стране революция преобразила капитализм в коммунизм. Решает не книжная схема, а предшествующее развитие, то есть, вызревание в предыдущей формации существенных факторов следующей. Революция плодотворна там, где новые отношения не декретируются, а органически складываются, но им мешает старый порядок. Вот революция и защищает новые порядки от вчерашних нравов, как в Англии или Франции. А Ленин строил новый для страны порядок, годный лишь умозрительно, строил коммунизм, когда Россия шла к капитализму. Хоть революция была решительной, строй, ею установленный, оказался не новым, а перелицовкой старого.

Он стал подобен существовавшему в царской России, а замышлялся подобием первобытного коммунизма, служившего становлению человечества чуть не два миллиона лет до известной нам цивилизации, не просуществовавшей еще и десяти тысяч лет. Историческое сознание Маркса мыслило нашу цивилизацию, как совершенствование, возвращающее человечество к коммунизму на несопоставимо более высоком уровне развития. Попытка Ленина в Октябре совершить это на деле обнажила его отличие от Маркса. Из диахронической мысли Маркса, порой пронзительно понимавшей сущее, но утопичной в предвидении будущего, никак не вытекает ленинская вера в синхронное волевое переустройство. Не только потому, что гений конкретной практики Ленин, верил, что шанс достигнуть высокой цели оправдывает любые средства, а теоретик Маркс исходил из того, что «не может быть правой та цель, для которой нужны неправые средства».

Но Маркс упустил, что первобытный коммунизм – не чисто общественное явление, а путь человечества от естественного существования к общественному, от коллектива близких людей к кругу разных индивидуальностей. Первобытный коммунизм держался сперва родством, семейной поддержкой, и длился сотни тысяч лет, медленно меняясь, пока не распался, и родство не заменилось соседством, не

переменились общие отношения племени, рода, большой семьи с окружающим миром. Люди переходили от собирательства или охоты к земледелию и скотоводству, от матриархата к патриархату, от родственных хозяйственных отношений к чисто хозяйственным. Во многом коллективные и если не демократические, то добрые родственные отношения стали отступать перед классовыми. Ленин считал, что «только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы, ... где один эксплуатирует другого», возникает государство, «как особый аппарат принуждения людей». Энгельс понимал это несколько иначе: «чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, ... стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство». Оба противопоставляют государство обществу, но понимают их противостояние не одинаково. По Ленину оно в том, чтобы обеспечить одним классам эксплуатацию других. Его государство -- сторона конфликта, сторона угнетателей. По Энгельсу главное, чтобы классы «не пожрали друг друга и общество», то есть не только угнетатели не пожрали угнетенных, но и угнетенные угнетателей и общество, не сводимое к государству.

Энгельс не защищал угнетателей-капиталистов. Вместе с Марксом, задолго до Ленина, он выступал против присвоения прибавочной ценности (стоимости). Но, как человек усвоивший опыт буржуазной революции, отвергавший феодальное внеэкономическое угнетение, он отдавал себе отчет, что ликвидация капиталистических и, вообще, экономических отношений в обществе, не ставшем коммунистическим и сохраняющем государство, лишь возродит феодальное внеэкономическое угнетение. А Ленина это не смущало, ради избавления от капитализма он легко шел на установление внеэкономических порядков, не сильно отличавшихся от феодальных, еще более жестких и абсолютистских.

Маркс и Энгельс, при всей утопичности их коммунизма и других упущениях, вполне сознавали, что развитие общества, в котором они жили, зависит от наличия гражданских и экономических свобод и прав. Ради их установления, по их понятиям и нужна была революция и даже диктатура пролетариата, под которой они разумели свершение воли большинства населения, которое составят рабочие. Их вера, что такого большинство, которого не было, нет, едва ли будет, -- заблуждение, но не злонамеренное. А учение Ленина о переходе к социализму и коммунизму путем установления неограниченной диктатуры его партии, «знающей, как надо», не считающейся с мнениями и волей граждан, в том числе и рабочих, и никогда, кроме ноября 1917 в разогнанное Учредительное собрание, не проводившей свободных выборов, -- не просто заблуждение, даже если чистосердечное. Исходя из него Ленин и его преемники совершили чудовищное насилие над своей страной и над другими, и готовы -- над всем миром. Ельцин и Путин потому и убрали иконы Маркса, что, как практики, думали по-ленински, а не по-марксистски, они и Ленину не прощали ссылки на Маркса, но мавзолей Ленина сберегли. Хоть социальные цели Маркса и Ленина были вроде близки, пути и средства их достижения, начиная с «диктатуры пролетариата», они

понимали совсем по-разному. Вместо царского самодержавия Ленин ввел коммунистическое, то есть, не отверг самодержавие, а переукрасил. Ельцин с Путиным, хоть не так чистосердечно, уверяли, что хотят видеть Россию буржуазной и меняли цвета государственного флага, но действовали методами советского тоталитаризма. Нелепо это объяснять прежними привычками Путина. Не только потому, что трагедия великой страны не сводится к «культу личности». При Сталине тоже царил не культ личности, а культ номенклатуры, поддерживавшей его, а до того Ленина, как гарантов своих привилегий. Причины происшедшего при Ленине и Сталине, и при Ельцине и Путине, - не личные, а социальные. С 1917 официальная пропаганда напирала на то, что Россия идет к коммунизму, с 1991 – что к декоммунизации. На деле, однако, после 1917 ни коммунизм, ни социализм, какие видел в утопии Маркс, в России не возникли, тоталитарный ленинский режим провел огосударствление жизни, абсолютизацию партийно-чекистского самодержавия, и ликвидацию общества, даже в тех жалких формах, какие были при царе. Советское самодержавие по мере развития, конечно, изменяло нравы и акценты, но знаки коммунизма и социализма являла лишь марксистская ширма.

Отказ от нее, откровенность закрепленного Конституцией самодержавия Ельцина-Путина, стерла важное, пусть внешнее пропагандистское отличие русского тоталитаризма от других, его нынешняя откровенность избавила от нужды оговаривать, что советский фашистский режим принципиально не отличался от других фашистских, хоть носил марксистский наряд. Но переход к нему -- не декоммунизация, поскольку советская жизнь имела мало общего с марксистской утопией коммунизма.

К тому же, переход от советского строя к реально буржуазному неминуемо лишил бы его руководящий класс, номенклатуру, власти. А хоть такая богатая и самодостаточная страна, как Россия, и без всех оставшихся у нее колоний при буржуазном строе могла бы процветать, она не могла удержать советский строй иначе как агрессивной внешней политикой Ленина, Сталина и их преемников, непрерывно звавших освободить весь мир от ига капитализма. Удержать советский мир, даже в его нынешнем обновленном виде, Путин, не держась все того же агрессивного курса, не может. Да и выходить из советского мира номенклатура не хочет.

Не хочет уже потому, что положение буржуазного предпринимателя, менее рискованное, чем номенклатурного лица, и менее гарантировано и менее перспективно. Но еще важнее, что оно требует других дарований и других условий деятельности. Ельцинско-путинская номенклатура более десяти лет кормившаяся от взлета мировых нефте-газовых цен, и недурно пожившая, не создала подобного ни Путиловскому заводу до революции, ни Горьковскому автозаводу после. Не порвав с изжившим себя советским режимом, она не сумела создать что-то иное, и не придумала ничего, кроме как возрождать былой советский, себя исчерпавший. То не прихоть Путина, а позиция номенклатуры, удержанной внеэкономически силами КГБ и экономически помощью Евросоюза и США. После падения нефте-газовых цен у нее нет перспектив. Чтобы наладить хозяйство, конкурентное в современном мире, она должна уйти, очистить место другим общественным классам. Этого она боится. А возвращение к советской системе не спасет,- за тридцать лет она не так распалась, как отстала даже в военном отношении, где прежде держалась наравне. Чтобы сохраниться,

номенклатура не может довольствоваться холодной войной, как при Брежнев, но берет более агрессивный тон, устами главного оратора на Запад, Дмитрия Киселева, грозя Соединенным Штатам обратить их в радиоактивную пыль, что Киселев не рискнул бы сказать самовольно. Едва ли Россия Путина впрямь хочет войны, но она хочет капитуляции Запада и ради нее рискует войной. Трудно судить, способен ли современный Запад образумить круг Путина, как в свое время Трумэн Сталина, а Кеннеди круг Хрущева, и ограничится ли завтрашний день новым холодным равновесием, погибнет ли мир и какова будет роль Китая, Индии и мусульманства. Ясно лишь, что в противостоянии европейской цивилизации, к которой изначально принадлежала русская, Россия теряет роль, которую играла в XVIII – XX веках. Избавление от номенклатуры, и, тем самым, от имперского сознания и траты сил на захват и удержание колоний, дало бы России шанс, наряду с Соединенными Штатами, Германией, Британией, стать либеральным национальным государством, развитым и влиятельным. После тоталитарного, не только прежде псевдо-марксистского, но и ныне фашистского режима, это все менее вероятно. Растущей агрессивности России одни отвечают лозунгом «Россия без Путина», другие -- русофобией. А зло в тоталитаризме!

12.9.15

Казалось, смешной приговор погромщикам, ломавшим на выставке в Манеже работы видного советского скульптора Вадима Сидура, -- штраф в тысячу рублей, то есть, десять британских фунтов (стоимость скромного обеда одного человека), -- начальство все же пересмотрит. Председатель Конституционного суда Зорькин мог бы сообразить, что такое в государственном месте допускать нельзя, а то в любом музее безобразничать будут. Когда злоумышленник облил в Эрмитаже кислотой «Даная» Рембрандта, его не только оставили без обеда. Или Россия настолько изменилась?

Отнюдь. Ни Зорькин, ни Путин, ни Медведев, ни Матвиенко, ни даже Нарышкин, еще не призывают громить Эрмитаж или Третьяковку, хоть там и выставлены вещи явно несообразные с разными религиями и политическими взглядами. Да и в Манеже не хотят ввести это в правило. Но важно понимать, почему они поощряют нарушение закона, ими самими принятого, и что они считают законом. С царских времен – это распоряжение власти, введенное ею правило. Не то страшно, что правила несправедливы или, как в наши дни, безобразны. Мы привычные, терпим. До нас терпели: «Плохой закон, но закон». Страшно, что наши законы – плоды свободной воли власти. А обстоятельства меняются, и власть не считает долгом соблюдать свои законы. Она не хочет признать, что воля государства – еще не закон. Что он лишь тогда законен, когда сообразен с правовой системой, вобравшей и общественные ценности и человеческие права. В книге «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс глумились не только над чтимым у нас понятием «идеология», но и над верой, что право – продукт свободной воли государства.

Ныне Россия от Маркса и Энгельса отреклась, и на эти их суждения ей плевать. Но на них наплевал еще звавшийся марксистским Советский Союз, где так же правило бесправие. Вот о чем напомнил Манеж. А

говорят, мелкое происшествие: не Рембрандта ломали, а «безвестного» Сидура! А на этом вылезла суть нашего строя – отсутствие права и беззаконие.

18.9.15

Миграция в Европу с Ближнего Востока и из северной Африки подскочила мощной волной и опрокинула государственные границы и всякий порядок. Отклики разные: лидер нынешних лейбористов радуется, премьер Венгрии строит на границе стену. По видимости оппоненты, они делают общее дело, уводят от выяснения того, что происходит. Кому-то выгодно толковать происходящее как нечто единое и однородное. А миграция не едина, и мигранты неоднородны. Некоторых на родине убьют, как гитлеровцы евреев, которым, кстати сказать, убежища не давали ни Европа, ни Америка. Тех, кого хотят убить, надо защищать, это азбука. То, что не защитили евреев, -- не резон не защитить мусульман. Не резон и то, что мусульмане все еще убивают евреев, ищущих спасения в отведенном ООН в 1948 году убежище. Нужда спасти безвинных от убийств -- аксиома. Но бегущие от убийств ныне лишь часть мигрантов, и не самая большая.

В видеохронике явственно преобладают молодые мужчины с сильно меньшим числом женщин и детей и еще меньшим пожилых людей. Глядя на несметные толпы здоровых парней, трудно понять, почему они не сопротивляются ни Асаду, ни Исламскому государству, ни другим грозным единоверцам, а хотят заселить Европу «неверных», нелегко обретших свое относительное благополучие. Европейцы, возможно, и спасали бы от смерти тысячи людей, но не могут взять на попечение сотни тысяч. Растет взаимная ксенофобия. Кому она выгодна? Есть и просто бегущие от тяжелой жизни, от недоедания, от безработицы. Эти люди, как и жертвы геноцида, нуждаются в помощи, но совсем другой, отнюдь не в переселении. Порой хватило бы поставок продовольствия. А есть и недовольные устройством жизни на родине и бегущие от него. Их больше, чем говорят. За происходящим есть более глубокие причины, в которые ни Европа, ни Америка, ни Россия не входят. А стоит понять почему люди бегут с родной земли. Не только от гонений колонизаторов на иные расы, религии, народы. Из имперской России уехали многие. Но ныне желание уехать растет и у русских, национальных ущемлений не испытывающих. Из России хотели бы уехать 13% населения. А из Москвы 17%. Но в Москве не больше убивают и снабжение не хуже. Желających уехать больше среди молодых: по России от 18 до 24 лет – 38%, по Москве еще больше. Чем не Ближний Восток и Африка?

Миграцию плодит не только геноцид, не только искусственность слаженных колонизаторами государств, где одни народы обречены быть жертвами других, как курды и в Турции, и в Ираке с Сирией, и в Иране. Но за миграцией, как и в России, видны социальные проблемы, а мир на них не оглядывается, хоть людей убивают или выпихивают из-за них. А сколько Европа ни приюти мигрантов, социальные обстоятельства исламских стран не переменятся. Мусульманский мир стал отчасти схож с Европой XV-XVI веков, когда социально-экономические сдвиги меняли жизнь, но в Европе параллельно

шла религиозная реформация, преобразовывавшая сознание. Отвергнув посредничество церкви, Лютер сказал о значимости прямого контакта с богом отдельного человека, а не коллектива. Мусульманство, как религия, правящая светской жизнью сильнее христианства, покамест не склонно к подобной позиции, давшей новому времени индивидуальные опоры. Оно форсирует старые фундаментальные, противясь современной жизни своих стран. Не будем встречать, оно когда-нибудь с этим разберется. Но переезд миллионов мусульман в Европу не поможет им ни перенять европейские традиции, ни пресечь их. Надо дать убежище тем, кого убивают. Надо помогать страдающим. В рамках закона и рассмотрения персональных ходатайств миграция может принести пользу. Но опрокидывая государственные границы и замалчивая свои социальные причины, она чревата более чем серьезными последствиями. Кому же они выгодны?

1.10.15

Мы гадали, приведет ли к сделке встреча Путина с Обамой, которой наши добивались. То ли нам за удары по ИГИЛ отдадут Украину, то ли мы там отступим, а нам вернут Сирию, да еще Ирак А Путин ничего не обещал, лишь выразительным тоном потребовал, чтобы Америка признала, что Крым наш, Украина наша, и признала власть Асада над суннитским большинством Сирии. Путин, что ясно из протеста Саудовской Аравии, бомбит не ИГИЛ, а умеренную оппозицию Асаду, а Обама безмолвствует, и Керри Путина хвалит. Конечно, война в Сирии на время заслонила войну в Украине, но это деталь. Важней, капитуляция Соединенных Штатов. Сперва в Грузии, потом в Украине, теперь в Сирии, далее везде. А говорят: сделка.

25.10.15

Путин сказал, что ленинградская улица его научила: «Если драка неизбежна, надо бить первым». Улица впрямь такому учила. И президент, пришедший с эткой улицы, убежден, что и государству надо так себя вести. Не ясно лишь, как оно решает, что ядерная драка неизбежна? В детстве, отрочестве и юности я постоянно слышал, что неизбежна мировая война. Ленин и Сталин говорили о мировой революции. Мировая революция не совершилась, а война пришла, и, хоть не сразу после нее, лишь после Сталина, но XX съезд КПСС признал, что «фатальной неизбежности войны нет». Можно было еще пожить и вырастить детей. Мы по-разному помним Эйзенхауэра, Хрущева, Кеннеди, Брежнева и других. Но благодарны им всем, что не сочли большую драку неизбежной. Смысл работы политика-профессионала – предотвращать неизбежность больших драк. Не делать первыми того, чего не хотят от других. Нынче другая эпоха. Решив, что в России не косметические, а коренные перемены, Европа и Америка шли с ней на сближение, ей помогали. Это ободрило Путина, Медведева, Лаврова и прочих. Теперь они в провале СССР винят Запад, от большого ума нам помогавший выпутаться. Теперь они позволяют себе в других странах то, что у себя другим не дозволяют, и бьют первыми, где хотят. Не только в Чечне или Грузии, но уже и в

Украине и в Сирии и бог весть еще где ударят.

Конечно, наша славная разведка верно сообщает, что Обама, Меркель, Олланд и прочие – слабаки. Они проглотят. Но проглотят ли их рядовые избиратели светлую мысль Дмитрия Киселева стереть с лица земли Соединенные Штаты, не с потолка взятую, -- если он все еще не уволен? Не предпочтут ли они холодную войну, в которой решающий первым ударить будет помнить, что в ответ и его сотрут с лица земли? А не исключено, что разведка ошибается, и даже Обама ответит. Но российскую власть вроде уже не волнует, что останется от России.

25.1.16

Путин откомментировал Пастернака, - строки о Ленине из «Высокой болезни»: «Он управлял течением мыслей, И только потому страной». Путин отметил: «главное – управлять течением мысли, это правильно, конечно.... Важно только, чтобы эта мысль привела к нужному результату, а не как у Владимира Ильича... Там много было мыслей таких: автономизация и так далее – заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была».

А поэт не выяснял, верно ли думал Ленин. В другом месте он писал: «Он с горячностью гения, не колеблясь, взял на себя ответственность за кровь и ломку, каких не видел мир...». Почти сто лет спустя можно взвесить, что из ломки вышло. Но Путин не помнит, как было дело. Он винит Ленина в мысли об автономизации, хоть это была мысль Сталина, хотевшего покрепче повязать Советский Союз, а Ленин выступил против Сталина, защищая даже независимость союзных республик. По Путину, который и сталинскую автономизацию счел атомной бомбой, Ленин плохо соображал. А Ленин, как к нему ни относиться, соображал лучше своих преемников. Яснее видел социальную картину. И независимости республик хотел не потому, что неловко после мировой революции предложить Германии войти в состав России. А потому, что сознавал разницу меж Русью и Российской империей, и в 1922 году знал, что наши колониальные народы, как и народы колоний Британии или Франции, хотят свободы, и если революция не даст хоть ее видимости, взорвется бомба. Нынешние руководители страны этого просто не понимают. Они -- не один лишь Путин – хотят превратить Российскую империю в унитарную страну, где прочие будут жить, как меньшинства, без всяких автономий, и хотят в нее включить не только СССР, но и весь Русский мир, все страны, где хоть слово знают по-русски. А агрессивный дух, наряду с экономическими претензиями власти, -- главная причина того, что без мирового взлета цен на нефть стране трудно жить, Пора все-таки смекнуть, что проблема не в должностных личностях, правит ли Путин, Сечин или Абрамович, а в том, чтобы видеть вещи, как есть, не заслоненными ни ленинско-сталинской позой, ни набором разных мракобесно-погромных и псевдо-либеральных. Иначе концы с концами не сходятся. Вроде прав Путин, говоря, что мировая революция нам не нужна, да одновременно заявляет, что нет особого украинского народа. Вроде русскому народу неохота быть пушечным мясом в новом Афганистане, в Сирии, ему важнее своя страна, -- от Астрахани до Архангельска, от Смоленска невесть докуда, -- но отдельная от Дагестана,

от Татарстана, и Бурятии, и Якутии, при всей дружбе с ними. А скажи, что русские равны другим, возразят, что они первые среди равных. Мысли, мнения, стеснены. Власть их вбрасывает, как лозунги, воображая, что, как Ленин, управляет течением мыслей. А лишённые свободы мысли текут стороной, и куда затекают -- подумать страшно.

Международное недоумение 18.4.16

Впереди – столетие русской революции, изменившей мир. Маркс посеял веру, что рабочий класс не просто добьётся равноправия, но, составив на высшем уровне капитализма большинство населения, установит во всех развитых странах диктатуру пролетариата. Тогда отомрет государство, настанет коммунизм. Октябрьская революция молилась на Маркса, но его веру перелицевала. Не ждала других стран или высшего уровня капитализма. Шла в отсталой России, и плевала на то, что рабочий класс там был малой частью населения. Русские большевики, ведомые Лениным, полагались на волю и силу, и государство при них стало не отмирать, а командовать. Сперва промышленностью, а с 1929 года и сельским хозяйством, и даже наукой и искусством. И колониями прежней империи. СССР жил по Муссолини: «Все в государстве, ничего вне государства». Наша страна учредила тоталитаризм первой, раньше Италии.

Его жертвы огромны, начиная с наново закрепощённых крестьян. Пострадали и большевики, озирающиеся на Маркса. Чуть не миллион расстрелянных и два десятка миллионов заключённых, -- не досадная случайность, как внушают поныне, а открывшаяся суть коммунизма. Но, быть может, главное злодейство Ленина, Сталина и их преемников в том, что они повернули Россию спиной к развивающемуся человечеству.

Маркс не предвидел, что уже с конца XIX века производство будет зависеть не от одного физического труда рабочих, но и от дорожающего сырья и, ещё больше, от состоятельного умственного труда и свободы мысли. Марксу казалось, что наука, им ценимая, -- дело немногих. Но в XX веке люди умственного труда составили общественный класс, служивший развитию. Большевики, дорожа единомыслием, этот класс не признавали, называли «прослойкой», считались с ним лишь от крайней нужды, вроде ядерного оружия. Давали умам свободу лишь в отдельных, военных сферах. А все прочее, труд и жизнь вели наперекор знанию и мысли. Да и рабочий класс правящая номенклатура поставила на место. В тридцатые годы лозунги Октября ещё вывешивали, но они лишь декорировали жизнь, совсем иную, чем в лозунгах. Проект Маркса оказался утопией.

Потому и нацистская армия в первые же месяцы разбила неплохо вооружённый Советский Союз, вынудив отступать до Волги. Едва ли мог он устоять без продовольственной и военной помощи США и Англии. Оккупировав в итоге половину Европы СССР выглядел победителем, но власти пришлось, чуть позволила смерть Сталина, думать, как хозяйствовать иначе. Серьёзных перемен правящий класс боялся, -- они могли его смести. В начале восьмидесятых кризис стал явным, концы с концами не сходились. И начали перестройку.

Начали, как государственно-организационную проблему. Горбачёв понимал, что внутри партийно-государственного аппарата ничего не

изменить, нужна политическая поддержка. А она оказалась сильнее, чем он ждал, и аппарат воспротивился переменам. Всплыли три внутриноменклатурные позиции: сталинско-брежневская позиция КПРФ, позиция Горбачева, как бы социал-демократическая, но с сохранением Советского Союза, позиция Ельцина, возвращавшая (без Советского Союза и коммунизма) к неограниченному самодержцу, -- не царь, так президент. Власть прервала маскарад революции.

Самодержавие, прежде лицемерившее, откровенничало. Власть, как вертикальное воплощение воли самодержца, ушла от выяснения отношений в обществе. Не думала о горизонтали автономий самостоятельного правления. Или о разделении властей, которого в России издавна нет. Перестройка создала лишь видимость частной собственности, и российские собственники – лишь порученцы все такого же государства. Подскок цен на нефть на мировых рынках, независимый от российской приватизации, на время поднял жизненный уровень. Но суть хозяйства не изменилась. Политика России равнялась на прежнюю, как военной ориентацией производства, так и желанием крепить властную вертикаль и загонять в империю страны, выскользнувшие из СССР.

С Россией понятно. Ее государственная природа за сто лет мало изменилась. Недоумение вызывает то, что Запад принял за чистую монету заявления Ельцина, а потом Путина, будто она совсем не то, что СССР. И сносит от России то, чего от СССР не сносил. Будапештский меморандум, гарантировавший Украине за отказ от ядерного оружия, которым та владела, неприкосновенность, вместе с Россией подписали США и Англия. А ныне США и Англия вместе с ней растоптали свои международные обязательства, отделившись жалкими санкциями. Но если договора не обязывают, зачем переговоры, зачем господину Керри ехать на неделю в Москву, показавшую, что она не считает себя связанной своими подписями? Россия ввела солдат в Крым и Донбасс, но считается не стороной конфликта с Украиной, а сторонним наблюдателем. Франция и Германия беседуют с Россией о действиях ее солдат, как о внутреннем деле Украины. Запад не зовет вещи их именами.

В 1991 году он по глупости поверил Ельцину, что Россия будет иной, хоть тот, еще не назначив Путина, сразу показал, что она все та же. И что же Запад? Когда-то, в ответ на блокаду Берлина он проложил туда воздушный мост, и какой-то политик на вопрос, не будут ли сбивать западные самолеты, отвечал: «Но ведь Сталин знает, что один сбитый самолет – это мировая война». Из-за сложности полетов в Берлине погибло чуть не 80 пилотов, но никто не был сбит. Сталин понял, что Запад не отступит, и год спустя восстановил наземную связь. Путин понял, что ситуация переменилась. Профессионал спецслужбы, он видит, что Западом правят ничтожества, которые отступят. Отдадут и Украину, и Сирию, и Прибалтику, и Польшу. Вот и жмет. Лишь упускает, что не властен над последствиями, способными разжечь мировую войну быстрее, чем он готов.

Не то что Россию не любят. По-преимуществу любят, не только русский балет, но и русские деньги. Но не любят русскую самодержавную власть, особенно там, где испытали. Обмарав Обаму и Меркель старыми приемами, Путин попутно усилил русофобию. А России жизненно важна интеграция в цивилизованный мир. Но, претендуя быть учителем, нельзя разом стать учеником. К тому же, Запад и Гитлера боялся, и отступал, но

тот не утихал, и пришлось сопротивляться, даже в худших условиях. Вот и сегодня, желая мира с Россией, ее нападения нельзя глотать, надо отвечать, не то конца не будет. А уйдет из Крыма и Украины и выплатит репарации, будут полезны и переговоры.

Русская власть не в силах объяснить, почему русские, народ не менее способный, чем англичане, немцы, французы, сто лет, да и раньше, пусть за вычетом десятилетия безумных цен на нефть, живет несоразмерно хуже других, почему русские, в отличие от остальных, были крепостными помещика, а потом крепостными колхоза. Не оттого, что хуже работали, не от лени и не от пьянства, а оттого, что власть, сперва самодержавная, потом тоталитарная, сперва дворянская, потом номенклатурная, тратила их силы на захват и удержание империи. А империя, отжившая свой век, (других на земле уже нет), как раз и тормозила развитие страны. Цари упустили пути оздоровления, Генсеки тоже, и Путин с друзьями могут мир вместе с Россией спалить, но не сделать русским. Им не выиграть там, где проиграли Ленин и Сталин. Не будь страна тоталитарной, народ давно бы изменил порядки и выгнал навязанную власть. Но в России с патриотизмом, с любовью к родине, с готовностью защищать ее от незаконной, глухой и беспощадной власти, соперничает тоталитарный, имперский патриотизм, требующий чтобы все было по-нашему. А России для спасения достанет признать право других жить по-своему.

22.4.16

Владимир Буковский провел 12 лет в советских лагерях и психбольницах, а потом выдворен из родной страны, за то, что открыл человечеству правду о деятельности карательной медицины КГБ против инакомыслящих. И вот сегодня в Лондоне против него выдвинуто обвинение в просмотре видеозаписей детской порнографии, которое он отвергает. Зная работу российских органов по дискредитации и физическому уничтожению своих противников, как внутри страны, так и за рубежом, это обвинение понять не трудно. Труднее понять зачем британское правосудие, затеяло этот процесс.

Британия в течение веков среди всех государств мира выделялась наибольшей преданностью закону и юридической справедливости. Но в последние пятнадцать лет она, к сожалению, свою репутацию не раз подрывала. Достаточно вспомнить долгое замалчивание фактов убийства А.Литвиненко или судью, вынесшую приговор в пользу Абрамовича, с которым сотрудничал ее близкий родственник, против Березовского, вскоре вдруг умершего,-- от самоубийства или убийства не установлено. Дело Буковского в этом ряду.

Не только тем, что речь идет о выдающемся человеке, жизнь которого в России была подвигом, а от нынешних гонений может прерваться. Но и самим толкованием закона.

Даже если российские хакеры сумели вбросить в компьютер Буковского порнографические видео и он бы их увидел, это не было бы его преступлением. Конечно, растление малолетних, или его видео-пропаганда преступны и достойны сурового наказания. Но ничего подобного человек просто не может совершить, не соприкасаясь с детьми, сам с собой наедине. Никакая деятельность, не задевающая других,

совершаемая в одиночестве, заведомо не является преступлением. Чтобы обвинять в преступлении, надо определить, кому оно нанесло ущерб. Преступно убийство, но не самоубийство. Преступен призыв к убийству, к насилию, но не чтение и слушание такого призыва. В России сажают за чтение любых нежеланных книг, раньше Солженицына, теперь других. Были и в Англии препоны к чтению Дэвида Лоренса, Генри Миллера, да и «Лолита» Набокова была запрещена, как детская порнография. Но теперь, слава богу, такие запреты в Англии сняты. Кто же вдохновляет британское правосудие их возрождать для расправы с людьми не угодными нынешней российской власти?

Думается, британскому Высокому суду стоит вмешаться и пресечь провокацию хотя бы ради чести и достоинства Британии.

24.6.16

Соединенные Штаты (United States) точней бы звать по- русски: Объединенные государства. Там изначально выражали центробежные тенденции и ценили самостоятельные права частей страны. Именно затем Камерон и предложил Шотландии широкую автономию, чтобы удержать Британию единой. А России, заменившей Советский Союз, присуща центростремительность, судьбы ее народов решаются не на местах, а в Москве.

Англичане нынче сбились: их рабочий класс ныне близок не столько рабочей (лейбористской) партии, сколько оголтело-правой партии независимости и выхода из Евросоюза. Старый призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» утратил в Англии популярность, как при Гитлере в Германии, где немецкие рабочие ныне его поддерживают и поддерживают Евросоюз. Крах единства экономической Европы, видимо, скажется на военно- политическом единстве НАТО, как на Варшавском пакте крах Восточной Европы, прежде покорной Москве.

Камерон назначил референдум. Власти впрямь надо знать правду о настроениях граждан, а не, как в России, лишь указывать им должное настроение. Но и в Англии его, к сожалению, ныне формирует плохое понимание реальности. Британия станет самостоятельней и сильней не порвав с Евросоюзом, а, как издавна, лишь развивая свои технологии, которые евросоюзные глобалисты норовят монополизировать, нанося Европе ущерб не меньший, чем коммунистическая монополия наносила советской России.

Отцы европейского глобализма, как и постсоветские вожди России, не поняли, что развитию служит не всякая глобальность, а лишь не становящаяся монопольной, способная к компромиссному сосуществованию с сепаратизмом. Смешно английскому рабочему классу, пугаться наплыва мигрантов из других европейских стран. Он ведь не только показывает лучшие условия работы и жизни для европейцев в Британии, но и неправоту монопольных претензий других стран на привилегии. Германия после поражения многому научилась и ощутимо изменилась. Но британский опыт предпринимательства продолжает быть преимуществом, и глупо другим это забывать и уподобляться советской монополии.

27.8. 16

М.Б.Ходорковский объявил, что «все кончится и кончится скоро». Но не революцию посулил. Народы России вроде смекнули, что революция -- обманщица, и больше ее не хотят. Ельцин и Путин не по глупости послали марксистско-ленинскую идеологию к свиньям и подравнялись, словно не было и нет ничего, кроме веры, царя и отечества, -- ни Февраля, ни Октября, ни коллективизации, ни войны.

Михаил Борисович восторженно вспоминает: «Но мы всплыли. Все. Вся страна. Последний аккорд уходящего мира – кризис 98го». И все же признает: «Но родовая травма России никуда не делась. И вернулась путинская реинкарнация ГКЧП...». А она не вернулась -- она не уходила, не ждала, чтобы ее назвали путинской. В миг кризиса наружу вырвались тайные надежды миллионов, но номенклатура свое не упустила. И случившееся после 1985 готова счесть недоразумением.

Путин – неглупый человек, но профессионализм чекиста мешает ему понимать простые вещи. Он был бы прав, наказав Надю Толокно с подружкой за антицерковную выходку в храме. Верующие туда ходят к богу, в которого верят, и оставьте их в покое. Спорить с церковью, -- хватает места на улице, не говоря об общественных местах. Штрафа, а на крайний случай пятнадцати суток, с лихвой бы хватило. А с благословения Президента дали два года, показав, что природа веры и режима все еще советская, тоже, кстати, уподоблявшаяся царской.

Рядом с вторжением в Грузию и украинской войной, тот случай – малость, но выдавшая существо дела. Еще Пушкину приписывали эпиграмму: «В России нет закона, А столб, и на столбе – корона!» Корона означает власть. В России нет закона, а власть велика. Ходорковский помнит, что его посадили не по закону, а по воле власти. И через десять лет выпустили не по закону, а по воле власти. Не суть, была то милость или мысль, но дело Ходорковского не кончилось. Иначе он жил бы не в Швейцарии и не в Англии, а спокойно у себя дома. У решений власти нет конца, кроме, понятно, смертных приговоров.

Номенклатура норовила ленинским путем обойти капитализм, ограниченный законом, преступить который власть не вправе, и установивший в свободном соперничестве порядок, при котором можно выжить. А наш заведомо верный, советский порядок поспевал лишь в отдельных оружейных отраслях, куда бросал все, что в стране было, и надорвался. От переименования ленинизма в православие это не кончится. Зло не в именах, а в том, что, как мы увидели, незаконное всевластие опасно самой власти. Путин и другие вполне сознают, что дело плохо и угрожают тем, кто нас не выручает. Едва ли Запад, разнежившийся было от прекращения холодной войны, капитулирует. Мы можем продлить украинскую против НАТО. И НАТО может даже проиграть. Но что при этом уцелеет от России? Вот и гонят зайца дальше.

А всех-то дел, что свободно выбирать власть, сделать безнаказанными людские требования, и допустить реальную оппозицию, а не снимать ее с выборов, как «Яблоко» с прошлых. Пока Россия дышит единой волей и тратится на зажатие других или принуждение их к бегству, ей не продохнуть.

М.Б.Ходорковский, видимо, надеется успокоить шатание. Его слова

звучат, как доброе пожелание безвинно страдавшего человека, и хочется ответить: «Спасибо на добром слове!» Но России в ее нынешнем состоянии мало добрых слов, ей нужно выяснять внутренние отношения, возродить открытую политическую жизнь, кончившуюся в октябре 1917, а не рассказывать сказки о нынешней свободе. Даже если наверху сговорятся, и Путина сменит Сечин или кто еще, пока режим держится, ничего не кончится. Не стоит себя обманывать.

11. 4.2018

Обозреватель ВВС Джонатан Маркус сообщает, что американцы, сотрудник института Кеннана Майкл Кофман и профессор Военного колледжа Лайл Голдшмит, очень сомневаются в перспективах новой холодной войны. Прежнюю, шедшую в 50е-80е годы они считают противоборством капитализма и коммунизма, и не верят, что возможна новая масштабная идеологическая война. Происходящее ныне они считают лишь плодом политических решений лидеров.

Но за минувшую треть века нарушилось привычное деление мира на два лагеря. Не только СССР, но и США, уже не вселенские диктатуры. Не говоря о Китае, то исламские, то южно-американские страны, сплотившись, подают общий голос. Ни Россия, ни, тем паче, США за кулисы, понятно, не уходят. Но в нынешнем мире их возможности, хоть не только ужались, а в чем-то даже выросли, не вполне осознаны. Прежде США и СССР не могли один другого победить, лишь разом друг друга уничтожить. Почти полвека они вели гонку вооружений, не признавая ее взаимного абсурда. Советский Союз был ее инициатором, но к концу семидесятых гонка становилось ему непосильна. Он уже ощущал, что и без войны она смертельна. Горбачев объявил перестройку и даже ее начал. Но коммунисты смогли сменить лишь слова, лозунги и знамена. При Ельцине и Путине они уже не звали себя коммунистами, но от близких им тоталитарных систем – нацизма и фашизма – отличались не сильнее. Порядок по существу остался прежним, к экономическому хозяйствованию не перешли. Кофман уверяет, что из нынешнего расклада сил или идеологии отнюдь не вытекает тяга к прежнему порядку, словно не знает, что внеэкономическое хозяйство как раз и подпирало тоталитарную идеологию и на нее опирается.

Кофман понимает цели государств по иному. Россия, на его взгляд, хочет лишь удержаться, как великая держава, сохраняя имперские черты, да не допустить фрагментации своей территории. Но он не говорит, почему при Ленине, Сталине и даже Брежневе она удерживалась и не фрагментировалась, и вдруг пошла прахом. А произошло это не вдруг, а усилиями Ленина, Сталина, Брежнева и их соратников. Можно вспомнить, сколько советская власть перебила людей, - пусть не шестьдесят миллионов (треть населения) по Солженицыну, а «всего лишь» десятка два миллионов по официально объявленным данным. Разве эта неслыханная для Европы и Америки цифра не объясняет почему было возможно все то, что при Ленине, Сталине и Брежневе произошло, но уже к концу правления Брежнева становилось невозможным. Между тем, за сто лет преобразилась наука, определяющая производство, и его требования к людям не могли достигаться одной силой, на которую искони полагались коммунисты. Вопреки не только большевикам, но и

Марксу, производство нуждается не только в физическом, но и в умственном труде, отчего обществу и пришлось радикально преобразиться из феодального в буржуазное и современное. А подневольно-коммунистическое, воспевающее физический труд, ущемляет свободу умственного и, тем самым, развитие производства. Ни Кофман, ни Голдшмит, не видят, что российское общество, сменив много терминов, осталось, как при советской власти, по природе феодальным, лишь обратив личную зависимость от барина в государственную зависимость от ячейки господ, назвавших себя «товарищами», а хозяйство «общественным»,

Кофман и Голдшмит сетуют, что Запад не знает, чего от России требовать. А кроме соблюдения международных норм, от нее ничего требовать не надо, достаточно внятно и твердо отвечать на ее атаки. Горбачев понял, что порядок надо как-то изменить, и Рейган разумно его поддержал. Какие бы личные соображения ни толкали Ельцина распустить СССР, этого хотели жители большинства республик. Другое дело, когда он силой удерживал автономии, начиная с Чечни. Не все и в России его и Путина в этом поддерживали. Но коммунисты надеялись удержать Россию тоталитарной, хоть и вдвое меньшей по населению, чем Советский Союз. Америка и Европа этому всерьез не перечили. А в России при Горбачеве, да сперва и при Ельцине, заглядывали в будущее дальше. Иные мечтали, что Россия, отпустив автономии, станет богатым демократическим русским государством. Запад тому не способствовал. Советский Союз, пусть ядерный, лишь бы не агрессивный, не угрожающий, да еще при взаимовыгодной торговле нефтепродуктами, Запад устраивал.

Но нынешнюю Россию он не устраивает. Для ее правящего слоя девяностые – оплошность, и он возрождает свой всемирный замах. Путин дает понять, что не дрогнет спалить земной шар, если тот воспротивится его «мировой революции», уже немарксистской. Но он отнюдь не обязательно рискнет. А если Россия сама не будет агрессором, военная сила Запада ей не страшна, а внутренняя смена строя, видимо, не вызрела. Ленинско-сталинский груз был слишком тяжел, чтобы сверх национальных освобождений настали глубокие перемены. Проблема в том, удержится ли в независимой России, учрежденной взлетом Ельцина, отдельная власть, или, как прояснилось, правящий слой жаждет вернуться в границы Советского Союза и Варшавского пакта. Кофман и Голдшмит, поощряя его возвращаться и возрождаться, убеждают Запад не перечить. Кажется, что это спасет власть от катастрофы, к которой привела ленинско-сталинская практика, и позволит гнать зайца дальше. Но для спасения России, надо менять ее общественный строй.

14.6.2018

Лишь несколько тысячелетий назад биологический человек, живший миллион лет, перешел от родовой и семейной жизни к жизни исторической, от стада в общество чужих лиц, связанных не родством, а трудом, и зависящих от труда.

Это общество менялось. Труд бывал и добровольным, и подневольным, и принудительным и вынужденным. В слове «буржуй», значившем «гражданин», ныне слышат: «капиталист», и при номинально равноправных отношениях, считают, что он даже жестче феодала или

рабовладельца. Но капитализм, при всей жесткости, держится не принуждением, а компромиссом, и с физическим пролетариатом, и с умственным, все более весомым. Не зря совершенствуется техника. Но отношение к ней рабочих классов не просто. Обилие физического труда позволяет капиталисту получать прибавочную ценность. А насущность умственного даже Маркс не брал в расчет, - изобретения вроде паровой машины были редкостью. Богатый богател, бедный беднел, капитализм, как феодализм, концентрировал и монополизировал производство. Но потом обернулось иначе

Великий мировой кризис 1929 года сломал идиллию господства здоровой буржуазии, возникшую в Средневековье, и потребовал перестройки. Рост технического вооружения и умственного пролетариата ее усложнял. Уже не только ощущавший себя обделенным рабочий класс, но и буржуазия задумалась. Разные ее слои хотели разного. В демократической традиции буржуазия еще искала компромисс с пролетариатом, и физическим, и умственным. Разные слои обоих поразному и в разной мере соглашались. Не всюду властвовал единый правящий класс – буржуазия, аристократы или рабовладельцы. Не только рабочие и фабриканты противились друг другу. Складывались компромиссы тех и других, возникал «средний класс».

Но такое развитие вовсе не было всеобщим и единственным. В странах, не знавших буржуазной революции, далеких от демократических традиций и менее развитых, брали верх совсем другие тенденции, и строй ожесточался до тоталитаризма. Различие меж Британией, Францией и Соединенными Штатами с одной стороны и Германией и Италией с другой, после первой мировой войны особенно очертилось. И более значим стал характер рабочего движения.

В России 1917 года под его знаменем взяли власть. В преимущественно крестьянской, еще полукрепостнической России, ее, правда, не так взяли, как предполагал Маркс, рабочие, а выступавшая от их имени партия. С 1921 года эта ленинская партия пыталась считаться с экономическим положением. Но с 1929, под флагом борьбы с кулачеством, перешла к массовому сгону с земли зажиточных крестьян и закреплению остальных в виде неперемного их включения в колхозы. После революции 1917 года русский рабочий класс, еще не превышавший 10% населения, подчиняясь власти партии большевиков, не вступил в социальный компромисс с буржуазией, устанавливавшийся в западных демократических странах. Под красным флагом укрепили завещанный Лениным тоталитарный социализм с отошедшей от утопии Маркса идеологией. Ему на практике уподобились фашизм Италии и национал-социализм Германии.

В советской России, как старой империи, переплелись социальные и национальные проблемы. Большевики отвергали привилегии капиталистов и сулили заменить капитализм коммунизмом. Они воспевали физический рабочий класс, но удерживали прибавочную ценность. Еще менее сообразно они платили умственному рабочему классу и совсем ничтожно крестьянству. Производством, - при капитализме множественным, а при коммунизме единым, - руководил новый правящий класс – партийная номенклатура, монополизировавшая власть, привилегии и дозволенные идеи. В то же время, даже проявляя частичную терпимость к разным религиям, большевики не допустили равноправия народов. Все, кроме

русского, так или иначе ущемляли, но и русский, названный первым среди равных, не избежал жестоких социальных дискриминаций, лагерей и расстрелов. В целом в СССР за семьдесят пять лет, так или иначе, убили более двадцати миллионов человек. Каждого десятого. Но не потому, что так хотел Маркс.

Его теория отвергла капитализм за удержание прибавочной ценности продуктов производства и несправедливую оплату труда. Она отвергла и частную собственность, что в СССР хвалили, и власть государства, о чем поныне умалчивают. Маркс пронизательно прояснил существенные пороки капитализма. Но упустил, что физический труд – в нем не единственный, что развитие капитализма связано с ростом умственного труда, и заинтересованный организатор производства вынужден считаться с сообразностью физического и умственного. Производство – сфера деятельности не только рабочего класса, роль которого Маркс понял, но и ученых, которых он не считал участниками производства, и буржуазии, которую считал паразитом. Эти упущения и обратили коммунизм Маркса в утопию.

А Ленин полвека спустя преобразил его теорию в более реалистическую, но вовсе не демократическую. Если Маркс надеялся на революцию рабочего класса разом во всех развитых странах, то Ленин – на революцию в одной, отдельно взятой, отсталой стране. Если Маркс полагался на рабочий класс, выраставший в большинство населения, то Ленин провел свою «пролетарскую» революцию в стране, где рабочие составляли около 10% населения. Если Маркс полагался на инициативу и прямые действия самого рабочего класса, то Ленин придал особые значения инициативе и действиям своей партии, как ведущей силы, возглавившей рабочий класс. Это коренным образом изменило характер классовой борьбы и революционного движения. Если у Маркса понятие диктатура рабочего класса, употребленное им, кстати, лишь несколько раз, означает полную власть рабочего класса, составившего большинство в демократически избранных органах власти, то по Ленину диктатурой рабочего класса можно звать власть, захваченную коммунистической партией, не имеющей большинства. На первых выборах в Учредительное Собрание партия Ленина после Октября собрала лишь около 24% голосов, а эсеры около 50%. Разогнав Собрание, большевики не провели новых выборов, и установили диктатуру своего меньшинства. До конца существования СССР, где фактически в выборах участвовала лишь державшая власть коммунистическая партия и ее сторонники, страной правил меньшинство. Большинство не могло не то что победить, но даже выставить кандидатов. Уже само отношение коммунистов к народному волеизъявлению, состоявшемуся в конце ноября 1917 года и самый разгон Собрания в январе, определили последствия Октября, поддержанного хоть и не всем народом, но немалой его частью, надеявшейся на раздел земли. Но монополюсь захватившие власть Ленин, Троцкий, Сталин и руководимая ими партия вместо раздела земли толкала крестьян в колхозы.

К трагедии привели не просто ошибки большевиков, абсолютизирующих силовые приемы. Ленин и его партия не сопрягали свои планы с утопией Маркса, понимавшего экономику, в которой он жил, но не ее социальные перспективы. Маркс понимал, что государство мешает развитию и должно отмереть, но отвлекся от роли умственного

пролетариата в производстве и от роли капиталиста в его организации, - тогда еще чрезмерно претенциозной, присваивавшей прибавочную ценность, но все же не только паразитической.

Ленин и его партия, зовя себя марксистами, не хотели видеть, что социальные проблемы общества, в котором жил Маркс, рождены буржуазным строем, в 1861 году, незадолго до рождения Ленина, в России лишь начавшим зарождаться. Крестьяне и после освобождения остались у нас членами общины, отмененной лишь в XX веке Столыпиным, а не, как в Англии или Франции, самостоятельными гражданами, то есть, держались феодальной нормы. Нельзя отвлечься от того, что в России со времен Ивана Грозного (формально – Бориса Годунова) было крепостное право, то есть полная личная зависимость крестьянина от барина, в то время как в феодальных Англии и Франции личная зависимость давно отмерла, и существовали лишь поземельная и судебная. Нельзя забыть, что в России не было буржуазной революции, в Англии совершившейся в середине XVII, а во Франции в конце XVIII века. И коммунизм в России мог бы возникнуть лишь как совсем иной строй, чем предположенный Марксом, пусть даже утопически. Если Маркс, обличая буржуазный порядок, надеялся на освобождение человека, его индивидуальные возможности и многообразие жизни и труда, то выступление Ленина против феодального порядка и за его переход не в буржуазный, а в коммунистический, вело лишь к ожесточению централизации феодального строя, как вертикали власти, определявшей все ее советские черты, как бы ее ни называли.

Ее реальный характер поняли далеко не сразу. До 1929 года, при всей жестокости 1917 года, Новая Экономическая Политика многих побуждала надеяться на разрешение неразрешимых при самодержавии социально-экономических проблем. До 1929 года продолжалась внутренняя борьба разных течений коммунистической власти. Существенны при этом были отношения с колониями и покоренными землями. Если Англия и Франция, с их немалыми колониями, эти отношения изменяли, некоторых даже освобождали, то Советская Россия лишь расширяла, наращивала колонии. Их удержание, понятно, требовало особых усилий, которые ложились, прежде всего, на русских людей, как более доверенных. Но при этом их положение часто оставалось хуже, чем у колониальных народов, поскольку русские области не была объединены и интересы русских не считали самостоятельными, но лишь общими с иными народами, включенными в РСФСР. Иные народы при этом бывали порой в худшем положении, чем русские, но его признавали, и в 1991 году союзные республики свой протест выказали, а русский народ, как бы привилегированный, свои практические трудности и выразить часто не мог.

Состояние многих народов, особенно в РСФСР, бывало, да и остается, невыносимым. Люди, замкнутые административным положением, часто не могут досыта поесть, не то что выучиться или вылечиться. А власть обязана либо взять на себя оплату нормальных условий их жизни, либо создать условия, в которых они могут заработать на хлеб, учение и лечение. Демократическая система предполагает обязанность власти перед людьми, а не, как в России, людей перед властью. Путин говорит о вертикали власти, забыв, что вертикаль – свойство империи, а демократическая власть горизонтальна, и тем

надежней, чем больше зависит от людей, которыми взялась править, чем больше считается с их нуждами. Зло не в личности Путина, опасен любой властный чекист, - зло в вертикали власти, даже в армии терпимой лишь в немногих сферах. Чем выше правитель, тем меньше должно быть у него власти и тем нужней ее разделять.

А шло и идет как раз обратное: ленинская решимость перескочить из феодализма в коммунизм, не допуская капитализма, обернулась возвратом к феодализму, вооружившемуся капиталистической техникой в расчете, что ее развитие не зависит от социальных отношений и позволит обойти соперников при любом социальном строе. А это не совсем так. Результаты развития зависят от его условий. Политический отбор научных кадров не обязательно скажется на научных результатах наилучшим образом. Уже то, что ученый, оправдавший научное доверие власти, оказался ее главным критиком, не просто случайность.

Оттого революционная и, вообще, политическая, борьба в России и была жестока. Крепостничества в его полной форме, то есть, рабства, как массового явления, в новое время больше нигде в Европе не было. Нигде самодержавие не обрело такой силы. Нигде свобода так не попиралась. Вот и результат!

Смысл пенсионного возраста

Российская власть повышает срок выхода на пенсию. Прежде мужчины получали ее в шестьдесят, а женщины в пятьдесят пять, теперь ее дадут мужчинам в шестьдесят пять, а женщинам в шестьдесят три. А в Англии собираются уже в будущем году и мужчинам и женщинам давать пенсию в шестьдесят шесть. Англичанка в среднем живет до восьмидесяти двух, а россиянка около семидесяти семи. Считают, что нынче у нас и на Западе эти сроки схожи. Но картину портят российские мужчины.

Британские мужчины живут на три года меньше своих женщин, китайские тоже, индийские тоже, американцы почти на пять, немцы на пять. Украинцы уже на десять. Но скоротечная жизнь российских мужчин почти на пятнадцать лет короче жизни наших женщин. Это кричащий факт российской демографии! Англичанин, получив пенсию в шестьдесят шесть, до среднего там возраста живет еще четырнадцать лет, а большинство российских мужчин уже в шестьдесят пять старше нашего среднего возраста, и на пенсию живет не долго. Команда Путина -- не русофобы, просто их заботит лишь правящий класс. Не то бы видели роковое положение российских мужчин.

А их положение темнят, закрыв глаза не только на разницу в судьбе мужчин и женщин, но и на вопиющее различие продолжительности их жизней. Между тем, продолжительность жизни -- первая характеристика человеческого общества, которым правит не так природа, как социальные отношения. Не надо путать продолжительность жизни со средним возрастом. После войны, чуть не каждая вторая встречная бывала беременна, и за счет избытка новорожденных средний возраст падал. А в годы войны гибли миллионы солдат, а детей рождалось мало, отчего средний возраст живых мог даже относительно расти. Но от ранений, болезней и голода гибло несметное число людей, и поскольку их число сокращалось, общая продолжительность жизни падала. Понятно, что падала в войну, но почему в мирное время? Почему падала у нас в девяностые, почему особенно росла смертность мужчин?

И в Европе, и в Америке жизнь мужчин тоже более рискованна, а женщин укрепляет добавочная природная страховка на роды и выращивание детей. Но в России расхождение длительности жизни мужчин и женщин чудовищно. Российский мужчина не выдерживает павшую на него непомерную тяжесть жизни и умирает, когда его сверстники за рубежом еще полны сил. У нас больше мужчин служит в армии, в органах безопасности, в тюрьмах и лагерях, приучающих к жестокости. У нас больше заключенных в тюрьмы и лагеря, и на воле пьют больше крепких напитков. А всё потому, что русский человек был зависим не только при феодализме, но был крепостным, которого продавали, как скот. еще при Достоевском и Толстом. Русская власть от Грозного до Путина не считает первым делом беречь людей, сохранить русских мужчин, не думает, что это важнее, чем командовать в Варшаве, в Киеве и даже в Казани, не говоря о Чукотке. .

При самодержавной власти царей и коммунистических вождей российские и советские колонии - единая империя, а не обособленные владения, какими для Англии были Соединенные Штаты, Канада, Индия, Южная Африка или для Франции Алжир и Сирия. Недаром Российская Федерация не может смириться с реальной независимостью Украины и стран Прибалтики. Держа в своем составе национальные автономии, она не дает их коренным жителям развивать свои культуры и языки, даже поощряет местных людей их не знать и не позволяет независимого развития, - ни Татарстану, ни Башкортостану, ни другим народам Поволжья и Северного Кавказа. А наш правящий класс, числя себя повелителем и владельцем всех народов, и русский держит бесправным.

Невозможно единым указом и даже единой революцией преодолеть тиранию Грозного или, вторичную - Ленина-Сталина. По их инерции, русская власть и надеется покорить мир, зачем и тиранит свой народ. Но повышение пенсионного возраста ничего, кроме сокращения числа пенсионеров, России не сулит. Вот полемика и сводится к тому, звать нынешний порядок опять православно-царским или все еще советским.

Страна и власть

Первобытные отношения естественны, пока мелочи вроде цвета кожи, не стали общественными. Россия надеялась, что демократическая революция пересилит общий кризис. Но не прошло и трех месяцев с конца Октября, как, взявшие с красным флагом власть, большевики, собравшие лишь 24% в Учредительном собрании, его разогнали, не сочтя нужным избрать другое. Маркс, на которого они ссылались, верил, что буржуазное государство по мере развития отомрет и рабочий класс, став большинством, установит коммунизм. Но поскольку в 1917 году рабочий класс был в России явным меньшинством, большевики установили не временную диктатуру рабочего класса, а вечную своей партии. Перестраивая мир не по Марксу, а по Ткачеву, Ленин фактически выступил против Маркса, верившего в особые качества физического труда и ждавшего, что рабочий класс, будучи большинством, наладит демократию.

Разрыв Ленина в России, а потом Гитлера в Германии, с демократией, не случаен. Но его вызвало не нарочитое злодейство российских, а потом немецких, строителей социализма. Ленин, в отличие от переехавшего в буржуазную Англию Маркса, сформировался в самодержавной России и от самодержавия не отказался. Он считал порочным царское самодержавие, но не всякое, и не любой тоталитаризм, но превыше всего ценил власть, даже топчущую свои же вчерашние посулы.

История казалась большевикам движением вперед и вверх. Не зря они замалчивали помянутый Марксом азиатский способ производства, как ступень лестницы, сложенной ими из рабовладения, феодализма, капитализма и социализма, пролога мифического коммунизма. Мысля развитие для всех единым, они не могли объяснить, почему рабовладение, преуспевшее в Афинах и Риме, не преуспело, как формация, ни во Франции, ни в Германии, ни в Англии. Ленинцы трактовали капитализм невнятно. Ленин считал его неременным этапом, но столь же неременной счел нужду с ним покончить, не дожидаясь, чтобы расцвел. Он не хотел ждать крушения капитализма на высшем этапе развития, когда рабочие станут большинством населения. Правда, и Маркс надеждой социальных перемен считал лишь физический труд, высоко развитый. Будто различия умственного и физического труда не велики. Маркс надеялся на развитый физический труд.

А Ленин верил, что и не расширяя, а сокращая гражданские свободы, социализм свалит феодализм. Но тот не валился, а ожесточался. Александр I думал освободить крестьян, но, победив Наполеона, делать это не стал. Николай I потому и ожесточал жизнь, что не видел ее несообразности. Лишь зарубежные войска, поддержавшие турок, вынудили царизм думать, как одолеть отсталость, открывшуюся в Крыму, и даже отменить крепостное право.

Но лишь в 1905 году возникла буржуазная партия кадетов, по влиянию уступавшая и монархистам и коммунистам. Преобладал феодальный режим, крестьяне с трудом обретали землю, лишь реформы Столыпина, совершившиеся перед самой революцией, крестьянству пособили, но недостаточно. С коммунистами воевала не столько буржуазия, не социал-демократы и эсеры, как царские генералы. Это была война прежнего феодального режима против нового, тоже феодального, но на другой лад. Революция, звавшая свободой зависимость крестьян от партийцев, до разгона Учредительного собрания длилась меньше трех месяцев. Потом гражданская война - больше трех лет. А потом большевики почти сто лет правили, меняя не суть дела, а слова и краски.

Ельцин и Путин, сменили ленинизм на православие, а советское лицемерие на царское мракобесие. Но суть осталась. Увяли либерально-центристские движения вроде «Яблока», а реакция объявила себя прогрессом. Осилит ли хозяйство, привыкшее жить производством оружия и добычей

сырья, кризис, настигший советскую систему в конце семидесятых? Горбачев, конечно, не предполагал менять систему. Даже на словах не отверг коммунистический миф. Но все же понял: что надо «перестроиться», чтобы выжить. Не только ради власти, но чтобы удержать самодержавную Россию и покоренные ею народы.

Почему же Россия, богатейшая страна Европы, с высоко одаренным и развитым народом, двигавшим науку трудом Ломоносова, Лобачевского, Менделеева и других, и еще больше культуру, -- поэзию, прозу, живопись, музыку и балет, оказалась отстающей и страдающей? При всем консерватизме русских царей -- не только Николая I, но и Александра III и Николая II, и коммунистических вождей, -- не только Ленина и Сталина, но и Брежнева и Андропова, трагедия России глубже, чем кажется. Реакция там не просто настала, а застряла. Если Англия и Франция, лишась империй, рабство не завели, то Россия, ради империи, поработила не только другие народы, но и русский.

Началось это с монгольского ига, тянувшегося триста лет и заслонившего достижения Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Подобное, но не в столь суровом виде, знала лишь Испания, надолго покоренная арабами. И тут, и там завоеватели ушли, и мы восхищаемся памятниками Московского Кремля, великим Владимирским собором и Грановитой палатой. Но история народа -- не только памятники культуры, но и техническая обыденность жизни.

Русское общество Ярослава и Владимира похоже на другие европейские, возникшие раньше. Но монгольское рабство изменило Русь. Русские крестьяне, как и европейские, долго зависели от взявших верх феодалов. Но зависимость крестьян при Иване Грозном и Борисе Годунове или при Алексее Михайловиче нарастала и затянулась, хоть меняла формы при Екатерине и Николае I, и по иному при Александре III и Николае II. Люди были бесправны уже в силу чуждого Европе крепостничества.

Разлады, различия и полемики о типах зависимости -- полной, рабской, и частичной, в феодальной Европе шли издавна. Но Россия, сбросив монголов, не воротилась на европейский путь. Напротив, при Иване IV и Борисе Годунове крестьянская зависимость стала фактически полной, державшей с тех пор крестьян в крепостном состоянии, то есть, в на деле в рабстве, втором издании крепостного права. Европу и Россию XVIII-XIX веков различало не то, что в Голландии, Англии, Франции были уже буржуазные отношения, а в Германии и остальной Европе, включавшей и Россию, --- феодальные, а то, что Россия, в отличие от частью буржуазной, частью феодальной Европы, до 1861 года была рабовладельческой. Александр II крестьян освободил, но сам, -- и, тем более, Александр III и Николай II, -- боялся резких перемен, и запоздалым реформатором после революции 1905 года стал Столыпин. Но его робких поправок

ради свободы буржуазных отношений правящий класс не хотел.

Поньше спорят, кто убил Столыпина. Вроде революционеры -- ведь убийца был эсер. Или царская власть? Ведь убийца был тайный агент полиции и пропущен в зал заседаний вопреки правилам. Но в том-то и дело, что у нас правые и левые, феодалы и революционеры, расходясь меж собой, сообща отвергали буржуазное преобразование, сулившее чуждые тем и другим плоды. Сравнивая Британскую или Французскую революции с нашей, мы видим сколь иным было у нас соотношение сил. За Кромвелем стояла крепнущая буржуазия, и частные оттенки социальных слоев не ослабляли ее вражды к королевской власти. И хоть со смертью Кромвеля революционеры пошли на компромисс и правил Карл II, о возврате к прежнему, как хотел его брат Яков II, не могло быть и речи, пришлось сменить династию. По-иному, но схоже, вышло со свержением Наполеона. А Столыпина убили заранее, не дав ему шансов на хотя бы временную победу, хоть он, прямой противник революции, не был в реформах дерзок.

Россия была далеко не столь буржуазна, как Англия при Кромвеле. Российская реакция сочла Столыпина вольнодумцем. Но и крестьянское движение у нас, в отличие от Англии и Франции, не было к 1917 году вполне буржуазным, таким оно хотело бы стать в 1929, когда большевики вводили коллективизацию, и насаждали новое самодержавие, сперва групповое -- Сталина, Зиновьева и Каменева, потом Сталина, Бухарина и Рыкова, чтобы за десять лет -- от 1929 до 1939 -- еще на пятнадцать продлить сталинское, персональное, а потом опять групповое..

Пагубные плоды этой реставрации принято сводить к дурному характеру и жестокости Сталина, впрямь ему присущим. Но сводись дело к личным качествам, партия бы совладала. Но ей жестокость была нужна, как достоинство и Ленина, Сталина, и других вождей. А развитие требовало еще и иных необходимых качеств, которых большинству вождей не хватало. В идеале развитие общества нуждается не в одной физической рабочей силе, но и в умственной, в умении обойти соперника без прямого насилия. Маркс это упустил, а Ленин не знал, как с этим быть. Тем более, что в текущей жизни допуск свободы в открытых, даже чисто промышленных сферах, власть считала своей слабостью. Но Ленин, Сталин и другие абсолютные властители убивали и убивают потому, что иначе надо проявлять терпимость, менять общественный строй, ориентироваться не на военное, а на научно-производственное и даже художественное соревнование, допускать разные суждения, А единство государства, партии, религии, этого не дает.

Твердость, которую проявили Ленин и Сталин или Ельцин и Путин в отношениях с реальностью, предполагала оценку этой реальности. Угроза получить заведомо опасный удар порой побуждает уступать. После Первой мировой так

держались западные державы. Но это не спасло от Второй, и, бог весть, спасет ли от Третьей. Угроза удара провоцирует чрезмерность, либо в уступчивости, либо в упреждающей атаке. Надежды, что агрессор смекнет не перейти грань, и знание где грань зыбка, -- темны, даже не входя во влекущие ударить особые обстоятельства. Власть не во всем властна, многое непредвосхитимо. Но многое понятно.

Рост современного оружия велит острее ощущать необходимость всеобщего мира. Техника все опасней. Гарантия безопасности всех -- в прекращении покорности внешней силе, в снижении зависимости регионов, в их правах и способности к самозащите. Это стимулирует рост числа государств, который мы с удовлетворением видим. Но растет и соблазн сильных командовать меньшими, хуже вооруженными. Это делает взаимную неприкосновенность и право на разделение и отделение важнейшей международной задачей, пренебречь которой опасно. Не из-за угрозы мятежей, а от роста расходов государства на силовое удержание покоренных.

Мечта России, уже в 1922 году назвавшейся Союзом ССР, но лишь на словах отвергшей колониальную систему, за столетие выпала из государственного сознания и должна быть наново осознана. Приятно, что нашу страну, в которой русские -- большинство населения, снова зовут Россией, но опасно забыть, что во многих ее землях коренной -- не русский, а другие народы, у которых продолжают отнимать их языки и голоса.

Надежды девяностых, сулившие превращение СССР в демократическое государство, не сбылись. Причин много. И традиции советской политики, и безответственность западных империалистических держав, и смута в умах сограждан, не понимавших, что происходило и к чему шло. Можно лишь гадать, что впереди. Но проблемы, в восьмидесятые ведшие к кризису, не решены, а нынешняя власть их понимает хуже Горбачев, и лишь подняла пенсионный возраст.

Его повысили многие страны, где продолжительность жизни растет, но у наших мужчин, она растет слабо -- они слишком рано умирают, и повышение пенсионного возраста лишь повышает их смертность. Вряд ли это спасет страну. Но власть выражает свою позицию с полной ясностью.

Что же это было?

1

В начале 82-го умер восьмидесятилетний Сулов, а в конце семидесятишестилетний Брежнев. Оба уже плохо сознавали, что происходит, хоть, ведя гонку вооружений, видели, что прилавки скудеют, и страна нищает. Андропов потом это видел еще ясней и принимал бесплодные жесткие меры. Еще год их продолжал Черненко. Но все же пришлось задуматься.

Научно-технический рост, и даже компьютер, не принесли эффективного господства над миром. Россия воплотила ленинское хозяйственное единство, но Запад и в компьютере углядел иные возможности и не допустил промышленной монополии, не говоря об идеологической.

Горбачеву пришлось сократить военное производство, чтобы укрепить сосуществование. Но государство теряло конкретные хозяйственные опоры. А перестроиться радикально, хоть по примеру НЭПа, Горбачев не рисковал, поскольку не мог заменить главное условие коммунизма, абсолютную диктатуру власти, взаимодействием индивидуальных сил, пугавших его самого.

2

Перед Октябрем Ленин провозгласил обобществление хозяйства. Выужденный объявить в марте 1921 НЭП, он в 1922 считал отступление достаточным, а в 1929, уже без него, хозяйство вновь сладили единым, колхозным. Маркс предполагал, что такое решение коснется тех, кого оно касается. Но хозяйство еще не так переменялось. До 1861 года половину населения еще составляли крепостные крестьяне. А Маркс связывал развитие мира с рабочим классом, который в 1917 году составлял в России около 10% населения. Рабочие не могли такое свое положение мгновенно изменить. Но русские марксисты- ленинцы этим пренебрегли, надеясь, что рабочих успешно возглавит их коммунистическая партия. Но большевистская ее часть руководила совсем не так, как надеялся Маркс. Коммунистическое движение, выступало в России больше похожим на народовольцев, опиравшихся не на волю населения, а, как ненавистная им царская власть, на насилие и террор. Коммунисты-ленинцы были не социал-демократами, а социал- не демократами.

Они сводили социальные проблемы к воле своей партии, демократичной лишь на словах, без оглядки на реальность. Маркс все же предполагал переход к социализму и, тем более, к коммунизму, лишь там, где рабочие составят большинство населения, до чего в России и даже в Англии было тогда еще далеко.

3

К сожалению, Маркс проглядел различие физического и умственного труда, стояния рабочего у станка и создания Джеймсом Уаттом паровой машины, резко увеличившей производительность труда. Маркс упустил, что капиталистическое производство осуществляет не только физически работающий класс, но и умственно работающий. Неверно было и объявить всякого капиталиста, ведшего производство, паразитом. Он, действительно, был паразитом в меру присвоения созданной рабочим на производстве прибавочной ценности, то есть, когда стоимость труда рабочего, ученого и других работников превышала реальную оплату их труда. Но это был не единственный источник дохода капиталиста, были и другие, вытекавшие хотя бы из вводимых им более продуктивных и дешевых методов работы. Покуда капиталист не претендовал на прибавочную стоимость и не становился ее монополистом, да еще государственным, он был правомерным участником производства. А государственными монополистами стали монопольные владельцы производства, а потом и лишь коммунистическая партия.

Пренебрегая соотношениями физического и умственного труда, Маркс мыслил коммунистическое преобразование капиталистического мира, как общее и единовременное. Но социальные структуры в силу неравного развития разных хозяйств нигде и никогда не преобразались разом на всей планете. Они кругом зависели от конкретного положения, ведшего одних к большему прогрессу, чем других. То была не просто стихия. Если Франция Дантона в своей революции была решительна, независимо от опыта соседей, и резче их, то иные народы и страны завершали выбор, его еще не совершив, не предпочтя вперед буржуазный порядок феодальному и даже рабовладельческому. Россия тоже.

Еще при Иване Третьем она помнила трехсотлетнее монгольское иго, но помнила и Ярославе Мудрого и Владимира Мономаха, а уже при Иване Четвертом изменилась, и закрепила крестьян, в противовес как раз тогда шедшему в Европе их личному освобождению. Даже в шестидесятые годы XIX века, когда иных путей уже и не было, вроде бы разумный царь Александр II не только дал свободу, но и жестко ее ограничил. И Ленин подымал коммунистическую революцию в феодальной державе, хотя на деле перейти от феодализма, минуя капитализм, к идеалам социализма и коммунизма было невозможно. Даже по Марксу, оценившему в капитализме физический труд, хоть и упустившему умственный. И, тем более по Ленину, видевшему в капитализме лишь принудительную обязанность и возродившему крепостное право, заведенное царями и генеральными секретарями.

Схема Маркса – мир физического труда, не нуждающегося в умственном, -- сбыться не могла и нигде не сбылась. Россия – не исключение. Германия, еще в 1848 из-за многолетней раздробленности проиграла буржуазную революцию, а после военного поражения в 1918 провела ее неудачно. И вскоре родилась германская национал-социалистическая рабочая партия, у нас именуемая нацистской, а часто, (по примеру итальянской), фашистской, хотя нацисты были еще нетерпимей фашистов. Немецкие нацисты подчеркивали, что они не только социалисты, а именно национал-социалисты, хоть сперва лишь надеялись удержать немецкие земли, а русская коммунистическая партия сразу рядилась интернациональной, поскольку во власти России было много народов. Но фактически коммунистов и нацистов различали лишь лозунги, а практика диктатур часто бывала схожа, даже когда они воевали меж собой. И в России все трудней совмещались практическая многонациональность и все глубже внедряемые преимущества русских. При этом русские были в России отнюдь не равны меж собой, их социальное неравенство вытекало из социальных противоречий, но в многонациональной стране все больше росло на национальной почве.

Вдруг открывшаяся ныне способность нынешней новой альтернативной немецкой правой партии сходу набрать 15% голосов выдала тенденцию возврата Германии к предвоенным настроениям и

большей близости с Россией, ожидая, однако, и от нее перемен. Трудно предположить русско-немецкую близость, пока Советская империя, все еще претендует возвышаться над Германией, не считаясь с ее независимостью. Но эта непримиримость возвращает к социальной реальности, не сводимой к географии и квалификации жителей.

6

Первобытно-общинный родственный порядок высших приматов длился тысячелетия, не суля человечеству расцвета. Но его сулили, преодолевавшие биологию, общественные и индивидуальные начала. Уже первобытные общины, возникавшие в разных обстоятельствах, различались: одни, как египетская или китайская, достигали высокого развития, другие двигались медленно, но не от врожденных качеств, а по невозможности эти качества в конкретных обстоятельствах развивать. Одни застревали, замедляя ход жизни, который ускоряли нежданные скачки других. Развитие человечества считают непрерывным, хоть оно прерывисто. Наше время кажется сугубо прогрессивным поскольку с конца XVIII века труд по свободному найму владел машиной, менявшей характер труда и общественных отношений. Соперничали и сами машины.

Преодолевая первобытно-общинное устройство, менялись общественные отношения и развивалась техника. Сперва решала сила, но рос вклад разума. Учились ценить личные способности. К труду часто принуждали, но росло значение обмена. Развитие мыслили как рост возможностей, но история не была стройна. Машина обозначила воистину великий перелом, но ее появление не сводится к росту производительности труда.

7

С конца восемнадцатого века пошел новый счет. В последней его четверти в практику вошла паровая машина англичанина Джеймса Уатта, а в 1807 году поплыл пароход американца Роберта Фултона, и еще семь лет спустя англичанин Джордж Стефенсон построил паровоз и открыл железную дорогу. Француз Этьен Ленуар создал двигатель внутреннего сгорания. А немцы Г.Даймлер и К.Бенц построили автомобиль. И уже в начале XX века взлетел самолет американцев братьев Райт. Двадцатый век принес еще больше. Мир стал иным, чем был не то, что при Александре Македонском или Цезаре, но, чем при Кромвеле и даже Наполеоне. Но время не стало гладким.

8

Что нынче ново? В XVIII веке капитализм новостью уже не был. В XVI веке буржуазная революция прошла в Нидерландах, в XVII веке в Англии. Там изменился общественный строй. Собственность стала частной. Паровую машину двести лет спустя изобрели еще при капитализме, но больше отвечавшем природе машин, а не людей, как думали в XVI веке.

Маркс уповал на физический труд. Не вглядывался, что ему прибавляет умственный. Искренне ждал выполнения трудовых планов. Но не все ожидания бывали обоснованы. Он спутал смену машин и изменение людей. В России читали теорию Маркса, не выясняя, похоже ли то, что думал Маркс, на то, что выступало в России, как его учение. Чтобы отождествить его мечты с мечтами его русских преемников, многие из них требовали чрезвычайных мер и надеялись на них.

По самым скромным данным, за уклон от марксизма-ленинизма в России убили двадцать миллионов человек. Беда не только в том, что Ленин, Сталин, Троцкий и другие, не дрогнув, убили миллионы людей, думавших иначе, но еще более в том, что власть не хотела умерить вековое насилие, тормозившее развитие, не нашла в себе сил допустить свободу. Она не хотела знать различий Ивана Грозного и Николая Первого, или Ленина и Сталина, -- но и различий Николая Первого и Сталина тоже.

9

Ельцин и Путин эти различия как бы стерли. Их власть уже не зовется ни советской, ни коммунистической, ни царской. Эту самодержавную власть феодальной традиции, ничто не связывает. За легкомыслие в церкви она дает два года тюрьмы, хотя никаких таких законов нет. За неудачное слово церковь могла оштрафовать, не более того. А государство, когда никто не пострадал и не понес ущерба, вообще не при чем. Но в том-то и дело, что наше государство и его глава всегда и везде причем. Не потому, что они цари или коммунисты, а потому -- что власть. Этот и множество подобных шагов государства, не ограниченных законами, обнажили самодержавие, в 1917 переодевшееся. Их уже не прикрывают имя рабочего класса и слова о прогрессе. Нормативные фразы повторявшиеся Суловым и Брежневым умерли. Словно ста лет и не было.

На деле, конечно, они были, и трудно сказать, как долго их будут продолжать. Если в России не произойдет глубоких социальных перемен, могут еще долго, и неизвестно, чем кончат -- это зависит не от одной российской власти, но и от других народов и стран, разделяющих или не разделяющих схожие надежды. Одни полагаются на единую, Лениным или Гитлером установленную, всеобщую диктатуру, другие на компромиссное состязание разных структур. Логически должны победить компромиссные варианты, допускающие больше возможностей, но в любой борьбе есть варианты общей гибели, к которым наша власть склонна. Нет смысла поэтому, вперед гадать, чем дело кончится. Но важно видеть и понимать возможные варианты.

10

Мечтающих о будущем нередко влекут социалистические проекты, предложенные еще до Маркса, и даже до господ бога. Социализм кажется лучшим способом защиты интересов трудящихся. Защиту понимают, как государственную и как общественную. Идеал социализма популярен при самых разных общественных порядках и в гражданском и в религиозном виде. Но одно стоит помнить.

Маркс четко говорил, что будущее бесклассовое общество несовместимо с классовым государством. Можно гадать, почему Ленин откладывал коммунизм в неопределенное будущее, можно сомневаться в других его отходах от Маркса, или искать там логику. Но невозможно установить коммунизм без предварительной ликвидации не только частной собственности, но и государства, и партии, и всего подобного. Грань меж Марксом и Лениным в том и состоит, что один это все же понимал, а другой -- не хотел понимать. Именно это отличие Ленина и его партии, как ни оценивать другие ошибки обоих, объясняет проведенный у нас в стране более чем семидесятилетний процесс государственного уничтожения многомиллионных масс населения, пусть даже не шестидесяти миллионов по Солженицыну, а лишь каждого десятого взрослого в стране. Ничего подобного не знало ни одно современное государство. Даже немецкие нацисты, поголовно убивавшие попавшие к ним в руки миллионы евреев и цыган, в общем количестве убитых от наших отстали.

Мы не рассматриваем здесь, что делать, чтобы такое не возобновилось. Не предсказываем, где подобное предстоит. Но прожитые нами годы нельзя пропустить, как мелкий эпизод.

ХОД ВРЕМЕНИ

Время движется меняясь. Смысл его движения не сразу внятен. Человек не вдруг ощущает себя человеком. Историю не сознают наперед. Ее единство преувеличивают, а различия забывают, даром, что единство сокращается, а различия растут. Меняется темп и характер перемен. Первобытность длилась тысячелетиями, средневековье -- веками. Но Нидерланды и Англия, совершая промышленную революцию, обошли древние царства, не потому, что их народы одаренней. Вавилоняне и египтяне не хуже греков и римлян, а те голландцев и британцев.

Человечество развивается не прямым и не по принципу, что хотим, то и воротим. Итоги разных обществ неравномерны не потому, что одни люди способней других, а в силу обстоятельств. Где собирали плоды, где охотились, где сеяли зерно, где разводили скот. Киевская Русь Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха не слишком отличалась от других европейских стран, покуда на триста лет ее не покорили монголы, Разные истории различаются не тем, что народы различны, а тем, что разные обстоятельства вынуждают жить по-разному.

Обстоятельства вынудили русский народ четыреста лет быть крепостным, чего избежали голландцы, англичане и французы, -- не потому, что у них иные натуры, а потому, что до середины пятнадцатого века Золотая Орда держала русских в рабстве. Это вдохновило русских бояр и дальше держать свой народ крепостным, а Иван Грозный считал себя его безграничным владельцем. Наивно это не видеть, и одинаково судить разные страны Европы, бывшие в разных состояниях.

Арабы надолго покорили испанцев, а монголы русских. Но одни попали в глубокую зависимость, а другие в рабство. Беда в различии не народов, а хода их жизни. Одни огромные государства росли, а другие -- не росли. Одни живут неопределенно долго, как Китай, другие, сошли со сцены, как Вавилон, уступив Персии и Македонии. У разных земель разные судьбы, нередко определяемые нехваткой сил.

Христианство, возникшее среди евреев в первом веке нашей эры и три века гонимое, Константин в четвертом объявил в Риме господствующим. А в 988 году оно стало государственной религией Руси. А в Средние Века, обернулось протестантством, а потом признало рабочий класс и буржуазию общественными классами. А теперь уже не то, что буржуазия и пролетариат, но и упущенная Марксом партийная номенклатура, правящая нашей страной и ее хозяйством, и техническая интеллигенция, тоже упущенная Марксом, но служащая науке и производству, живут в общественном сознании..

Во втором тысячелетии нашей эры произошел коренной переворот: силе противостояла ценность, которую создавал не только рабский, но и наемный труд. Наниматель недостаточно его рабочему оплачивал, и получал за созданный рабочим товар «прибавочную стоимость», что справедливо обличали Маркс и его последователи. Но они не замечали, что доход нанимателю приносит не только «прибавочная стоимость», но и понимание им нужд своих потребителей. Доход ему давали не одни рабочие, как думал Маркс, но и покупатели.

С четырнадцатого-пятнадцатого веков буржуазное производство широко развернулось в Италии и Голландии, а там и в прочей Европе и Америке. Буржуазные революции побеждали, начиная с голландцев шестнадцатого века и Кромвеля семнадцатого. Но лишь в конце восемнадцатого свершился решающий скачок. В 1784 году Джеймс Уатт получил патент на паровую машину, преобразившую производство. Прежде оно свершалось лишь трудом рабочих, а теперь решающим стал умственный труд создателей машин, эксплуатируемых пользователями. Он-то и создал пароход, паровоз, автомобиль, двигатель внутреннего сгорания, самолет. Но этот великий переворот не сразу осознали как смысловой и социальный, хоть он уже в конце восемнадцатого века изменил природу капитализма, возникшего раньше. Но Маркс абсолютизировал физический труд. И ученики тоже.

. А игнорируя зависимость производства от научно-технического развития, невозможно ни расширять промышленность, ни изменить общественные отношения. Иные политики верят, что, поскольку меж тем и другим связь не всегда прямая, можно делать, что хочешь, когда захочешь. Ленин был таким радикалом, хоть Маркс еще озирался на объективные условия производства. Ленин был искренним радикалом, верившим в быстрые перемены в отдельно взятой отсталой стране, не вполне одолевшей феодализм, где рабочих было явное меньшинство, а преобладали крестьяне, не очень свободные от следов крепостничества.

Проиграв в 1848 году немецкую буржуазную революцию, Маркс и Энгельс перебрались в Англию, где уже был буржуазный строй. Они его справедливо корили за присвоение буржуем-нанимателем важной части физического труда рабочих, но упускали умственный труд изобретателей и техников, все больше значивший в производстве. Маркс не признавал, что капитализм, сам по себе не привлекательный, все же вносит некий вклад в производство. Капитализм был для него лишь видом ограбления паразитами физических тружеников. А капиталистам противостояли не одни физические труженики, но и работники умственного труда, да еще те и другие часто противостояли друг другу. Наука Маркса об экономике учла не все противоречия капитализма. Лишь некоторые, хоть и существенные. Как честный человек, Маркс хотел справедливо платить за физический

труд, но не считал нужным платить за умственный. Он хотел заменить вынужденный капитализм бесплатным коммунизмом.

Ленин, вроде, хотел того же, но выступил на гораздо более ранней стадии развития русского общества. Маркс звал Британию к коммунизму через двести лет после тамошней буржуазной революции, а Ленин Россию, когда революции там еще не было и царь лишь недавно отменил крепостное право. Ленин хотел ввести коммунизм в полуфеодальной стране, полагаясь не так на сознание рабочих масс, которых было еще очень немного, как на коммунистическую партию, на взятие ею монопольной власти, покрупче государственной. История Советского Союза -- это история такой власти и создавшего ее насильственного движения. Маркс и Энгельс оказались его святыми великомучениками, хоть советская практика далеко ушла от их теоретических понятий о коммунизме, рабочем классе, и надеждах на будущее. А Ленин бесстрашно менял настоящее. Начертанная им коллективизация 1929, мало общего имея с прогнозами Маркса, установила в России новый, небывалый строй, в более жесткой форме возродивший отмененное Александром Вторым крепостное право. Ленин называл свой строй социализмом и коммунизмом. Муссолини назвал свой схожий -- фашизмом, а Гитлер -- национал-социализмом.

Конечно, бывали специфические черты, Гитлер, например, убил немецких евреев поголовно, а Муссолини итальянских -- лишь двадцать процентов. А Сталин в многонациональной России до «Дела врачей» поспедал еще медленнее. Но Италия и Германия, проиграв войну, от тоталитаризма ушли, а Россия, выиграв войну, насаждала его усердней. Еврейский вопрос оказался острее других, поскольку постоянное проживание евреев, обильное на Украине и в Белоруссии, не считали политическим, а на Дальнем Востоке, где их сперва вообще не было, создали Еврейскую автономную область, и переселяли их туда. Но и в Российской империи, и в СССР, ущемляли многие народы, не исключая русского, лишь в иных формах.

При всем антисемитизме Российской империи то был, прежде всего, глас тоталитарного имперского духа, оплот имперского наследия. Главное в России -- не антисемитизм, хоть тамошняя власть его любит, а сам имперский дух, беспощадно правит не только евреями, но всеми народами. Не то важно, что ныне вместо безбожных марксистско-ленинских философов в почете религиозные черносотенцы, -- хрен редьки не слаще, -- а то, что внеэкономическое тоталитарное господство правящего слоя империи, зовется она коммунистической или царской, срабатывает и на тот, и на другой лад. Принципиальной разницы нет. При Николае I и при Ленине, сущностным был внеэкономический характер хозяйства, диктуемый не ценностными отношениями участников, а указами высшей власти, будь то семья царя, как целое, царь персонально, Политбюро ЦК КПСС или лично Путин.

Уже в девятнадцатом и еще больше в двадцатом веке многие партии звались социалистическими и даже коммунистическими, претендуя выражать общественную волю, а на деле выражая волю вождей партий, силой взявших власть. Многим, хоть и по-разному, социализм казался общим благом всех людей, хоть и не каждого в отдельности. Отсюда уверенность в праве убивать перечасших революционной власти свободней, чем перечасших наследственной. Во всех социальных

революциях жертвами оказывались люди из разных социальных слоев, часто ни в чем не виноватые. Но масштабы жертв все же велют осознать природу происходящего. Одно дело, массовое народное восстание против царя или другой власти, где гибнут сотни, даже тысячи, даже десятки тысяч невинных людей, другое – убийство властью миллионов, даже десятков миллионов, ставшее в советской России отличительной чертой, а в других европейских странах все же не столь обильное.. Даже в Германии, погубившей миллионы, массовые убийства носили специфический расовый характер. Немцев убивали меньше, чем других. А в России, при всей остроте национальных конфликтов, жертвами оказывались все народы, и русских убивали не меньше. Это мешает свести социализм к шовинизму и велит задуматься о его социальной природе, о социальном смысле убить миллионы одних людей ради якобы улучшения жизни миллионов других. Но Мао открыто говорил о готовности убить половину населения своей страны ради социалистического блага другой половины. Ленин и Сталин не останавливались перед массовым террором. Стоит думать не только о морали, но и о социальной природе таких явлений. Нельзя примириться ни с таким поведением правящего класса, ни с таким ответом угнетенного. Сами миллионные числа погибших не только в 1917 году или в войну 1941-45, а и в «мирное время» меж 1929 и 1939, сама невероятная «производительность труда» советских палачей и лагерей, побуждают осознать, что такой режим собой представляет, независимо от высоких имен «социализм» и «коммунизм». Даже критики советского режима не шумели о массовом уничтожении безоружных. А не осознав природы своих массовых убийств, режим не изменится от того, что его переименуют или станут убивать не этих, а тех. Выделившись числом убиенных, кто бы они ни были, Россия показала не просто свою кровожадность, но свой социальный характер.

Еще в конце двадцатого века многим казалось, что демократический и тоталитарный варианты -- лишь разные этапы развития, а уже тогда это были разные его направления. Феодализм и капитализм различаются не просто уровнем развития, но и своей природой. Евро-американский капитализм эффективен, но это не значит, что везде идет к этому.

Ленин сравнивал службу крестьянина помещику и службу рабочих советских предприятий коммунистической партии. Но не учитывал, что свободным в конкуренции победить легче, что у не свободных меньше шансов. Но Ленина не беспокоила свобода, которую и Маркс-то слабо защищал, поскольку сводил к свободе физического труда.

Конец восемнадцатого века ввел в уже двести лет легальное буржуазное общество машину, внешне не менявшую общественный строй, но на деле, позволившую капиталисту решать экономические проблемы по своему усмотрению. Большевики сочли, что масштабы машин сплотят и унифицируют их хозяйство, Уже в 1915 году Ленин видел его единым. И в 1917 объявил промышленность единой, а вскоре и сельское хозяйство объединенным. Казалось, после реформ 1921 года, крестьянам откроется самостоятельный путь без помещика, и деревня оживет. Но независимый крестьянин оказался главной препоной большевикам, социализму и коммунизму. В России поныне не хватает духа признать, что «коллективизация» 1929 года, лишила крестьянина его собственных прав и реставрировала крепостничество. А поскольку большинством в России были крестьяне, коллективизацию было не

вести иначе, как террором. Даже если в Сибирь слали лишь часть крестьян, из колхоза их не выпускали. Их наново закрепостили.

Рабочих закрепостили не полностью. Но оплату труда определяли общие нормы, и оплату конкретной работы занижали. Занижали оплату научных работников. А плата партийным и советским служащим росла, и число их росло, И управления внутренних дел, концлагерей и тюрем.

Но хуже всего пришлось все же крестьянам, положение которых до 1929 вроде улучшалось, но потом ухудшили даже в сравнении с царским временем. Большевики, как волонтеры, пренебрегали объективной жизнью свободной деревни. После 1921 деревня поправилась и могла преуспеть, не лишись она ориентации производства на широкий спрос. Но власть ориентировала деревню на нужды своего партийного государства, и производство прямо зависело от политической воли партийного правящего класса, располагавшего неограниченной властью. Так русская деревня прожила почти сто лет.

Италия и Германия, как и мы, объявляли на вывеске, что строят социализм, но в Англии и Америке буржуазия устояла. Морганы и Рокфеллеры не выпали, и рядом появлялись другие крупные капиталисты, все новые. Буржуазное хозяйство, при всей его растущей концентрации, оставалось буржуазным, не делаясь тоталитарным, не слилось в единое, и даже на общем пути его участники выбирали более благоприятные тропы. Буржуазия нередко искала договоренности с рабочими, и им уступала, когда главным было устоять. И британская буржуазия при поддержке американской устояла.

Но не просто потому, что гениальный Маркс ошибался, не видя, все возраставшей в производстве значимости умственного труда, и не потому, что талантливый Ленин до революции мало жил в России и недостаточно ее знал. События 1917 года и дальнейшие -- не просто ошибки вождей. Чтобы понять, что же в России происходило почти сто лет, достаточно вспомнить, что Советская власть убила за это время около двадцати миллионов человек. (Солженицын говорил, что шестьдесят миллионов, но считал не только прямые жертвы власти, а и погибших от невыносимой жизни.) Вот и важно понять, почему революционная партия массами убивала своих граждан, да еще часто как раз наиболее способных?

Нигде, кроме гитлеровской Германии, продержавшейся лишь двенадцать лет, Европа не проделала подобного происшедшему в России. У нас убили миллионы людей не по дурости, а по природе нашего хозяйства. Монгольское иго трехсотлетним правлением подало пример, его подхватил Иван Грозный, не отменила Екатерина Вторая, и поныне он жив в последствиях Ленина и Сталина. Буржуазный строй в России так и не возобладал. А при всех своих пороках, он менее жесток и был бы плодотворней, чем веками правившая Россией феодальная реакция.

Но русские коммунисты предпочли отечественное крепостничество буржуазному порядку, не следуя Марксу, при всех своих заблуждениях, все же понимавшему, что буржуазный строй плодотворнее феодального. Но Ленин толковал желание Маркса свалить буржуазный строй, как свою жажду наперед сорвать его развитие, чего и до Ленина в России хотели многие мракобесы, а особенно при нем и после него.

В 1917 году русский рабочий класс еще не превышал десятой части населения. А большинство крестьянства и после отмены крепостного права было бедным. Взяв в конце 1917 власть, Ленин вскоре понял, что

ее не удержит и в начале 1921 перешел к Новой Экономической Политике. Это позволило крестьянам выжить, дало им перспективу. Но параллельная индустриализация не поспевала. Ленин это понял уже в 1922, но лишь в 1929 разделявший его мнение Сталин пресек нараставшие с НЭПом буржуазные отношения. С 1929 по 1939, коммунисты, пока не заключили с Гитлером Договор о Дружбе, вели миллионные казни, убийства, посадки, лагеря, ссылки, расправы с людьми, иначе, чем руководство коммунистической партии, понимавшими свержение самодержавия и провозглашение в 1917 демократии.. Не проведи тогда Сталин и его соратники многомиллионных массовых убийств, предрешенных еще Лениным, Советский Союз не стал бы тем тоталитарным государством, каким стал. Достигнув к году великого перелома предвоенного уровня российского хозяйства, он мог бы дать свободу огромным российским колониям, начиная с Украины. Еще до 1929 года он мог стать демократической страной. Но не стал, а уже через четыре года, в 1933 году, реакционные силы Германии дали немецкой национал-социалистической партии установить, хоть и под другими лозунгами, власть, подобную большевистской, тоже звавшуюся социалистической, хоть и лишь для немцев. В 1939 году мир раскололся на буржуазный и тоталитарный (именуемый социалистическим) лагеря.

Когда в 1939 году СССР и Германия подружились, это казалось огромным социальным переворотом, сулящим победу российскому и немецкому социализму.. Еще в 1940 Британия выглядела обреченной. Но ее техника пресекла успехи храброй немецкой авиации. В 1941, когда, нарушив Договор о дружбе, Германия вторглась в СССР, он мог казаться обреченным. Но техническая помощь Соединенных Штатов и Британии и мужество советских солдат, вдохновленных желанием спасти свою страну, предотвратили немецкую победу. Однако, угроза человечеству обернулась другим боком.

Обреченный до войны, Советский Союз, в 1945 оказался непобедим. Ширились его влияние и владения. Он избавился от страха, терзавшего до победы, и сам грозил ответом на угрозы, которых уже и не было. Влияя на международное положение он менял его себе на пользу. Сталинское руководство, заготовившее «дело врачей» верило, что покорит мир. Не все большевики были готовы к быстрой попытке. Но и когда Сталина не стало, подготовка вооружений к грядущей войне продолжалась. Она явственно сказывалась на состоянии СССР. Параллельно укреплению вооружения оно явно ухудшалось. И Брежнев, и Андропов, и Черненко, уверяли, что их военная мощь никому не опасна. Но остановить ее рост не могли или не хотели. Рейган, избранный в 1981 президентом США отвечал советской политике противостоянием. Но, став в 1985 году президентом СССР, Горбачев, заговорил о перестройке, и Рейган не пропустил это мимо ушей.

Снятие обострения не могло, однако, свестись к взаимной умеренности, которой хотели оба Президента. Военная политика Сталина, Брежнева и Андропова, при всех оттенках каждого, не сулила стабильности. Она предполагала перерастание победы над Германией в победу над остальным миром. Горбачев, понявший нелепость такого плана, уже ведшего к снижению жизненного уровня, а тем самым и боеспособности, проявил стремление к миру, урезав гонку вооружения, сверх меры обременявшую страну, и совершив ряд обще- гуманных

жестов. Но у великодержавного и многонационального СССР на первом плане была не социальная, а национальная проблема. Еще до 1991 можно было вернуться к его форме 1922 года, признавшей Союз состоящим из республик, имеющих право на отделение, и дать такое право также и автономиям. Президент Татарстана Шаймиев открыто требовал предоставления независимости Татарстану. Но Горбачев не решился, и проиграл Ельцину, признавшему формально данную Конституцией независимость союзных республик. Ельцин, однако, ожесточенно противостоял признанию подобных прав за автономиями и, в частности, за Чечней, кровавое подавление которой стало примером остальным и пресекло решение национального вопроса. Еще наглядней было уклонение от социальных проблем и возврат к вооружению армии.

Уход Ельцина в конце 1999 года, отбросив советский социальный маскарад, создал нынешний общественный строй, картинно осудивший двух молодых женщин на двухлетнее тюремное заключение за не каноничную молитву. Хоть Россия по числу жителей сократилась вдвое, она не стала единой, и все еще заселена разными покоренными народами, а не, как Америка, выходцами из разных стран. Большинство граждан России, хоть и переехавших на новые места, -- потомки ее коренных многочисленных народов. Но отношения областей населенных разными народами не упростились. Хоть людей стригут под одну гребенку, они ощущают себя разными. И часто недооцениваемыми.

А пора определяться. В России немало желающих сбросить империю, отвергающих перемены, как отвергал еще Иван Грозный, дороживший крепостным правом, отмененным в 1861 и возрожденным в 1929. Но немало есть и желающих отдельного и независимого, русского государства, а другие народы, включенные в состав России, вольны от него отделиться, жить независимо. Путин держится за старый имперский вариант и общее подчинение ему. Не только Украины и Литвы, но Польши, и Венгрии. И даже Франции и Соединенных Штатов.

Нам говорят, что мир – един, всем надо быть заодно и слушать начальство, которому тоже надо быть единым. Но жить лучше с близкими, и то, пока не отделяются. А ныне страны разделяются. Не стало Чехословакии, но сами по себе целы и Чехия, и Словакия. Нет общей Югославии, но, есть, сами по себе Сербия, Хорватия, Словения, Македония, Черногория, Босния и Герцеговина. Не так давно Шотландия решала отделяться ли ей от Англии. Решила не отделяться, но ввела у себя в согласии с Англией правила, в Англии не принятые. Люди различны и лучше с ними считаться. Хуже всего держать их за одинаковых, что всегда и делала советская власть. Жизнь по-своему не мешает другим тоже жить по-своему. Ленин считал, что всеобщий ленинизм – прекрасен. Россия заплатила за это десятками миллионов жизней, а требуют все новых и новых жертв.

Прошло сто лет. Посулы Маркса, чтившего физический труд, пренебрегая умственным, и, тем паче, тираническая мифология Ленина, показали несбыточность. Их черты уцелели в тоталитарных силовых государствах. Но устояли и национально—равноправные экономики. Не все образцы – образцовы, и ни народ, ни государство не сводятся там к единому лицу. Германия Аденауэра и Эрхарда учитывала мнения Шумахера и Брандта, а консервативная Тэтчер налаживала жилищные условия английских рабочих. Не все действия политиков однозначны, но

произвол самодержца или правящей партии не то же самое, что полемика разных слоев народа, не всегда единого. А заведомое единство власти – никак не глас народа, хоть его поныне так называют..

России давно стоило пересмотреть свое социальное сознание, признать, что физический труд, и поныне чрезвычайно важный, все же не монополярная опора, и, не говоря о прочем, упорно растет значение умственного труда. Советское мышление, его принципиально отвергшее, обращалось к науке, главным образом, ради ядерного оружия, зачем и перестраивало физический факультет МГУ, поставив деканом Л.Д.Ландау, сделанного академиком, но до того сидевшего в тюрьме НКВД. Советскому тоталитарному порядку не так дорога объективная реальность, как прямая выгода власти, прикроют ее ленинские цитаты или живые вожди. А биологией власть посадила править малограмотного Лысенко, сделав его академиком, и убив крупнейшего биолога академика Н.И. Вавилова. Ландау освободили не из милости, а потому, что Сталину сказали, что он силен насчет бомбы. А Вавилова сгубила не просто жесткость, а коммунистическое мракобесие, враждебное иным мнениям, часто даже справедливым. Это не случай, а система, давно действующая.

Не только Маркс, но и Ленин, конечно, хотел сделать эту систему лучше, но не так социальными, как политическими методами. Ленин вполне понимал, что капитализм в России лишь начался, и в 1917 году буржуазное хозяйство составляет не более 10%. То была, хоть уже и скидывающая царя, но полуфеодалная страна с тяжким наследием, и насильственное объединение крестьян не могло дать ничего, кроме возрождения крепостного права уже в 1929 году, что стало главным событием русского двадцатого века. А Русская империя не была национальным государством, и лишь часть русских, свободных и до 1861 года, имела гражданские права, другая же часть так их на деле и не обрела и осталась не в лучшем положении, чем другие народы России, составлявшие половину ее жителей. Трудности не русских народов понятны. Но нельзя отвлекаться от того, что и русским крестьянам сама их традиционная принадлежность разным владельцам мешала противостоять новому крепостному праву.

За полторы с небольшим сотни лет с 1861 года мир переменялся. Возникло много национальных государств, немало демократических. Невероятны достижения науки и техники. Но в целом для России минувшие полтора века не были благими. Трудно сознавать, что кроме погибших на войнах власть убила двадцать миллионов человек. Между цивилизованных стран наша – единственная, где мужчины живут на десять с лишним лет меньше женщин. Говорят от пьянства, но власть бессильна выговорить, отчего оно так велико. Конечно, Россия владеет первостепенной военной мощью. Но уже последние годы Брежнева эта мощь вела к разорению, с которым Андропов и Черненко совладать не могли. Укрепление власти Путиным возвращает к разорению, вынуждая народ к новым жертвам. Как бы советское руководство ни переодевалось, оно уже сто лет прежнее, и России не дает иной возможности хоть как-то дышать. Безумие ленинского переворота сулило уверовавшим счастье. Минувшее столетие прояснило несбыточность посулов и их реальный смысл. Проблема проста: жить и дальше с реакционным самодержавием и губящими ее, то царями, то генсеками, или, отпустив Татарстан, Чечню, Якутию и другие колонии, сбросить свободное русское государство.